Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние» Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ГУЛАГ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием

27-28 октября 2009 г., г. Ухта

Часть 1

УДК 94 (470.1) (063)

ГУЛАГ НА СЕВЕРЕ РОССИИ: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 октября 2009 г., Ухта). Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. Ч. 1. 150 с.

В сборник включены доклады и сообщения Всероссийской научной конференции, участники которой обсудили ряд важных научных вопросов, среди которых политические репрессии против политических противников власти в начале XX в., формирование репрессивной политики тоталитарного государства в 1917—1920-х гг., организация и функционирование первых лагерей, развитие лагерной системы в 1930—1950-е гг.

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (отв. редактор, составитель, Сыктывкар), М.Б. Рогачев (зам. отв. редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), В.А. Бердинских (Киров), В.Г. Ермаков (Елец), А.Б. Коновалов (Кемерово), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), А.Л. Кузьминых (Вологда), В.И. Меньковский (Минск), Т.С. Садыков (Астана), М.В. Таскаев (Сыктывкар), Н.В. Упадышев (Коряжма), В.И. Федоров (Якутск)

[©] Авторский коллектив, 2011

[©] Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011

[©] И.Л.Жеребцов, сост., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «ГУЛАГ на Севере России», посвященной 80-летию организации первых лагерей на Европейском Северо-Востоке, которая была проведена в Ухте 27–28 октября 2009 г. по инициативе Коми республиканского благотворительного общественного Фонда жертв политических репрессий «Покаяние» при поддержке Государственного Совета Республики Коми и Правительства Республики Коми.

Организаторы конференции: Фонд «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, администрация муниципального образования городского округа «Ухта», Ухтинский государственный технический университет.

В соответствии с пожеланиями участников проводившихся в Сыктывкаре предыдущих научных форумов, посвященных политическим репрессиям (последний из которых состоялся в 2007 г.), на конференции были рассмотрены следующие основные проблемы (в их региональном и межрегиональном ракурсах): политические репрессии против политических противников власти в начале XX в., формирование репрессивной политики тоталитарного государства в 1917–1920-х гг., организация и функционирование первых лагерей, развитие лагерной системы в 1930–1950-е гг.

Конференция работала по трем секциям: 1) история политических репрессий; 2) история индустриального освоения Европейского Северо-Востока; 3) секция истории Церкви. Наиболее многочисленной была секция «История политических репрессий».

В конференции участвовало более 100 человек – ученые, краеведы, политические и общественные деятели, активисты «Мемориала», педагоги, учащиеся, бывшие репрессированные, священнослужители, среди которых 20 докторов наук и 30 кандидатов наук.

С устными докладами выступили 76 человек из Минска (Белоруссия), Астаны (Казахстан), Харькова (Украина), Москвы, Кемерово, Екатеринбурга, Краснодара, Ростова-на-Дону, Волгограда, Ельца, Петрозаводска, Вологды, Архангельска, Кирова, Коряжмы, Коврова (Владимирская область), Сыктывкара, Ухты, Сосногорска, Печоры, Воркуты, Емвы, Корткероса, Визинги, Троицко-Печорска.

В письменной форме доклады представили 28 человек из Астаны, Харькова, Якутска, Екатеринбурга, Перми, Краснодара, Вологды, Коряжмы, Яренска, Инты, Сыктывкара.

В числе докладов, вызвавших наибольший научный и общественный интерес – доклады д.и.н. В.И. Меньковского (Минск) «История формирования ГУЛАГа в новейшей историографии», д.и.н. А.Б. Коновалова (Кемерово) «Вклад региональной партийной номенклатуры в развитие управления и функционирования лагерной системы (на материалах Сиблага второй половины 1940–1950-х годов)», д.и.н. Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону) «Лишение избирательных прав как форма политических репрессий: юридическое закрепление и практика применения», д.и.н. Т.С. Садыкова (Астана) «Система ГУЛАГа и трагедия Казахстана», д.ю.н. В.Г. Ермакова (Елец) «Международные стандарты обращения с заключенными и их реализация в условиях реформы пенитенциарной системы Российской Федерации», д.и.н. В.А. Бердинских (Киров) «Особенности и проблемы экономики Вятлага», д.и.н. Н.А. Упадышева (Коряжма) «ГУЛАГ на Европейском Севере России: зарождение, становление» и др.

Участники конференции одобрили работу оргкомитета конференции, отметили высокий научный уровень докладов и их общественную значимость, высказались за продолжение успешной практики проведения таких научных форумов.

В рамках конференции состоялось обсуждение перспектив дальнейшего сотрудничества ученых России и других стран в области изучения истории политических репрессий, принято решение активизировать работу по налаживанию координации исследовательской деятельности в рамках Межрегионального проблемного объединения по истории политических репрессий с центром в Сыктывкаре. В состав избранного на предыдущей конференции организационного комитета дополнительно введены Т.С. Садыков (Астана), А.Б. Коновалов (Кемерово), Н.А. Упадышев (Коряжма), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), А.Л. Кузьминых (Вологда), В.И. Федоров (Якутск).

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

Я рада приветствовать вас в Республике Коми.

Не буду сейчас рассказывать вам об итогах работы фонда «Покаяние», о наших научных исследованиях, о результатах работы поисковых отрядов. Эту информацию вы получите в ходе конференции.

Хочу подчеркнуть только, что эта работа не прекращается. Как говорит мой коллега Михаил Борисович Рогачев, она закончится не при нашей жизни.

Я хотела бы обратить ваше внимание на слайды. На них – фотографии людей, которые прошли через ГУЛАГ. Многие фамилии вам известны.

Ярослав Смеляков, Валерий Фрид, Алексей Каплер, Николай Печковский, Юрий Готье, Иван Стрижов – эти люди, как и сотни тысяч других, оказались в страшных, нечеловеческих условиях.

И сумели не только сохранить свою моральную и нравственную цельность. Но и поделиться ими с людьми, рядом с которыми они оказались не по своей воле.

Памятники узникам ГУЛАГа – это не только безымянные могилы, на которых указаны номера.

Это наши северные города, это целые культурные школы, которые сохранились до сих пор, это воспоминания тех, кто был рядом с ними и восхищался их мужеством и стойкостью...

Их потомки прижились на этой земле и тоже много сделали для ее развития.

На слайдах вы увидите фотографии поселка Ичет-Ди – родины моего предшественника, бывшего председателя Государственного Совета, одного из основоположников фонда «Покаяние» Ивана Егоровича Кулакова. Он очень много сделал для увековечивания памяти жертв политических репрессий.

Дорогие друзья, для понимания темы сегодняшней конференции хотела бы подчеркнуть, что наш север – уникальная территория.

Это не только промышленные города и шахты. Это и высокий уровень культуры, сила и талант нашей элиты, которые заложены в начале и середине прошлого века.

Не случайно мы собрались именно в Ухте, индустриальной столице Республики Коми, чтобы поговорить о роли ГУЛАГа на Севере России.

Именно на этом месте 80 лет назад началась история нефтегазовой промышленности Республики Коми.

И одновременно – печальная история Ухто-Печорского исправительного трудового лагеря.

Наша задача заключается не только в том, чтобы восстановить исторические факты и вернуть добрые имена невинно пострадавшим.

По сути, цель конференции – обсудить деятельность по изучению политических репрессий в контексте обеспечения основных демократических ценностей, гражданских прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Свою приверженность действующим основам конституционного строя выразил Президент страны Дмитрий Медведев. Он указал, что заявленные Конституцией цели, ценности и механизмы доказали свою состоятельность. Также Дмитрий Медведев заявил: «Теперь вопрос не в том, быть или не быть демократии в России. Понятно, что быть. Очевидно. С этим никто не спорит. Теперь вопрос: как должна развиваться демократия?»

Развитые демократии имеют ряд существенным признаков. Среди них – верховенство и реальность Конституции, обеспеченность общепринятых прав и свобод граждан, политический плюрализм, законность.

Все они взаимосвязаны, взаимно дополняют друг друга. Слабость одного из звеньев или его отсутствие влияет на степень демократичности государства и как следствие реальную жизнь его граждан.

Задача организаций, занимающихся историей политических репрессий, и фонда «Покаяние» в том числе – обеспечить права и свободы граждан, тем самым укрепляя степень демократичности нашего государства. Считаю, что их роль в обеспечении основных положений Конституции очень интересна, и эта тема длительное время не потеряет актуальности.

Я хотела бы поблагодарить Главу Республики Коми Владимира Александровича Торлопова, руководителя администрации городского округа «Ухта» Олега Владимировича Казарцева, ректора Ухтинского государственного технического университета Николая Денисовича Цхадая за помощь в организации конференции. Несмотря на непростую финансовую ситуацию, нам удалось собрать в Ухте участников этого научного форума. Смета была урезана, возможно, в связи с этим возникнут небольшие организационные неудобства. Надеюсь, что они никак не повлияют на наш деловой настрой и итоги форума. Желаю успешной и интересной работы, острых дискуссий и новых тем для работы.

Уважаемые члены президиума, участники конференции, дорогие братья и сестры!

Отрадно, что мы вновь имеем возможность собраться на северной земле, чтобы своими трудами почтить память всех, кто невинно пострадал и упокоился в нашей Зырянской земле.

Время гонений и репрессий показало удивительные человеческие качества, которым обладает наш многострадальный народ. Тяжелейшие испытания в тюремных камерах, в гулаговских застенках лишь закалили народ, дали пример несгибаемой воли, огромной силы и, самое главное, веры. Веры, которую не смогли истребить различные идеологические уловки и пропаганда зла.

Пример новомучеников и исповедников Российских, прославленных Русской Православной Церковью заставляет и нас с вами быть добрее, чище и лучше.

Читая литературу о временах репрессий и знакомясь с архивными материалами, все более удивляешься, как много людей, находящихся в застенках лагерей сохраняли евангельские традиции и верно следовали главной заповеди, данной Господом — заповеди Любви.

Именно любовь в ее христианском понимании умножала силы людей, не озлобляла их, а делала милосерднее, терпимее и чище. Христианская чистота и любовь укрепляли людей не только духовно, но и физически. Пережившие репрессии люди не потеряли способность улыбаться и делать добро друг другу.

Апостол Павел в Священном Писании так учит нас Любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, все переносит. Любовь никогда не перестает» (Кор. 1, 13).

Эта все побеждающая любовь и помогала пережить несправедливость, унижение и поношение. И никто не смог разлучить людей от любви Божией. Именно любовь к ближним, желание помочь остающимся жить на Земле привела и нас в этот зал, сказать правду. Правду горькую и нелицемерную, заставляющую низко поклониться подвигу мучеников.

Мы учим наших молодых людей на примерах жития новомучеников и исповедников Российских, в земле Коми просиявших и за Христа пострадавших. Их сейчас семнадцать, и они ходатайствуют о нашем благо-получии и спасении перед Господом. Еще тысячи имен остаются безвестными, но наша любовь к родному Отечеству и народу его населяющему понуждает открывать новые и новые имена, чтобы молиться о них и учится их терпению и смирению, мужеству и верности, способности сохранять человеческое достоинство, образ и подобие Божие в самых невыносимых условиях, самых античеловеческих испытаниях.

Дорогие участники конференции, Ухтинская земля, на которой мы с вами находимся, обильно полита кровью невинно убиенных, увлажнена слезами тех, кто прошел это испытание и остался жить, и она согрета любовью народа коми, который с состраданием и милосердием принимал всех прибывающих сюда по воле обстоятельств и по волей ослепленных злобой гонителей. Желаю всем нам сохранить эту искреннюю любовь, всегда следовать примеру святых новомучеников и не угашать в сердцах огонь веры, который дает нам силы творить добро.

Божие всем вам благословение!

Питирим, епископ Сыктывкарский и Воркутинский

ГУЛАГ: РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ КОМИ КРАЯ ИЛИ АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО?

И.Л. Жеребцов (Сыктывкар)

С каждым годом жертв политических репрессий, жизнь которых навсегда сломила лагерная система, становится меньше. Прошел и тот острый период, когда тема ГУЛАГА была легким способом сделать себе имя. Переждав накал страстей в сторонке, историки решились посмотреть на ГУЛАГ с другой стороны. Недавно в Ухте на Всероссийской научной конференции с международным участием «ГУЛАГ на Севере России» из уст местного историка прозвучало и вовсе внезапное заявление, вызвавшее бурю дебатов. О том, какие взгляды на систему ГУЛАГА существуют сейчас в научной среде, «Красному знамени Севера» рассказал доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН И.Л. Жеребцов.

– Игорь Любомирович, о чем был нашумевший доклад ухтинского историка?

– Один из вопросов, который встает перед историками, изучающими систему ГУЛАГА – это оценка деятельности его производственных подразделений. С одной стороны ясно, что система ГУЛАГа была чудовищной, разрушившей судьбы десятков тысяч людей, а с другой стороны – в частности, в Коми крае, на этот период приходятся очень резкие изменения в экономике. Наследие ГУЛАГА в Коми – это большинство городов, практически все железные дороги, угольные шахты, развитие нефтепромысла, развитие лесной отрасли. Можно ли говорить о вкладе ГУЛАГА в развитие Коми края и о том, что он принес пользу, если он сам по себе абсолютное зло? Вот по этому поводу на ухтинской конференции возникла острая дискуссия.

- Почему, на ваш взгляд, историки именно сейчас стали ставить вопрос таким образом?

— В свое время, когда только начиналось обсуждение темы ГУЛАГА, многие искали в ней сенсаций и жареных фактов. Когда ажиотаж спал, в этой теме остались профессионалы. И сейчас, в спокойной обстановке, можно ставить ряд проблем, о которых раньше мы не задумывались. Исследователь из Ухты, подготовивший доклад об истории развития города и роли в ней лагерных подразделений, на мой взгляд, был объективен. Просто надо учитывать атмосферу конференции: только что мы слушали про ужасы ГУЛАГА, репрессии и тут же слышим, сколько и чего было построено. После этого посыпались вопросы и заявления с категорическим отрицанием каких-либо позитивных итогов ГУЛАГа.

- А какой точки зрения вы придерживаетесь?

— Здесь скорее правы обе стороны. И те, кто ставит в заслугу ГУЛАГу экономический рост и те, кто выступает категорически против этого. На самом деле, что б мы не говорили, все промышленное производство в регионе было всегда связано с принудительным трудом, и не только в системе ГУЛАГа. В 1930-е годы на развитие лесной промышленности в Коми были брошены спецпереселенцы. В 1921 году Политбюро ЦК КПСС издало постановление о создании в Ухте концентрационного лагеря, в котором планировалось поместить кронштадских матросов и других заключенных. Планировалось, что заключенные будут развивать нефтепромысел, однако эта затея не состоялась. В царские годы в Ухту принудительно хотели переселить крестьян из других губерний, а если заглянем еще дальше, то крестьян на Сереговский солеваренный завод его владельцы также переселили. На заводе работали крепостные вплоть до карел и поляков. Словом, в Коми всегда кого-то привозили и заставляли работать.

– Игорь Любомирович, Республика Коми была родиной ГУЛАГа, какую сейчас роль занимает регион в изучении этой проблемы?

— Наш регион находится на одном из первых мест, это подчеркивали и делегаты конференции. Всероссийская конференция в Ухте второй раз проходит с участием делегатов из других стран, поэтому следующей, которая намечена на 2011 год, мы решили придать международный статус. К нам присоединятся историки из Украины, Казахстана, Белоруссии и других стран. Мартиролог «Покаяние», который выпускает в Коми одноименный фонд памяти жертв политических репрессий, вообще не имеет аналогов в мире. Принципиально важно, что работу историков и исследователей ГУЛАГА в Коми поддерживает руководство республики. На предыдущей конференции было решено создать на базе региона межрегиональный центр по изучению истории политических репрессий.

- С какими трудностями сталкиваются исследователи в изучении это темы?

— Главная проблема в том, что у нас не хватает людей. У нас нет проблем с источниками, ведомственные архивы оказывают фонду «Покаяние» большую помощь, но не хватает исследователей. Краеведынепрофессионалы, которые пришли в эту тематику еще в 80–90-е годы, так и продолжают работать, а новые не приходят. Если бы их круг был больше, мы бы и сделать могли больше. Поэтому наша главная задача — готовить молодых специалистов.

- А есть ли польза от непрофессионалов в таком серьезном деле?
- Не всегда польза есть даже от профессиональных историков. Каждую работу надо оценивать отдельно. Есть краеведы, которые, не имея степеней или образования, работают на голову лучше профессионалов. Их отличает кропотливость, бережное отношение к фактам, которые они собирают буквально по крупицам. Мы, историки, привыкли иметь дело с массивом фактов и порой допускаем обобщения. Настоящий краевед никогда не скажет: «Возможно, они приехали в Усть-Сысольск 2-3 сентября». Он год будет работать и найдет не только точную дату, но и точное время прибытия.
 - Скажите, какие факты о ГУЛАГе до сих пор остаются невыясненными?
- В первую очередь, количество людей, которые прошли через систему ГУЛАГа. У нас есть данные по отдельным лагерям за разные годы, но нет главного обобщенных сведений, гулаговских ежегодных отчетов по количеству и категориям заключенных во всех лагерях. Исследователи надеются, что где-то они лежат на полке и ждут своего часа, как это было в свое время с секретными протоколами пакта Риббентропа-Молотова. Что касается отдельных лагерей, то интересна секретная деятельность лагпункта в ухтинском поселке Водный, связанная с радиевой промышленностью. Значительная часть материалов по нему уже рассекречена.
- Недавно коммунисты предложили поставить в Коми памятник Сталину. Как вы считаете, с исторической точки зрения это уместный шаг?
- Безумная затея. То, что о Сталине говорят хорошо, потому что когда в 1970-е годы про него вообще не говорили, как будто его не было вовсе это было еще хуже. Даже если кто-то скажет глупость, всегда найдется человек, который его поправит и скажет разумную вещь. Конечно, никаких памятников Сталину ставить не надо. А вот музей Сталина, в котором можно было бы показать все, что связано с его именем и в том числе систему ГУЛАГа, нужен. Но он должен быть в доступном для всех месте, в Москве.
 - Как вы считаете, должно ли правительство России извиниться перед жертвами политрепрессий?
- Вопрос в том, кто должен извиниться и в какой форме? Нынешнее правительство, которое в оппозиции к коммунизму, должно за них извиняться? Не логично. А коммунисты извиняться за ГУЛАГ не хотят, считают: «и правильно сделали!». Поэтому те, кто должен, не хотят, а кто может им не за что. Американское правительство извинилось перед индейцами через 400 лет, так что надо нам подождать. А если серьезно, то самый лучший вид извинений это при поддержке правительства страны издание мартирологов «Покаяние» во всех регионах России. Это была бы лучшая форма соболезнования.

ИСТОРИЯ ГУЛАГА В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.И. Меньковский (Минск, Белоруссия)

Одной из приоритетных тем современной исторической науки является научный анализ советского общества 1920—1930-х гг. Изучение истории XX века немыслимо без тщательного исследования основных политических, экономических и социокультурных составляющих советской системы, оценки уникальности «сталинского» Советского Союза в ряду других государств мира. В эти годы советская модель цивилизации обрела свои определяющие черты, в основном сохранившиеся на всем протяжении советской истории и без кардинальных изменений перенесенные в практику «социалистического строительства» в целом ряде государств. В этой связи объективный анализ исторического опыта СССР годов приобретает общегражданское значение.

Среди сложного комплекса вопросов, которыми занималась новейшая российская историография, одним из главных было изучение сталинизма, его генезиса, составляющих компонентов, места и роли в советской истории. Российская и советская научная литература о Сталине и сталинизме включает множество книг и статей. Но, необходимо признать, что до сегодняшнего дня на вопрос о том, что такое сталинизм нет простого или единственного ответа. В Советском Союзе схемы объяснений создавались многократно в зависимости от различных обстоятельств, точек зрения и опыта. Например, сталинизм, как система ассоциирующаяся с определенным политическим режимом и общественно-экономической системой, назывался идеологами режима и политическими лидерами того времени социализмом. Но даже в то время в советском обществе различные группы вкладывали в понимание социализма разное содержание.

Конечно, интеллектуальное объяснение сталинизма не было работой одного поколения. Для каждой новой генерации сталинский период означал что-то иное. И хотя количество возможных «сталинизмов» не безгранично, поскольку система связана с определенными конкретными историческими составляющими, она чрезвычайно велика и сложна. Ни одно из известных определений сталинизма не охватывает всей совокупности фактов. Каждая формулировка включает в себя только часть из них, подбираемых в зависимости от определенного угла зрения.

В классической советской интерпретации истории СССР, т. е. в официальной сталинской версии, господствовавшей с середины 1930-х до середины 1950-х гг., феномен, который мы сейчас называем «сталинизмом» определялся как «строительство социализма». Обсуждение содержание этого понятия было ограничено цензурой и идеологическими рамками, а интерпретация вульгаризирована в пропагандистских целях. Тем не менее, интеллектуальная основа в классической советской версии была. Она уходила корнями в марксизм и предположение, что экономический базис, прежде всего собственность на средства производства, является определяющим для политической надстройки, общественных и культурных институтов.

Государственная собственность на средства производства была частично установлена после Октябрьской революции и значительно расширена в конце 1920-х гг. после уничтожения городского частного сектора, принятия первого пятилетнего плана и установления централизованного государственного планирования. Коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная быстрыми темпами и с большим количеством жертв в первой половине 1930-х гг., уничтожила капитализм в сельском хозяйстве. В соответствии с марксистской теорией это были базовые предпосылки социализма.

Однако существовало и серьезное несоответствие классическому марксизму, предполагавшему безусловное уничтожение государства как аппарата насилия. Это противоречие было устранено в официальной интерпретации через подчеркивание сохраняющейся угрозы «капиталистического окружения», которое заставляло государство оставаться сильным и бдительным, а сам Сталин преподносился как продолжатель дела Ленина. Так же указывалось на внутреннюю угрозу со стороны оставшихся классовых врагов. Сохраняющаяся угроза оправдывала существование монополии коммунистической партии на власть, роль вождя в советской политической системе, усиление карательных органов.

Но с официальной сталинской точки зрения эта черта не была постоянной и первостепенной. В системных терминах наиболее значимым показателем советского прогресса в «строительстве социализма» было принятие новой советской Конституции 1936 г., которая провозгласила, что в основном враждебные классы были уничтожены.

После XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» Сталина и его злоупотребления властью, советская классическая модель сталинизма была заменена. Перечислив очень ограниченный ряд «ошибок» и «крайностей» совершенных Сталиным, власть направила все внимание только на его личность. Таким образом, ключом к пониманию сталинизма определялся сам Сталин, лидер, чьи патологические черты стали причиной «искажений социализма». Главное направление кампании десталинизации заключалось в демифологизации

Сталина без демифологизации власти коммунистической партии. Теперь лично Сталин оказался причиной всех советских катастроф и неудач так же, как раньше он был причиной всех советских достижений.

В 1970-е гг. официальное советское отношение к сталинизму заключалось в том, что «ленинские нормы» были нарушены в «период культа личности», но основы системы, тем не менее, сохранились. Для поколения выросшего в сталинские годы и идентифицировавшего себя с большевистской революцией и коммунистической партией возможность отделить Ленина от Сталина была психологически важным моментом. Ускоренная сталинская индустриализация, несмотря на ее стоимость и жертвы, понесенные населением, оценивалась как необходимая и «социалистическая». Без нее страна не могла бы вырваться из отсталости и выйти на передовые позиции в мире после второй мировой войны. СССР не победил бы в войне с Германией. Коллективизация была также необходима и в основном правильна, хотя допускались и «эксцессы» в отношении крестьян.

В силу политических причин «сталинизм» как исторический термин не использовался в Советском Союзе даже в первые «перестроечные годы». В феврале 1986 г. М. Горбачев в интервью в интервью французской газете «Юманите» говорил, что «сталинизм» был придуман антикоммунистами для атаки на социализм и Советский Союз» [1]. Г. Бордюгов и В. Козлов отмечали, что «термин «сталинизм», которого раньше сторонились, который вызывал исключительно отрицательные эмоции, который политики и обществоведы считали «не нашим» зазвучал в СССР в середине 1987 г. [2].

В годы перестройки позиция власти по отношению к сталинизму трансформировалась в сторону его неприятия и осуждения, однако это уже не была официальная точка зрения. Среди советского руководства стал возможен плюрализм мнений и к концу 1980-х гг. единой точки зрения просто не существовало. Впервые за весь советский период официальное мнение перестало быть обязательным для специалистов-исследователей. В эти годы среди советских историков доминировали два типа объяснения сталинской системы. Первое связывало генезис сталинизма с идеологической доктриной большевиков и однопартийной политической системой с запрещенными фракциями внутри партии, установленной после революции. Главной характеристикой сталинизма была репрессивная диктатура и сталинизм в основном оценивался как продолжение ленинского этапа. Эта интерпретация была похожа на одно из стандартных западных объяснений в рамках тоталитарной парадигмы.

В другом варианте анализа обращалось внимание на социальные силы. Речь прежде всего шла о бюрократизации, создании нового бюрократического правящего класса, являвшегося квинтэссенцией сталинизма. Здесь прослеживалась связь с позицией многих европейских марксистов и западных историков-ревизионистов. Сторонники такой точки зрения предполагали, что единственной социальной опорой сталинизма была новая бюрократическая элита. Но высказывались и предположения, что сталинизм имел поддержку за ее пределами. Такие идеи обсуждались осторожно, поскольку могли быть истолкованы как оправдание сталинских действий.

Дискуссии о феномене сталинизма неизбежно приводили к вопросу об исторической необходимости – был ли сталинизм неотвратимым этапом советской истории или его можно было избежать. Историки стали использовать концепцию альтернатив, что позволило вырваться из жестких рамок марксистских закономерностей и причинной обусловленности. По отношению к 1930-м гг. это дало возможность концептуализировать советскую историю в терминах серии решающих выборов и моментов решения. Таким образом, они отказывались от подхода, основанного на «единственной правде» характерного для традиционной советской историографии и приближались к более свободной методологии, характерной для мировой исторической науки.

Изучение истории антигуманной сталинской системы, применявшей насилие в столь большом масштабе, накладывало серьезный эмоциональный и психологический отпечаток на работы исследователей. Эмоциональная составляющая труда историка в данном случае неизбежна, даже если он прилагает все возможные усилия для сбалансированного и объективного изучения. Но это все равно история. И необходимо суметь объяснить то иррациональное, нелогичное, что присутствовало в жизни страны и, более того, поддерживалось частью общества, включая высокоинтеллектуальные слои.

Перемены, которые произошли в российской историографии на рубеже XX–XXI вв., со всей очевидностью свидетельствовали о том, что российская историческая наука приобрела новые очертания. Она перестала быть локальной, замкнутой в своих теоретико-методологических основах, сложился ее новый язык. Выявились важнейшие тенденции в формировании научной историографии российской истории.

Ученые обратились к сфере междисциплинарных связей научного знания, к исследованиям на границах разных дисциплин, в частности истории и психологии, истории и филологии, истории и культурологии. Залогом эффективности взаимодействия является понимание каждой стороной собственных задач, высокая исследовательская культура. Поиск новых подходов к изучению истории происходил, во-первых, на теоретико-методологическом уровне через определение структуры, задач и методов исторических исследований; во-вторых, на уровне исследований конкретно-исторических проблем; в-третьих, в направлении осмысления различных исторических концепций и их персоналий; в-четвертых, через изучение исторического сознания общества.

Отражением названной ситуации стал один из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода — оценка роли и места ГУЛАГа в системе сталинского террора и сталинской системы в целом [3]. Вопрос о терроре имел три важнейшие составляющие — масштаб репрессий, количество жертв и их характеристика; функции террора, рациональные и иррациональные мотивы его использования; степень органичности и неизбежности террора в советской системе. Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляют жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не дает таких возможностей, не обеспечивая неприкосновенность даже для конформистов.

В центре внимания современной историографии стоит вопрос о взаимоотношении исторической науки и исторического самосознания народа. Самосознание рассматривается как фактор, определяющий интерес общества к исторической науке, как связующее звено между наукой и культурой. Историческая наука, будучи формой социального самопознания, формирует отношение общества к прошлому» [4], то есть формирует историческое сознание. Без исторических исследований, считает А.Я. Гуревич, нет исторического сознания, а только память о прошлом [5].

Решение указанных задач может быть эффективным лишь при учете целого ряда факторов, характеризующих современную историографическую ситуацию в российской исторической науке.

Во-первых, развитие исторической науки и образования сегодня происходит в условиях качественно нового этапа «информационной революции», когда значительно расширились возможности изучения научной и учебной исторической литературы, вышедшей за рубежом и ранее мало доступной читателю. Эти работы базируются во многом на иной, чем издававшейся в стране долгие годы, методологической и теоретической основе, демонстрируют иные научные подходы.

Во-вторых, это своеобразная «архивная революция», происходящая в изучении российской истории с начала 1990-х гг. Огромный массив ранее недоступной науке информации, особенно по новейшей истории, требует не просто введения его в научный оборот, но и новых теоретико-методологических подходов к его интерпретации. Определенная доля построений и выводов российской историографии под натиском этой ранее неведомой информации нуждается или в кардинальном пересмотре, или в существенных уточнениях.

В-третьих, российская историческая наука и историческое образование не могут не учитывать острую необходимость преодоления негативных явлений недавнего прошлого, связанных с господством монопольной методологии в исторической науке. Новые идеи и методы современной историографии являются результатом про-исходящих изменений в историческом сознании общества и самосознании историка.

Источники и литература

- 1. Цит. по Laqueur W. The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. New York, 1994. P. 111.
- 2. Бордюгов Γ . A., Козлов B. A. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. M., 1992.
- 3. См., напр.: Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 1998—2008. Т. 1–8; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960. М., 2002; Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002; Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. М., 2008; Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007; История сталинского Гулага. Конец 1920-х первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. М., 2004.
- 4. *Могильницкий Б.Г.* Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов, 1995. Ч. 1. С. 12.
 - 5. Гуревич А.Я. Культура и история // Новая и новейшая история, 1991. № 1. С. 49.

ДИКТАТУРА И РЕПРЕССИИ В ЯКУТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В.И. Федоров (Якутск)

После Октябрьского переворота, установившего диктатуру пролетариата, вожди революции первостепенное значение придавали её защите. Казалось бы, это вполне оправданная мера, поскольку потерявшие свою политическую власть и чувствуя угрозу потери также и экономической власти, не могут сдаваться без борьбы за восстановление утраченного и сохранение еще имеющегося. Этого можно было добиться только путем свержения власти победившего, т. е. предстояла неминуемая борьба не на жизнь, а на смерть.

В. И. Ленин и его соратники исходили из того, что Октябрьская революция — это начало Мировой социалистической революции, её победа неизбежна. Следовательно, Великий Октябрь должен выстоять и победить внутренних врагов революции. Для этого был необходим централизованный государственный механизм борьбы с контрреволюцией, которым в критические моменты, например, в условиях гражданской войны являлась вся система государственной власти пролетариата, породившая политику «военного коммунизма», считавшегося магистральным путем к победе революции. В этой политике были заложены основы принудительно- административных методов управления во всех сферах государственной власти, которые на рубеже 20–30-х гг. приобрели тоталитарную суть.

Свергнутые революцией бывшие вершители власти, различные антисоветские политические партии, вполне естественно, готовили заговоры, саботаж, диверсии, распространяли всевозможные слухи, дискредитирующие советскую власть. В этих условиях Правительство Ленина счел необходимым создать чрезвычайный орган для борьбы с контрреволюцией и саботажем – Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК) [1]. Одним из важнейших моментов для установления репрессивной государственной политики в течение всего периода советской власти явилась однопартийная система, сложившаяся после изгнания левых эсеров из правительства в июле 1918 г. Она не могла терпеть всякое инакомыслие, рассматриваемое властью как покушение на её незыблемость. Кроме этого, победа Красной Армии в Гражданской войне силой оружия рассматривалась как гарантия победоносного шествия советской власти по стране. Все это в совокупности придало приоритет репрессивным методам борьбы против оппозиционных сил советской власти.

В силу ряда причин советская власть в Якутии установилась, причем на короткое время, 1 июля 1918 г. вооруженным экспедиционным отрядом Рыдзинского и продержалась только до 5 август того же года. Но за это короткое время успела проявить свою репрессивную сущность по отношению к состоятельной части населения.

После Октябрьского переворота областной комиссар В.Н. Соловьев, затем с февраля 1918 г. Областной совет, объявивший себя временным высшим органом власти в Якутской области, не признали советскую власть и несмотря на неоднократные требования Центра и Центросибири передать власть Совету рабочих депутатов, продолжали держать её в своих руках и руководствовались порядками Временного правительства. В Якутской области накануне и после Октября общественно-политическая обстановка находилась под контролем антисоветских сил. Никаких предпосылок для захвата власти на месте леворадикальными силами не было. Совет рабочих депутатов за попытку вмешаться в финансово- распределительную функцию Областного совета, в котором верховенствовали эсеры, был арестован. В этих условиях Центросибирь перешла к подготовке снаряжения вооруженной экспедиции для установления советской власти в Якутии, которая осуществилась летом 1918 г., так как весной из-за распутицы и большого расстояния до Якутска (2800 км) невозможно было её реализовать.

Вооруженное свержение Областного совета и установление советской власти в Якутске и трех округах области произошли довольно легко и быстротечно. Власть была передана Совету рабочих депутатов, гласные которого только что были освобождены из тюрьмы отрядом Рыдзинского. Областной совет, потеряв всякую обороноспособность, эвакуировался на заранее подготовленную базу на речке Кэнкэмэ. Затем оттуда все разбежались и вскоре часть из них была схвачена в плен.

В финансово-экономическом плане одним из первых решений Совета рабочих депутатов было обложение контрибуцией состоятельной части населения городов, волостей и улусов в сумме 1,5 млн. руб., якобы за компенсацию военных расходов советской власти в ходе её установления. Оно началось в пути на Якутск в Олекминске и распространилось во всех трех округах, в городах Якутске и Вилюйске, где установилась советская власть [2]. Купец Г.В. Никифоров внес 16400 руб., Ленское золотопромышленное товарищество заплатило 32000 руб. Кто не мог платить контрибуцию деньгами, по решению Совета рабочих депутатов, мог внести под залог пушниной в счет контрибуции [3].

Согласно постановлению исполкома Якутского совета, его представители наложили контрибуцию на купцов и тойонов г. Вилюйска в сумме 200 тыс. руб., в том числе на купца Н.А. Расторгуева – 100 тыс. руб., отделение фирмы «Коковин и Басов» –35 тыс. руб., отделение наследников Кушнарева – 15 тыс. руб. В Нюрбинском улусе облагалось 13 человек на сумму 40500 руб, Средневилюйском улусе – 14 человек на сумму 5700 руб., Верхневилюйском улусе – 21 торговец, Сунтарском – 24 и т.д. [4].

В связи с успешными действиями белого движения в Сибири и установлением Временного Сибирского правительства советская власть в Якутии 5 августа 1918 г. без сопротивления пала. Власть перешла в руки органов Сибирского, затем Всероссийского временного правительств, последнее действовало до 15 декабря 1919 г. В ночь с 14 на 15 декабря военный гарнизон г. Якутска совершил бескровный переворот, и было объявлено о восстановлении советской власти. От имени этой власти был создан военно-революционный штаб во главе с Х.А. Гладуновым. Первыми актами этой власти были аресты руководителей областной администрации и заточение их в тюрьму, затем последовали аресты 182 деятелей области. На основе властной интриги в ночь

с 27 на 28 декабря оказался убитым Б. Геллерт, командующий революционными войсками, только что совершивший военный переворот, в результате которого была восстановлена советская власть в Якутии. В последствии была установлена причастность этому убийству ряда большевиков, но Якутское организационное бюро РКП(б) 19 июля 1920 г. пришло к выводу, что «немедленное устранение Геллерта диктовалось политической целесообразностью того момента, вызвано было в целях защиты завоеваний революции. Дело Геллерта было прекращено и большевики, причастные к убийству Геллерта, были оправданы» [5].

Для борьбы против контрреволюции 19 февраля 1920 г. военно-революционным штабом был создан революционный военный трибунал, который в тот же день вынес смертный приговор 13-ти бывшим руководителям области, в том числе бывшему управляющему области В.Н. Соловьеву, уполномоченному командующего войсками Иркутской губернии в Якутской области капитану В. Каменскому, бывшему голове г. Якутска П.А. Юмшанову, начальнику тюрьмы И.В. Сыроватскому, вилюйскому купцу Н.И. Корякину и т.д. [6]. Это был фактически расстрел без суда и следствия.

Реввоенштаб, затем Губревком руководили и действовали методами «военного коммунизма», повсеместно была введена продразверстка, трудовая повинность, проводилась национализация промышленных предприятий, торговых домов купцов, реквизировались их товары и т.д.

Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком ликвидировали областной статус Якутии и перевели её в рядовой район Иркутской губернии. В таком положении она находилась с 20 апреля по 21 августа 1920 г. Благодаря усиленной постановке М. Аммосова, П Ойунского и др, Якутия была выделена в самостоятельную губернскую единицу с созданием соответствующих органов управления, в т.ч. Якутского губернского ЧК во главе с большевиком И.Б. Альперовичем.

ІІ губернское партийное совещание (19-22 июня 1921 г.) поручило губбюро РКП(б) разработать план мероприятий по «классовому расслоению» в деревнях и улусах. На основе этого решения І Якутский губернский съезд ревкомов (3-8 октября 1921 г.) принял резолюцию о классовом расслоению среди якутского населения, а Якутский губревком 12 октября 1921 г. издал постановление «Об изоляции тойонов» [7]. Согласно ему десятки, сотни людей, вина которых заключалась в их состоятельности, сажались в тюрьмы, ссылались из родных мест, облагались большими налогами. Губбюро и Губревком путем искусственного расслоения хотели укрепить свою социальную базу в лице бедноты, противопоставив её зажиточной части населения. Получилось наоборот, общество раскололось, большинство населения встало на защиту репрессированной части, считая её жертвой произвола большевиков, а саму изоляцию тойонов – потерей для себя кормильцев. Под давлением масс 15 ноября 1921 г. Якутгубревком вынужден был отменить свое решение «О классовом расслоении», об изоляции тойонов и конфискации их имущества [8].

Вскоре после восстановления советской власти получили широкое распространение и муссирование слухов об организации антисоветских заговоров с целью её свержения. Конечно, немало было противников советской власти, вынужденно смирившихся с положением побежденных, но не имевших намерения тут же с оружием в руках выступить против неё. Проявляя сверх бдительность и стремясь предупредить потенциальных покушений на власть, её органы могли приписывать любым групповым уголовным деяниям характер заговора или контрреволюции. Например, арест заключенными советских работников и изоляция их в вилюйской тюрьме были представлены как разоблачение крупного заговора с целью свержения советской власти. Как же можно было совершить переворот в тюрьме? Среди арестованных были С.М. Аржаков, С.Ф. Гоголев и др. Главарем мнимого заговора был объявлен С.А. Корякин, бывший начальник милиции в период земства, на самом деле отговаривавший многих от всякого выступления против советской власти. Ревтрибунал приговорил по этому делу купца С.Х. Насырова к расстрелу, его брата Г. Насырова, А.М. Малькова, С.А. Корякина – к бессрочной принудительной работе на каменноугольных копях, А.С. Вязьмитина – к одному году условно. Вскоре все они были реабилитированы [9].

Молодой председатель Губчека Л.Б. Альперович вместе со своими сторонниками открыл заговор, якобы орудовавший по всему Якутско-Иркутскому тракту. В разоблачении этого заговора отличился Синеглазов. По этому делу постановлением выездной сессии Якутского ревтрибунала от 17 мая 1921 г. под председательством Н.З. Уряндикова – Макарова были приговорены к смертной казни: Харлампьев – крестьянин, бедняк Нерюктяйской волости; Трофимов Г.П. – казак Вилюйского уезда; Игнатьев Д.В. – унтер-офицер, крестьянинсредняк деревни Березовка; Будищева М.В. – состоятельная крестьянка. Её вина заключалась в оказании материальной помощи Харлампьеву. По утверждению секретаря Якутского обкома РКП(б) Ис. Н. Барахова «по данным начала 1921 г. было арестовано около 500 человек» [10].

В феврале 1921 г. разразился повергший всё население в ужас, т.н. «Февральский заговор». По доносу и следствию с применением физического и морального давления было арестовано около 400 человек, из них 32 были расстреляны. По этому поводу Ис. Н. Барахов писал: «...В Якутске было нечто несравнимое с «синеглазовщиной, ни петровщиной. Бесчисленное множество безымянных, ни с чьим именем не связанных безобразий, бесчинств и подлостей. Пытки были обычным явлением вплоть до 1922 г.... В феврале 1921 г. было

арестовано до 300 человек. Каждый в той или иной мере перенес пытки. Тогда устраивали прогулки арестованных босыми, в нижнем белье при 40-градусном морозе, сажали на холодный лед и пр.» [11].

Из 32-х расстреленных более 20-ти были якутами, в т.ом числе Н.Е. Желобцов – по образованию инженер, Е.М. Егасов – по образованию учитель, общественный деятель, С.П. Барашков – предприниматель, меценат и др.

Все эти «раскрытия» всевозможных «заговоров» не предотвратили развязывания гражданской войны в Якутии, а наоборот напуганный жесткими репрессиями народ, особенно национальная интеллигенция отошли от власти, и встали на стороне повстанческого движения. Чему способствовало бездарная шовинистическая по отношению к местному населению деятельность группы посланцев центра в качестве руководителей области — Г.И. Лебедева, А.Г. Козлова и А.В. Агеева. Секретарь губкома РКП(б) Лебедев в первых числах марта 1922 г. просил Сиббюро ЦК РКП(б) санкцию на истребление «всего местного населения», председатель Ревтрибунала А.Г.Козлов давал приказы о расстреле «каждого пятого в селении без всякой пощады, если оно не оказывало бандитам сопротивления», председатель ЧК Агеев сам участвовал в избиении и издевательстве политзаключенных [12]. Насильственное расслоение населения стало официальной политикой Губкома РКП(б). Все это продолжалось до ареста этих трех авантюристов 10 марта 1922 г. Новыми руководителями на расширенном пленуме Губкома РКП(б) были избраны Ис.Н. Барахов, С.Ю. Широких-Полянский, В.П. Бертин, Л.М. Тверской. Новое руководство во главе с Ис. Н. Бараховым разработало новую военно-политическую линию, стержнем которой являлась её гуманизация, заключающаяся в массовой амнистии рядовых участников повстанческого движения в 1921–1923 гг. с предоставлением гражданских прав. По отношению ко всему населению — строгое соблюдение революционной и гражданской законности.

Наряду с предоставлением Якутии республиканской автономии, новая военно-политическая линия способствовала преодолению гражданского раскола общества и ликвидации повстанческого движения в Якутии в пользу советской власти.

В заключении можно сказать, что власть, выражающая диктатуру одного класса (пролетариата), монопольно руководимая от имени последнего одной единственной партией в лице РКП(б), для подавления инакомыслия, оппозиционных сил и их открытых выступлений тем более и самосохранения создавала карательные органы, которые возникли на заре советской власти и верно служили в течение всего её существования, применяя самые жесткие и изощренные методы, какие могли существовать в охране государственной безопасности.

Источники и литература

- 1. Алексеев Е.Е. Служба безопасности Республики Саха(Якутия). М.: Концерн. ЛР, 1996. С. 7.
- 2. Национальный архив РС(Я). Ф. 422. Оп. 1. Д. 135. Л. 23, 26, 28, 30.
- 3. Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Установление советской власти: Часть ІІ. Якутск, 1980. С. 202.
- 4. Там же. С. 224-225.
- 5. Макаров Г.Г. Северо-Восток РСФСР в 1918–1921 гг. Якутск, 1988. С. 92.
- 6. Алексеев Е.Е. Указ. соч. С. 8.
- 7. История Якутской АССР. М., 1963. Т. 3. С. 48.
- 8. Там же. С. 49.
- 9. Алексеев Е.Е. Указ. соч. С. 11.
- 10. Алексеев Е.Е. Тайная война. Якутск, 2005. С. 116-117.
- 11. Алексеев Е.Е. Указ. соч..., 2005. С. 119.
- 12. Там же. С. 122-123.

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА И СТРУКТУРЫ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ 1918—1923 гг.

М.Е. Наймушин (Сыктывкар)

Шестого июля 1918 г. Усть-Сысольский и Яренский уезды были включены в территорию вновь образованной Северо-Двинской губернии. Произошло переподчинение всех органов государственной власти и управления в уездах Коми края губернскому Совету Великого Устюга. С изменением структуры революционных трибуналов на местах менялась и процедура осуществления правосудия. Следственная комиссия Северо-Двинского губернского революционного трибунала постоянно находилась в Усть-Сысольске и расследовала все контрреволюционные преступления на территории Усть-Сысольского и Яренского уездов. Дела, по которым было закончено расследование, передавались для судебного разбирательства в выездную сессию губерн-

ского революционного трибунала либо отправлялись почтой в Великий Устюг. Народные заседатели губернского трибунала избирались Усть-Сысольским и Яренским Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [1].

Организация деятельности следственной комиссии, находившейся в Усть-Сысольске, и выездной сессии губернского революционного трибунала в определённой степени конкретизировала роль трибунала и народных судов в осуществлении правосудия в Коми крае. Усть-Сысольская следственная комиссия работала в сложных условиях, обусловленных плохим состоянием транспортных коммуникаций, слабой материальной базой и т.п. Но самой тяжёлой была кадровая проблема. На практике получалось так, что проводить расследование по факту преступления было некому. Так, в частности, 18 июня 1918 г. следственная комиссия направила докладную записку в исполком Усть-Сысольского уездного Совета: «В составе комиссии нет третьего следователя, теперь поступает масса срочных дел, которые необходимо закончить к 18 июля – ко времени приезда губернского революционного трибунала. Назначьте следователя, могущего выехать на этих днях в Вычегодский край для производства предварительного расследования» [2].

С образованием Чрезвычайной комиссии при исполнительном комитете губернского Совета в Великом Устюге следственная комиссия губернского революционного трибунала начинает выполнять процессуальные действия по непосредственному распоряжению губернской ЧК. Семнадцатого июня 1918 г. в Усть-Сысольский уездный исполком поступило сообщение: «Северо-Двинская губчека поручает Усть-Сысольской уголовной следственной комиссии в спешном порядке расследовать дело о беспорядках в имении Човью и о разоружении милиции: установить виновных лиц и направить дело со своими замечаниями по подсудности» [3]. После окончания проведённого расследования дело было передано в выездную сессию губернского революционного трибунала [4]. В отношении виновных лиц был вынесен приговор - 6 месяцев исправительных работ по распоряжению уездного комиссариата труда. Освещая деятельность следственной комиссии губернского революционного трибунала в уездах Коми края, необходимо выделить дело в отношении Н. Митюшева, А. Веллинга и Л. Ленина, И. Петроканского, С. Клочкова, В. Сидорова, В. Городецкого, А. Харьюзова, обвинённых в контрреволюционной деятельности и агитации. Материалы следственной комиссии были переданы в Особый отдел штаба 6-й армии. Двадцать четвёртого сентября 1918 г. Революционно-полевой трибунал при штабе командующего Котласским военным районом вынес приговор о применении исключительной меры наказания в отношении названных лиц [5].

Серьёзные трудности в деятельность следственной комиссии и губернского революционного трибунала на территории Усть-Сысольского и Яренского уездов внесли военные действия в ходе Гражданской войны. Тем не менее, с сентября 1918 г. по август 1921 г. выездная сессия Северо-Двинского губернского трибунала в г. Усть-Сысольске рассмотрела более 50 дел. Исследование архивных материалов дало возможность установить, что наибольшее количество дел было рассмотрено в 1920—1921 гг., т.е. после окончания военных действий в Коми крае. Данные о характере преступлений следующие: 1) контрреволюционная деятельность и агитация против Советской власти — 31 дело; 2) пособничество белогвардейцам — 11 дел; 3) должностные преступления — 5 дел. Приговор о применении исключительной меры наказания выносился в четырёх случаях, причём в двух случаях исключительная мера наказания была заменена 15 годами заключения в концлагерь [6].

Характерной чертой в деятельности выездной сессии губернского революционного трибунала было то, что за не опасные преступления против Советской власти, с учётом личности виновного, трибунал применял амнистию, объявленную ВЦИК РСФСР в честь 1 Мая 1920 г. и 3-й годовщины Октябрьской революции [7]. В трёх случаях трибунал выносил оправдательный приговор либо освобождал от уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления [8].

Деятельность губернского революционного трибунала за указанный период имела важное значение, поскольку процесс образования народных судов в уездах Коми края до марта 1921 г. практически был остановлен. Такие факты были характерны и для других регионов РСФСР [9].

С принятием постановления Усть-Сысольским уездным комитетом РКП(б) "О восстановлении аппаратов Советской власти и партийных органов" от 19.03.1920 г. процесс образования органов правосудия и юстиции в уезде был возобновлён [10]. В полной мере учитывался опыт работы следственной комиссии губернского революционного трибунала при комплектации штата судебных следователей в Усть-Сысольском и Яренском уездах.

Важное значение по образованию структуры судебных органов в Коми крае имели решения I Всероссийского съезда зырян-коммунистов, состоявшегося в январе 1921 г. Функции по формированию судебной системы будущей автономии коми-зырян были возложены на временный орган государственной власти в Коми крае – областной революционный комитет. 18 июня 1921 г. на заседании облревкома было принято постановление об образовании комиссариата юстиции будущей Коми автономной области в составе трёх коллегий:

- І. Коллегии обкомюста (председатель Репин, члены: Матюшов, Селиванов, Колегов).
- II. Коллегии Временного ревтрибунала (председатель Матюшов, члены: Трубачёв, Селиванов).

III. Комиссии Временного народного суда (председатель Колегов, члены: Панюков, Богословский) [11].

С образованием коллегии Временного революционного трибунала будущей автономной области, Велико-Устюгский губернский революционный трибунал прекратил осуществление правосудия на территории Усть-Сысольского и Яренского уездов. Учитывая опыт практической работы следственной комиссии губернского трибунала, облревком принял решение о сохранении её в прежнем составе [12].

Из всех дел, рассмотренных в выездной сессии Велико-Устюгского губернского революционного трибунала, необходимо выделить дела № 124, 164, 219 по обвинению уездного военного комиссара И. Козакова, председателя уездного Усть-Сысольского исполкома В. Осипова, председателя уездного комитета РКП(б) В. Чуистова, председателя уездной чрезвычайной комиссии М. Ляпунова, члена губернского исполнительного комитета А. Кузнецова, члена уездной ЧК И. Юрьева в совершении должностных преступлений. Седьмого ноября 1918 г. при праздновании первой годовщины Октябрьской революции все эти люди, находясь в нетрезвом состоянии, своими действиями дискредитировали Советскую власть. Двадцать первого июля 1919 г. в г. Усть-Сысольске на открытом судебном заседании революционный трибунал вынес приговор: «Подвергнуть третьегодичному заключению каждого условно. Но, учитывая то обстоятельство, что подсудимые происходят из рабочих и крестьян, применить амнистию VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов от 06.11.1918 и ВЦИК от 25.04.1919 – дать возможность выехать на фронт». Вынесенный приговор по этому неординарному делу свидетельствует об объективности рассмотрения дел в губернском революционном трибунале за весь период его деятельности на территории Коми края.

Большую помощь в образовании народных судов оказывал Народный комиссариат юстиции РСФСР. Его инструкции и нормативные акты по применению действующего законодательства в определённой мере способствовали стабилизации деятельности органов правосудия. За весь период своей деятельности, с 18 июня 1921 г. по апрель 1923 г., революционный трибунал Коми автономной области рассмотрел 91 дело, из которых:

- 1) контрреволюционные преступления 32 дела;
- 2) непризнание советской власти 16 дел;
- 3) незаконное хранение огнестрельного оружия 7 дел;
- **4)** дезертирство 23 дела;
- 5) должностные преступления 5 дел;
- 6) мародёрство 6 дел;
- 7) пособничество белогвардейцам 1 дело;
- 8) спекуляции в крупных размерах 1 дело.

Средний статистический показатель деятельности областного революционного трибунала за 16 месяцев работы составил 6 дел в месяц. Для сравнительного анализа деятельности революционных трибуналов в разных регионах РСФСР можно привести следующие данные: революционный трибунал Тамбовской обл. за три месяца рассмотрел 254 дела [13]. Соответственно, в Тамбовской обл. и среднемесячный показатель составит 84 дела. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что в Коми АО криминогенная обстановка была менее напряжённой, чем, например, в Тамбовской обл. Необходимо отметить, что за весь период своей деятельности областной революционный трибунал только в четырёх случаях выносил приговор о применении исключительной меры наказания [14]. Материалов, связанных с обращением в Верховный трибунал при ВЦИК РСФСР в порядке кассационного обжалования приговора областного революционного трибунала, надзорного производства по деятельности областного революционного трибунала в архивах Республики Коми не обнаружено.

При исследовании материалов образования и деятельности революционных трибуналов на территории Коми АО выявлен интересный документ. В Центральном государственном архиве Республики Коми находится уголовное дело сотрудников Зырянского представительства Коми АО − Д. Батиева, А. Молодцова, В. Елфимова. 4 декабря 1921 г. в отношении этих лиц были возбуждены уголовные дела за совершение должностных преступлений [15]. Двадцать первого февраля 1922 г. на заседании Президиума ВЧК рассматриваются дела № 12570, 12955, 12956, 12920, 13733 по обвинению Д. Батиева, А. Молодцова, В. Елфимова в совершении должностных преступлений, а также лиц, обвиняемых в соучастии − В. Зверевой, А. Никитина, А. Ашмяна. В постановлении Президиума ВЧК, подписанного Уншлихтом, было определено: «Дела сотрудников Зырянского представительства,... передать в Верховный трибунал при ВЦИК РСФСР» [16].

Шестого марта 1922 г. Судебная коллегия Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР вынесла постановление: «... Д. Батиева, А. Молодцова, В. Елфимова освободить от занимаемых должностей, ... дела передать в Московский городской революционный трибунал» [17]. В дальнейшем по ходатайству органов государственной власти Коми автономной области уголовные дела сотрудников представительства были направлены для судебного разбирательства в областной революционный трибунал. При рассмотрении дела в отношении сотрудников Зырянского представительства Коми АО областной революционный трибунал при вынесении приговора не применял меру наказания, связанную с лишением свободы для виновных лиц.

Третьего ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял «Положение о судоустройстве РСФСР», в соответствии с которым все революционные трибуналы (за исключением отдельных видов военных трибуналов) с 1 января 1923 г. должны были прекратить свою деятельность. Было ликвидировано раздвоение органов правосудия на народные суды и революционные трибуналы [18]. Необходимость рассмотрения всей массы гражданских и уголовных дел в народных судах была продиктована изменениями в общественно-политической жизни страны и прежде всего стабилизацией общей обстановки. В апреле 1923 г. областной революционный трибунал был упразднён [19]. Опыт практической деятельности областного трибунала широко использовался в деятельности народных судов, особенно областного народного суда как высшего судебного органа субъекта Российской Федерации, которым стала Коми автономная область с 22 августа 1921 г. До образования народных судов в области революционные трибуналы (уездный Усть-Сысольский, областной Коми АО) являлись практически единственными органами правосудия, что в определённой степени сыграло свою роль в становлении национальной государственности коми народа.

Формирование народных судов в РСФСР шло медленнее, чем образование революционных трибуналов. Причины, обусловившие эту неравномерность рассмотрены в работах М.В. Кожевникова, В.А. Иванова, В.П. Портнова, А.К. Лисицина, в которых указывается на тяжёлое социально-экономическое положение в Советской России, последствия Гражданской войны, отсутствие опыта организационной работы по образованию судебных органов, множественность правовых актов, отсутствие квалифицированных кадров в сфере юриспруденции [20].

Создание народных судов в Коми автономной области шло так же, как и в других регионах Российской Федерации, где решался вопрос об образовании национальной государственности. На I Съезде Советов Усть-Сысольского уезда в марте 1918 г. было принято постановление об организации местных народных судов и проведении выборов народных судей и заседателей. В комиссариате юстиции Усть-Сысольского уездного Совета должны были быть образованы следующие отделы: канцелярия комиссара юстиции, следственная комиссия, совет мировых судей, тюремная коллегия. К маю 1918 г. были организованы только следственная комиссия уездного революционного трибунала и канцелярия комиссара юстиции [21]. С июня 1918 г. по март 1919 г. в Усть-Сысольском и Яренском уездах не образовано ни одного народного суда. Этот объясняется тем, что указанные уезды с 6 июля 1918 г. вошли в состав вновь созданной Северо-Двинской губернии.

Значительно затруднили процесс формирования судебных органов и начавшиеся военные действия, повлекшие отток советских и партийных работников в Красную армию. Двадцать девятого октября 1918 г. исполком Усть-Сысольского уездного Совета принимает вынужденное решение о закрытии комиссариата юстиции [22]. Поэтому «Положение о едином народном суде», принятое 30 ноября 1918 г. в Усть-Сысольском и Яренских уездах, в этот период практически не реализовывалось.

В феврале 1919 г. на основании «Положения об отделах и бюро юстиции», принятого ВЦИК РСФСР [23], решением исполкома губернского Северо-Двинского Совета был образован губернский отдел юстиции. В соответствии с Положением отдел юстиции губернского Совета выполнял функции по образованию системы судебных органов и контролю за их деятельностью во всех уездах губернии. Уездные комиссариаты юстиции преобразовались в бюро юстиции исполкомов уездных Советов. Отделы и бюро юстиции, будучи органами государственного управления уездных и губернских Советов, одновременно являлись и структурными подразделениями Народного комиссариата юстиции РСФСР. Такая структура органов юстиции позволяла внести в процесс формирования народных судов элементы единообразия и централизованного руководства на всей территории Российской Федерации, избежать разобщённости и деформации при осуществлении правосудия народными судами.

Двенадцатого апреля 1919 г. в Усть-Сысольском уездном Совете при непосредственном участии губернского отдела юстиции было образовано бюро юстиции, которое в соответствии с вышеуказанным Положением имело следующую организационную структуру: следственная комиссия, совет народных судей, канцелярия, административно-технический отдел, информационно-технический подотдел. С момента образования уездное бюро юстиции начало организационную работу по формированию народных судов в уезде. В мае 1919 г. были образованы Усть-Сысольский городской народный суд, народные суды в Вотчинской, Пыёлдинской и Палаузской волостях [24], был создан также уездный Совет народных судей – кассационная инстанция для волостных судов. Во все 56 волостей Усть-Сысольского уезда бюро юстиции направило циркуляры и инструкции, в которых разъяснялся порядок выборов судей и заседателей народных судов [25]. Однако процесс формирования структуры народных судов шёл медленно, о чём свидетельствует отчёт бюро юстиции губернскому Северо-Двинскому Совету. В нём говорилось, что «... в кандидаты народных судей предложено 15 человек. На все остальные волости по уезду популярных среди народа кандидатов нет. Из других волостей народного судью избирать не хотят» [26]. Тем не менее в марте 1921 г. в Усть-Сысольском и Яренском уездах было образовано 5 волостных народных судов. Таким образом, начало формирования народных судов Коми автономной области было заложено» [27].

Характерной чертой в деятельности органов правосудия Усть-Сысольского уезда было то, что уездный комитет РКП(б) контролировал судебные разбирательства в отношении членов РКП(б) и ответственных работников органов Советской власти. Так, 1 февраля 1920 г. уездный комитет РКП(б) рассмотрел персональное дело и освободил от занимаемой должности военного комиссара Корткеросской волости И.Г. Козакова, привлечённого к суду губернского революционного трибунала за «незаконные действия» [28]. Первого декабря 1920 г. уездком РКП(б) принял постановление об изъятии судебных материалов у судебного следователя третьего участка (Ыбская волость) в отношении члена РКП(б) Е. Ворошниной» [29].

С началом формирования национальной государственности (после I Всезырянского съезда коммунистов в январе 1921 г.) функции руководства по образованию народных судов на территории будущей автономной области с 18 июня 1921 г. начинает выполнять областной комиссариат юстиции (далее - ОКЮ), комиссаром которого был утверждён Н.В. Репин. В этот же день была организована коллегия Временного областного народного суда в составе Н. Колегова, С. Панюкова, И. Богословского [30]. Областной комиссариат юстиции начал работу по организации деятельности судов в волостях Усть-Сысольского, Печорского и Яренского уездов. Решались вопросы по образованию отделов юстиции в исполкомах уездных Советов и их взаимодействии с областным отделом юстиции, материально-технического обеспечения народных судов. При выполнении работы по комплектации составов судов, ОКЮ столкнулся с самой сложной проблемой – лиц, имеющих юридическое образование, в крае просто не было.

В июле 1921 г. облревком принимает постановление по кадровому составу судей: «Ввиду нехватки специалистов в судебной области, поручить представительству АО Коми (зырян) в Москве в срочном порядке найти в центре юристов для области» [31]. Уровень профессиональных знаний народных судей непосредственно влиял на качество правосудия, правильное применение процессуальных норм и оформление судебных документов. Всё это в конечном счёте отражалось на состоянии судебной работы в автономной области [32]. С момента образования ОКЮ областной комитет РКП(б) взял под свой контроль подбор кадров в этот орган государственного управления. Так, по вопросу кадровых перестановок в комиссариате юстиции обком РКП(б) 21 июля 1921 г. принял следующее постановление: «На первый раз предупредить всех членов партии, работающих в ОКЮ, что бюро примет самые крайние меры в отношении лиц, создающих склоку, вплоть до исключения из рядов РКП(б) и смещения с должности» [33].

В своей работе по образованию структуры народных судов ОКЮ в полной мере опирался на такой важный правовой акт в области судоустройства и правосудия, как «Положение о народном суде», принятое ВЦИК РСФСР 21 октября 1920 г. [34]. Процесс образования народных судов в уездах шёл во взаимодействии с местными органами государственной власти, т.к. судебные следователи избирались местными Советами и были им подотчётны (исполком Совета мог заменить судебного следователя в рабочем порядке). Коллегии общественных защитников и обвинителей местного суда подлежали утверждению местным Советом, т.е. процесс образования судебных органов шёл при непосредственном участии органа государственной власти. Можно считать, что именно такое взаимодействие позволило сформировать основу структуры народных судов в Коми автономной области в 1921–1923 гг.

Источники и литература

- 1. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 174-175.
- 2. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 166.
- 3. ЦГА РК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 15. Л. 153.
- 4. Там же. Д. 17. Л. 157об.
- 5. Там же. Л. 119об.
- 6. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 64.
- 7. Там же. Д. 14. Л. 272об., 280, 288.
- 8. Там же. Д. 14. Л. 295; Д. 17. Л. 29,51об.
- 9. Галкин А.Н. Первый трибунал // Советская юстиция, 1932. № 3. С. 15-16; Берман, Я.О. Очерки по истории трудоустройства РСФСР. М., 1924. С. 17.
 - 10. РГА ОПДФ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 20.
 - 11. ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 73.
 - 12. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 24, 32.
 - 13. Титов Ю.П. Судебные органы защиты революции... С. 97.
 - 14. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 118. Д. 136. Л. 1-27.
 - 15. ЦГА РК. Ф. 137. Оп. 1. Д. 980. Л. 1-1085.
 - 16. Там же. Л. 1012, 1067.
 - 17. Там же. Л. 1079-1084.
 - 18. СУ РСФСР, 1922. № 69. С. 902.

- 19. ЦГА РК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 152. Л. 19.
- 20. Кожевников М.В. История советского суда... С. 28; Иванов В.А. Организация суда и прокуратуры // Сорок лет советского права. Л., 1957. С. 24-33; Портнов, В.П. Организация уголовного правосудия в РСФСР (1917—1922 гг.) // Вестник МГУ. Серия XII. Право. 1972. № 6. С. 22-26; Лисицин, А.К. Судебная реформа // Советская юстиция, 1923. № 33. С. 21-23.
 - 21. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 38-39.
 - 22. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 102.
 - 23. СУ РСФСР. 1920. № 83. С. 407.
 - 24. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
 - 25. Там же. Л. 18, 19.
 - 26. Там же. Л. 34.
 - 27. ЦГА РК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 18. Л. 36-39.
 - 28. РГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.
 - 29. Там же. Л. 73А.
 - 30. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 73.
 - 31. РГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 73.
 - 32. ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 2-3.
 - 33. РГА ОПДФ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.
 - 34. СУ РСФСР. 1920. № 17. С. 324.

ЗЫРЯНСКАЯ ССЫЛКА ЭСЕРА С.Ф. РЫБИНА-ЛУГОВСКОГО

Н.А. Малкова (Ковров), Т.А. Малкова (Сыктывкар)

В фондах Ковровского историко-мемориального музея находится большая коллекция работ члена Союза художников СССР Нины Сергеевны Луговской (1918–1993), бывшей заключенной Колымских лагерей.

В 2001 г. сотрудниками общества «Мемориал» в следственном деле Н.С. Луговской был обнаружен ее дневник. В 2003 г. дневник московской школьницы Нины Луговской был опубликован в виде книги «Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937». В приложение включены письма ее отца Сергея Федоровича Рыбина – Луговского, одного из ведущих левоэсеровских идеологов, отбывавшего ссылку в 1929–1932 гг. в г. Усть-Сысольске Коми Автономной Области. Хотя прилагаемые письма не датированы, по отдельным высказываниям в них можно определить, что они писались с места первой ссылки С.Ф. Рыбина. Эти высказывания представляют большой интерес с точки зрения наблюдений человека со стороны за ходом социально-экономической жизни в зырянской столице конца 20 — начало 30-х гг. ХХ в. Этот период характеризуется началом серьезных изменений в демографическом развитии Коми Автономной Области, превративших эту территорию в лагеря ГУЛАГа. В политической истории Республики Коми жизнь и деятельность административноссыльных представителей небольшевистских партий практически является слабо разработанной темой.

10 августа 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об административной высылке», на основании которого лица, причастные к контрреволюционной деятельности, по решению специальной комиссии при НКВД в административном порядке высылались из страны или «в определенные местности РСФСР» на срок не более трех лет. Так законодательно было закреплено преследование всех инакомыслящих. В 1923 г. административной комиссией НКВД был утвержден перечень районов административной высылки, в который была включена и Коми Автономная область.

После окончания гражданской войны большевики предпринимают меры по окончательному разгрому небольшевистских политических партий, в том числе и социал – революционеров (левых и правых эсеров). После Московского судебного процесса над правыми социал-революционерами в 1922 г. в Коми область прибыла первая партия административновысланных эсеров из центральных районов России, которых размещали в с. Усть-Вымь и г. Усть-Сысольске.

Как сообщают документы, впервые вопрос об административных ссыльных в Коми Автономной области на официальном уровне рассматривался на заседании Бюро Коми ОК РКП(б) 9 июня 1923 г. и связано это было с решением административной комиссии НКВД направить в область первую партию ссыльных. Следует отметить, что это решение областной властью не было принято с большим энтузиазмом, так как во – первых, власть опасалась влияния ссыльных на местное население, во-вторых указывалось «...жизнь здесь очень дорога, работ нет и положение их очень тяжелое могущее развить среди ссыльных наклонности к преступным деяниям». Уже в 1923 г. указывалось, что «...политических ссыльных в уезды высылать избегать за исключе-

нием тех, которые назначаются прямо в уезды из Центра», а «...эс-эров мы отправлять в уезды воздерживаемся». В апреле 1925 г. в Коми области насчитывалось 117 политссыльных, в том числе 42 эсера. По данным за 1928 г. из 167 чел. адм. ссыльных в Усть-Сысольске проживало 105 чел., в том числе из 26 членов партии эсеров – 18 чел. Коми областной отдел ОГПУ регулярно представлял в спецотдел ОГПУ и Коми обком отчеты о политических ссыльных, которые и дают информацию об их численности и партийной принадлежности. Так, на 1 февраля 1928 г. в Коми области насчитывалось 223 чел. адм. ссыльных, в том числе эсеров – 43 чел.; на 1 июля 1928 г. – 167 чел., в том числе эсеров правых и левых – 26 чел. [1].

В сводках Коми Областного Отдела ОГПУ, отправляемых в центральный аппарат ОГПУ, имеются сведения, что в ссылке члены различных партий, в том числе эсеров, пытались продолжать политическую работу, однако это сразу же пресекалось органами. В 1924 г. политссыльные эсеры установили контакт с местными отделениями ПСР, но каких либо фактов их совместной деятельности не было обнаружено. Политическая деятельность административно-высланных ограничивалась антибольшевистской агитацией. Имелись лишь отдельные выступления и совместные обсуждения политических вопросов, например, в 1925 г. демонстрация политссыльных во время похорон товарища, собрание ссыльных эсеров и анархистов по вопросу, кто из них ближе стоит к коммунистам. По данным деятельности адм. ссыльных в 1928 г. отмечается литературная работа левого эсера Я.В. Бруна и его переписка по поводу покаянного письма в газету «Правда» эсера М.Д. Лихтенбаума. По поводу правых эсеров сообщается, что они «...обсуждали хозяйственное строительство вообще и Коми Области частности, в результате пришли к тому, что составлять планы хозяйственного строительства большевики не умеют, они не умеют связывать строительство с финансовыми возможностями, а потому у них ничего не выходит». А также Гнедов С. и Гольд говорили, что «началась усиленная экономическая блокада СССР со стороны других государств, скоро нужно ожидать войны и СССР не удержится». Со стороны Коми Областного Отдела ОГПУ предпринимались меры по изоляции друг от друга членов партии правых эсеров и меньшевиков, замеченных в тесных контактах, в районы области и внедрение отдельных ссыльных из района в город с агентурной целью [2].

Исследователь деятельности небольшевистских партий историк М.В. Таскаев указывает в своих работах, что политическая ссылка в Коми область способствовала в начале 1920-х гг. оживлению деятельности некоммунистических партийных организаций в самой области и приводит примеры возобновления деятельности эсеровских групп в Усть-Сысольске, Усть-Выми, Айкино. Но к концу 1925 г. усилиями карательных органов деятельность небольшевистских партий и групп в Коми области была приостановлена [3].

Из протоколов заседаний Бюро Коми ОК РКП за 1923 г. следует относительно использования политических ссыльных: «...использовать их как возможно, но не давать им ответственных работ», «...таких сильных работников нельзя давать в учреждения такие как Обстатбюро», «... нужно использовать в тех учреждениях, где имеются твердые партийные руководители», «...установить кто из политических ссыльных какую работу может нести по специальности, но лишать их совсем работы нельзя, ибо это последнее вызовет ряд ненормальных явлений», «...рекомендуется ссыльных использовать на работах, взяв от них возможно больше полезных творческих сил».

Политссыльные использовались на различных должностях в хозяйственных органах, часть имела возможность работать учителями, аптекарями, счетными работниками. В 1925 г., в связи с признанием неудовлетворительной работу местного ОГПУ по наблюдению за ссылкой, использование административно-высланных в советских учреждениях и хозорганах признано «ненормальным» [4].

Новый виток политссылка начинает в конце 1920-х гг. в связи с репрессиями против троцкистов. Осенью 1928 г. режим в местах ссылки ожесточился. На территории города административноссыльные размещались в большинстве по общежитиям или по частным квартирам в Тентюковском сельском совете. Работу можно было найти только в основном на производственных предприятиях: Дом печати, Ферма НКВД, Пригородное хозяйство, Строительство лесозавода, Горстрой, Кирпичный завод, Дорстрой ГКО, Обоз ГКО, Ремонтная контора, Автогужтрест, Комилес, Шпалорезка, Заготзерно, Госпароходство.

В такой обстановке началась зырянская ссылка эсера С.Ф. Рыбина-Луговского. Сергей Федорович Рыбин родился в 1885 г. в д. Дедилово (Луговская слобода) Богородицкого уезда Тульской губернии в крестьянской семье. После окончания школы, занимался самообразованием, затем закончил курс Московского Коммерческого института, получив специальность экономиста. В 1905 г. вступил в партию социал-революционеров (эсеров) и за активную работу неоднократно привлекался по политическим статьям, заканчивающимся высылкой в Сибирь. С началом Февральской революции С.Ф. Рыбин включился в политическую деятельность, став членом Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. Тогда же Рыбин и его жена взяли общую фамилию – Луговские, связанную с местом рождения Сергея Федоровича.

После Октябрьской революции Рыбин-Луговской был избран на съезде Советов Северной области в Областной комитет, а на Втором Всероссийском съезде Советов Крестьянских Депутатов переизбран в Испол-

ком, затем стал членом объединенного ВЦИКа и выполнял обязанности одного из редакторов газеты «Голос Трудового Крестьянства» – органа Крестьянской секции ЦИК.

С конца ноября 1917 г., после учредительного съезда партии левых эсеров, Сергей Федорович стал ее активным членом. Он участвовал во Всероссийских съездах Советов, избирался членом ВЦИК 3-го и 4 –го созывов, делегирован левоэсеровской фракцией в ВСНХ. Будучи делегатом V Всероссийского съезда Советов, подвергся аресту, а после четвертого съезда партии избран в состав ЦК.

Весной 1818 г. в связи с переездом правительства в Москву, С.Ф. Рыбин переехал туда с семьей. 11 февраля 1919 г. он в числе других руководителей и активистов партии левых эсеров был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. После освобождения он примкнул к легальному крылу партии, занимавшему лояльную позицию в отношении к большевикам. В 1923 г. он занимал пост секретаря легально существовавшего Центрального Бюро «Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов» [5].

Как указывает исследователь Я.В. Леонтьев, С.Ф. Рыбин предпринимал попытки по внедрению левоэсеровских социально-экономических идей в малые формы производства. Как экономист, Сергей Федорович поддерживал политику перехода к НЭПу и принял участие в создании артели булочников «Вольность труда», основанной на кооперативно — синдикалистских принципах, а затем в открытии первой пекарни «Трудовая вольность». К 1928 г. в артели «Муравейник» с 7 пекарнями, 19 магазинах и 1 кондитерской фабрике работало уже 393 чел. Также он вошел в состав ревизионной комиссии «Москопищепромсоюз». Исследователи деятельности С.В. Рыбина в этот период сообщают о том, что он принимал на работу вернувшихся из ссылок левых эсеров, вел агитацию среди молодежи о правильности левоэсеровского движения, организовал кассу взаимопомощи, средствами из которой поддерживал ссыльных эсеров. В связи с отказом Рыбина ввести в состав Правления артели членов партии большевиков, 7 января 1929 г. Сергей Федорович был арестован и заключен в тюрьму. 2 марта 1929 г. по обвинению в левоэсеровской пропаганде он был приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и отправлен в г. Усть-Сысольск. В августе 1930 г. он устроился в Усть-Сысольске на работу [6].

Так как Рыбину многое не нравилось во времяпровождении дочерей, то в письмах из зырянской ссылки Сергей Федорович старался принять участие в воспитании детей, главным образом их социально сориентировав: это советы читать Бакунина, Лаврова, Кропоткина, «относитесь ко всему критически, проверяйте, не берите на веру, выясняйте в других книгах, о своих сомнениях напишите мне, и я отвечу вам всегда охотно». Он пишет старшей дочери Евгении: «Начиная, родная, борьбу за свое право на человеческое существование, придется много положить энергии, чтобы отвоевать это право, стать и занять достойное место и не затеряться в толпе, как песчинка в степи» [7].

В письмах все замечания С.Ф. Рыбина в отношении жизни в Усть-Сысольске окрашены в мрачные тона. Из писем становится понятно, что он, как представитель левоэсеровского блока не раскаялся и продолжает борьбу, пусть не в делах и поступках, так в мыслях. В результате эффективной и прибыльной работы артели «Муравейник», проживая в г. Москве, С.Ф. Рыбин практически не испытывал материальных затруднений, в частности в снабжении продовольствием и его семья не бедствовала. После ареста изменилось материальное положение не только его семьи, но и его самого. Прибыв в Усть-Сысольск, он столкнулся с нехваткой продовольствия, очередями, и как следствие, полуголодным существованием. Хлеб, мука, сахар распределялись по карточкам. Нормы выдачи были следующие: 400 граммов хлеба в день, сахар в месяц – 250 грамм земельным, 800 грамм – безземельным. Цены на рынке были очень высокими и росли с каждым месяцем. С.Ф. Рыбин пишет старшей дочери Евгении: «Эти очереди и здесь надоели. Я хоть раз-два в месяц становлюсь в затылок, чтобы получить свой фунт сахара, табак и еще муку, но я никак не могу усвоить эту пролетарскую привилегию в жизни. Должно быть, еще не выварился, как следует, в пролетарском котле». «Этот год в смысле питания будет тяжелым, серьезно нужно отнестись к тому, чтобы экономно тратить запасы физических сил, небогатых, как у тебя, так и у всех в этом году. У нас тоже очень голодно, спасаюсь кашей на молоке» [8].

Еще в более тяжелом положении находились многие спецпереселенцы, прибывающие в область, для которых город становился распределительным центром по районам. Из воспоминаний жительницы Сыктывкара К.А. Поповой узнаем: «1930 год. Я учащаяся лесного техникума. ... В столовой мы получали тарелку жидких капустных щей с кусочками конины и кашу, чаще всего перловую. ... Я сидела за столом у окна в первом ряду, и мне было видно стоящую толпу у входной двери. Высокие мужчины с бородой, уже успевшие похудеть и почернеть, звались кулаками. Их привезли сюда с юга, из средней полосы России. ... Тяжело было видеть их глаза, просящие, умоляющие о помощи. Они ждали, когда можно будет броситься к столам и руками схватить остатки пищи» [9].

Столичный житель Ф.С. Рыбин пишет старшей дочери Евгении об образовательном уровне местной коми молодежи, имея ввиду ее усредненный вариант:

«Вот, живя в столице, ты имеешь возможность получить образование, посмотрела бы ты, что представляет собой здешняя молодежь, просто жалкое убожество. Кончивший семилетку или техникум, еще не умеет

говорить на «вы», совершенно не умеет читать по-русски и никуда на работу не годен, может быть за исключением области Коми. Вероятно, так повсюду в автономных республиках, ребят не учат, а больше «тешат» сознанием автономности и самостоятельности» [10]. Следует сразу пояснить, что у коми не было в языке формы вежливого обращения на «Вы», а была вежливая форма обращения от 3-го лица единственного числа. С переходом коми студентов на русский язык обращение к старшим на «Вы» не сразу адаптировалось. Этот факт не был учтен С.Ф. Рыбиным. По опубликованным источникам и по воспоминаниям многих представителей местной интеллигенции, преподаватели понимали, что учащиеся техникумов должны быть не только узкими специалистами, а культурными людьми и прилагали к этому усилия. Отсутствие высших учебных заведений в области не могло компенсироваться небольшими квотами на обучение в ВУЗах столичных городах. В эти годы решался вопрос об открытии Коми пединститута — первого ВУЗа Коми области. А С.Ф. Рыбин по-видимому считал, что специалисты, которые именно и готовились для области Коми, здесь не найдут себе применения.

Его шокируют быт и нравы местного населения, в составе которого произошли большие изменения за счет ссылки в Коми область административно-ссыльных и спецпереселенцев: «Значит быт фабричный одинаков и там и здесь. Вот когда ты поживешь на свете немного больше и побольше понаблюдаешь за жизнью, ты поймешь, сколь она не высока в народной гуще.... А у нас и говорить нечего. Чуть стемнело, все закрываются ставнями снаружи и сидят в закрытых помещениях, а если корова на дворе, то втаскивают в сени или в комнату на ночь, иначе обворуют. Воровство и бандитизм. Смесь воровского населения из России и казаковкочевников дали удивительные всходы. По магазинам – нищенство, десятками. Пьяные дерутся, рядом живет коммунист, который по ночам не раз избивал и жену, и братьев, и мать. Тяжелая картина. В армиях, в учреждениях, в торговых учреждениях воровство и растрата. Отдельные интеллигенты - малочисленны и бегут отсюда при первом случае» [11]. Замечание Рыбина по поводу пьянства справедливо и доказывается многими документами по истории повседневной жизни жителей Коми области. Особо указывается, что массовые советские праздники в Усть-Сысольске – это массовое пьянство. Самой пьяной являлась улица Ленина, где располагались наиболее популярные заведения. Жители улицы постоянно жаловались в местные советские органы, что «день-деньской на Ленина драки, мат, кругом пьяные». 5 апреля 1929 г. Коми Обисполком принял специальное постановление о продаже алкаголя, согласно которому нельзя было им торговать во время призывов в Красную Армию, весенних сплавработ, ярмарок, эпидемий, выдачи зарплат, митингов и демонстраций. Но это постановление регулярно нарушалось [12].

Конец 1920 – начало 1930-х гг. ознаменовалось в Коми области не прекращающимися регулярными чистками учреждений, организаций и предприятий от несоветских работников. Специально образованные комиссии через печать обращались к общественности помочь «выявить как состояние работы, так и лиц, которым нет места в соваппарате». Население широко оповещалось о приезде в область для проверки работы комиссий Тройки ТСКК ВКП(б), которой можно было подать жалобу о неправильной «вычистке». В декабре 1931 г. в профклубе началась персональная чистка торговых учреждений: обторг, госторг, Севторг, Союзхлеб и т.д. «Вычищали» представителей дореволюционной интеллигенции, родственников священнослужителей, представителей купеческого сословия. Начались разборки дел, связанные с обвинением в «коми национализме» литературных деятелей, журналистов, преподавателей техникумов и школ. В периодической печати появляются статьи, в которых творчество поэтов и писателей рассматривается не с точки зрения его художественных и стилистических особенностей, а с позиции их идеологической и политической состоятельности. По этому поводу С.Ф. Рыбин сообщает старшей дочери Ольге: «А чистка у нас продолжается, тут коми смакуют все до комического. Народ ограниченный и всякую мелочь принимает всерьез, сидят неделями, роются в книгах друг у друга, выявляют недочеты, пишут доклады о работе. Если советскую власть рассматривать как идеал современности во всех ее проявлениях, то нужно сюда приехать и посмотреть как эти инородцы, теперь нацменьшинства, фактически владеют, пожалуй, самым главным правом – правом большинства; нужно полюбоваться, как именно они проводят в жизнь все предначертания Москвы, с какой добросовестностью и охотой, и все же при таком отношении к работе дело не ладится. У них ведь ни в чем сомнений нет» [13].

О себе он пишет: «Я не потерял до сих пор энергии для борьбы и чувствую достаточно сил, чтобы не застыть на одном месте» [14]. В марте 1932 г. С.Ф. Рыбин вернулся в Москву. Однако затем снова последовали аресты в 1935 и 1936 гг., а 1 августа 1937 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР Рыбин был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

В предъявленном С.Ф. Рыбину обвинительном заключении, помимо обвинений в создании и руководстве мнимой эсеровской организации в Московской области, указывалось: «...Воспитывал своих дочерей Луговских в контрреволюционном террористическом духе, в результате чего его дочь Луговская Нина была намерена совершить террористическое покушение на т. Сталина». Резкое неприятие советских порядков С.Ф. Рыбиным, карательными органами автоматически переносилось на членов его семьи: дочерей Евгению, Ольгу,

Нину и жену Любовь Васильевну, которые так же были репрессированы в 1937 г. Его письма к дочерям стали для них еще одним обвинительным документом. С.Ф. Рыбин был реабилитирован в 1959 г. [15].

В картотеке Коми республиканского общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» имеются биографические сведения о С.Ф. Рыбине, которые в основном повторяют сведения, приведенные в данной статье. Данная статья за счет анализа переписки позволяет дать более глубокие сведения в отношении персоналий.

Литература и источники

- 1. Рогачев М.Б., Таскаев М.В. «Тюрьма без решеток» страны Советов. Документы и материалы о политссылке 20–30 х гг. // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 239, 242, 250, 258-260.
 - 2. Там же. С. 241, 253-256.
- 3. Жеребцов И.Л., Максимова Л.А., Игнатова Н.М., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006. С. 81-100.
 - 4. Рогачев М.Б., Таскаев М.В. Указ. соч. С. 246-248.
 - 5. Луговская Н.С. «Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937». М., 2003. С. 6-9.
- 6. Леонтьев Я.В. Роль родителей в формировании личности Нины Луговской // Рождественский сборник. Ковров, 2008. Вып. XV. С. 201- 204.
 - 7. Луговская Н.С. Указ. соч. С. 11.
 - 8. Там же. С. 279.
- 9. Попова К.А. Двадцатые годы XX века. Странички моего детства // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. С. 66.
 - 10. Луговская Н.С. Указ. соч. С. 280.
 - 11. Там же. С. 280.
- 12. Таскаев М.В. В последний раз Усть-Сысольск, или столица Коми области в 1929 году // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2006. Вып. 1. С. 73, 76, 78.
 - 13. Луговская Н.С. Указ. соч. С. 281.
 - 14. Там же. С. 280.
 - 15. Леонтьев Я.В. Роль родителей в формировании личности Нины Луговской. С. 205.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Габрусевич (Минск, Белоруссия)

В 1918—1920 гг. регион Севера России представлял собой самостоятельный театр военных действий, включающий территории Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. И если территориальные, хронологические рамки истории этого конфликта выделяются достаточно чётко, в отношении определения региона боевых действий отсутствует единство взглядов. На сегодняшний момент в исторической науке широко используется региональная терминология «Европейский Север России», «Север России!», «Русский север». При этом достаточно часто учёные используют одни и те же определения, вкладывая в них различный исторический либо территориальный смысл.

В начале XX в. понятие «Русский Север» активно использовалось архангельскими и вологодскими историками-краеведами, этнографами, фольклористами. В качестве синонимичных определений ими применялись понятия «Северный край», «Северная земля», «Поморье» и.т.д., при этом подобные индивидуальные оценки включали в рамки региона различные территории. Попытки районирования севера России также с XIX в. предпринимали представители экономико-географической школы П.П. Семёнов-Тяншанский, Д.И. Менделеев. В советское время основной критерий районирования Севера сводился к определению экономических районов на основе анализа территориально-производственных комплексов, в отличие от традиций дореволюционной России, в которой выделение региональных единиц являлось производной от нужд управления территориями [1].

Общеупотребительные в наши дни определения региона «Север России», «Крайний Север», «Северный район Российской Федерации» стали активно использоваться после революции. Концепт «Крайний Север и местности приравненные к нему» впервые был законодательно оформлен только в 1931 г. соответствующим постановлением СНК РСФСР в нуждах оптимизации управления регионом [2]. Термин «Северный район Российской Федерации», включающий Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, республики Ка-

релия и Коми, активно использовался в советское время, а территориальные рамки и сущностные характеристики «Севера России» были определены соответствующим законом только в 1996 г.

Какие же группы определений Русского Севера используются в современной гуманитарной российской науке? Во-первых, понятие «Русский Север» трактуется некоторыми исследователями как историко-культурное, этнографическое пространство, в узком смысле охватывающее территорию современной Архангельской области [3]. Склонность к подобной трактовке в основном демонстрируют архангельские учёные, которые зачастую отождествляют понятие «Русский Север» с определением «Европейский Север России» [4]. Критерием подобной оценки в этнокультурном отношении служит единство локально-групповых прозвищ, фольклорного материала, типичных форм жилища, одежды, структуры питания, ведения сельского хозяйства. Авторский коллектив фундаментального труда «Русский Север этническая история и народная культура. XII—XX века» под «Русским Севером» подразумевает район, ограниченный территорией к северу от водораздела Волга — Северная Двина между районами расселения карелов и народов коми [5]. При этом «Русский Север» in situ локализуется на территории Вологодской области, так как именно там, а не в Архангельской области, этнографические особенности северно-русского населения выражены наиболее полно. Понятие же «Европейский Север России» оценивается как более широкое, охватывающее применительно к XX в. Архангельскую и Вологодскую области и, возможно, некоторые районы Новгородской области [6].

Употребление синонимического «Русскому Северу» термина «Архангельский Север» носит дискуссионный характер. Если Т.А. Бернштам отождествляет это понятие с территорией Архангельской области, то, по мнению А.А. Куратова, «Архангельский Север» охватывает значительную часть региона вне рамок современной Архангельской области, так как в её состав длительное время входили Мурман (до 1921 г.), часть Карелии (до 1920 г.), Коми (до 1936 г.) [7]. Отметим, что данный термин активно использовался советскими местными историками в 20–30-х гг. ХХ в. [8].

Большинство же современных российских историков, этнографов, лингвистов рассматривают «Русский Север» в более широком смысле. В рамках данного подхода основное внимание уделяется исторической динамике складывания региона, протекания общих исторических процессов, а также выявления этнографического и лингвистического единства населения региона. Пожалуй, наиболее удачное определение «Русского Севера» в контексте гражданской войны сформулировал В.И. Голдин, который включил в рамки данной дефиниции территории Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний (в соответствии административным делением на 1917 г.). Выделение региона «Русского Севера» обосновывалось наличием отдельных государственных структур (ВУСО, Северная область), единством вооружённой борьбы на огромной территории, растянувшейся от современных границ России со скандинавскими державами и побережья Северного Ледовитого океана до Уральских гор и территорий Центрального Нечерноземья [9]. Историк гражданской войны Н.А. Макаров подразумевал под «Русским Севером» конкретный регион противостояния между силами большевиков, силами интервентов, войск ВУСО, генерала Е.К. Миллера [10]. Архангельский историк гражданской войны в регионе М.И. Шумилов понимает под «Русским Севером» прежде всего этнокультурную область, ограниченную территорией Архангельской губернии [11]. Территориальные рамки «Европейского Севера России», по мнению историка, включают Олонецкую, Вологодскую (без южных волостей), Архангельскую губернии, ставшие в 1918-1920 гг. самостоятельным фронтом гражданской войны, обладающим своими качественными характеристиками. Таким образом, М.И. Шумилов в отличие от своих коллег не допускает синонимичность понятий «Русский Север» и «Европейский Север».

В своей диссертации «Власть и общество на антибольшевистском севере России (1918–1920)» историк Л.Г. Новикова оперирует понятием «Северная область», включающим Архангельскую губернию и северные уезды Олонецкой и Вологодской губерний. Автор основывается на административно-территориальном делении на начало 1918 г., добавляя к девяти уездам Архангельской губернии волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии и волости Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, входившие в подчинение органам управления сначала ВУСО, а затем Северной области [12]. Е.И. Овсянкин обращает внимание на создание в апреле 1918 г. большевистского Союза коммун Северной области, в который входили представители губерний северных, северо-западных и частично центрально-чернозёмных районов России [13].

В рамках исторического подхода подчёркивается постоянное изменение границ и названий севернорусского региона в зависимости от действий различных исторических факторов. Так, историк культуры Севера Г.С. Щуров проследил эволюцию названий региона в исторической ретроспективе: понятия Северная Русь, Заволочье, Русский Север или Двинская земля, Поморье, Арханегельский Север, снова Русский Север [14]. Схожую точку зрения предлагает Ю.Ф. Лукин, подчёркивающий динамичность развития «Русского Севера». Регионовед предложил периодизацию культурно-исторических, цивилизационных волн на русском Севере Европы, выделяя в качестве качественных этапов истории региона Древний Север до н.э., финно-угорскую этническую волну, Досоветский Русский Север, Советский индустриальный Север, Европейский Север современной России [15]. По мнению учёного-регионоведа М.А. Орешиной, использовать определение «Русский Север» по отношению к изучению местных исторических процессов вплоть до XVII в. является некорректным, так как до этого времени на этой территории размещались небольшие «великорусские мирки», слабо связанные между собой. П.А. Колесников предлагает употреблять термин «Русский Север» только для периода с XIV–XV вв., когда Русский Север окончательно сложился в известную нам историко-культурную область [16].

Принципиально иного подхода при выделении границ севера России придерживаются географы и экономисты, опирающиеся на закреплённые в законодательстве определения «Северный экономический район Российской Федерации», «Крайний Север», «Северный экономический район». Сторонники этого подхода за основу анализа берут экономическо-территориальные характеристики особенностей развития народного хозяйства, уровня развития производительных сил, наличия, современного административно-территориального деления, степени экстремальности условий жизнедеятельности. Исходя из ряда климатических критериев, С.Н. Голубчиков под Российским Севером понимает территории, лежащие к северо-востоку от линии Архангельск—Хабаровск [17]. Также в связи с ростом экономического значения Норильска в качестве отдельного понятия рассматривается «Сибирский Север». Демограф В.В. Фаузер в рамках «Российского (Русского) Севера» выделяет Европейский, Обский, Сибирский, Дальневосточный Север страны. В качестве важнейшего критерия районирования северных территорий учёный предлагает использовать выведенный в 1992 г. интегральный показатель «степени дискомфортности» [18]. Показатель «степени дискомфортности» на данный момент официально используется для типологии условий человеческой жизнедеятельности на Севере и складывается на основе социально-экономических (продолжительность отопительного сезона, например), экономико-географических (транспортная доступность), медико-биологических (риски проживания) факторов.

Дополнительную путаницу может порождать употребление концепта «Европейский Север России» в современном смысле как административно-хозяйственной единицы, впервые обозначенной в советское время и выступающей синонимом к определению «Северный Экономический Район» (СЭР), включающего Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую область, республику Коми, республику Карелия [19]. В административном отношении большая часть региона кроме республики Коми входит в состав Северо-Западного административного округа.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что определение «Русский Север» чаще используется в историческом, этнографическом и культурологических контекстах. Термин «Российский Север» чаще трактуется в географическом и отчасти геополитическом смыслах. Одновременно исследователи активно используют концепта «Поморье», зачастую отождествляющегося с «Русским Севером» [20]. Не стоит забывать о применявшемся в 30-х гг. прошлого века определении «Северный Край», соответствующего административной единице, в состав которой, что интересно, не входил Мурманск, включённый в Ленинградскую область.

Таким образом, на данный момент мы можем констатировать неоднозначность подходов к районированию Севера, что приводит к «наслаиванию» вокруг определения «Север» новых реалий и смыслов. Границы Севера как объекта социально-экономического, этнографического, исторического, географического, управленческого анализа не совпадают, хотя, используя метод соположения границ можно определить ядро региона и прилегающие к нему зоны [21].

Попытку обобщить существующее многообразие терминов предпринял М.Ю. Лукин, который сформулировал два принципиально отличающихся толкования Русского Севера в современной российской науке [22]. С одной стороны, существует историческое и этнокультурное определение региона как обширного социо-культурного пространства, единство которого было закреплено с XVI–XVII вв. в рамках ряда административных единиц (Вологодское наместничество, Архангельская и Вологодская губернии, Северный край и.т.д.). В этом контексте «Русский Север» в большинстве случаев отождествляется с «Европейским Севером» и в идеальном виде соотносится с территориями Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республиками Карелия и Коми. В рамках этнокультурного толкования «Русский Север» рассматривается как статичное пространство, заселённое людьми, имеющими схожие черты материальной жизни, языка, фольклора и.т.д. В рамках исторического подхода Север России выступает в виде динамически изменяющейся во времени реальности, региона, имеющего различное значение и границы в процессе общероссийской истории.

С другой стороны, можно выделить регионоведческое толкование, определяющее «Русский Север» исходя из нужд государственного управления, осуществления экономической деятельности в крае. В данном контексте концепты «Русский (Российский, Крайний) Север» применяются по отношению к современным реалиям и обозначают административно выделенное экономическое, политическое, социальное и культурноэтническое пространство.

В рамках исследований, посвящённых историческим процессам в регионе в первой четверти XX в., возможно не следует использовать сформировавшиеся позднее определения («Крайний Север», «Архангельский Север», «Северный экономический район»), отражающие в первую очередь реалии экономического и политического развития региона в советский и постсоветский периоды. Наиболее корректным представляется

использование синонимичных дефиниций «Русский Север», «Европейский Север России», «Север России», под которыми в первую очередь следует подразумевать территории Архангельской, частично Вологодской, Олонецкой губерний, составлявших на момент начала прошлого века единство в административном, экономическом, этнокультурном отношениях, что осознавалось местными элитами и простым населением региона, сохранившими это единство в годы гражданской войны, что проявилось в образовании отдельного фронта боевых действий, своих уникальных властных институтов, обладающих уникальными сущностными характеристиками. Таким образом, понятия «Русский Север», «Европейский Север России», обладают той необходимой степенью историчности, которая позволит грамотно включить их в рассматриваемый исторически

Литература и источники

- 1. Орешина М. А. Русский север начала 20 в. и научно-краеведческие общества региона. М.: Российское общество историков архивистов, 2003. С. 5.
- 2. Русский Север: Проблемы социального развития: Учебное пособие / Под ред. Н.А. Волгина, Ю.П. Алексеева. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К°, 2004. С. 415-416.
- 3. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. С. 24; Дранникова Н.В. Разумова И.А. Собирание фольклора Архангельской области на протяжении XIX—XX вв. // Фольклор Севера: региональная специфика и динамика развития жанров. Исследования и тексты. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998. С. 5-6.
- 4. Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1992.
- 5. Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века / Под ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2004. С. 3.
- 6. Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века / Под ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2004. С. 105.
- 7. История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А.А. Куратов. Волгода: ВГПИ, 1986.
- 8. Лукин Ю.Ф. История, экология, экономика в меняющейся России: взгляд из Архангельска. Архангельск: ПГУК, 2001. С. 103.
- 9. Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: Солти, 2007. С. 16-17; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 9.
- 10. Макаров Н. А. Военная интервенция и гражданская война на севере России 1918–1920 гг. Архангельск: Правда Севера, 2008.
- 11. Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1992.
- 12. Новикова Л.Г. Власть и общество а антибольшевистском Севере: 1918–1920 гг. : Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Московский государ. ун-т им. М. В. Ломоносова, исторический фак-т. М., 2004.
 - 13. Овсянкин Е.И. На изломе истории. Архангельск. Архангельск: Архконсалт, 2007.
- 14. Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988–1917. Архангельск: Правда Севера, 2004. С. 23.
- 15. Лукин Ю.Ф. История, экология, экономика в меняющейся России: взгляд из Архангельска. Архангельск: ПГУК, 2001. С. 20-21.
- 16. Колесников П.А. Вклад народных масс Русского Севера в материальную и духовную культуру России // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 5.
 - 17. Голубчиков С.Н., Ерохин С.В. Российский Север на переломе эпох. М.: Пасьва, 2003. С. 32-41.
- 18. Фаузер В.В. Демографические исследования Русского Севера: история и современность // Историческая демография. М.; Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государ. ун-та, 2007. С. 202-210.
 - 19. Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского севера России. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 6.
- 20. Булатов В.Н. Русский Север. В 4 кн. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999. Кн. 3: Поморье (XVI конец XVIII вв.). С. 16.
- 21. Орешина М.А. Русский Север начала 20 в. и научно-краеведческие общества региона. М.: Российское общество историков архивистов, 2003. С. 69.
- 22. Северное регионоведение в современной регионологии: монография / Под ред. Ю.Ф. Лукина. Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. С. 92-94.

СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТОЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В 1920–1934 гг.

Л.Б. Ровчак, И.В. Шуйский (Харьков, Украина)

Укрепление советской власти в освобожденном от войск Добровольческой армии Харькове проводилось оперативными мерами сил губернской ЧК и Реввоентрибунала 14-й Армии, на смену последнего со временем прибыл Военревтрибунал Южного фронта. Создание районных народных судов, Железнодорожного реввоентрибунала и организация Харьковского губревтрибунала в первой половине 1920 г. привели к углублению специализации судебных органов. Так, ХГРТ принимал к производству дела по обвинению в контрреволюции, преступлениях по должности и крупной спекуляции. Недостаток квалифицированных работников – следователей и членов трибунала, а также их чрезвычайная загруженность, отсутствие нормативной базы, предписание руководствоваться в судебном производстве социалистическим правосознанием и интересами республики, требовали принятия срочных мер по дальнейшему упорядочиванию работы судов.

6 февраля 1920 г. заведующий отделом управления Харьковского губревкома Сербиченко направил с командированными в Москву сотрудниками просьбу прислать из наркоматов внутренних дел и юстиции декреты и распоряжения советской власти за 1917–1920 гг., собрание узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства, «вообще всякие законодательные и обще-юридические материалы и литературу по вопросам Советского права. Указанные материалы крайне нужны, в виду полного их отсутствия» [1].

Создавшееся положение в области правосудия ничуть не смутило политическое руководство, использовавшее суды в качестве пропагандистской трибуны с максимальным привлечением общественного внимания к показательным процессам. Для проведения открытых судов командировались партийные работники, игравшие ведущую роль в процессе, влиявшие на его ход, определявшие степень вины и наказание. Большевики не скрывали, что правильная постановка являлась одним из наиболее популярных и доступных форм и методов агитпропаганды. Специальная инструкция, опубликованная органом ЦК КП(б)У «Коммунист», предписывала устроителям суда выбирать предметом разбирательства наиболее крупные социально-политические события, проводить соответствующий подбор судей, свидетелей защиты и обвинения, внимательную подготовку судебных материалов и широкое его освещение за две-три недели до открытия. Местом проведения было наиболее вместительное помещение города, способное принять всех желающих «в первую очередь членов профсоюзов и рабочих организаций».

Состав суда включал авторитетных проверенных товарищей, решение которых было бы воспринято аудиторией. Особое внимание уделялось председательствующему как руководителю процесса. Для облегчения работы, ему рекомендовалось приготовить варианты судебных вердиктов, из которых будет выбран наиболее подходящий. В защиту или обвинение мог выступить любой желающий из присутствовавших в зале, но обязательным условием было наличие заранее определенных свидетелей. Они репетировали роли до тех пор, пока не усваивали смысл своих показаний. Усилению яркости и показательности выступлений, по замыслу авторов инструкции, добавлял театральный грим.

«Подготовка судебного материала состоит главным образом из данных предварительного следствия, на основании которого составляется обвинительный акт. Протоколы допроса свидетелей и обвиняемых, участвующих в процессе должны быть предварительно составлены; на основании этих данных составляется обвинительный акт. Желательно, чтобы были подготовлены также вещественные доказательства в виде прокламаций, воззваний, выпускаемых врагами советской власти». Доказательной базой служили факты и показания свидетелей, и лишь «иногда сознание обвиняемого» [2].

11 августа 1920 г. в зале городской Общественной библиотеки Харькова состоялось открытие Верховного Революционного трибунала Украины. «До сих пор обстоятельства не всегда давали возможность публично производить суд над злейшими врагами советской власти», — отметил в приветственной речи председатель Всеукраинского ЦИКа Григорий Петровский. «В гражданской войне расправа с врагом требует быстрых и решительных мер, так как старое еще не умерло, трупный запах его еще стоит в воздухе и пытается заразить дыхание новой светлой жизни. Но, как только предоставляется возможность публично осветить действия врагов рабочей и крестьянской власти... наш Красный Суд... произносит свой приговор над умирающим обществом и его защитниками». В ответной речи председатель трибунала тов. Аросев пообещал, принимая решения руководствоваться «не только формальными рамками законов, но, главным образом, смыслом событий, в которых власть рабочих и крестьян играет решающую роль» [3].

В соответствии с этим принципом было проведено первое судебное заседание по делу бывшего сечевого стрельца, левого социалиста по убеждениям, примкнувшего к коммунистам и «добровольно передавшего себя в руки правосудия для реабилитации своего имени» Юлиана Чайковского-Дашкевича. Под сводами зала одного из красивейших зданий, созданного архитектором А. Н. Бекетовым, был собран политический бомонд

Харькова: в качестве свидетелей приглашены Христиан Раковский, Станислав Коссиор, Васыль Блакитный; обвинителя – Дмитрий Мануильский. Как показал ход заседания, участие в процессе оказалось своего рода тестом для свидетеля Владимира Винниченко – бывшего главы украинского правительства Директории, в 1920 г. представлявшего в столице Украины группу закордонных коммунистов и небезосновательно рассчитывавшего на место в советском правительстве. Винниченко был вынужден вернуться к событиям новейшей истории, переоценивал их и разъяснял мотивацию принятых решений. Газетные отчеты демонстрируют, как часто во время заседаний выступавшие «забывали» о присутствии подсудимого, так ничтожной была его роль в историческом процессе. Продолжавшееся около календарного месяца слушание закончилось вынесением приговора в окончательной форме и обжалованию не подлежащего: приговорить Чайковского к высшей мере наказания – расстрелу, с заменой заключением в концентрационный лагерь на все время гражданской войны [4].

24 апреля – 6 мая 1921 г. в зале Государственной оперы в Харькове прошёл открытый судебный процесс по делу «Национального Центра». Перед судом предстали бывшие гласные Харьковской городской думы, которых обвинили в поддержке армии генерала Деникина и выполнении программы антибольшевицкой организации, созданной в Москве. Имена 24-х подсудимых, профессоров вузов и общественных деятелей, были хорошо известны харьковчанам. Обвиняемые свидетельствовали, что их деятельность в период оккупации белых носила «теоретический характер», а лекции были аполитичны. Выборы в думу состоялись без их активного участия, давая согласие на участие в её работе, стремились улучшить городское хозяйство, пошатнувшееся в военное время. Утверждали, что ничего предосудительного в этом не видели. В большинстве, подсудимые были членами Академического союза, считали его профессиональным и ни к каким другим «центрам» – по их утверждению – отношения не имели. Сторона обвинения ставила в вину Харьковской думе организацию сбора белья и отчисления членами союза денежных средств в пользу Добровольческой армии.

Основным же пунктом обвинения было обращение харьковских профессоров к ученым Запада «о губительных деяниях большевизма в России». В нем лидеры большевицкого движения Владимир Ленин и Лев Троцкий были названы «практическими дельцами, утопистами и фанатиками... людьми неуравновешенными и даже с уголовным прошлым». «Пользуясь демоническими приёмами, обманывая тёмный доверчивый народ ложными обещаниями прекратить войну, раздать ему землю и фабрики, разрешая безнаказанно отбирать всё у каждого имущего, большевики захватили государственную власть и казну». Далее сообщалось о диктаторских полномочиях Совета Народных Комиссаров, пренебрежительном отношении большевиков к культурным ценностям, избирательному праву; говорилось о запрете небольшевицких партий, гонениях на церковь, порочной системе заложничества. «Не довольствуясь этим (расстрелом заложников) большевики передали неограниченную власть так называемым чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией, лишённым всякого подобия суда, органам классовой расправы, комиссии которых даже с точки зрения большевиков не являются судебными органами и в которых вовсе не допускается защита подозреваемых. По далеко не полным сведениям, проникающим в печать, число казнённых большевиками исчисляется сотнями, десятками тысяч. Рядом со смертною казнью применяются разнообразные формы пыток, для получения сознания и оговора предполагаемых соучастников. В общем большевистская юстиция по своей произвольности и жестокости возвращает нас к худшим временам средневековой инквизиции» [5, с. 106]. Воззвание было опубликовано в 1919 г. в газетах и широкого резонанса не получило.

Ректор Харьковского университета В.Ф. Левитский показал, что основным мотивом составления группой профессоров воззвания послужили эксгумация трупов жертв чека на Чайковской улице и систематические унижения, которым ученых подвергла советская власть до прихода войск белых. «Вы указываете на Чайковскую, на террор, проводимый Саенко... А что сделали вы, чтобы воспитать этих невежественных Саенок; пускали ли вы их в свои университеты?», – прозвучал вопрос обвинителя В. Иванова. Выступавшие касались основ морали, образования, политических систем, затем возвращались к рассмотрению обстоятельств дела. Показания обвиняемых не проверялись, возникавшие существенные противоречия, касающиеся биографических данных обвиняемых, их социального происхождения, политической деятельности, деяний, вменявшихся им в вину, в ходе судебного разбирательства устранены не были. «Суд над профессурой» был скорее вопросом политическим. Известно, что ход харьковского процесса активно обсуждался министром образования советской России Анатолием Луначарским и Владимиром Лениным. Подсудимых было решено «подвергнуть общепринудительным работам без лишения свободы с использованием по специальности». Приговор был встречен шумными возгласами одобрения всего многотысячного зала.

Преобразование чрезвычайных комиссий в органы государственного политуправления, наделенных высоким статусом и широкими полномочиями, повлекло увеличение внесудебных репрессий. Задержанных в ходе оперативных мероприятий членов небольшевицких партий, бывших участников повстанческого движения, религиозных деятелей ссылали в административном порядке за пределы Украины. Оставшихся на свободе «церковников» лишали возможности исполнять свои обязанности, фактически, они пребывали в столице на правах ссыльных, зависимые от воли ГПУ и комиссий губисполкома. Вот лишь несколько имен: временно

управляющий Подольской епархией архиепископ Уфимский и Мензелинский Борис (Шипулин Борис Павлович), епископ Мариупольский Антоний (Панкеев Василий Александрович), будущий архиерей, заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1926—1927 гг. Серафим (Самойлович Семен Николаевич). 25 октября 1926 г. в Харькове был арестован Апостольский администратор южной части Могилевской епархии, ксендз костела Успения Пресвятой Богородицы о. Викентий Ильгин. Как свидетельствуют архивные документы, его дальнейшая судьба была предопределена секретно-оперативной частью госполитуправления Украины. Не найдя существенных доказательств обвинения для вынесения судебного решения, дело закрыли за недоказанностью состава преступления, а Ильгина выслали на Соловки, проведя решение через особое совещание, состоявшее из руководителей СОЧ ГПУ УССР [6].

18 мая 1928 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве началось слушание Верховным судом СССР дела «шахтинских контрреволюционеров». Уже первые сообщения подчеркивали, что процесс стал неординарным и по количеству, и по составу обвиняемых: «Вместо традиционной скамьи подсудимых – целый угол, значительная часть левого от входа сектора зала, занят подсудимыми; их – 53 человека» [7, с. 7]. Обвиняемые были ответственными работниками управленческого аппарата угольно-добывающей промышленности Харькова и Москвы. «Харьковский центр» состоял из руководства треста «Донуголь», которое, по версии следствия, занимало видное положение в правлении Съездов горнопромышленников Юга России, не приняло итогов Октябрьской революции, было враждебно настроено к новой власти и до разоблачения не прекращало вредительской работы в топливном секторе, что могло привести к кризису всего народного хозяйства страны. Контрреволюционная деятельность проводилась с участием бывших хозяев предприятий, осевших во Франции и Польше и поддерживавших связь через работников «Донугля», пребывавших в загаранкомандировках. В 1926 г. вредители установили связь и координировали действия с группой единомышленников в Москве, после чего были разоблачены бдительными работниками Экономического управления ГПУ УССР.

Характерными чертами заговорщиков называли шкурничество, презрение к рабочим, приверженность старым предрассудкам и пережиткам. Инженер Крижановский, например, в погоне за наживой имел «тройной оклад»: от «Донугля», прежних хозяев и американской фирмы Стюарт. Такого рода специалисты никогда не оставляли помыслов о саботаже и вредительстве. «Интеллигенция в своей массе встретила Октябрьскую революцию враждебно, вела с ней упорную борьбу, притихнув лишь после того, как революция окончательно укрепилась», – неслись грозные фразы с трибуны обвинения. Резюме было предостережением: «Шахтинский процесс – не последний суд над вредителями. Следует признать эту горькую истину и не затушевывать ее» [7, с. 11]. Это подтвердили аресты работников «Донугля», продолжавшиеся в 1928—1929 гг. Для бывшего заведующего отделом Ивана Лебедева следствие закончилось трагически: пребывая на обследовании в Украинском институте психиатрии, он, так и не сумев доказать невиновность, 16 июня 1928 г. покончил жизнь самоубийством, а «дело И. С. Лебедева» было прекращено прокурором НКЮ УССР формулировкой «за смертью обвиняемого». Уже в 1930 году в Харькове начались аресты по «делу Промпартии». Наиболее ощутимый удар был нанесен техническому руководству Харьковского паровозостроительного завода, представшего на страницах обвинения как «контрреволюционная вредительская организация «Украинский инженерный центр» (филиал «Промпартии»).

Коллективизация украинского села, невыполнение завышенного налогообложения крестьянскими хозяйствами, привели к усилению роли районных (народных, по терминологии того времени) судов. Период с осени 1932-го по весну 1933 г., как известно, стал апогеем борьбы по выколачиванию хлеба. 7 ноября 1932 г., Харьковским обкомом КП(б)У было принято постановление «Об активизации органов юстиции и суда в деле борьбы за хлеб». Областным суду и прокуратуре, районным партийным комитетам предписывалось обеспечить решительное усиление помощи хлебозаготовкам путем быстрого проведения судебных репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами, с целью выполнения обязательств перед пролетарским государством. «Обязать Облсуд и все местные судебные органы, вне очереди рассматривать дела по хлебозаготовкам, как правило, выездными сессиями на месте, применяя суровые репрессии к расхитителям хлеба на основе декрета ЦИКа об охране общественной собственности и обеспечивая при этом дифференцированный подход к отдельным социальным группам, применяя особо суровые меры к спекулянтам, перекупщикам хлеба, преступному элементу в правлениях колхозов[,] организующим и вдохновляющим расхищение хлеба» [8, л. 76].

В числе неотложных мер предлагалось организовать 10 добавочных сессий нарсуда для разъездов по районам, укомплектовав их «крепкими подготовленными работниками из судебных и бывших судебных работников», список которых подавался на утверждение секретариата обкома партии; направить районным органам юстиции конкретную директиву об активизации их участия в хлебозаготовках; организовать рассмотрение дел о расхищении колхозного и государственного имущества в ускоренном порядке, применяя к виновным закон об охране социалистической собственности; организовать немедленную проверку выполнения вынесенных приговоров; обеспечить широкое освещение в «Харьковском Пролетарии» судебных дел по хлебозаготовкам [8, л. 76, 77].

«Не доведение до конца соответствующих репрессий, особенно теперь, когда необходимо во что бы то ни стало обеспечить решительный перелом в выполнении плана хлебозаготовок, будет Обкомом рассматриваться, как худший вид гнилого либерализма, нетерпимого в рядах большевистской партии», — подчеркивалось в документе [8, л. 77]. Так, 12 января 1933 г. было принято решение по работе нарсуда, допустившего задержку в судебном рассмотрении дела 65-ти кулаков, арестованных в Миргородском районе. Областного прокурора тов. Брона обязали в течение суток найти виновных, а председателя Харьковского областного суда тов. Голяника немедленно направить выездную сессию в Миргород для рассмотрения дела [9].

Не у дел оказались адвокаты, имевшие опыт судебной защиты обвиняемых в государственных преступлениях во времена царизма. Их публичные выступления, призывавшие судей к объективной оценке содеянного на основе всестороннего рассмотрения событий, были классическим примером судебной защиты.

Специалисты «старой школы» были вынуждены переквалифицироваться. В 1925 г. в здании бывшего цирка Грикке Верховный суд Украины проводил слушания дела о злоупотреблениях народными судьями. На участие в суде «не имевшем себе равных на Украине за последние годы» с участием сорока адвокатов, свыше 80 человек обвиняемых и объемом следственного материала в 7000 страниц, был назначен Александров [10]. Отмеченный широким общественным резонансом процесс стал одним из завершающих его карьеру. Последние годы жизни Александров занимался подготовкой серии публикаций для «Библиотеки старых большевиков», издававшейся в Харькове. Его воспоминания в форме рассказов о деле лейтенанта П.П. Шмидта, массовых волнениях рабочих Донбасса и недолго просуществовавшей «Люботинской республике», привлекли внимание не только очевидцев и участников событий. Александр Михайлович по приглашениям проводил встречи с рабочими заводов Харькова. Всегда был готов помочь им в самообразовании. Писал воспоминания, осмысливал пройденный путь, излагал свои философские взгляды. В феврале 1935 года А. М. Александров был арестован ГПУ УССР по обвинению в проведении контрреволюционной деятельности. Решением особого совещания при НКВД СССР от 7 июля 1935 г. предварительное заключение было засчитано в срок наказания в связи с преклонным возрастом обвиняемого и состоянием его здоровья. Во время следствия адвокат пребывал под стражей в Харьковском ДОПРе. В личном заявлении начальнику СПО УССР Михаил Александрович убедительно доказывал, что его арест и обвинение не имеют под собой никаких юридических оснований, являются следствием провокации органов ГПУ. Будучи тяжело больным человеком, он не смог пережить нанесенного морального удара и вскоре после освобождения скончался. А.М. Александров был реабилитирован 7 июня 1989 г. [11].

Знаковым для начала тридцатых годов стал процесс над «СВУ» (Спілкою визволення України). 19 апреля 1930 г. Верховным судом УССР были осуждены 45 видных представителей украинской интеллигенции во главе с вице-президентом Всеукраинской Академии наук Сергеем Ефремовым. По целям и задачам суд напоминал политические процессы десятилетней давности: попытка скомпрометировать представителей «старой интеллигенции», доказать ее непримиримое отношение к советской власти, превратить в «политических трупов». Отличительным было «разоблачение националистических взглядов» обвиняемых, попытка нивелировать скромные достижения украинизации, прерванной набиравшим силу тоталитарным режимом. Сходными были формы и методы проведения, выбранные устроителями – здание оперного театра, широкое освещение в прессе, трансляция судебных заседаний по линиям радиосети. Продумано даже размещение подсудимых, ощущавших себя по признанию «виновного» Мыхайла Кривинюка «как у позорного столба».

Подготовка к суду началась задолго до открытия заседания и проводилась в кабинетах высшего партийного руководства Москвы и Киева, о чем свидетельствует переписка генсека Иосифа Сталина с ЦК КП(б) У. В шифрограмме на имя В.Я. Чубаря от 2 января 1930 г. Сталин просил уточнить сроки проведения суда и «согласовать с Москвой план ведения дела на суде» [12, с. 236.]. Киев реагировал в течение суток, приняв соответствующие решения направить с докладом членов Комиссии в деле «СВУ» Всеволода Балицкого и Панаса Любченко, сообщить Сталину о только что принятом Политбюро ЦК КП(б)У специальном постановлении. Окончательную редакцию «тезисы по делу «СВУ» приняли на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 5 февраля 1930 г., для их представления в Москву была откомандирована делегация из четырех лиц, имевших к делу непосредственное отношение [12, с. 237, 239.].

Приложив немало усилий для создания видимости правосудия, продолжая контролировать подсудимых в зале суда, работники республиканского ГПУ В. Горожанин и Б. Козельский все же допустили оплошности, замеченные в деле юристами. Адвокат С.Б. Ратнер, оказавшийся в незавидной роли «защитника контрреволюционеров» и лавировавший в выступлении, все же заметил, что «слишком головокружительным представилось мне все то, что изложено на этих страницах обвинительного заключения» [12, с. 256.]. Ратнер отметил бесконечное, на первый взгляд, количество ненужных и излишних деталей, а также большое количество лиц, которые даже не имели никакого отношения к контрреволюционной деятельности обвиняемых.

Сфабрикованное дело «СВУ» было далеко не последним в оперативно-агентурных разработках секретнополитического отдела ГПУ УССР. Ощутимый удар по интеллигенции был нанесен арестами лиц, якобы принадлежавших «Украинскому национальному центру» и его подразделению «Української військової організації»; «Харьковской организации всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», «Польської організації військової» и другим контрреволюционным организациям. Однако обвинительные материалы передавались внесудебным органам, которые и выносили решения. В июле 1934 г. Харьков утратил столичный статус, и центральные органы власти были переведены в Киев.

Источники

- 1. Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 11 с. Л. 82.
- 2. Коммунист, 1921. 14 июля. № 153. С. 4.
- 3. Коммунист, 1920. 13 августа. № 182. С. 4.
- 4. Коммунист, 1920. 7 сентября. № 200. С. 2.
- 5. Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Харківська область. Харків: ДП «Оригінал», 2005. Кн. 1, ч. 1. 808 с.
- 6. Шуйський І. Таємниця віри. Життєпис отця Вікентія Ільгіна // Формування історичної пам'яті: Польща і Україна: Матеріали міжнародної наук.-практ. конф., м. Харків, 12 травня 2007 р. Х., Майдан, 2008. С. 293-305.
- 7. Инж. С. Д. Шеин. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя. М.; Л.: Госиздат, 1928. 128 с.
 - 8. ГАХО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 11.
 - 9. ГАХО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 55. Л. 60.
 - 10. Судьи взяточники. Дело о злоупотреблениях в нарсудах // Пламя, 1925. № 21. С. 9.
 - 11. ГАХО, ф. Р-6452, оп. 5, д. 1907.
- 12. Пристайко В. І., Шаповал Ю. І. Справа «Спілки визволення України»: невідомі документи і факти. Науково-документальне видання. К.: Інтел, 1995. 448 с.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВИВШИХ ЗАРОЖДЕНИЕ ГУЛАГА В СССР

Н.В. Упадышев (Коряжма)

Одной из существенных составляющих, определявших экономическое и социокультурное развитие Европейского Севера России, являлось использование принудительного труда и высокая концентрация в регионе гулаговских образований различного типа. Для понимания сущности ГУЛАГа как социального феномена, выполнявшего не только карательно-репрессивную, пенитенциарную, но и хозяйственную функцию, его места и роли в истории советского государства важным представляется исследование зарождения и становления данного института.

В этом контексте особого внимания требует изучение факторов и причин, обусловивших трансформацию советской карательно-репрессивной системы в гулаговскую модель, основу которой стали составлять исправительно-трудовые лагеря. Данная трансформация была обусловлена действием как сложившихся в стране к концу 1920-х гг. факторов политического, экономического, идеологического характера, так и алгоритмом генезиса советской пенитенциарной системы в 1918–1920-х гг.

Обострение внутрипартийной борьбы, отказ от новой экономической политики в конце 1920-х гг. и укрепление административно-командных методов управления не могли ни привести к ужесточению карательно-репрессивной политики советского государства, повышению роли карательных органов и расширению системы исполнения наказания.

Важным фактором, обусловившим перестройку пенитенциарной системы, стал переход к политике форсированной индустриализации, которая со всей остротой обнажила одно из основных противоречий страны (существовавшее и в досоветский период): между масштабными задачами развития страны и крайне ограниченными возможностями, которыми располагало Советское государство. Это в свою очередь детерминировало использование со стороны государства преимущественно мобилизационно-насильственных методов осуществления индустриализации. Сталинское руководство, испытывая острый дефицит в финансовых и материальных ресурсах, осознанно пошло по пути компенсации недостающих источников за счет сверхэксплуатации так называемого «человеческого фактора».

Осуществление форсированной индустриализации было невозможно без экономического освоения богатых природными ресурсами, но труднодоступных и малонаселенных территорий страны, требовавших привлечения большой массы рабочей силы. В виду дефицита рабочей силы в этих регионах решить данную

проблему можно было лишь путем завоза людей из других районов страны. Не имея ни финансовых, ни материальных ресурсов для добровольного переселения людей, руководство советского государства перешло к политике насильственной депортации в малонаселенные районы страны огромного потока спецконтингента (спецпереселенцы, заключенные и др.), появившегося в результате ужесточения карательно-репрессивной политики советского государства.

К факторам, вызвавших изменение карательно-уголовной политики советского государства и реорганизацию системы мест лишения свободы, следует также отнести проблемы, накопившиеся к концу 1920-х гг. в правоохранительной практике и в деятельности пенитенциарных учреждений.

В данном контексте, прежде всего, следует иметь ввиду состояние преступности, масштабы, структура и характер которой в 1920-е гг. претерпели существенные изменения.

В первой половине 1920-х годов советское уголовное законодательство и существовавшая правоохранительная практика проявляли «снисходительное отношение к уголовным преступлениям». В частности, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. максимальное наказание за различные виды краж (личного и государственного имущества) не превышало 2-х, грабеж — 10 лет лишения свободы. Такой подход объяснялся доктринальными взглядами большевиков на природу преступности, считавших, что ее порождают негативные социальные условия жизни населения. По мере же улучшения благосостояния советских людей и повышения уровня их сознания объективно исчезнут и причины, порождавшие преступность [1].

Однако такой взгляд оказался одним из заблуждений большевиков. В годы нэпа криминогенная обстановка в стране постоянно ухудшалась, наблюдался устойчивый рост преступности и уровня ее организованности. Данная тенденция подтверждается статистикой преступности в СССР за 1925—1928 гг., приведенной крупнейшим советским ученым-криминалистом М.Н. Гернетом, согласно которой только в РСФСР число преступлений выросло с 556183 в 1925 г. до 994035 в 1928 г. Аналогичная динамика наблюдалась в других союзных республиках [2].

Разгул преступности в годы новой экономической политики поставил советское руководство перед необходимостью ужесточения карательных мер против преступников, особенно профессиональных. Подобного рода меры, осуществлявшиеся в течение всех 1920-х гг. [3], способствовали тому, что в пенитенциарной политике государства все более приоритетной становилась не исправительная, а карательная составляющая.

В частности, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» нацеливало правоохранительные органы на «необходимость применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, растратчиков, взяточников, воров): дополнять назначение суровых мер в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочного освобождения этой категории преступников лишь в исключительных обстоятельствах и условиях, гарантирующих их действительную социальную безопасность для общества» [4].

Объективно обусловленное ростом преступности в 1920-е гг. ужесточение карательно-уголовной практики, направленное на улучшение криминогенной обстановки в стране, привело, в свою очередь, к значительному увеличению числа осужденных, что потребовало расширения системы исполнения наказания.

Ситуация усугублялась обострившейся к концу 1920-х гг. проблемой перегруженности судов и тюрем. Во многом такое положение объяснялось действовавшей в 1925–1927 гг. судебной практикой и неспособностью местных органов власти обеспечить исполнение приговоров, не связанных с лишением свободы, в частности, приговоров к принудительным работам. Не имея ни финансовых, ни организационных возможностей для реализации подобных решений суда, местные органы власти просто не исполняли такого рода приговоры. В свою очередь судьи, чтобы не подрывать авторитет судов, с 1925 г. вместо приговоров, не связанных с лишением свободы, стали широко применять практику осуждения правонарушителей к краткосрочному тюремному заключению, что привело к переполнению тюрем [5].

Перегруженность мест исполнения наказания затрудняло работу администрации по распределению осужденных в соответствии с провозглашенной прогрессивной системой и положениями Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. Нередко, в районах, где отсутствовали необходимые типы исправительно-трудовых учреждений, администрация вынуждена была, в нарушение режимных требований, содержать заключенных различных категорий и разрядов совместно [6].

К концу 1920-х гг. стало также очевидно, что занять производительным трудом все возраставшую массу заключенных невозможно. Существовавшая практика исполнения наказания оказалась не способной обеспечить реализацию принципа самоокупаемости мест заключения, и бремя расходов по содержанию осужденных все в большей степени ложилось на государственный бюджет. Проблема самоокупаемости могла быть решена путем создания пенитенциарными учреждениями собственной производственной базы, но они не располагали необходимыми для этого финансовыми, материальными и организационными ресурсами. В создавшейся си-

туации в руководстве НКВД и НКЮ все сильнее вызревала идея массового использования труда заключенных в реализации народнохозяйственных проектов. Однако ее осуществление требовало создания пенитенциарных учреждений совершенно иного типа, привязанных к местам производства работ и способных не только обеспечить необходимый режим изоляции осужденных, но и организовать производительный труд заключенных.

К этому времени логика генезиса советской системы исполнения наказания привела к образованию подобной модели пенитенциарного учреждения (Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ), где уже был накоплен значительный опыт организации содержания осужденных и принудительного применения их труда. Именно деятельность данного лагеря стала одним из основных аргументов в руках тех, кто отстаивал идею перехода к лагерной системе в дискуссии, развернувшейся в высших эшелонах власти в 1929–1930 гг. по проблеме реформирования пенитенциарной сферы. В связи с этим в контексте исследования проблемы зарождения системы исправительно-трудовых лагерей важным является ретроспективный взгляд на генезис советской пенитенциарной системы в 1918–1920-е гг.

Анализ показывает, что данный процесс проходил сложно и противоречиво. На его ход оказывал воздействие комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Советская власть использовала как традиционные места лишения свободы, доставшиеся ей от царской России (тюрьмы), так и создавала совершенно новые типы пенитенциарных учреждений. К числу последних относились лагеря (концентрационные, принудительного труда и особого назначения).

В соответствии с постановлением ВЦИК от 15 апреля 1919 г. в стране возникла сеть лагерей принудительных работ, организацией которых занимались органы ВЧК, с дальнейшей передачей их в ведение губернских исполнительных комитетов [7]. Впервые места изоляции такого типа возникли на Европейском Севере России – Северные лагеря принудительных работ (Архангельский, Пертоминский, Холмогорский).

В ходе реорганизации пенитенциарной системы в 1923 г. лагеря принудительных работ были ликвидированы. Однако несколько тюрем, называвшихся политизоляторами и Северные лагеря принудительных работ оказались в подчинении ГПУ НКВД РСФСР. В июле 1923 г. ГПУ союзных республик были выведены из подчинения республиканских НКВД и слиты в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), подчиненное непосредственно СНК СССР. В его ведение перешли и места заключения ГПУ [8].

Еще в 1922 г. в распоряжение ГПУ для размещения заключенных Северных лагерей принудительных работ были переданы Соловецкие острова и находившиеся там монастырские постройки (с 1920 г. на Соловках существовало лагерное подразделение [9]). 13 октября 1923 г. постановлением СНК СССР на базе ликвидированных Северных лагерей принудительных работ был образован Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ (СЛОН) [10].

Соловецкий лагерь сыграл особую роль в зарождении и становлении советской системы исправительнотрудовых учреждений. Оставаясь до 1929 г. единственным в стране подобного рода пенитенциарным учреждением (лагерем), он стал своеобразным полигоном, где, исходя из идеологических и теоретических постулатов, а, главным образом спонтанно, опираясь на реалии жизни и принцип целесообразности, большевиками отрабатывалась модель нового типа мест лишения свободы, получившего в последующие годы широкое распространение — исправительно-трудовых лагерей, ставших основным системообразующим элементом ГУЛАГа.

В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения», определившем основные направления перестройки деятельности мест лишения свободы, содержались политические установки, создававшие предпосылки для коренной реорганизации пенитенциарной системы. В частности, места лишения свободы были ориентированы на активизацию хозяйственной деятельности и ужесточение репрессий по отношению к лицам, признаваемым классово-чуждыми, а также усиление административных методов в управлении местами заключения [11].

Обращение в 1928 г. заместителя наркома РКИ РСФСР Н.М. Янсона к И.В. Сталину с предложением об использовании труда осужденных в освоении отдаленных местностей (в первую очередь на земляных работах, стройках и лесозаготовках) и развертывании для этого сети лагерей [12] обострило дискуссию о концепции реформы пенитенциарной системы.

13 апреля 1929 г. руководство наркоматов юстиции, внутренних дел и ОГПУ обратилось в СНК РСФСР с докладной запиской, в которой обосновывалась необходимость образования новых концлагерей. Отмечая недостатки существовавшей системы мест заключения (упор главным образом делался на изоляцию лиц, совершивших социально-опасные деяния, огромные государственные расходы, перегруженность тюрем и невозможность обеспечить исполнение судебных приговоров) авторы записки предлагали перейти «к системе концлагерей, организованных по типу лагерей ОГПУ, как гарантирующей реально проведение карательной политики и несомненное значительное снижение расходов по содержанию заключенных». При этом в целях колонизации «северных окраин» и «разработки имеющихся там природных богатств», предусматривалось направление в лагеря лиц, осужденных на срок 3 года и более. В первоочередном порядке предлагалось организовать концлагеря по типу Соловецкого в районе Олонца и Ухты [13].

Политбюро ЦК ВКП (б), рассмотрев через месяц данные предложения, приняло постановление «Об использовании труда уголовных арестантов» [14], которое имело принципиальное значение для последующей эволюции советской пенитенциарной системы. Оно определило развертывание в различных регионах страны сети исправительно-трудовых лагерей и направило развитие советской системы мест лишения свободы по гулаговской модели.

Источники и литература

- 1. Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920-е 1940-е гг.) // Вопросы истории, 2003. № 11. С. 143.
 - 2. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 80-81.
 - 3. См. подробно: Говоров И.В. Указ соч. С. 144-145.
 - 4. Говоров И.В. Указ. соч. С. 145.
 - 5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 59-65.
 - 6. Органы и войска МВД СССР: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 348.
 - 7. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 15.
 - 8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 16.
- 9. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее ГААО ДСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.
 - 10. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 29-30.
 - 11. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 349-350.
- 12. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в Российской истории. Краснодар, 1998. С. 56.
- 13. Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления ЦК ВКП (б). 1929–1930 гг. // Исторический архив, 1997. № 4. С. 143-144.
- 14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 740. Л. 6.

РЕПРЕССИИ «ПО ЗАКОНУ»: ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН*

Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону)

В последние десятилетия теме политических репрессий в СССР уделяется существенное место в отечественной историографии. При этом исследователи прежде всего обращаются к «Большому террору» и политическим процессам 1930–1950-х гг., созданию и функционированию системы ГУЛАГа. Между тем, советское государство использовало широкий комплекс мер социально-правовой дискриминации отдельных категорий населения. К их числу относится и лишение части граждан избирательных прав, сравнительно недавно привлекшее внимание историков [1].

Советы как органы власти с самого начала имели определенный классовый характер, представляя интересы не всего общества, а социальных низов. В Конституции РСФСР 1918 г. утверждалось, что «эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству». При этом юридически закреплялось неравенство среди самих трудящихся: голос одного городского рабочего приравнивался к голосам пяти крестьян. К выборам допускались и другие категории граждан, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом», а также домохозяйки. Все еще сохранявшиеся надежды на мировую революцию выразились в том, что избирательными правами наделялись и иностранные граждане, относящиеся к категории трудящихся. В то же время не могли избирать и быть избранными лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и т.п.), торговцы, монахи и священники, бывшие полицейские, жандармы, члены царской семьи, душевнобольные, находившиеся под опекой и осужденные за корыстные и порочащие преступления [2]. Практически без изменений указанные положения повторялись в конституциях СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г.

^{*} Статья подготовлена в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Порядок проведения выборов и состав лиц, лишавшихся избирательных прав, регламентировали специальные подзаконные акты, требования которых менялись в зависимости от поворотов в политике руководства страны. Так, в условиях стабилизации обстановки в стране 13 октября 1925 г. была принята Инструкция ВЦИК о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. В ней подчеркивалось, что не должны лишаться избирательных прав лица, применявшие наемный труд в сельском хозяйстве, если это не влекло за собой его расширения за рамки трудового. Основным признаком трудового хозяйства считался подсобный характер наемного труда и обязательное участие в работе его трудоспособных членов. Не отстранялись от выборов кустари и ремесленники, владельцы и арендаторы мельниц, сложной сельскохозяйственной техники при условии наличия в хозяйстве одного наемного работника или двух подмастерьев (учеников), если они лично участвовали в работе.

Напротив, новая инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов, утвержденная декретом ВЦИК от 4 ноября 1926 г., значительно расширила круг лишенцев. В их число попали лица, «закабалявшие окружающее население» путем систематического предоставления в пользование сельскохозяйственных машин, скота или предоставлявшие кредит «на кабальных условиях», бывшие офицеры и военные чиновники белых армий. Избирательных прав лишались земледельцы и владельцы предприятий (мельниц, маслобоен и других), а также ремесленники и кустари, применявшие наемный труд, не только постоянно, но и временно, «в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового» [3]. Местные избирательные комиссии по-своему интерпретировали правовые нормы, нередко включая в списки лиц, лишенных избирательных прав всех, кто казался им «классовым врагом».

На Дону с целью изучения результатов применения новой инструкции ВЦИК в конце 1926 г. проводилась проверка инструктором организационного отдела Донского областного исполкома Учакиным в двух специально намеченных сельсоветах Приазовья — Кагальницком и Высочинском [4]. Составленная по ее итогам докладная записка является ценным свидетельством лишения избирательных прав трудящихся, от лица которых и выступало большевистское руководство.

В Кагальницком сельсовете насчитывалось 2 524 хозяйств и 12 594 жителей, среди которых преобладали крестьяне и казаки, значительную часть составляли также кустари и ремесленники. На занятия населения существенно влияли два фактора: с одной стороны, малоземелье, крестьянский надел составлял чуть более 0,5 десятин на человека, с другой стороны, близость Азовского моря, Дона и его притоков, богатых рыбой, а также Ростова-на-Дону как промышленного центра. Основная масса хозяйств — 1 629 (64,5%) — с 8 264 жителей (65,6%) занималась земледелием. При этом, исходя из площади обрабатываемой земли, 68% хозяйств попадали в категорию середняцких, но и они жили не только за счет земледелия, но и побочных доходов от рыболовства и других занятий. Лишь 33% хозяйств обрабатывали свои наделы собственным скотом. Если даже прибавить хозяев, имевших одну лошадь и, в большинстве случаев, работавших в «скопщину», совместно, то обеспечено скотом оказывалось 55% хозяйств. Нехватка рабочего скота не позволяла расширить посевные площади, и часть населения занималась ремеслами, торговлей и рыболовством. Отдельные крестьяне возвращали полученный земельный надел обратно, не имея возможности обрабатывать его из-за отсутствия тягловой силы.

Многосемейность хозяйств и небольшой размер посевов препятствовали широкому применению наемнобатрацкого труда. Свою роль также играла «супряга» как одна из традиционных форм крестьянской трудовой кооперации, заключавшаяся в соединении рабочей силы, скота и инвентаря ряда хозяйств для совместного выполнения отдельных работ. Указав на неполноту предоставленных ему данных, проверяющий, тем не менее, сделал вывод о незначительности применения наемного труда. Постоянно он применялся только в 13 хозяйствах (от 1 до 3 батраков в каждом), не только в хозяйствах, обеспеченных рабочим скотом и посевной площадью, но и в хозяйствах малопосевных, имевших трудоемкие культуры посева, для обработки которых собственных рабочих рук не хватало. Тягловая сила, имевшаяся у середняков, нередко использовалась в других хозяйствах на условиях «трудообмена» или за плату. Временно, в период уборки урожая, сенокоса, прополки подсолнуха, кукурузы, картофеля, наемный труд применялся не менее чем в 30% хозяйств, при этом, по словам проверяющего, «условия этого найма маскируются различными способами – родством, трудообменом, частичной помощью и т.п., поэтому учет такого наемного труда чрезвычайно усложняется». Около 12% хозяйств села Кагальник помимо надельной земли пользовались арендованной, из них 102 хозяйства (около 6,3%) арендовали более 1 десятины. Все это свидетельствовало о том, что Кагальницкий сельсовет относился к «местностям, населенным близкими к середнякам слоями крестьянства», а вовсе не к тем, где бы широко применялась аренда земли зажиточным крестьянством у бедняков.

Хозяйств ремесленников в Кагальницком сельсовете насчитывалось 478, при этом только 149 из них использовали труд учеников, подмастерьев и мастеров, и лишь в четырех это являлось обязательным условием производства. Шесть хозяйств имели подмастерьев и мастеров, остальные — от 1 до 3 учеников, общее количество которых составляло 193 чел.

Применение новой инструкции ВЦИК привело к значительному увеличению численности лиц, подлежавших лишению избирательных прав. В избирательную кампанию 1925/1926 гг. в Кагальницком сельсовете насчитывалось 5 960 чел., достигших избирательного возраста. Из них было лишено избирательных прав 57 торговцев, 12 священников, 1 чел., находившийся под опекой, 1 осужденный с лишением избирательных прав, 3 офицера, всего 74 чел. или 1% от общего количества избирателей. В избирательную кампанию 1926 г. под действие инструкции попало уже 683 чел. или 10,2% от общего количества избирателей. Численность лишенцев выросла на 609 чел. или в 9,2 раза. Основную массу новых лишенцев составили кустари и ремесленники, использовавшие труд учеников и подмастерьев – 145 хозяйств с 414 чел. (60,6%). Затем шли торговцы – 62 хозяйства с 155 чел. (22,7%), лица, использовавшие наемный труд в обработке земли – 13 хозяйств с 38 чел. (6%), священники – 9 хозяйств с 18 чел. (3%) и различные категории «бывших» – бывшие волостные старшины, торговцы, полицейские и т.п. – 16 хозяйств с 48 чел. или около 7%.

Высочинский сельсовет включал 539 хозяйств, в которых проживало 2 697 чел. В отличие от Кагальника, здесь значительно преобладали крестьянские земледельческие хозяйства, их насчитывалось 523 (97%) с 2 628 чел. (97,4%). В Высочинском сельсовете также сказывалось малоземелье, но середняки составляли 80,4% хозяйств. 40% хозяйств были способны собственным скотом обрабатывать надельные земли, а в совокупности с 28% однолошадных крестьян скотом было обеспечено 68% хозяйств. Постоянно наемный труд применялся в 15 хозяйствах, временно, в период уборки урожая или покоса трав – в 19, в основном в 16 хозяйствах, имевших 10 и более десятин. 12 хозяйств перерабатывали молоко на сепараторах за соответствующую плату, что подходило под определение «систематического предоставления инвентаря в пользование окружающему населению». Однако, по оценке проверяющего, это не имело «кабального характера», что не позволяло ставить вопрос о включении этих хозяйств в состав подлежащих ограничению в избирательных правах.

В докладной записке отмечалось, что составление списков лишенных избирательных прав было произведено «чрезвычайно не точно». Поэтому «многие лица, должные по занимаемому положению попасть в списки, в таковые не попали». В предыдущих выборах было лишено избирательных прав 5 чел., включая двух священников и 3 чел., находившихся под опекой или 0,4% от общего количества избирателей. В кампанию 1926 г. под действие новой инструкции подпадали 15 хозяйств, применявших наемный труд как основной (40 чел.), четыре хозяйства, имевшие паровые молотилки (16 чел.), два хозяйства священнослужителей (8 чел.), два хозяйства, временно занимавшиеся торговлей мясом (4 чел.), 3 душевнобольных и лиц, состоявших под опекой. Всего отстранялось от участия в выборах 24 хозяйства с 74 чел. или 5,3% от общего количества избирателей. Увеличение произошло по сравнению с прошлым годом примерно в 15 раз. В Высочинском сельсовете, как и Кагальницком, практиковалась дача средств взаймы, но учесть таких лиц не представлялось возможным.

В целом, докладная записка отражает стремление проверяющего отнестись к реализации новой инструкции по «всей строгости закона». Учакин несколько раз подчеркивает необходимость более тщательного учета лиц, использовавших наемный труд и дававших займы «на кабальных процентах». Он отмечает, что обучение ремеслам в Кагальнике – «обычное явление, и применяется оно во многих случаях не в целях извлечения прибыли, а чаще в целях добрососедского уважения – научить сына или дочь соседа, родственника или знакомого ремеслу, однако, это не исключает наличия ряда фактов, где ученичество практикуется как добавочный труд». В то же время инструктора облисполкома волнует то, что увеличение численности лишенцев могло отрицательно отразиться на настроении ремесленников, «особенно если принять во внимание то обстоятельство, что до 29% из них служило в рядах Красной армии». Более того, согласно новой инструкции в Кагальницком сельсовете подлежали лишению избирательных прав 10 членов прежнего состава сельсовета, из которых 8 являлись ремесленниками, а в Высочинском сельсовете — 2 чел.

Действительно, по установленным инструкцией критериям можно было лишить избирательных прав почти все крестьянское население. За применение «наемного труда» в число «лишенцев» попал, например, крестьянин деревни Мушино Удомельской волости Тверской области М.М. Марков, писавший: «Мне... ставят в вину, что у меня были плотники при производстве надворных построек. В деревне нет такого крестьянина, который не пользовался бы наемным трудом при ведении построек. Строить дом или двор одному невозможно». 73-летний житель деревни Брусово той же волости А.А. Соловьев был лишен избирательных прав за то, что вместе с братом приобрел патент и торговал лесом, хотя за него ходатайствовало 40 односельчан. В своем обращении они писали, что Соловьев в молодости батрачил, предприятий не имел, жил всегда небогато. В 1926 г. у него сгорел дом, пала корова «и старик обнищал, живя только огородом, имея болезнь рака, в результате чего у него удалена нижняя челюсть, и получает питание только молочное через искусственный аппарат» [5].

Лишение избирательных прав советских граждан предусматривалось и в качестве меры уголовного наказания. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., поражение политических и отдельных гражданских прав могло назначаться осужденному как полностью, по всей совокупности прав, так и по отдельным их категориям, среди которых закреплялось и непосредственно лишение активного и пассивного избирательного права. Суд рассматривал вопрос о поражении прав осужденного при вынесении приговора о лишении свободы на срок свыше года. Поражение в правах назначалось в качестве и самостоятельной, и дополнительной меры социальной защиты. В тоже время она не могла соединяться с условным осуждением и общественным порицанием и назначаться на срок свыше пяти лет. В случае назначения рассматриваемой меры в качестве дополнительной к лишению свободы, поражение прав распространялось на все время отбытия заключения и сверх того на срок, определенный приговором. При досрочном освобождении в силу амнистии или помилования срок поражения в правах исчислялся со дня освобождения от лишения свободы [6].

Численность лишенцев в Советской России постоянно росла. В 1924 г. в РСФСР лишенцы составили 700 тыс. чел. или около 1,6% от общей численности избирателей. В 1926 г. – 4,5% избирателей, в 1927 г. – 7,7% (в сельской местности, соответственно, 1,1% и 3,3%) [7]. В городах РСФСР в 1926 г. она составила 219 745 чел. (4,2%), в 1927 г. – 612 236 (7%), в 1929 г. – 727 365 (7,2%), т.е. в абсолютном выражении за три года увеличилась более чем в три раза. В других республиках численность лишенцев, как правило, оказывалось еще выше. В 1929 г. она составила 11,8% избирателей Украины, 13,7% – в Узбекистане. В целом же, согласно опубликованным данным, в СССР в 1929 г. были лишены избирательных прав 8,6% взрослого населения, тогда как в 1927 г. – 7,7%. Ш. Фицпатрик приводит данные, согласно которым численность лишенцев в РСФСР в 1930 г. составила почти 2,5 млн чел., и, как минимум, 4 млн чел. в СССР. Приблизительный характер указываемых цифр, по ее мнению, свидетельствует о том, что власти, скорее всего, и сами точно не знали, сколько человек было лишено избирательных прав [8]. Увеличение численности лишенцев было связано не столько с более тщательным их выявлением, сколько с поворотом к административно-волевым методам руководства в связи со сворачиванием нэпа.

Право избирать и быть избранным всегда относилось к числу основных политических прав граждан, обеспечивающих им возможность прямо и непосредственно участвовать в управлении государством. Однако избирателям в Советской России в рассматриваемый период фактически отводилась роль статистов, так как на их рассмотрение представлялся заранее подготовленный безальтернативный кандидат или список, утвержденный партийными органами [9]. В то же время лишение избирательного права отнюдь не являлось простой формальностью, поскольку вместе с ним человек терял и другие права и возможности пользоваться социальными благами. Лиц, лишенных избирательных прав и членов их семей не принимали в учебные заведения, в партию и комсомол, им было сложно устроиться на работу. Лишенцев не брали в колхозы, они не могли стать членами кооператива, артели, а при налогообложении им полагалось «твердое задание». После введения карточной системы в 1928 г. лишенцы не получили карточек и были вынуждены покупать продукты по коммерческим ценам, их также лишали пенсий и пособий. В 1929—1930 гг. в государственных учреждениях прошли «чистки» с целью удалить из них лишенцев и других «социально-чуждых» лиц. Больницы и суды, жилищные и налоговые ведомства, другие структуры должны были проводить по отношению к ним дискриминационную политику.

Секретное постановление правительства в августе 1930 г. запрещало предоставлять лишенцам и другим служащим, потерявшим работу в результате недавних чисток, их предлагалось «отправлять на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, и только в такие места, где испытывают острую нехватку рабочей силы». Новой дискриминации подверглись лишенцы и при выдаче паспортов, хотя в правилах, установленных комиссией Политбюро, не говорилось прямо, что лишение избирательных прав само по себе может быть основанием для отказа в выдаче паспорта. Однако местные должностные лица, как правило, автоматически отказывали в выдаче паспортов лишенцам, членам их семей и вообще всем, в ком интуитивно чувствовали «социальночуждых» [10].

Немало лишенцев пыталось обжаловать принятые в отношении них меры. Только за первые два месяца 1930 г. от граждан РСФСР поступило 17 тыс. жалоб на необоснованное лишение избирательных прав (за те же месяцы 1926 г. – менее 500). В большинстве из них упор делался не на само лишение прав, а на сопутствующие дискриминационные меры: выселение из квартир, исключение из профсоюзов и учебных заведений, увольнение с работы, обложение специальными налогами, раскулачивание и т.д. Восстановлением в правах занимались различные учреждения: сельские советы, райисполкомы, ЦИК автономных республик, ВЦИК РСФСР. Для этого в них создавались специальные комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев. В последнее время ряд опубликован ряд писем лишенцев к различным властным структурам, от поселковых и районных избирательных комиссий до обращений к Председателю Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинину как главе государства, а также в редакции газет [11].

Однако на практике восстановление в правах, как правило, сопровождалось достаточно унизительными публичными ритуалами. Например, священнослужителям приходилось публично отрекаться от собственного сана, а то и от веры в Бога. Ради восстановления в правах люди отказывались от членов своей семьи, от собственного прошлого, порой шли на откровенную ложь и подкуп должностных лиц, от которых зависело

принятие положительного решения. Пожалуй, одним из немногих «нормальных» способов являлась служба в армии и на флоте, дававшая возможность после демобилизации восстановиться в правах.

Только согласно Конституции СССР 1936 г. все совершеннолетние граждане страны, за исключением умалишенных и осужденных судом с лишением избирательных прав получили право избирать и быть избранными. Лишение прав как мера социальной и правовой дискриминации была официально отменена, просуществовав 18 лет. На практике же в советских анкетах, заполнявшихся при приеме на работу, и после этого сохранялся пункт: «Были ли вы когда-либо лишены избирательных прав?», позволявший осуществлять дискриминацию в отношении бывших лишенцев и членов их семей.

Таким образом, лишение избирательных прав стало одной из важнейших мер советской политики, направленной на кардинальную трансформацию общества. Отказавшись от прямого террора эпохи Гражданской войны, власть в годы нэпа перешла к иным способам ликвидации социальных групп и слоев, которые она полагала для себя потенциально враждебными. С отказом от нэпа эти меры только усиливались, лишенцы превращались в изгоев, подвергались дальнейшим репрессиям. В то же время документы свидетельствуют о том, что многие лишенцы достаточно лояльно относились к советскому строю, воспринимая произошедшее с ними как результат некоей ошибки и обращаясь с просьбами восстановить справедливость. Они не успели разобраться с переменами в правящем курсе и быстро к ним приспособиться.

Анализ лишения избирательных прав как правовой нормы и его реализации на практике позволяет понять общий ход, направленность и тенденции в развитии советской репрессивной политик в 1920–1930-х гг. Данная форма репрессий также красноречиво характеризует сам стиль взаимоотношений власти и общества: советским гражданам приходилось самостоятельно догадываться, чего от них ожидают, и искать способы демонстрации всемерной поддержки режима. Впрочем, и в этом случае они не были полностью застрахованы от таких «неприятностей», как ложный донос или простая ошибка судебно-следственных органов.

Источники и литература

- 1. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996; Хлынина Т.П. Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С. 94–103; Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики, 2007. Т. 5. № 4. С. 483–496 и др.
 - 2. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 561-562.
- 3. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1926. № 75. Отд. 1. С. 889.
- 4. Докладная записка заведующему организационным отделом Донисполкома // Азовский историкоархеологический и палеонтологический музей-заповедник. Фонд документов.
- 5. Ильин Н. Реализация партийно-государственной политики по отношению к кулачеству Северо-Западного региона Тверской области // Удомельская старина. Краеведческий альманах, 2003. № 30. Январь.
- 6. Уголовный кодекс РСФСР. В редакции 1926 года. Издание официальное. М., 1927. Ч. 1. Ст. 20-д. Ст. 31-а. Ст. 32. Ч. 2. Ст. 23, 32, 34. Ч. 3. Ст. 34.
 - 7. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. М., 1927. Вып. 1. С. 21.
- 8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001. С. 295.
- 9. Тимофеева Л.С., Федорова Н.А. Советская избирательная система при переходе к НЭП // История государственности Республики Татарстан и современность. Казань, 2000. С. 43–53.
 - 10. Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 145-147.
 - 11. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001 и др.

ПАСТОР К. РУШ ИЗ САРЕПТЫ. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Н.Э. Вашкау (Волгоград)

Колония Сарепта является своеобразным культурно-историческим феноменом. Указом от 11 февраля 1764 г. Екатерина II разрешила потомкам моравских братьев-переселенцам из Гернгута поселиться в избранном ими месте, «свободно отправлять свою веру и принимать присягу по своим обычаям» и заниматься миссионерской деятельностью среди нехристианских народов. Сарепта отличалась по своему хозяйственному строю и от немецких колоний, и, особенно, от русских. Постепенно развитие экономических связей, проведение железной дороги в непосредственной близости от колонии, общий общественный подъем конца XIX в. привел к ломке строгих религиозных догм. Пастор уже не вмешивался во внутренний ход жизни, ограничиваясь только духовной сферой. В 1892 г. гернгутская дирекция приняла решение о прекращении деятельности общины и об отзыве братьев-генгутеров из Сарепты. Связь с церковью в Гернгуте прервалась, а в 1894 г. Сарепта перешла под крыло Евангелическо-лютеранской церкви. После революции все завод ы и фабрики перешли в государственную собственность, многие владельцы выехали за границу. Сарепта приходила в упадок. В период Гражданской войны колония шесть раз переходила из рук в руки. Организационные изменения привели к тому, что 16 мая 1920 г. Сарепта стала центром уезда и была переименована в Красноармейск. Церковная история Сарепты закончилась в 1920 г., когда комиссия по перевыборам Красноармейского городского совета 8 октября 1920 г. постановила «Лишить избирательного права пастора Юргенса как пастора евангелическо-лютеранской церкви на основании Конституции РСФСР наряду с семьями, которые замечены в сотрудничестве с белыми». Прихожане церкви обращались за духовной помощью и отправлением обрядов к пастору Царицына Доберту. Стремление провести в сжатые сроки коллективизацию обернулось разорением крепких хозяйств и истового середняка. Списки раскулаченных семей Сарепты, описи имущества заставляют задуматься о цене такого рода экспериментов над хозяином и землей.

Началось массовое закрытие церквей и приходов в немецких колониях Поволжья под любым предлогом – устанавливался высокий налог, который общины часто не могли заплатить . Церкви передавались под школы, дома культуры, но часто под склады, магазины, что оскорбляло чувства верующих. Повсеместно проводились неосновательные расторжения договоров на пользование церковными зданиями, запрещалось использование религиозных обрядов. Служители церкви были лишены избирательных прав. На насильственную коллективизацию крестьянство отвечало эмиграцией, которая приобрела обвальный характер . Это встревожило власти, и 5 января 1930 г. Немецкий обком ВКП(б) направил письмо в кантонные организации о том, что в ряде кантонов грубо нарушалась линия партии, что облегчало контрреволюционную работу кулачества (главного «виновника эмиграции»); применялся административный нажим, угрозы против верующих, выступающих против закрытия церквей; организация соревнования за закрытие церквей; необоснованные аресты духовенства и организация суда над ними.

В такой обстановке повсеместной травли продолжал служить до последнего часа пастор евангелическолютеранской церкви бывшей колонии Сарепта Руш Константин Яковлевич. Константин Яковлевич Руш родился в 1893 г., в немецкой колонии Сплавнуха (Гукк) Камышинского уезда Саратовской губернии в с семье служащего. Отец Руш Яков Андреевич умер в 1931 г., работал учителем, мать, Руш Амалия Лукьяновна, умерла следом, в 1935 г., не выдержав ареста сына. Яков Константинович закончил саратовскую гимназию и с 1909 по 1914 г. учился в Базельском университете (Швейцария) на филологическом факультете (школа проповедников). В 1914 г. его отзывают в Россию для отбывания воинской повинности и до 1917 г. он служит в царской армии писарем, а с 1917 по 1921 г. в Красной Армии также в качестве писаря. После демобилизации поступил учителем Закона Божьего в начальную школу колонии в Сплавнухе (Бальцерский кантон, АССРНП). Работал до 1924 г., затем закончил семинарию проповедников в Ленинграде с 1925 по 1928 г. (одновременно работал в немецкой колонии Колпино с 1924 по 1927 гг.). Ордиирован в 1928 г. и начинает служить пастором в лютеранской колонии. С 1929 г. назначен пастором в Сарепте.

Эти сведения удалось установить благодаря документам, полученным из УФСБ РФ по Республике Коми. Но буквально через год служение обрывается. В это время под Москвой началось стихийное движение за выезд за границу колонистов, недовольных хлебозаготовками. Волнения наблюдались и в поволжских колониях – Нижней и Верхней Добринке, Красноармейске. Как явствует из воспоминаний Ф. Зайлера, архивариуса, посетившего Сталинград летом 1932 г., поводом для предъявления обвинений пастору Рушу стал факт, когда сарептянин Локшпитцель привез в Сарепту номер московской центральной газеты и принес в общину для обсуждения, там шла речь о возможностях эмиграции. На это опиралось расследование, которое, как пишет автор «имело целью убить пастора Руша после того, как ему удалось возродить жизнь общины и заполнить церковный зал». В октябре 1929 г. он арестован, находился в сталинградской тюрьме и был подвергнут мучительным допросам. Пастора обвинили за проведение собраний, разжигание антигосударственных настроений, обвинение властей в разрушении церквей, преследовании священников. Руш и Талер (член общины (1899 г.р.,) обвинений не признали. С ним подверглись репрессиям 13 активистов общины. Через 6 месяцев следствия Руш осужден в апреле 1930 г. постановлением тройки ОГПУ по Нижне-Волжскому краю на 10 лет лагерей (58-10, 58-2 УК РСФСР) за «поддержку кулацкой верхушки и сравнение жизни в СССР и за границей». Срок начал отбывать с 28 ноября 1929 г. Из Саратова прибыл в Ухту 27 мая 1930 г. «Пастор Руш как образованный человек, был занят в конторе, из старейшин кондитер и колбасник – по своей профессии, что было для них неплохо. Много хуже был жребий оставленных жён. Они были безгласны, не могли претендовать на хлебные карточки, жилище и т.д. и, поскольку государство является единственным работодателем и им не хочет добра, они лишь с трудом находят место службы» - такие строки мы читаем в воспоминаниях Э.Зайлера. Когда он, посетив Сарепту в 1932 г., встретил жену пастора с детьми Тамарой и Вальтером и матерью (умерла в 1935 г.), он записал в дневнике «им из милости и сострадания позволили остаться жить в ризнице церкви». В течение трех лет кирха в Сарепте подверглась разгрому, растащили по трубочкам великолепный орган. Позднее она была и клубом, и больницей, и кинотеатром «Культармеец», и складом.

Репрессии против советских немцев, развернувшиеся в 1930—1938 гг., имели цель ликвидировать «очаги» и «базы» шпионско-диверсионной и повстанческой деятельности германской разведки в СССР. Исследователи на основе открытых архивных документов восстанавливают масштабы и механизм репрессий. Только за 1937—1938 гг. по неполным данным было осуждено 69-73 тыс. немцев.

В архиве Сарепты хранятся немногочисленные документы о репрессированных жителях – простых тружениках, сельских интеллигентах, рабочих знаменитого горчичного завода, шпалопропиточного, где работали большинство мужчин Сарепты.

1937 г. — время арестов сарептян буквально по списку. Только в октябре арестовано 50 человек с завода «Основатель» и шпалопропиточного: К.П. Мейснер, В.В. Гебб, А.Ф. Лангерфельд... В 1938 г. на шпалопропиточном заводе вместе с бригадиром А.Я. Кроу арестовано 30 человек. Завод остановился — работать было некому. Некоторые судьбы нам удалось проследить. А.Я. Кроу, П.Ф. Лотц были расстреляны. Судьбы других восстанавливаются.

Отбыв 10 лет наказания в Ухтпечлаге, 16 октября 1937 г. К. Руш был освобожден. Работает по вольному найму в должности фармацевта на территории Ухтижемлага, живет в Сангородке. С 21 августа 1938 г. зам. зав. заведующего аптекобазы на территории Ухтижемлага. С 30 июля 1941 г. фарминспектор.

В сентябре 1941 г. все жители Сарепты немецкой национальности были погружены на баржи и депортированы в Восточно-Казахстанскую область. Жизнь на спецпоселении и в трудармии показана на основе архивных документов и воспоминаний сарептян в книге «Сарепта. Страницы истории российских немцев». Списки всех жителей колонии на август 1941 г. и документы по подготовке депортации опубликованы в книге «Сарепта. Территория памяти». В списке депортированных нет Руша и его семьи. В то время как шла депортация, а немцев, служивших в армии и принявших рядом с другими бойцами первые бои, отзывают с фронтов и отправляют на восток, вольнонаемный К. Руш снова арестован 19 октября 1941 г. Во время обыска были обнаружены и изъяты квитанции на отправленную корреспонденцию, пять адресов, написанных в блокноте, схема карандашом на бумаге, паспорт, военный билет, удостоверение к нему, служебное удостоверение, сберкнижка. В обвинительном заключении от 23 марта 1942 г. с указанием фамилий осведомителей и «свидетелей», записано, что в вину ему ставится получение девяти посылок из Эстонии, четырех — из Латвии и четырех — «неизвестно откуда». Пастора обвиняют в том, что он делился полученными посылками с немцами и ставил их на легкие работы. Обвиняют в связях с германским Красным Крестом, получении гуманитарной помощи, восхвалении германской культуры, клевете на национальную политику партии большевиков.

Из материалов следственного дела видно, что на допросе 8 августа 1942 г. мл. лейтенант N. сделал запись: Руш в 1935—41 г. проводил агитацию среди населения, восхваляя фашистскую систему и жизнь за границей, демонстрировал пораженческие взгляды. Руш виновным себя не признал, объяснил, что посылки присылала его сестра, проживающая за границей, но «изобличается свидетельскими показаниями и агентурными данными, что получал посылки от Красного Креста (1935—1937), слушал по радио речи Гитлера. Дело направлено на рассмотрение ОСО 21 августа 42 года. Обвинен по статье 58-10, ч.2. Особым совещанием при НКВД СССР 29 августа 1942 г. за антисоветскую агитацию» в военное время и расстрелян 3 октября 1942 г. в 23 часа 10 мин. Личное имущество конфисковано, сберкнижка — (6117 руб.) конфискована. Утвердил приговор прокурор Ухтижемлага НКВД Мамаев.

Спокойное интеллигентное лицо пастора на фото 1929 г. Фотографам не хватало времени на фотографии для следственных дел, и они усаживали арестованных в ряд. Его фото из архива ФСБ по Волгоградской области опубликовано впервые в сборнике документов «История Сарепты в документах». Реабилитирован прокуратурой Республикой Коми 3 мая 1989 г. Как сказано в официальном документе К.Я. Руш, «подпал под действие ст. 1. Указа Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Такие сухие строки официальных документов сопровождают практически все следственные дела по реабилитированным. Судьба пастора, о котором помнят пожилые прихожане евангелическо-лютеранской церкви Сарепты, восстановлена. Памятник жертвам политических репрессий, установленный на окраине Ухты – это памятник и ему.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПЕНИТЕРНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ НА СОЛОВКАХ В 1920—1939 гг.

О.Н. Панова (Архангельск)

Пенитенциарная система – установленный в государстве порядок и режим отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. В пенитенциарную систему входят, например, тюрьмы, исправительные лагеря с разными режимами, колонии для несовершеннолетних.

На момент объявления России республикой в стране имелась старая, царская пенитенциарная система. Новой власти, критиковавшей царизм, необходимо было менять ее, к тому же, Первая мировая и начавшаяся Гражданская война требовали другой системы вынесения приговоров и гораздо большего количества мест заключения. И советская власть постаралась провести реформы в сжатые сроки...

Предпосылка создания лагерей была заложена в первой Конституции РСФСР, статья 23 которой давала возможность лишать отдельных граждан и целые группы населения гражданских прав [1]. 1918–1920 гг. стали основополагающими для зарождающейся репрессивной политики нового государства. В это время были приняты постановление Совета Народных комиссаров «О красном терроре», декрет Народного комиссариата юстиции от 23 июля 1918 г. (лишения свободы во всех случаях сопровождается направлением осужденного на принудительные работы); декрет ВЦИК о создании при отделах управления Губисполкомов лагерей принудительных работ от 15 апреля 1919 г.; Постановление ВЦИК о лагерях принудительных работ, детализирующее декрет 15 апреля [2]. Первые лагеря в Архангельской области стали появляться в 1919 г., а уже в апреле 1920 г. сотрудник для поручений второго разряда Архгубчека С.А. Абакумов назначается комендантом Соловецких островов и убывает к месту назначения для осуществления подготовительных работ по организации на островах лагеря принудительных работ. При этом, учитывая отсутствия опыта в подобных делах, организаторы не знали, как необходимо создавать подобное учреждение. На собрании Коммунистической ячейки Соловецких островов 2 октября 1920 г. была проведена беседа о том, что такое лагерь принудительных работ и как он организуется. При этом докладчиком был заключенный Булатов, сосланный на Соловки и исключенный из партии за отказ идти на фронт [3]. В это же время на островах была создана и детская колония [4].

В начале мая в Архангельске формируется Управление лагерями принудительных работ (впоследствии Управление Северными лагерями). В это время в области действовали Шенкурский, Холмогорский, Пертоминский и Соловецкий лагеря. Но их разбросанность на территории Северного края и незначительное число заключенных в одном лагере (300 человек) не совсем подходили новому государству. Концентрация значительного количества осужденных на одном месте позволяла улучшить охрану, сократить расходы на содержание лагеря и организовать более эффективное их использование в народном хозяйстве. В связи с этим 16 июня уполномоченный секретно-оперативного отдела Рекстин направляется в командировку по делам службы на Соловецкие острова, г. Онегу и Пертоминский монастырь. Целью его поездки являлось изучение данных территорий с точки зрения наибольшей пригодности для создания единого лагеря особого назначения [5]. Как показали последующие события выбор пал на Соловки. С этого момента началась подготовка к преобразованию Соловецкого лагеря принудительных работ в СЛОН.

6 июня 1923 г. начальник Архангельского Губотдела ГПУ, возглавивший с 24 апреля Управление Северными лагерями «в связи с открытием Соловецких лагерей» выехал в командировку на Соловки и Пертоминск. Он должен быть лично ознакомиться с ходом подготовки будущего лагеря особого назначения. А 2 ноября 1923 г. Совет народных комиссаров принимает «Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ». Пункт 1 Постановления гласил: «Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения и два пересыльно-распределительных пункта в Архангельске и Кеми». Постановлением СНК «все угодья, живой и мертвый инвентарь», принадлежащие ранее Соловецкому монастырю, а также Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно—распределительному пункту передавались безвозмездно ОГПУ. Совет Народных Комиссаров предписывал чекистам «немедленно приступить к организации труда заключенных для использования сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов и предприятий, освободив таковые от уплаты налогов и сборов» [6]. К 15 декабря того же года, как это следует из приказа заместителя ОГПУ Генриха Ягоды № 527 Северные лагеря принудительных работ и Управление лагерями г. Архангельска, Холмогор и Пертоминска были переведены на о. Соловки, где с 1920 г. также существовал лагерь принудительных работ.

В состав Слона входило пять отделений, расположенных на островах архипелага, и Кемский пересыльный пункт «на острове Революции» (Попов остров) близ Кеми. Начальником УСЛОН ОГПУ был назначен А.Ногтев, возглавлявший до этого Управление северными лагерями. В докладе за 1924 г. «О политических заключенных, содержащихся в Соловецких лагерях особого назначения ОГПУ», отмечал, что в отчетном году на Соловках находилось 3 тыс. заключенных. Наиболее крупной группой были политические – около 350 че-

ловек [7]. Остальной контингент составляли осужденные за должностные преступления, шпионаж, контрреволюционные выступления и уголовники-рецидивисты. Во второй половине 1920-х гг. масштабы деятельности Соловецкого лагеря значительно расширились. По состоянию на 1924/25 гг. численность заключенных составила 7093 чел., а на 1927/28 гг. соответственно – 22176 [8].

К 1928 г. заключенные СЛОНа выполняли уже достаточно большой объем работ на лесозаготовках, на строительстве дорог и по договорам подряда с государственными предприятиями, нуждавшимися в рабочей силе. Наряду с производственной деятельностью возрос и объем торговых операций УСЛОН. Начались они с реализации продукции, вырабатываемой промышленностью лагеря, продажи предметов первой необходимости и за 5 лет СЛОН стал мощной структурой, игравшей огромную роль в организации торговли в Карелии.

Заключенные СЛОНа строили тракты Кемь – Ухта и Парандово – Ругозеро, в больших объемах осуществляли лесозаготовки. Занимались рыбными и иными промыслами. Таким образом, к 1929 г. УСЛОН наработал опыт активного использования принудительного труда в различных отраслях народного хозяйства.

При этом нужно отметить, что до 1929 г. Соловецкий лагерь был единственным в стране пенитенциарным учреждением подобного типа, и стал своеобразным полигоном, где, руководствуясь идеологией и исходя из жизненных условий, большевики отработали новую модель мест лишения свободы, получившую в последующие годы широкое распространение - исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Н.В. Упадышев выделил наиболее существенные черты этой модели: осуществление 3 основных функций: карательной, производственно-хозяйственной и воспитательной; обязательное применение принудительного труда заключенных, использование их на работах по усмотрению лагерной администрации; использование для стимулирования труда дифференцированных норм питания; совместное содержание политических и уголовных осужденных, произвол и применение методов насилия особенно к нарушителям лагерного режима и отказникам от работы, формирование и распространение лагерной субкультуры, прежде всего, уголовного арго [9]. Но с начала 30-х гг. ситуация в стране меняется. В это время происходит реформирование советской пенитенциарной системы и за основу был взят пример Соловецких островов.

К 1930 г. СЛОН состоял из собственно Управления, находящегося в Кеми и пяти лагерей, именовавшихся отделениями и отдельного Кемского пункта.

1-е отделение размещалось на острове Революции (Попов остров). Здесь содержалось 16 667 заключенных, находящихся как на самом острове, так и на работах в районах, отведенных для данного отделения.

2-е отделение — с центром на станции Май-Губа, имело в своем составе 10 074 заключенных, занятых на лесозаготовках, разделке леса и его отгрузке потребителям вдоль линии железной дороги от ст. Кяпесельга до ст. Олимпий и тракта Парандово - Ругозеро.

3-е отделение – с центром в городе Кандалакша. Имело 9700 заключенных, занятых на лесозаготовках вдоль линии железной дороги к северу от ст. Эньг-Озеро до Мурманска включительно.

4-е отделение находилось на Соловках. Здесь было 15 834 заключенных, занятых на различных предприятиях.

6-е отделение с центром на разъезде Белой Мурманской железной дороги и числом заключенных 2340 человек строили железнодорожную ветку к апатитовым разработкам.

5-м отделением именовалась Байкальская экспедиция, вошедшая к тому времени в состав Сибирских лагерей.

Всего в Соловецких лагерях находилось 57 325 заключенных, из них мужчин — 54 973, женщин — 2352 чел. [10]. В скором времени отделения и командировки СЛОНа получили экономическую независимость и превратились в отдельные лагеря. В это же время началась одна из самых больших строек на северо-западе — Беломоро-Балтийский канал. Это решило судьбу Соловецкого лагеря. Приказом ОГПУ Кемское отделение Соловецкого исправительно-трудового лагеря было ликвидировано с 1 августа 1932 г. А с 1 ноября 1933 г. были расформированы и Соловецкие лагеря. Все заключенные, аппарат и имущество были переданы Белбалкомбинату ОГПУ. Его начальнику было предложено организовать на Соловках специальный лагерь для содержания там отдельных категорий заключенных по особым инструкциям. На базе Соловецких лагерей было создано 8-е Соловецкое специальное (штрафное) отделение ББК ОГПУ-НКВД [11].

Приказом НКВД от 28 ноября 1936 г. 8-е Соловецкое специальное отделение ББК было передано 10-му отделу ГУГБ (Главное управление государственной безопасности) НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) ГУГБ.

В ней содержались «социально-опасные» преступники, а также осужденные, нарушившие режим, трудовую дисциплину, совершавшие побеги. Для них установили особо строгие условия содержания:

- А) камеры запирались на замок и находились под стражей;
- Б) все выводы осужденных из камер осуществлялись под охраной;
- В) на внешние работы осужденные не выводились
- Γ) свидания и передачи осуществлялись один раз в месяц, переписка -2 раза в месяц

Д) прогулка допускалась ежедневно в пределах одного часа.

На 1 марта 1939 г. в СТОН содержалось 1688 чел., на 1 августа 1939 г. — 2512. Кроме того, в лагерном режиме содержались в Соловецкой тюрьме 1722 чел., так называемые «бытовики лагерного контингента» со сроком до 10 лет. Они использовались на заготовке дров, строительстве новой тюрьмы и военного городка, на ремонтных работах, в сельском хозяйстве, обслуживании электростанции.

За время существования Соловецкой тюрьмы в ней неоднократно проводились расстрелы больших партий заключенных. В 1937—1938 гг. были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны 1818 заключенных (массовый расстрел в ущелье Сандормох, Карелия — 1111 чел., 198 чел. — на Соловках и 509 — в окрестностях Ленинграда).

Соловецкая тюрьма особого назначения существовала недолго, так как руководители советской пенитенциарной системы быстро поняли неэффективность содержания за счет государства заключенных на островах, обладающим столь выгодным географическим положением. 14 октября 1939 г. НКВД принял приказ об организации комиссии для определения целесообразности дальнейшего существования Соловецкой тюрьмы НКВД. Видимо комиссия не замедлила подтвердить неэффективность дальнейшего существования Соловецкой тюрьмы и, Приказом НКВД СССР от 2 февраля 1939 г. и Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1939 г. СТОН был закрыт. По ходатайству Наркомата Военно-морского Флота территория Соловецких островов, строения и подсобное хозяйство были переданы Северному флоту [12].

С этого момента учреждения, принадлежащие к пенитенциарной системе государства, прекратили свое существование на Соловецких островах.

Источники и литература

- 1. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права. М., 1997. С. 308.
- 2. Ильин В.Н. Лагеря принудительных работ основа ГУЛАГа на Севере России // Социокультурное пространство: Материалы 10-го Соловецкого форума. Архангельск; Соловки, 2001. С. 58-59.
 - 3. ГААО, отдел ДСПИ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.
 - 4. ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 202. Л. 16.
 - 5. Ильин В.Н. Указ соч. С. 66.
 - 6. Поморский мемориал: книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. С. 757.
 - 7. Поморский мемориал. Архангельск, 1999. С. 12.
 - 8. ГААО, отдел ДСПИ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 10. Л. 372.
- 9. Упадышев Н.В. От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной системы // Отечественная история, 2006. № 6. С. 90.
 - 10. Поморский мемориал. Архангельск, 1999. С. 12.
 - 11. СЛОН ОГПУ: фотолетопись. СПб., 2004. С. 102.
 - 12. Там же. С. 103.

СИСТЕМА ГУЛАГА И ТРАГЕДИЯ КАЗАХСТАНА (О ПОСЛЕДСТВИЯХ СОВЕТСКОЙ ТОТАЛИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ В 20-50-е гг. ХХ в.)

Т. Садыков (Астана, Республика Казахстан)

По Указу Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева ежегодно в Казахстане 31 мая отмечается как День памяти жертв политических репрессий. Это не случайно, так как в период процветания тоталитарной политики 20–50 гг. XX в. Казахстан, как и в целом бывший СССР, ощутил на себе тяжелые последствия этой нечеловеческой, варварской политики.

Основа такой политики была заложена еще на заре Советской власти. Система лагерей (ГУЛАГ) в СССР сложилась как часть административно – командного строя тоталитарного государства.

С первых дней Советской власти большевики ставили главной целью создания и упрочения тоталитарной системы. Ведь диктатура пролетариата, революционное переустройство общества не мыслилось без методов насилия в отношении нелояльных к советскому режиму социальных групп.

В одном из первых документов Советского правительства – обращении В.И. Ленина «К населению» от 5 ноября 1917 г. предлагалось предавать «революционному суду всякого, кто посмеет вредить народному делу…»

Уже в декабре 1917 г. он выдвигает следующий набор наказаний: «конфискация имущества, заключение в тюрьму, отправка на фронт и на принудительные работы всем ослушникам настоящего закона».

В декабре 1918 г. Ленин выступил за увеличения мест заключения и усиления уголовных репрессий. Спустя месяц, в марте 1918 г. СНК РСФСР издал постановления «О красном терроре», которое положила начало заключению классовых врагов в лагеря.

В свою очередь ВЧК дал указание «немедленно арестовать всех правых эсеров, а из буржуазий и офицерства взять значительное число людей в качестве заложников».

В годы гражданской войны осуществление террористической политики объяснялось революционной целесообразностью. Однако террор был продолжен и после гражданской войны. В 1920 г. в Германии на Конгрессе независимой социал-демократической партии Ю.Мартов уличил большевиков в бессмысленном, огульном, массовом терроре против невинных людей, отметив, что уже сам по себе факт, что «жены и сыновья политических противников так же арестованы как заложники и многие из них из мести за действия их мужей и отцов были расстреляны, является документом масштаба террора».

М.Н. Тухачевский по приказу В.Ленина и Л.Троцкого жестоко расправился не только с тамбовскими повстанцами, но и с их семьями.

Участники Кронштадтского восстания призывали «выгнать узурпаторов и покончить с режимом комиссаров». Это восстание было также подавлено армией во главе с М. Тухачевским.

Такая политика диктовалась не только сопротивлением свергнутых классов, остротой политической борьбы, но к тому же являлось главным стимулом к труду, так как экономические стимулы в условиях «военного коммунизма» были по существу, сведены на нет. В данных условиях репрессивная функция государства росла. В Декрете СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнивших нормы выработки без уважительных причин, предусматривалась наказания до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. Лагерь полагался и крестьянам за недосев, не выполнение продразверстки и иных повинностей.

Для проведения репрессивных мер необходимо было создать соответствующие карательные органы. В первые годы Советской власти таким органом была ВЧК. Однако 6 февраля 1922 г. на заседании ВЦИК было принято решение об упразднении ВЧК. Вместо нее было решено образовать при НКВД Государственное Политическое Управление (ГПУ), а на местах – политические отделы.

Вслед за созданием нового карательного органа ГПУ, принимаются указы, постановления, ограничивающие гражданские права людей. Например, 10 августа 1922 г. принимается декрет ВЦИК «Об административной высылке», на основе которого разрешалось высылать людей без суда на срок до 3-х лет.

16 декабря 1922 г. ВЦИК узаконил предоставление ГПУ «право внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления...».

2 ноября 1923 г. Постановлением Президиума ЦИК СССР было образовано Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) при СНК СССР. Органы Государственной безопасности были выделены из НКВД. Получили четкую вертикальную структуру и подчинение непосредственно правительству, а фактически – соответствующим партийным органам.

15 ноября 1922 г. Постановлением СНК СССР утверждено Положение об ОГПУ, а председателем его коллеги и – Φ .Э. Дзержинский. 28 марта 1924 г. дополнение к коллегии ОГПУ создано Особое совещание (ОСО), ставший одним из главных органов внесудебного преследования.

28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил «Положение о правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь»

Срок высылки и заключение в концлагерь ограничивался тремя годами и Особым совещанием при ОГПУ в составе трех человек ОГПУ с обязательными участием прокурорского надзора.

С 1924 г. во внесудебном порядке начала применяться смертная казнь. 1 апреля 1924 г. Президиум ИЦК СССР своим Постановлением представил коллегии ОГПУ «право внесудебного разбора дел и расправы вплоть до вынесения высшей меры наказания».

Новый Уголовный Кодекс РСФСР был принят 1926 г. (который действовал формально до 1960 г.) и впервые появилась знаменитая 58-я статья с 18-ю подпунктами. В 12 случаях за контрреволюционные преступления грозила высшая мера наказания, всего же в Кодексе содержалось 46 расстрельных статей.

В эти годы параллельно с укреплением органов государственной безопасности, формировалось репрессивное законодательство, которое нашло самое широкое применение так, период 1922—1928 гг. был связан в основном с политикой лишения избирательных прав. Более того, согласно циркуляру Наркомюста от 5 сентября 1929 г. разрешилась репрессии против «кулаков» и контрреволюционеров с применениями высшей меры наказания — расстрела. А Постановление СНК РСФСР от 29 ноября 1929 г. давало право на заключение осужденных «кулаков» в концлагеря.

Одной из трагедий, которая произошло входе коллективизации, явился страшный голод, в результате которого 1932–1934 гг. пострадали районы Украины, Поволжья, Северного Кавказа, особенно, Казахстана. В

результате такой гибели численность казахов сократилось на более чем 3 млн. чел. Гибель от голода миграции казахов за пределы СССР были последствиями политики «Малого октября» и репрессивных мер.

В июне 20-х – начале 30-х гг. в СССР по мере обострения кризиса в социально-экономическом положении широкие масштабы приобрели поиски виновных и вредителей, подрывных антисоветских элементов и участников подпольных организаций (судебные процессы над участниками «Промпартии», крестьянской партии).

В середине 30-х гг. в союзных республиках начались репрессии против национальной интеллигенции, местных партийно-советских и хозяйственных работников. Вскоре репрессии охватили широкие слои населения. В результате сотни тысяч были уничтожены или же пополнили ряды заключенных ГУЛАГа.

25 июня 1932 г. Постановление ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». Затем Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий...», по которому за хищение колхозного имущества предусматривается расстрел с конфискаций имущества, при смягчающих обстоятельствах, лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискаций имущества. Амнистия по подобным делам не предусматривалась. К началу 1933 г. по этому Постановлению в СССР было осуждено 55 тыс. чел.

Убийство Кирова открывает новый этап репрессивного законодательства. 1 декабря 1934 г. выходит Постановление ЦИК СССР «О порядке введения дел по подготовке и совершении террористических актов ».

В целях проведения массовых репрессивных акций в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР была создана хорошо отложенная и материально-обеспеченная система судебных и несудебных органов. При судебных органах были образованы специальные судебные коллегии (тройки) в составе председательствующего и двух членов суда, которые вместе с особыми совещаниями сыграли зловещую роль в развертывании массовых репрессий. Особое совещание, как внесудебный орган, было образовано при НКВД Постановлением ЦИК и СИК СССР 5 ноября 1934 г. и просуществовало до сентября 1953 г.

Ему представлялось право применять к лицам и «признаваемым общественно – опасным» следующие наказания: ссылка, высылка, заключение в исправительно- трудовые лагеря и т.д.

Был составлен специальный список городов, куда запрещались отправлять ссыльных. В начале в число запрещенных городов попали 15 городов СССР, потом добавлялись еще 27 городов (в том числе Алматы).

Были определены места ссылки – по СССР было всего 25 областей, из них 9 – по Казахстану: Актюбинская, Гурьевская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кзыл-Ординская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская области.

На территории Казахстана с 1930 по 1960 г. дислоцировались 60 лагерей, колоний и других отделений ГУЛАГа. Руководство СССР отметили Казахстан как перспективный в экономическом отношении. И для его освоения с 1929 г. начинается сети исправительно-трудовых лагерей. Был организован Казахстанский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ (Каз ЛАГ). Контингент лагеря занимался лесозаготовкой, работой в совхозах и на кирпичных заводах, для Турксиба, организацией совхоза «Гигант».

17 сентября 1931 г. Приказом ОГПУ был создан Карагандинский исправительно-трудовой лагерь.

5 сентября 1932 г. Приказом ОГПУ был организован Прорвинский лагерь (ПровЛАГ) на острове Прорва в Каспийском море. Контингент занимался рыбной ловлей и строительством в самом лагере. В декабре 1932 г. количество заключенных было 2000 чел., а 1 января 1935 г. их численность достигла 10345 чел.

В связи с прекращением производственной деятельности на острове и переходом его управления в Астрахань 17 апреля 1940 г. лагерь переименован в Астраханский.

27 февраля 1940 г. приказом НКВД СССР организован Актюбинский исправительно-трудовой лагерь (Актюблаг). Численность заключенных составило 5 тыс., которые строили Актюбинский ферросплавный комбинат. Они добывали и отгружали хромовые и железо — никелевые руды, обслуживали Берчугорскую угольную шахту, вели разведочные работы, лесоразработки в Куйбышевской и Оренбургской областях. В 1944 г. он имел девять лагерных подразделений.

Актюбинский лагерь закрыт 24 апреля 1946 г. и на его базе созданы Актюбинская исправительно-трудовая колония для строительства Актюбинского комбината и Донская исправительно-трудовая колония для рабочей силы хромитовым рудникам.

Первый год ВОВ по решению СНК СССР от 4 сентября 1941 г. для строительства и обслуживания предприятий рудоуправлениям Бадамшинского и Кемпирсайского никелевых месторождений образовано ИТЛ. Заключенные строили Орск — Кандыагачский участок Оренбургской железной дороги. Лагерь до 31 марта 1942 г. был подчинен Главному управлению лагерей горно-металлургической промышленности (ГУМП), а в апреле 1942 г. был закрыт.

Для строительства нефтепровода Гурьев – Куйбышев приказом НКВД СССР от 7 января 1943 г. создается Гурьевский ИТЛ (ГурЛАГ). Однако ГКО 11.03.1943 г. изменил трассу трубопровода и ГурЛАГ 24 марта 1943 г. был закрыт. Вместе него решением НКВД СССР для строительства трассы Махачкала Астрахань – Саратов был организован Каспийский ИТЛ.

Для строительства Повладарского комбайнового завода Приказом МВД СССР от 13 декабря 1954 г. было организовано самостоятельное лагерное отделение на 1500 заключенных с непосредственным подчинением ГУЛАГу и Главпромстрою МВО СССР. Ему было присвоено наименование Панинское, на его базе 28 мая 1955 г. был организован Павлодарский ИТЛ (ПавлодарЛАГ) Однако он существенную производственную работу не вел. К этому 3 сентября 1956 г. он был реорганизован в Павлодарское управление ИТП.

Для строительства совхозов на целинных и залежных землях в Казахстане приказом МВД СССР от 10 февраля 1955 г. создан специальный ИТЛ. Его управление дислоцировалось в Атбасаре, поэтому он получил наименование Атбасарский ИТЛ, просуществовав до 6 сентября 1986 г.

На 1 сентября 1957 г. в Казахстане было 39 колоний и лагерных отделений, из которых 17 колоний непосредственно подчинились УИТЛК. 5 колоний – Павлодарскому лагерю и 17 лагерных отделений в составе КарЛАГа. В том же году в Казахстане дополнительно было организовано 11 колоний, вследствие чего в Казахстане из 16 областей 14 имели ИТК. Так же в республике были 23 тюрьмы, 151 инспекции которые были подчинены непосредственно Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД КазССР.

УИТЛК КазССР и ОИТК области одновременно были починены ГУЛАГу и получили от него установки по производственной деятельности и лагерного сектора, отчитывались о проделанной работе. Назначение руководящих работников производилось отделом кадров ГУЛАГа по согласованию с соответствующими НКВД и УНКВД Казахстана, края, области.

Хочется более подробно остановится на историю создания КарЛАГа.

КарЛАГ был создан 17 сентября 1931 г. приказом ОГПУ. Перед ним была постановлена задача: освоить территорию междуречье Чурубай – Нура и Сары – Су, организовать крупное образцовое хозяйство.

Одним из направлений в деятельности КарЛАГа в годы Великой отечественной войны было изготовление оружия и боеприпасов для Советской Армии. Так, на механическом заводе лагеря изготовлялись стальные клинки (шашки), 50 и 82 мм осколочные и 120 мм фугасные мины. Коллектив завода для Советской Армии дал свыше одного млн. мин. Как явствует архивные документы, в целом заводом в годы Великой отечественной войны было выпущено продукции на 156 млн. руб. За пять лет собрано зерновых культур более 7800 тыс. пудов, картофеля 4600 тыс. пудов, было выведено 16 новых сортов зерновых культур и т.д.

В начале 1950-х гг. в административно-производственном отношении КарЛАГ имел 22 лагерных производственных подразделений, 283 населенных пункта, 148 производственных участков, 168 животноводческих ферм. Они были разбросаны на территории более 20 тыс. кв. км.

В 1953 г. начинается амнистия, объявленная Указом Президента Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г.

18 мая 1953 г. Совет Министров СССР своим Постановлением разрешил передать земли, поголовье скота, сельхозмашины и другие имущества хозяйственным организациям Министерства сельского хозяйства СССР. Приказом Минюста СССР в 1953 г. были переданы в состав Карагандинской области Исенгельдинское, Ортауское, Кзылтауское лагерные отделения КарЛАГа.

13 августа 1956 г. коллегия МВД СССР признала целесообразным передать в непосредственное подчинение МВД союзных республик все ИТЛ.

В 1955–1956 гг. из 12 лагерных отделений КарЛАГа восемь ликвидированы, он вошел в состав УИТК КазССР. Приказом МВД СССР 27 июля 1959 г. он вошел в управление мест заключенных УМВД Карагандинской области.

По приказу НКВД СССР от 16.04. 1940 г. был организован Джезказганский комбинат НКВД, в дальнейшем – Джезказганский ИТЛ.

Поставлена задача: добыча медной руды, марганцевой, руды Жездинского месторождения, строительство железной дороги Жезказган – Рудник. Лагерь имел три отделения.

По приказу НКВД СССР от 4 января 1943 г. связи с передачей Жезказганского комбината во введение Наркомцветмета СССР приказом 7 апреля 1943 г. ЖезИТЛ был реализован в самостоятельное лагерное отделения, за тем на его базе в 1948 г. создан СтепЛАГ для содержания особого контингента.

Акмолинское спецотделение КарЛАГа НКВД было образовано на базе 26-го посылка трудопоселений на основании Приказа НКВД СССР за № 758 от 3 декабря 1937 г. До создания лагеря здесь уже размещали раскулаченных в качестве спецпереселенцев. Еще в 1936 г. началось строительство бараков и формирование на этом месте детской колоний, в августе 1937 г. переселенцы были размещены в других спецпоселках и началась подготовка к приему заключенных ЧСИР.

Акмолинское спецотделение КарЛАГ фактически являлось самостоятельной хозяйственной единицей, так как имело свой расчет. Счет, все приказы и распоряжения исходили непосредственно из Москвы. На баланс КарЛАГа оно было принято лишь 15 октября 1939 г. согласно Приказа управления КарЛАГ а за № 580, по этому она лишь формально с 1937 по 1939 г. относилась к КарЛАГу. 29 декабря 1939 г. на основании приказа ГУЛАГа НКВД оно явилось в состав КарЛАГа. С этого же времени в некоторых официальных источниках

оно стало именоваться как ИТЛ «Р-17» где буква «Р» являлось шифром КарЛАГа, а цифра «17» порядковым номером в рамках КарЛАГа.

За период 1938–1946 гг. Акмолинском спецотделении находилось около 4,5 тыс. женщины, осужденные как ЧСИР, а также 812 женщин, отбывавших наказания за период с 1941 по 1953 г. по другим политическим статьям.

В справке, направленной в конце 1953 г. секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и подписанной министром внутренних дел С.Н. Кругловым и генеральным прокурором Р.А. Руденко, сообщалось, что Особое Совещание за годы своего существование (с 1934 по 1953 г.) осудило 442531 чел., к высшей мере наказания – 10101 чел., к лишению свободы – 360921 чел., к ссылке и высылке – 67539 чел., к другим мерам наказания – 3970 чел.

Последствия Советской тоталитарной политики сегодня изучается историками, политологами. Это нужно для того, чтобы такие трагические страницы истории не повторялись в будущем, и об этом знала и помнила наша молодежь.

РЕПРЕССИИ В ЯКУТИИ: ЛАГЕРЯ, ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ

Л.И. Винокурова, В.В. Филиппова (Якутск)

Осмысление общего прошлого - одно из непременных условий социальной устойчивости, взаимного доверия власти и общества. Россия, пережившая политические репрессии, учится быть государством для своих граждан, а не орудием против них. Для каждого ее региона тема репрессий не потеряла своей актуальности и в XXI в., многие историко-культурные аспекты еще ждут исследователей. В Якутии историография политических репрессий состоит из трудов двух поколений: первая группа — публикации времен оттепели после XX века, осторожно снимающие табу со многих имен и событий. О характере этих работ мы уже писали [1].

Вторая группа трудов выходит в свет с конца 1980-х гг. по наши дни. Опираясь на статистику и тексты подлинных документов эпохи репрессий, эти публикации впервые предпринимают анализ репрессивных процессов. Как и по всей стране, сначала печать Якутии опубликовала исторические свидетельства, рассказала о жертвах и организаторах репрессий, основываясь на архивах и воспоминаниях свидетелей. Характерное издание этого этапа — книга «Центральное дело (Хроника сталинских репрессий в Якутии)», вышедшая в 1990 г. в республиканском книжном издательстве [2]. В якутских СМИ появилось большое количество информации, охватывающее хронологический диапазон 1920–1950-х гг. Благодаря краеведам, ученым, коллективам журналистов и отдельным лицам история репрессий быстро «обрастала» лицами и фактами, малоизвестными для широкого читателя, но оставившими след в судьбах людей [3].

Тема репрессий в Якутии является полем серьезных научных изысканий: это, прежде всего, работы Е.Е.Алексеева, Т.С.Ивановой. Первый освещает историю национального вопроса в республике, которая кровно (к сожалению, в прямом смысле) переплетена с историей политических репрессий; автор делится с читателем своим видением проблемы и своими оценками событий и людей. Е.Е.Алексеев активизировал большой корпус документов из архива ФСБ РС(Я), государственных хранилищ РФ [4].

Попытка систематизировать научную информацию в пределах 1920-1930-хх гг. предприняла Т.С.Иванова. Автор руководствовалась «необходимостью определения социальных групп населения, подвергнутых внесудебному произволу, причин и размаха репрессий и тем обстоятельством, что биографии многих репрессированных неизвестны» [5]. Она трактует события и факты, исходя из анализа исторической обстановки, определяет причины репрессий, их направленность по социальным слоям. Репрессии в Якутии освещены не как следствие признательных показаний конкретных людей, а как системная практика внесудебных карательных мер.

В целом, якутские исследователи критически подходят к следственным делам в качестве исторических источников, учитывая, что фальсифицированы, документально недостоверны многие служебные источники, включая справки из органов ЗАГС о смерти заключенных. Все источники поэтому подлежат перекрестной проверке и сопоставительному анализу. Скрупулезно собирали материалы по теме репрессий не только профессиональные исследователи, но и якутские публицисты, краеведы, писатели М.С.Иванов-Багдарын Сюлбэ, Д.В.Кустуров, И.Е.Федосеев-Доосо, Д.Н.Гаврильев, А.Г.Чикачев и многие другие. В этом массиве отметим содержательную работу журналиста Д.В.Кустурова, собравшего свидетельства очевидцев и жертв репрессивных событий за время с 1920-х до начала 1980-х гг.

Репрессивная машина работала десятилетиями: министр госбезопасности Якутской АССР подполковник Речкалов 29 февраля 1952 г. писал секретарю обкома партии Борисову С.З. об открытых в республике заговорах [6]. «Разоблачены» группы учителей Нюрбинского района, учителей Вилюйского района — «американских шпионов», «обнаружена» шпионская группировка на Алдане, «работавшая на японскую и немецкую развед-

ку». По делу Вилюйского педагогического училища прошло 90 чел., всего же по 12 «контрреволюционным организациям» Якутии за 1943–1951 гг. было осуждено 121 чел. По мнению Е.Е. Алексеева, только по делу «февральского заговора» в Якутии было арестовано до 400 чел. [7].

«О широте и размахе репрессий в Якутии не удалось выявить сколько-нибудь полных данных и проследить их динамику. Имеются лишь отрывочные сведения, но в различных источниках повторяется несколько раз одна и та же цифра − 1800 человек арестовано в Якутии за последний квартал 1938 г.», − пишет Т.С. Иванова [8]. Из них 1022 − без санкции прокурора, вскоре в тюрьме умерло 18. Это тоже характерная черта «расследований», когда подследственные просто не доживали до суда. По делу № 2148, известному как «процесс 25» или «Центральное дело» из 42 обвиняемых дожили до суда 25 чел. Из арестованных в конце 1938 г. и «давших показания» 350 чел. в феврале 1939 г. отказались от своих показаний 337.

В 1950–1960-е гг. из 1800 чел., осужденных в конце 1938 г., было реабилитировано 1430 чел. Повторно осужденные (тоже широкая практика механизма репрессий) П.П.Кочнев, А.А.Пономарев, Г.Т.Семенов, освобожденные после лагерей и ссылки в 1950-е гг., были реабилитированы в течение 1960–1980-х гг. В частности, А.А.Пономарев после осуждения прошел Верхоянский олово-свинцовый рудник, входящий в подчинение управления «Янлага», одного из расположенных на территории Якутии лагерных объединений.

Республика была регионом дислокации целой сети исправительно-трудовых лагерей, типичных по всему СССР. В Якутии находились лагерные подразделения, действовавшие в структуре СГУ в составе УИТЛК МВД ЯАССР, ГУЛАГ МЮ, ГУВС, ГУЛПС, ГУСП, ГУСДС, ГУ ИТ лагерей Дальстроя, УСВИТЛ, УИТК МВД ЯАССР. Всего на территории республики находились 11 подразделений (управлений) системы ИТЛ: Алданлаг, Алданстрой, Джугджурлаг, Зырянлаг, ИТЛ № 11, Индигирлаг, ЛО Ожогино, Немнырлаг, Янлаг, ИТЛ Янского горнопромышленного управления, Янстройлаг. Данные подразделения были размещены в южных и северовосточных районах Якутии. Выбор данных районов республики в качестве мест заключения было связано с добычей полезных ископаемых: золота, слюды, вольфрамовой руды и др. Кроме уголовников, в якутских лагерях содержалось большое количество политических заключенных. С античных времен власть помещала в рудники врагов и неугодных, невзирая на климатические и экологические условия, часто несовместимые со здоровьем и физическим состоянием заключенных.

Кроме труда на действующих горнодобывающих предприятиях, заключенные, находившиеся в ИТЛ, привлекались к геологоразведочным работам, к разведке месторождений. Труд зеков Якутии использовался также на лесозаготовках, строительстве автомобильных дорог и линий электропередач, в строительстве и эксплуатации производственных помещений и обогатительных фабрик, обслуживании грузового речного пароходства на Севере. История открытия и разработки месторождений полезных ископаемых в Якутии тесно связана с историей лагерей: Янлаг, Алданлаг, Индигирлаг, ИТЛ-11. Лагеря существовали практически в каждомрайоне активной геологической разведки и добычи полезных ископаемых. Обширная малонаселенная площадь республики, известной еще с царских времен как «тюрьма без решеток», служила еще одним «пролагерным» фактором — шансов дойти до ближайшего крупного населенного пункта или транспортного узла у беглецов из лагерей было крайне мало. С учетом специфического климата, ландшафта и фауны побеги из якутских лагерей было экстремальными даже на фоне всех лагерных побегов.

В Южной Якутии находились три подразделения (управления), имевшие дислокацию в г.Алдан Алданского района (Алданлаг, ИТЛ № 11) и в п.Чульман (ныне Нерюнгринский район) – Немнырский ИТЛ. Остальные подразделения (управления), кроме «Джугджурлаг» (г. Якутск), находились в п. Хандыга Томпонского («Алданстрой», «Янстрой»), п.Усть-Нера Оймяконского (Индигирлаг), п.Эге-Хая Верхоянского (Янлаг, ИТЛ Янского горнопромышленного управления, п. Ожогино Абыйского (ЛО Ожогино), п. Зырянка Верхнеколымского («Зырянлаг») районов.

Нами рассмотрена, к примеру, география ИТЛ по Верхоянскому и Оймяконскому районам Якутии [9]. Из картографического документа (рис. 1, 2) видно, что в каждом районе было разбросано несколько десятков ИТЛ. Только в одном Оймяконском районе в 1950-е гг. было 37 ИТЛ Индигирлаг Дальстроя (рис. 2). Как нами установлено по краеведческим и картографическим данным, в отдельном лагерном управлении в Якутии (подразделении ГУЛАГа) количество лагерей колебалось от 20 до 40. Остовы лагерей и ограждение частично сохраняются на территории Якутии по наши дни. На 11 управлений — это до 200-400 различных «командировок». Следовательно, можно говорить о существовании громадной «лагерной Якутии». По количеству «обитаемых поселений» она приближалась к современной Республике Саха (Якутия), в которой по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. насчитывалось всего 619 населенных пунктов.

Анализ численности заключенных ИТЛ в Якутии показывает, что в период с 1941 до 1957 г. их максимальная годовая численность составляла 53499 чел. Больше всех заключенных содержалось в управлении Индигирлага – 13843 чел. Наименьшая численность заключенных содержалась в ЛО Ожогино – 1480 чел. В Томпонском районе численность заключенных составляла 11977 чел., в Алданском – 10602, Верхоянском –

10206, Верхнеколымском – 3292 чел. соответственно. Это данные по выявленным документам официальной статистики [10].

Процесс восстановления исторической справедливости, реабилитации доброго имени сотен честных людей, погибших в разные годы, высветил многие исторические факты, ранее замалчиваемых, или остающихся вне поля общественного внимания. Свой вклад внесли местные журналы «Чолбон», «Илин», «Полярная звезда»: публиковали списки жертв с указанием мерождения, партийности и национальности, знакомили с биографиями и общественно-политическими взглядами лидеров национально-освободительного движения, с творческим наследием деятелей науки и культуры.

Якутия, как и многие сибирские регионы, всегда была и остается территорией открытой для миграций: организованной и стихийной. Переселенцы, добровольные и вынужденные, населяли край еще с царских времен. В советское время поощрялся переезд рабочей силы на промышленное освоение, контракты для специалистов разного профиля для развивающейся окраины. Политические репрессии прошлись по всей многонациональной Якутии: преследовались как «восточники» [7] (политический процесс против корейцев и китайцев, работавших на золотопромышленном Алдане), так и уроженцы и старожилы края – якуты и русские, поляки и немцы, литовцы и белорусы, евреи и эвенки. Все они вместе и рядом – в списках расстрелянных, сосланных в далекие степи или в якутские лагеря...

Отдельного разговора заслуживает тема «лагеря и местное население». Она распадается на несколько сюжетов: это традиции отношения к заключенным и каторжным в досоветской Якутии, идеология отношения к политическим заключенным в советское время, политика противопоставления политических заключенных не только лагерным уголовникам, но и местному, в том числе аборигенному, населению. В этих направлениях, к сожалению, пока в якутской историографии исследований нет. Интерес вызывает также отражение длительной истории якутских лагерей в художественной прозе, мемуаристике, в кинорефлексиях. Здесь есть что искать и анализировать — в частности, содержат «якутский» компонент тексты О.Волкова, Л.Мончинского и В.Высоцкого, О.Куваева. Формат статьи не позволяет осветить многие важные составляющие истории политических репрессий в Якутии, не утерявших актуальность до новейшего времени. Следует отметить, что научный интерес еще долго будет подпитывать неугасающая память современных якутян, живущих на земле, которую можно назвать не только «золотой да алмазной», но и «лагерной».

Источники и литература

- 1. Винокурова Л.И. Политические репрессии: долгое эхо в судьбах народа саха // Народ саха от века к веку: Очерки истории. Новосибирск: Наука, 2003. С. 221-232.
- 2. Николаев И.И., Ушницкий И.П. Центральное дело.(Хроника сталинских репрессий в Якутии). Якутск, 1990. 160 с.
- 3. Алексеев Е.Е Обреченные. с. Намцы (РС(Я). Б.и. 1993. 111с.; Он же. «Признаю виновным…». Служба безопасности РС(Я): исторический очерк. М., 1996. 160с.; Алексеев Е.Е., Данилов Э.Ф. Васильев С.В. Очерк жизни и деятельности. Якутск, 1997; Антонов Е. «Если мы шли против соввласти…» // Полярная звезда, 1995. № 2. С. 103-105; Гаврильев Д. Саха интеллигенциятын аатын араначчылыахха // Саха сирэ, 1998. 25 августа; Он же. Трудная судьба // Чолбон, 1991. № 4. С. 85-91; Макаров Д.С Яркий Максим. Якутск, 1992; Малькова А. Василий Никифоров. События. Судьбы.Воспоминания. Якутск, 1994; Попов П. Заговор в Горном районе // Улэ кююhэ, 1992. 17 июля; Пинчук И. Статистика якутского Гулага // Якутия, 1992. 23 января; Саха саарыннара. Биографический указатель имен замечательных людей. Якутск, 1999; Б. Сюлбэ. Превратности судьбы. Якутск, 1992; Он же. Вечная память им. Якутск, 1995 (обе книги на якутском яз.); Федосеев И. Необходима комиссия по "ксенофонтовщине" и "булунскому делу"// Кыым, 1992. 18 февраля; Чикачев А., Горохов С. Дело №8093 // Советы Якутии, 1992. 18 июня и т.д.
- 4. Алексеев Е.Е История национального вопроса в Республике Саха(Якутия) (февраль 1917–1941). Якутск, 1998.
 - 5. Иванова Т.С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х 30-е гг.). Новосибирск, 1998. С. 5.
- 6. Письмо министра госбезопасности ЯАССР подполковника Речкалова от 29 февраля 1952 г. // Якутия, 1992. 28 марта.
 - 7. Алексеев Е.Е. Указ. соч. С. 137.
 - 8. Иванова Т.С Указ. соч. С. 116.
- 9. Использованы карты из источников: http://lavrovit.narod.ru/statiei/kester.htm; материалы краеведческого музея п. Усть-Нера Оймяконского улуса РС(Я).
 - 10. Источник: www.memo.ru

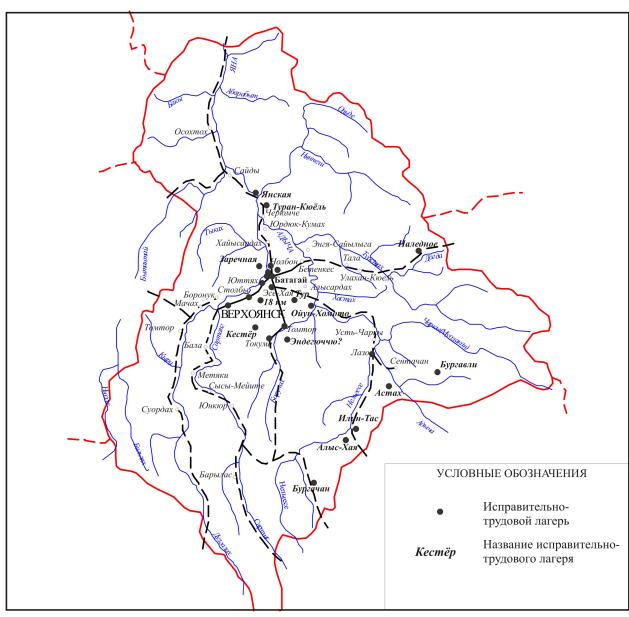

Рис. 1. Схема расположения Янских лагерей (ЯНЛАГ) на территории Верхоянского района Якутской АССР (составлено по: http://lavrovit.narod.ru/statiei/kester.htm)

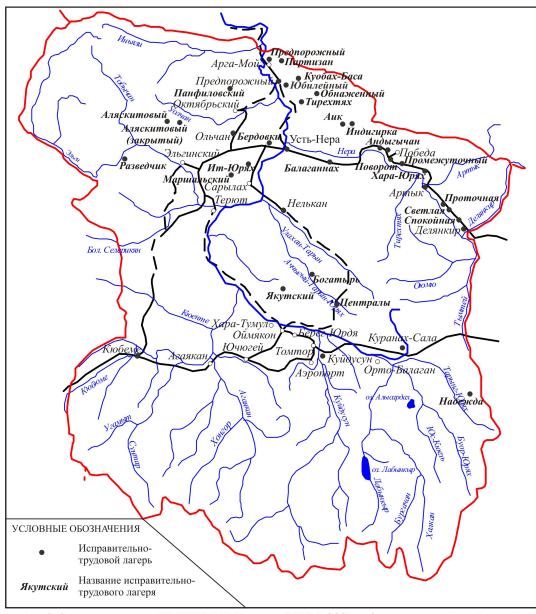

Рис. 2. Схема расположения ИНДИГИРЛАГ "Дальстрой" НКВД СССР по Оймяконскому району Якутской АССР в 1950-е гг.

(Составлено по материалам районного музея п.Усть-Нера)

ПРИНУЖДЕНИЕ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (1923—1933 ГОДЫ)

М.В. Шульгина (Архангельск)

Здесь пройдя через горн очистительный, Через бодрый, сознательный труд, Вы поймете, что путь принудительный, Был единственный правильный путь. Соловецкие острова, 1925. № 6. С. 39.

В последние годы возрос интерес советологов к проблемам использования методов принуждения и стимулирования труда в отношении свободных и заключенных граждан СССР [1]. Принудительный труд прочно укрепился в экономике страны в годы первых пятилеток, но этому предшествовала фаза апробирования его форм и механизмов организации в условиях заключения. Предпосылки для перехода от «перевоспитания» трудом к эксплуатации труда заключенных были заложены в самой пенитенциарной концепции. Хотя первые концентрационные лагеря для политических заключенных были открыты еще в 1918 г., тем не менее оптимальная обстановка для первоначальной выработки стратегии использования принудительного труда была найдена именно на базе Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН ОГПУ), остававшегося до 1929 г. единственным в стране. Первоначальное островное положение и значительная отдаленность от центра позволили на некоторый период избавить этот своеобразный исторический полигон от контроля со стороны общества за выстраиваемым режимом труда и содержания заключенных. Проблема эволюционирования этой системы в Соловецких лагерях не становилась ранее предметом комплексного изучения.

Методологической базой исследования является теория модернизации. Возникновение в стране системы ГУЛАГа было связано с потребностями в осуществлении государственно-мобилизационной модели развития. В условиях отсутствия необходимых средств и предпосылок развития индустриального сектора одной из главных закономерностей экономического развития государства становится механизм несвободной организации труда. На протяжении 1923—1933 гг. в системе СЛОН шел активный эмпирический поиск механизмов принуждения и стимулирования труда, откуда выработанная стратегия позднее не только распространится в другие лагеря, но и будет перенесена на всю советскую промышленность. Этот процесс получил отражение в законодательных актах различного времени. Труд в Соловецком лагере, созданном для изоляции опасных политических и уголовных преступников, регламентировался специальными секретными ведомственными инструкциями и положениями. Глубже исследовать экономическую историю СЛОН позволяет рассекречивание архивов, хранящих делопроизводственные документы этого периода. Конкретизации информации об организации труда в лагерях способствуют мемуары бывших узников Соловецкого лагеря, содержащие подробные описания процесса производства, отношения к лагерному труду, механизма его поощрения.

Трудовой лагерь, подчиненный подотделу принудительных работ Архгубисполкома, существовал на Соловецких островах с 20 мая 1920 г. Уже тогда начато обсуждение возможностей использования труда заключенных в целях развития местного хозяйства. В докладе Управления островами Архгубисполкому в 1921 г. впервые предложена идея использования труда лишенных свободы за еду [2]. Постановлением СНК от 2 ноября 1923 г. был организован Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения [3]. Арестанты, работающие на отдельных предприятиях, подразделялись на артели, которые, в свою очередь, разбивались на десятки. Во главе десятков назначались десятники, следящие за продуктивностью работ.

На начальном этапе существования Соловецкого лагеря, который совпал по времени с периодом нэпа, труд заключенных еще не рассматривался как источник развития экономики страны и извлечения прибыли, а был направлен на сочетание репрессивной и пенитенциарной функций. В Положении о Соловецких лагерях особого назначения ОГПУ от 2 октября 1924 г. подчеркивалось, что «работы заключенных имеют воспитательно-трудовое значение, ставя своей целью приохотить и приучить к труду отбывающих наказание, дав им возможность по выходе из лагерей жить честной трудовой жизнью и быть полезными гражданами СССР» [4]. Экономическая функция труда заключенных сводилась к удовлетворению внутренних потребностей лагерей. Часто заключенные выполняли ненужную, бессмысленную работу (перетаскивание бревен и валунов с одного места на другое и обратно и т.п.). На данном этапе не приходится говорить о самоокупаемости системы производств Соловецких лагерей: ОГПУ было вынуждено увеличивать отпускаемые Управлению СЛОН средства для покрытия существовавшего дефицита [5].

Мотивация труда сразу же становится одной из основных проблем экономики СЛОН. В лагерях широко применялись предусмотренные законодательством дисциплинарные меры взыскания (ограничение или лишение прав переписки, свиданий, получения продуктов и передач; перевод на уменьшенный продовольственный

паек; карцер). Допускалось одновременное наложение нескольких видов дисциплинарных взысканий. Применение дисциплинарных мер к нарушителям лагерного режима (не выполняющим производственных норм или отказывающимся от работы) регламентировало Положение о Соловецких лагерях особого назначения ОГПУ от 2 октября 1924 г. Заключенные могли быть подвергнуты дисциплинарному взысканию также за порчу (намеренную или по небрежности) инструментов или материалов. В случае упорного неповиновения (в т.ч. систематического отказа от работ) Управление СЛОН обладало полномочием перевода нарушителя в изоляционную камеру с применением особого режима. ОГПУ было вправе выносить в отношении этих лиц более тяжкий внесудебный приговор [6].

Доминирующим механизмом увеличения производительности труда во все периоды оставалось физическое принуждение. Исправное выполнение арестантами назначенных им работ должны были контролировать надзиратели, в обязанности которых вменялось наблюдение за отношением заключенных к труду [7]. Подчеркивалось, что служащие должны проявлять настойчивость при требовании исполнения приказаний и соблюдения установленных правил. Отдаленность лагерных командировок от центра и фактическая бесконтрольность действий всех звеньев администрации позволяла практиковать произвол и жестокость в обращении с заключенными: избиения, оставление на сутки и более в лесу на морозе вплоть до выполнения урока и др. Применение оружия допускалось в отношении заключенных лишь как крайняя мера (в случаях буйства и беспорядков). Однако были распространены злоупотребления караулом этим правилом под предлогом побега либо оказанного сопротивления по отношению к заключенным, не справляющимся с заданием [8]. Распространенность этих методов (зачастую садистского характера), помимо многочисленных воспоминаний, получили отражение в судебно-следственной документации, зафиксировавшей положение заключенных на Соловецких островах в 1923, 1929, 1930 годы. На протяжении всех этих лет ситуация с применением вариативного множества методов физического воздействия в лагерях отличалась постоянством, и в результате каждой проверки устанавливались «факты систематического произвола» в отношении к заключенным [9].

Вместе с тем система мотивации труда в промышленности УСЛОН никогда не ограничивалась одним механизмом принуждения, при этом не была одинакова, а постоянно совершенствовалась. Помимо большого разнообразия практиковавшихся мер насилия, которые не раз обстоятельно описывались в научнопублицистической литературе, в Соловецких лагерях употреблялся и рациональный подход к рабочей силе из заключенных. Характерно, что методы стимулирования трудовой активности и принуждения были неотделимы друг от друга и в положениях, регламентирующих порядок работы лагерей. Одним из самых действенных механизмов являлось применение дифференцированной шкалы питания, разработанной в середине 1920-х гг. Нормы продуктового довольствия для заключенных всех категорий определялись ОГПУ. Согласно Положению 1924 г., содержащимся в СЛОН заключенным два раза в день должна была выдаваться горячая пища (обед и ужин) и три раза в день – кипяток для чая. Лиц, выполняющих особо тяжелые и утомительные работы, рекомендовалось переводить на режим усиленного пайка. В Исполнительно-трудовом кодексе 1924 г. содержался пункт, согласно которому «пища работающим заключенным увеличивается в соответствии с количеством затрачиваемой ими энергии»: 27,5% производственного дохода лагеря разрешалось употребить на улучшение питания [10]. На практике не только здоровье заключенного, но и его жизнь были поставлены в прямую зависимость от выработки. Отсутствие законодательно закрепленных норм питания позволяли руководству СЛОН значительно экономить на содержании арестантов. Скудная пища сокращалась из-за желания администрации удешевить содержание заключенных и производство, сэкономив продукты, а также по причине халатного отношения к хранению провианта на складах [11]. Это становилось одной из причин роста эпидемических заболеваний, в том числе тифа, цинги, пеллагры. В сочетании с усиленной эксплуатацией плохое питание нередко приводило к гибели от истощения заключенных. Так голод был превращен в трудовой стимул.

В Положении 1924 г. устанавливалась продолжительность работы заключенных до 8 ч в сутки, однако допускалось увеличение рабочего дня при строительных, сельскохозяйственных, летних и особо срочных работах, связанных с краткостью навигационного времени на Белом море. Это легитимированное полномочие позволяло Управлению СЛОН практиковать тактику ненормированных работ – систематические «ударники» и социалистические субботники (сверхурочные работы) [12].

В целях достижения наивысшей производительности труда допускалось применять, где это возможно, систему урочной и сдельной работы. Положение 1924 г. позволяло начальнику Управления СЛОН или его заместителю за добросовестное выполнение уроков, а также за сверхурочную работу освобождать заключенных от последующих работ (не более суток), выдавать премии продуктовым пайком по своему усмотрению и т.д. В виде льготы разрешалось свидание вне надзора. Особо добросовестные в работе и поведении осужденные могли быть представлены Управлением СЛОН к досрочному освобождению по прошествии половины срока.

Примечательно, что в системе производств УСЛОН некоторое время присутствовали даже элементы капиталистических форм ведения хозяйства. Под давлением экономических потребностей внедряются стимулы к труду, по своей специфике инородные для пенитенциарной системы. А именно, как и на предприятиях со-

ветской промышленности на материке, в структуре СЛОН используется практика дифференцированной выплаты заключенным денег за выполненную ими работу («сдельщина»), которая позволяла поставить оплату труда работника в зависимость от объемов выработки. С 1925 г. созданием расценок на продукцию занялся Эксплуатационно-производственный отдел лагеря (ЭПО ЭКЧ, начальник – Н.А. Френкель). Подобная практика привела к максимальному взлету объемов производства. В апреле 1926 г. выходят первые положительные отзывы о новом принципе организации труда: «Переход <...> на новый способ работы на договорных началах имел своим последствием значительное увеличение производительности...» [13].

Во второй половине 1920-х гг. в Соловецких лагерях получил отражение новый модернизационный импульс. После первого опыта использования заключенных на лесозаготовках начали практиковаться масштабные контрагентские работы высокого экономического значения (по договорам Управления лагеря с внешними предприятиями) [14]. Вместе с тем именно в этой отрасли преобладал тяжелый ручной труд при минимальной механизации производства. На данном этапе проблема мотивации труда заключенных оставалась одной из главных проблем в организации производственной деятельности СЛОН. Так, в 1929 г. на заседаниях партийной ячейки УСЛОН неоднократно поднимался вопрос о том, что заключенные на лесозаготовках отказываются от выполнения урока, вызывая простой в работе [15].

Опыт Соловецкого лагеря и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об использовании труда уголовно заключенных» 1929 г. положили начало созданию системы исправительно-трудовых лагерей [16]. «Год великого перелома» принес существенные изменения в положение заключенных. С началом индустриализации в систему стимулирования труда по всей стране внедрялся комплекс идеологических методов, нацеленных на поднятие интереса к труду: вручение переходящего Красного знамени, занесение имен рекордеменов производства на Красную доску, организация слетов ударников. Как бы парадоксально это ни было, но факт: творческая инициатива и трудовой энтузиазм ожидались не только со стороны рабочего класса, но и со стороны заключенных. Основными стимулами участия в социалистических соревнованиях становились индивидуальное досрочное освобождение, групповое досрочное освобождение лучших артелей, сокращение сроков, премирование (прогрессивное, индивидуальное, групповое), улучшение жилищных условий и котлового довольствия, первоочередной отпуск продуктов ларьков [17]. Переживший заключение профессор И.Х. Озеров вспоминает, что книжка ударника позволяла отправлять 3-4 письма в месяц сверх положенного одного [18]. Ударные методы труда активно пропагандировались при помощи периодических изданий лагеря, фильмов идеологического содержания, обилия лозунгов. Лейтмотивом конференции Соловецких ударных бригад, состоявшейся в феврале 1931 г., стала фраза: «...Широкой волной соцсоревнования ответим на новую клевету капиталистов о принудительном труде в СССР!» [19].

Премирование труда заключенных, «проявивших усердие к труду», закреплялось Положением об исправительно-трудовых лагерях, принятом СНК СССР 7 апреля 1930 г. [20]. Бригады, систематически вырабатывающие не ниже 20% сверх установленных уроков и норм, получали статус ударных и дополнительное премиальное вознаграждение. Основным же стимулом для распространения ударничества в лагере была потенциальная возможность помочь оставшимся на свободе детям, лишенным кормильца.

Специальными приказами по Соловецким лагерям подробно регламентировались особые нормы отпуска продовольственных товаров для ударников [21]. Оценка норм выработки и размер премиального вознаграждения устанавливались Трудовым тарифным справочником, разработанным планово-контрольным отделом Управления Соловецких лагерей. В число рекордистов заключенным не давали попасть различные препятствия. Согласно Положению о премировании труда заключенных, вознаграждение не выплачивалось при выполнении норм с браком, а также лицам, переведенным в штрафные изоляторы. Кроме того, утвержденные нормы должны были «периодически пересматриваться <...> для сопоставления их с фактической выработкой с тем, чтобы реальность и жизненность норм систематически проверялась на практике» [22]. Тем самым применение идеологических методов сводилось к стратегии постоянного завышения норм после установления каждого нового рекорда, что делало исполнение урока невозможным. В поисках выхода в бригадах распространялась практика приписок несоответствующих действительности сведений. Вследствие этого мнимые производственные показатели все более расходились с фактической выработкой, характерной чертой системы становилась «туфта». Попыткой вернуть культу ударничества прежнюю эффективность стало развернувшееся в 1932 г. разоблачение «лжеударников» (лиц, не выполнивших обязательств и злоупотребивших этим званием) [23]. Существенным стимулом для выполнения производственных показателей было условно-досрочное освобожление

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. происходит процесс окончательного соединения крупных производств страны с местами лишения свободы. В это время оставшиеся на Соловках предприятия теряют былую значимость, а заключенные СЛОН в 1931 г. перемещаются на строительство Беломоро-Балтийского канала. Термин «лагерь» с этого времени приобрел помимо места изоляции опасных и социально чуждых элементов второе значение, а именно, производственной и строительной организации.

Итак, начало использованию принудительного труда было положено, и позднее при обсуждении перспектив организации других лагерей руководство уже ссылается на эффективный опыт Управления СЛОН, где «использование рабочей силы заключенных <...>, помимо первоначальной цели – занять заключенных работой, – получило большое самостоятельное значение в развитии хозяйственной деятельности...» [24]. Во второй половине 1930-х – 1950-х гг. денежное поощрение, премирование, сдельная оплата, зачеты и прочие методы стимулирования принудительного труда внедряются на предприятиях ГУЛАГа по всей стране [25].

Резюмируя, следует отметить, что принудительный труд заключенных в СЛОН давал результаты при необходимости сосредоточения массы заключенных в ситуации минимальной инфраструктуры. При этом труд конкретного заключенного оставался неэффективным. Прямое принуждение к труду крайне отрицательно сказывалось на производстве, неизбежно вело к ухудшению здоровья, смерти, пассивному сопротивлению заключенных, отчужденности от результатов своего труда участников лагерно-производственного процесса. Намного эффективнее оказывались условно-досрочное освобождение, надежда на улучшение питания и бытовых условий, которые позволяли не только обеспечить выполнение норм, но и стимулировать изобретательство, внедрение новых разработок в производственную деятельность заключенными интеллигентами. Тем не менее, декларированные законами гарантии улучшения питания и жилищных условий для выполняющих нормы заключенных часто не соблюдались.

Источники и литература

- 1. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 середина 1930-х годов) // Экономическая история: Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2000. Вып. 4; Бородкин Л.И., Эртц С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х начало 50-х гг. // То же. М., 2004. Вып. 10, и др.
- 2. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 352. Оп. 1. Д. 168. Л. 40. Инструкция Уполномоченному по управлению Соловецкими островами.
- 3. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 2 ноября 1923 г. [Об организации СЛОН]. Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова.
- 4. Положение о Соловецких лагерях особого назначения Объединенного государственного политического управления. 2 октября 1924 г. Соловки: Типо-литография УСЛОН ОГПУ, 1925. Опубл.: Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ: Фотолетопись / Сост. Т.А. Сухарникова; Под ред. Ю.Б. Демиденко; ГМИ СПб.; Музей С.М. Кирова; СГИАПМЗ. СПб., 2004. С. 9–19.
 - 5. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 5а. Д. 720.
 - 6. Положение о Соловецких лагерях особого назначения... С. 18.
 - 7. Положение о Соловецких лагерях особого назначения... С. 15.
 - 8. Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 11.107. Л. 27об.
- 9. Подробнее об итогах обследования СЛОН комиссиями ОГПУ см.: «Выявлена система произвола и полного разложения»: материалы комиссии ОГПУ об условиях содержания заключенных в Соловецком лагере особого назначения. 1930 г. [подг. и вступ. ст. Д.Б. Павлова] // Исторический архив, 2005. № 5. С. 65–82.
 - 10. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960: документы. М.: «Материк», 2002. С. 40.
- 11. Отдел документов социально-политической истории ГААО (далее ОДСПИ ГААО). Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 60. Доклад о работе хозяйственно-производственного отдела.
 - 12. ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Там же. Д. 5. Л. 15; Там же. Д. 7. Л. 8об; и др.
 - 13. Новые Соловки. 1926. № 14 (4 апр.). С. 3; и др.
- 14. НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 3. Л. 367–367об. Постановление СНК КАССР «О хозяйственной увязке УСЛОН с Карелией». 1 сентября 1925 г.
 - 15. ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 58; и др.
 - 16. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 48. Л. 223-224.
- 17. Отдел использования и публикаций Национального архива Республики Карелия (далее П-НАРК). Ф. 1033. Оп. 1. Д. 97. Л. 23–25.
- 18. Озеров И.Х. [проф.]. [Воспоминания]. Б.м., 1938. 83 с. Машиноп. // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 541. Д. 6. Л. 48.
 - 19. П-НАРК. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.
 - 20. ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 69.
- 21. Напр.: П-НАРК. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 130. Л. 66–66об. Приказ по 11 отделению СЛАГ ОГПУ № 276. 30 сентября 1931 г.
- 22. Трудовой тарифный справочник по предприятиям и учреждениям Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Кемь: Изд-во УСЛАГ ОГПУ, 1931. 42 с.
 - 23. ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

24. Цит. по: Ханталин Р.А. Невольники Поморья: роль репрессированных граждан СССР в развитии производительных сил Европейского Севера (1930–1954 гг.) // Каторга и ссылка на Севере России: сб. ст. / Помор. гос. ун-т. Архангельск: «Кира», 2006. Т. 2. С. 361.

25. Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пермь, 2008; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929—1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000; и др.

СЕВЕРНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ЛАГЕРЬ В ИСТОРИИ ГУЛАГа*

Н.А. Байбородин (Коряжма)

В сталинскую эпоху, для осуществления карательно-репрессивной политики, был создан специальный социальный институт – Главное управление лагерей, который представлял собой одно из учреждений исполнения наказания, а также специфический производственный комплекс, предназначенный для решения важных народнохозяйственных задач.

Экономическое освоение периферийных, богатых природными ресурсами регионов страны, в том числе и Европейского Севера России, было одним из важных направлений в деятельности ГУЛАГа. Обеспечить круглогодичный вывоз ухтинской нефти и печорского угля призвана была Северо-Печорская железнодорожная магистраль, строительство которой с 1937 г. осуществлял Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь. Однако ограниченность ресурсов лагеря не позволяла соорудить дорогу в сжатые сроки.

Для ускорения темпов строительства магистрали приказом НКВД СССР от 10 мая 1938 г. был организован Северный железнодорожный лагерь [1]. В этих целях также НКВД СССР разработал специальную программу, изложив ее в двух приказах, датированных одним и тем же днем − 14 мая 1940 г. Приказом № 00597 сооружение железной дороги разбивалось на два участка: Котлас − Усть-Кожва и Усть-Кожва − Воркута. Строительство первого участка возлагалось на Северный железнодорожный ИТЛ [2].

К сентябрю 1940 г. сложилась производственно-организационная структура Севжелдорлага, включавшая в себя 11 отделений, в состав которых входили десятки колонн и несколько сот бригад. Бригады, в свою очередь, делились на звенья. Первое (Айкинское) отделение строило железную дорогу от Котласа до реки Вычегды. Второе (Ижемское) проводило работы от станции Шиес до станции Межог Усть-Вымского района. Третье (Микуньское) отделение вело строительство до станции Микунь. Четвертое, пятое и шестое отделения сооружали трассу до станции Княжпогост. Седьмое и восьмое отделения – от Княжпогоста до станции Иоссер. Девятое, десятое и одиннадцатое отделения – от станции Иоссер до Усть-Кожвы. В августе-сентябре 1940 г. для улучшения оперативного руководства строительством были организованы Северный штаб управления, руководимый начальником лагеря капитаном госбезопасности С.И. Шеменой и Южный штаб во главе с заместителем начальника управления лагеря капитаном госбезопасности И.И. Ключкиным. В состав управления лагеря входили также А. Евстигнеев – отец известного российского актера Евгения Евстигнеева, главными инженерами строительства работали Хайдуров, Новоселов, Перекрестен, начальником оперативно-чекистского отдела был Гнедков [3]. Как отмечает О.И. Азаров, начальствующий состав железнодорожных лагерей формировался за счет кадровых сотрудников НКВД СССР, направленных на работу в лагеря в форме дисциплинарного взыскания [4]. В частности, С.И. Шемена в свое время работал в центральном аппарате НКВД СССР в Москве. И в 1937 г., когда была арестована его жена-полька и он от нее не отказался, последовало назначение на должность начальника лагеря, что означало для него понижение по службе [5].

Производственная программа лагеря в разные периоды времени изменялась. До сдачи в декабре 1940 г. во временную эксплуатацию участка Котлас — Усть-Кожва, основным направлением производственной деятельности лагеря являлось выполнение строительных работ. Затем приоритетными стали задачи по увеличению пропускной способности дороги и созданию пристанционной инфраструктуры. В 1941 г. было ликвидировано 45 временных обходов, расширена сеть пристанционных подъездных путей, досыпаны насыпи на Вандышском, Зеленом, Печорском и Шежамском болотах. Все это позволило обеспечить бесперебойное движение поездов в течение всего года, в том числе в период весенней распутицы [6].

Задачи 1942 г. заключались в присоединении железнодорожной линии Котлас – Усть-Кожва по оси главного полотна к линии Котлас-Коноша и Усть-Кожва – Воркута, а также в повышения пропускной способности магистрали для увеличения объемов перевозок воркутинского угля, ухтинской нефти и лесопродукции. В связи с этим было организовано сооружение комбинированных мостов через реки Северная Двина и Печора,

55

^{*} Научный руководитель – доктор исторических наук Упадышев Николай Васильевич.

а также строительство Котласского железнодорожного узла [7]. В августе 1942 г. участок магистрали Котлас – Усть-Кожва был сдан в эксплуатацию наркомату путей сообщения.

Наряду с основными работами в годы войны заключенные лагеря выполняли спецзаказы оборонного характера. В 1941 г. лагерь осуществил строительство спецплощадки (аэродром в Княжпогосте) и изготовил более 15 000 пар лыж для Красной Армии [8].

В 1946 г. в связи с передачей всего объема работ на железной дороге Коноша — Котлас ликвидированного Северо-Двинского ИТЛ производственная программа Севжелдорлага в значительной степени возросла. В результате лагерными заключенными были установлены, взамен временных, постоянные опоры и металлические пролетные строения на объекте № 12, сооружены лесопогрузочные тупики на 5 железнодорожных станциях, сданы в эксплуатацию постоянные пункты водоснабжения на станциях Мадмас, Княжпогост, Синдор и Лунь-Вож, новые гидроколонки на станциях Иоссер и Седзь-Вож, 66 жилых домов, детсад, амбулатория. Также были построены столовая и школа на станции Микунь, дома отдыха для паровозных бригад на станциях Ираель и Иоссер, вокзалы на станциях Гам, Талый, Керки и Вездино. На участке дороги Коноша-Котлас были ликвидированы обходы на 106-108, 289, 302 километрах, а также Ергинский обход. Кроме того, были завершены работы по сооружению постоянных мостов через реку Вага, в районах станций Ерга, Вонжуга и Реваж. Таким образом, анализ производственной программы послевоенных лет позволяет сделать вывод, что характер выполняемых Севжелдорлагом работ меняется. В структуре значительное место занимает строительство жилищно-бытовых объектов (жилые дома, детсад, амбулатория, столовая, школа, дома отдыха).

Наряду с этим Севжелдорлаг занимался подсобным производством, продукция которого в основном шла на собственные нужды, а также направлялась Северо-Печорскому ИТЛ. В 1946 г. лагерь обеспечил выпуск 11 207 000 штук кирпича, 1900 т извести, 2200 т алебастра, 17 800 м³ гравия и щебня, 84 300 фестметров продукции лесопиления и 160 300 м³ разборных стандартных домов.

Производственная деятельность Севжелдорлага осуществлялась двумя строительными отделениями (Ижемское и Вельское), двумя строительными участками и семью сельхозами, включая Котласскую группу совхозов. В состав данных структур входили 41 колонна и 11 подкомандировок [9].

На руководство лагеря было возложено не только выполнение производственных планов, но и обеспечение режима содержания заключенных и создания для них социально-бытовых условий. Отчетные документы свидетельствуют, что администрация в первую очередь обращала внимание на решение производственных вопросов в ущерб решению проблем устройства жизни и быта заключенных. Разбросанные по всей трассе от Коноши до Воркуты сотни лагерных отделений и колонн организовывались в условиях суровой зимы, в необжитой местности, с крайне неблагоприятными жилищно-бытовыми условиями [10]. Лагерные пункты представляли собой скопление бараков, в которых были сплошные нары. Вшивость была невероятная. В 1939 г. в лагере болели цингой четыре тысячи человек. Осенью 1940 г. перед руководством лагеря остро встала проблема подготовки к зиме. Оказалось, что лагерь к зиме совершенно не готов. Строительство гражданских и лагерных сооружений сорвалось. С наступлением морозов многие заключенные продолжали жить в летних палатках [11]. Прибывавшие этапы заключенных с ходу направлялись на земляные работы, которые в основном производились вручную. Основными орудиями труда являлись лопата, тачка и лом. Тяжесть работ, которые выполняли лагерные заключенные на строительстве магистрали, можно представить из воспоминаний одного из очевидцев тех событий Э. Ваза: «Если бы можно было взглянуть на стройку с высоты птичьего полета, она напомнила бы муравейник, протянувшийся на сотни километров. Кто-то из строителей рубит лес, выкорчевывает пни, кто-то в тачках отвозит в сторону негодный грунт, торф и болотную жижу, кто-то взрывает горы и засыпает овраги. Работа шла круглые сутки, в две смены. Днем – при свете солнца, если оно было, а ночью свет обеспечивали кострожеги из слабосильной команды» [12].

Тяжелые социально-бытовые условия, плохое продовольственное обеспечение обусловили высокий уровень смертности среди лагерного контингента. В 1943 г. уровень смертности достиг 22,9% от среднесписочного числа заключенных и составил 4804 чел. Если учесть, что в лагере в том году содержалось 29741 чел., то каждый шестой умирал от каких-либо заболеваний [13]. Особенно тяжелым было положение польских военнопленных, переведенных в Севжелдорлаг из Криворожских лагерей НКВД СССР. Несмотря на строжайшие требования относительно изоляции военнопленных от заключенных, эта норма, как правило, не соблюдалась. Они соприкасались и в лагерных пунктах, и во время работы на железной дороге. Встречи с уголовниками для многих кончались плачевно: у пленных не только отнимали белье, обувь, верхнюю одежду, оставляя подчас в одних кальсонах, но и зверски избивали [14].

Численность содержавшихся в лагере заключенных каждый год менялась. Она зависела от политической, экономической обстановки в стране в тот или иной период времени. Форсируя строительство магистрали, ГУЛАГ направлял в железнодорожные лагеря все новый контингент заключенных. По состоянию на 1 января 1941 г. их численность в Севжелдорлаге составляла 84 893 (на 1 января 1940 г. – 26 310 чел.). Однако после 1941 г. и до 1945 г. численность заключенных в лагере уменьшалась. В частности, в соответствии с директивой

Прокуратуры и НКВД СССР № 308 от 31 июля 1942 г., в августе-сентябре 1942 г. в военкоматы для последующего призыва в ряды Красной армии Севжелдорлагом было передано 1220 заключенных [15].

Трудовые ресурсы лагеря можно разделить на две категории: подневольная рабочая сила и вольнонаемные работники. К подневольной рабочей силе относились заключенные, трудмобилизованные и военнопленные. Среди заключенных, отбывавших срок в Севжелдорлаге, основную массу составляли осужденные за совершение «контрреволюционных» преступлений. В 1940 г. и в период с 1943 по 1948 г. их удельный вес составлял более 50% от числа всех заключенных. В конце войны в лагере оказались трудмобилизованные из числа граждан, воевавших с СССР стран (немцы, румыны). [16] Наряду с этим в 1942 г. в лагере появились рабочие колонны, состоявшие из немцев. На 1 ноября 1942 г. их численность составляла 5411 чел.) [17]. Кроме того, по данным НКВД СССР, в Севжелдорлаге на 1 июня 1940 г. числилось 8000 польских военнопленных. Среди них поляки составляли 5715, белорусы – 1373 чел., евреи – 421, украинцы – 256, русские – 49, литовцы – 33, немцы – 9, лица других национальностей – 10 чел. [18]. Как отмечает О.И. Азаров, источником формирования подневольной рабочей силы были не только политические репрессии, но и перевод заключенных из других лагерей страны, а вольнонаемной рабочей силы – прием на работу бывших заключенных [19].

Среди политзаключенных было немало известных людей: иммунобиолог Л.А. Зальцберг, профессор медицины Данишевский, детская писательница Гернст, дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, будущий премьер-министр Израиля М. Бегин, дочь расстрелянного маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского Светлана, дочь другого расстрелянного советского военачальника И.П. Уборевича и другие [20].

В конце 1940-х гг. Севжелдорлаг неоднократно реорганизовывался. В 1947 г. в результате реорганизации системы управления лагерями железнодорожного профиля Северный железнодорожный лагерь и Северо-Печорский ИТЛ вошли в состав новой региональной структуры — Северного управления лагерями железнодорожного строительства. Цель данной реорганизации — улучшение координации деятельности однопрофильных лагерей, территориально близко расположенных друг от друга. Однако в данной структуре Севжелдорлаг и Севпечлаг просуществовали недолго. В январе 1948 г. они были выведены из состава Северного управления. Севжелдорлаг вновь был подчинен Главному управлению лагерей железнодорожного строительства. В июле 1950 г. Северо-Печорский и Северный железнодорожный ИТЛ были слиты в один исправительно-трудовой лагерь — Печорский. Причиной тому послужило снижение объемов железнодорожного строительства на Печорской магистрали и передача ряда работ Министерству путей сообщения. Местом дислокации управления нового лагеря стал г. Печора [21].

Таким образом, Северный железнодорожный лагерь просуществовал с 1938 по 1950 г. с центром, расположенным в Коми АССР Усть-Вымского района поселка Княжпогост. Оценивать его деятельность однозначно нельзя. С одной стороны заключенными данного лагеря было построено немало важных для экономики страны объектов — участок Северо-Печорской магистрали Котлас — Усть-Кожва, окончание работ на участке железной дороги Коноша — Котлас, мосты через реки Северная Двина и Печора, объекты инфраструктуры для работников железной дороги и т.д. С другой стороны цена всего, что было создано, несоизмерима высока — человеческие жизни и сломанные судьбы десятков тысяч людей.

Источники и литература

- 1. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 177.
 - 2. Там же. С. 178.
- 3. «Печорстрой». История создания. 1940–2000. Изд-во «Печорское время», 2000. [Электронный документ]. (http://www.pechora-portal.ru).
- 4. Азаров О.И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938–1959 гг.): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. С. 11.
- 5. «Печорстрой». История создания. 1940—2000. Изд-во «Печорское время», 2000. [Электронный документ]. (http://www.pechora-portal.ru).
- 6. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 189.
 - 7. Государственный архив Российской Федерации Ф. 9401. Оп. 3. Д. 22, 26об.
- 8. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 199.
 - 9. Там же. С. 215.
 - 10. Там же. С. 189.
- 11. «Печорстрой». История создания. 1940–2000. Изд-во «Печорское время», 2000. [Электронный документ]. (http://www.pechora-portal.ru).
 - 12. Там же.

- 13. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 282.
- 14. Поляки в Северном железнодорожном лагере (1940–1941). [Электронный документ]. (<u>http://lib.pomorsu.ru</u>).
- 15. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 281, 184.
 - 16. Там же. С. 280, 285, 291.
- 17. Северный железнодорожный ИТЛ (Севжелдорлаг, Севжелдорстрой). [Электронный документ]. http://www.memo.ru).
- 18. Поляки в Северном железнодорожном лагере (1940–1941). [Электронный документ]. (<u>http://lib.</u> pomorsu.ru).
- 19. Азаров О.И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938–1959 гг.): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. С. 17.
- 20. Между жизнью и смертью. Возвращенные имена: Сергей Максимов. [Электронный документ]. (http://magaziness.russ.ru).
- 21. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 216, 226.

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ЗАВОДА: РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ТРУДЯЩИХСЯ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х-1930-е гг.

А.А. Гагарин (Екатеринбург)

Трудовой коллектив Верх-Исетского завода являлся одним из наиболее революционно настроенных на Урале. Рабочие завода принимал чрезвычайно активное участие в Революции 1905—1907 гг. Именно на Верх-Исетском заводе весной 1917 г. возник один из первых на Урале совет рабочих и крестьянских депутатов. Роль рабочих Верх-Исетского завода для победы советской власти в Екатеринбурге вполне сравнима с ролью рабочих Путиловского завода в Санкт-Петербурге. После Октябрьской революции рабочие завода приняли деятельное участие в подавлении дутовского мятежа, защищали советскую власть в ходе Гражданской войны.

Однако, как с неудовольствием отмечали в 20-е гг. партийные функционеры, активное участие рабочих в борьбе за советскую власть не гарантировало столь же самоотверженного принятия ими партийных и советских ценностей. Чрезвычайно низкой оставалась политическая активность трудящихся. К началу индустриализации количество коммунистов и комсомольцев составляло лишь около пятой части трудового коллектива. В большинстве своем это были низкооплачиваемые рабочие и служащие. Несмотря на все усилия партийных органов, среди рабочих продолжало сохраняться религиозное самосознание. Небольшое внимание проявляли трудящиеся и к новой советской культуре. Во многом это было связано с в целом потомственным характером комплектования трудового коллектива завода. Значительной ролью в жизни трудящихся личного хозяйства, сохранения ими традиционного жизненного уклада. В партийных документах того периода явственно проскальзывает неодобрительное отношение к «части рабочих, являющейся местной, которую уже нельзя назвать пролетарской» [1].

Рабочие открыто проявляли недовольство своим материально-бытовым положением и условиями труда. В 1920-е гг. на предприятии имел место ряд производственных конфликтов, причинами которых служило недостаточное снабжение, низкая зарплата, постоянно нарастающая интенсификация труда, плохие материально-бытовые условия [2]. Апофеозом производственных конфликтов стала забастовка 12 мая 1927 г., в ходе которой мартеновский цех завода был остановлен рабочими, требовавшими пересмотра заработной платы. Благодаря жесткой позиции, занятой заводской администрацией и партийными органами, забастовка быстро прекратилась. Однако событие это ввергло партийную верхушку в состояние, близкое к шоку: в числе прочих активное участие в забастовке приняли рабочие, когда-то защищавшие советскую власть, в том числе легенда заводского революционного движения В.И. Левантных [3]. Произошедшие выступления были объявлены результатом троцкистской пропаганды и наличия среди трудящихся хорошо организованной троцкистской оппозиции.

При этом нельзя сказать, что эти заявления были совершенно голословными. Особое внимание к ВИЗу как возможному «рассаднику» троцкистской оппозиции было связано с интересом Л.Н. Троцкого, проявленным к предприятию во время его визита в Екатеринбург в 1920 г., знакомству и личным связям многих ответственных работников ВИЗа с Троцким. В 1925 г. в выступлении на собрании актива горкома прозвучало утверждение одного из ведущих административных работников завода, кандидата в областную Контрольную Комиссию Заушицина, что около 75% трудящихся ВИЗа в случае открытого столкновения пойдут за Троцким.

Большое влияние и авторитет среди рабочих и служащих завода имел находившийся в тот момент в Екатеринбурге С.В. Мрачковский [4].

Еще одной причиной беспокойства была четкая подготовка и хорошая организация проводимых выступлений, что обуславливалось значительным подпольным опытом некоторых участников выступлений, участвовавших в свое время в революционных событиях и Гражданской войне.

Вышеперечисленные обстоятельства стали причиной массированного поиска врагов на заводе на рубеже 1920-1930-х гг. Врагами, по мысли партийных функционеров, являлись все могущие являться угрозой советской власти и правящей политической верхушке. Основными врагами в конце 1920-х - начале 1930-х гг. были объявлены так называемые «недобитки», оставшиеся «со старых времен». Границы этой группы были чрезвычайно размыты: в нее входили рабочие и служащие, хоть как-то связанные с белым движением, имевшие в родне бывших землевладельцев, торговцев и т. д. В общем, каким-либо образом связанные с сохранением досоветских устоев. Второй крупной группой врагов в этот период оказались «троцкисты». При этом как лица, действительно связанные с политической оппозицией, так и имевшие с ними какие-либо личные связи, зачастую на уровне знакомств. При этом сами партийные функционеры признавались, что не в силах разобраться в основных положениях различных политических платформ. Так, по словам одного из партийных функционеров завода, основным способом определения троцкиста является его недовольство существующими нормами производственной программы и низким уровнем жизни, что означало, что «он свои интересы ставит выше партийного строительства» [5]. Размытость категории оказалась весьма удобной в деле поиска недовольных. Вскоре определение «троцкист» стало своеобразным ярлыком для тех недовольных, которых не удалось напрямую обвинить в связи с контрреволюционными элементами. Зачастую в эту категорию врагов включались рабочие и служащие, отличившиеся в ходе революционной борьбы и во время Гражданской войны. Со временем произошло смешение понятий, и у большинства «троцкистов» эти порочащие связи с «недобитками» «обнаружились».

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. прошли газетная кампания, направленная на очернение «недобитков» и «троцкистов». При этом в заводской многотиражке освещались как случаи вредительства и процессы по ним, имевшие резонанс во всей стране, в том числе сводки ОГПУ, так и имевшие место внутри коллектива предприятия. Зачастую между ними проводились прямые параллели, отыскивались связи. Одновременно начались проверки состава рабочих отдельных цехов и служащих с целью поиска классовых врагов. К «обнаруженным» врагам применялись в основном исключения из партии и увольнения с работы. В случае наличия возможности обвинения в саботаже происходили уголовные разбирательства. На пике борьбы с вредительством, пришедшемся на рубеж 1932—1933 гг., во многих цехах нормой было по 10-20 исключенных из партии и уволенных рабочих. Увольнения зачастую сопровождались обвинениями в преднамеренных авариях и саботаже, которые передавались в суд и вели к различным уголовным наказаниям [6].

Наиболее масштабным был последний всплеск поиска врагов, поводом к которому послужил взрыв, произошедший на электропечи 25 февраля 1933 г. В результате обычной по тем временам спешки и темпов в печь загрузили непроверенную шихту, в которой среди лома оказался неразорвавшийся артиллерийский снаряд с полигона. К счастью обошлось без серьезных травм, однако происшествие послужило толчком для целого ряда дел о вредительстве и саботаже, массовым мероприятиям по изучению состава рабочих завода с целью поиска классовых врагов, охватившим едва ли не весь коллектив [7].

Особой группой врагов в этот период были провозглашены представители старой инженерно-технической школы. Технических служащих ВИЗа напрямую коснулось дело «Уральского инженерного центра» [8].

Основной причиной поиска врагов, пришедшегося на конец 1920-х — начало 1930-х гг., была необходимость подавить недовольство рабочих, связанное с резким падением уровня жизни и интенсификацией труда, характерными для этого периода. При этом одновременно шли два параллельных процесса: с одной стороны, имело место запугивание — советская власть в очередной раз напоминала, что умеет расправляться с недовольными, с другой стороны — партийные органы и полностью подвластные им средства массовой информации делали все, чтобы использовать наличие скрытых врагов для подъема трудового энтузиазма, и, надо заметить, зачастую это им удавалось. Наиболее ярким примером может служить имевший громкий резонанс ряд разбойных нападений на рабочих, произошедших в начале 30-х гг. Обычный по тем временам бандитизм получил политическую окраску: убийства были объявлены способом протеста «троцкистов» и затаившихся контрреволюционеров против новой тарифной системы и иных прогрессивных начинаний советских властей. Вслед за спровоцированной властями газетной кампанией последовала волна вступлений рабочих в партию, индивидуальных и бригадных перевыполнений планов, требований ужесточения борьбы с классово-чуждыми элементами и т. д. [9]

Одновременно активно шел процесс размывания преимущественно местного трудового коллектива крестьянскими пополнениями. В 1931 г. более 60% трудового коллектива завода были выходцами из деревни,

проработавшими на предприятии менее года, изменений состава заводского инженерно-технического и административного персонала в сторону замену «старых специалистов» выпускниками советских ВУЗов.

С середины 1933 г. наступило некоторое затишье, продолжавшееся до конца 1936 г.: поиск врагов продолжался, однако интенсивность его значительно снизилась, касался он главным образом внутрипартийных проверок. В результате постоянных проверок и чисток состава численность коммунистов на предприятии сократилась к началу 1937 г. более чем в 4 раза и составила менее 300 человек [10], комсомольцев – более чем в два раза [11].

Следующий виток поиска врагов пришелся на 1937—1938 гг. Репрессии этого периода имели сходный механизм, но несколько иную причину. Открытое недовольство трудящихся, имевшее место в конце 1920-х гг., к этому периоду, по сути, сошло на нет. Однако не наступило и обещанное властями всеобщее повышение уровня жизни. Производственные планы постоянно не выполнялись, трудовой процесс характеризовался крайне высоким уровнем травматизма. Созданная в начале 1930-х гг. система моральных стимулов труда практически себя изжила, тогда, как существовавшие зарплаты не соответствовали нараставшим темпам интенсификации. В этих условиях было необходимо переложить на кого-либо вину за имевшие место неудачи. Еще одной причиной нового витка репрессивной политики стала насущная потребность в шоковой терапии по отношении к новому поколению гегемона, состоящему в значительной степени из орабоченных крестьян, которое, в целом в меньшей степени задетое репрессиями конца 20-х — начала 30-х гг., искренне считало себя подлинным проводником сталинской политики, и вследствие этого допускало, по мнению властей, непозволительные вольности.

В итоге в отличие от поиска врагов конца 1920-х – начала 1930-х гг. репрессии 1937—1938 гг. были направлены едва ли не в первую очередь против «новых» рабочих и административно-технических управленцев новой волны.

В апреле 1937 г. был снят с поста, а в августе месяце расстрелян директор завода Ф.Т. Колгушкин. Уже через год та же судьба постигла его преемника Е.Г. Горбачева. При этом по тону газетных статей (обвинения в продолжении вредительской политики предшественника начали выдвигаться против Горбачева уже с первых дней его пребывания в должности), ясно, что подобный исход был предопределен самим ходом событий и едва ли не предусматривался заранее. Процессы над обоими директорами сопровождались поисками пособников по всему заводу. В число пособников попало большее количество ведущих хозяйственников и ИТР завода. Только за последний квартал 1937 г. на ВИЗе как агенты иностранных государств были арестованы 22 инженера [12]. Обер-мастеру П.С. Абаимову было приписано вредительство, были арестованы талантливый изобретатель Н.В. Жуков, руководивший строительством сталеплавильной электропечи, начальник отдела организации труда М.Л. Захлыстин и др. [13].

Коснулись репрессии в том числе «знатных рабочих» – передовиков производства. Был арестован и расстрелян П.А. Федотов, первый кавалер ордена Ленина в Свердловской области. Спасаясь от репрессий, бежал с завода первый стахановец ВИЗа А. Еловских [14].

Еще одним отличием процессов 1937–1938 гг. была жестокость наказаний: если в конце 1920-х – начале 1930-х гг. речь обычно шла об исключениях из партии и увольнениях с работы, гораздо реже об уголовной ответственности, то в 1937–1938 гг. большинство процессов заканчивалось осуждением на значительные сроки, в отношении многих осужденных применялась высшая мера наказания. Одновременно с этим в целом степень истерии сообщений периодической печати и охватившей коллектив истерии «охоты на ведьм» была значительно ниже, чем на рубеже 20/30-х гг. Сопровождавшие обвинительные приговоры призывы бороться за выполнение и перевыполнение уже не находили среди трудящихся прежнего отклика.

Наиболее ярким показателем объема репрессий является динамика численности трудового коллектива завода: в 1937 г. численность коллектива составляла 5685 чел., в 1939 – 5166 (при плане 6085). В 1940 г. на заводе, при заявленном в партийных документах курсе на рост численности трудящихся, работало всего 4980 чел. [15].

После окончания нового витка репрессий протест трудящихся окончательно приобрел скрытые формы, выражаясь в чрезвычайно высоком уровне текучести, постоянных срывах производства, массовых прогулах и нарушениях трудовой дисциплины. Проблемы не исчезли, но были загнаны далеко вглубь.

Источники и литература

- 1. См. напр.: ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 295. Оп. 1. Д. 9.
 - 2. ЦДООСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л.60-61; Д. 7. Л. 6, 74, 102; Д. 8. Л. 22.
 - 3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32. Л. 3-5, 16-17; Д. 317. Л. 3-12.
- 4. Мрачковский Сергей Витальевич (1988–1936). Видный революционный, советский и партийный деятель. Член РСДРП с 1905 г. С февраля 1918 г. участвовал в Гражданской войне на стороне большевиков. 1919 г. –

командующий особым Северным экспедиционным отрядом. 1920 г. – командующий войсками Приуральского военного округа. 1922 г. – командующий войсками Западносибирского военного округа. В 1923–1924 гг. – командующий войсками приволжского военного округа. В 1925 г. прибыл на хозяйственную работу в Екатеринбург. В общепартийной дискуссии выступил на стороне противников Сталина. Активно участвовал в оппозиционной. В сентябре 1927 г. исключен из партии, подвергнут репрессиям. В январе 1935 г. арестован. В августе 1936 г. приговорен к расстрелу по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра. Реабилитирован посмертно. (Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 367-368).

- 5. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 318-р. Оп. 1. Д. 49. Л. 41.
- 6. ЦДООСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 12-13.
- 7 Там же
- 8. Подр. см.: Терехов В.С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. С. 183-234.
 - 9. Красный кровельщик, 1931. 22 сентября; 19 октября; 2, 4 ноября.
- 10. ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 58. Л. 33. Для сравнения на 1 апреля 1931 г. на заводе был 1171 член и кандидат в партию (ЦДООСО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 42. Л. 193).
- 11. ЦДООСО Ф, 1269. Оп. 1. Д. 28. Л. 8. В ноябре 1931 г. на заводе было 1817 комсомольцев (Красный кровельщик, 1931. 29 ноября).
 - 12. Архив УФСБ по Свердловской области. Оп.1. Д. 79. Л. 22.
- 13. Подчивалов Е.Ф. Первопроходцы огневых дел: очерки истории Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1989. С. 71.
 - 14. Там же.
- 15. ГАСО. Ф. 122-р. Оп. 2. Д. 1229. Л. 24; Д. 1232. Л. 36; Д. 1236. Л. 91. При анализе цифр необходимо также учесть стабилизирующее действие на численность коллектива трудового закона июня 1940 г.

ББК КАК СИМВОЛ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1930-х гг.

С.Н. Филимончик (Петрозаводск)

В 1920-е гг. перед СССР стояла задача обретения статуса мировой державы, для чего необходимо было преодолеть экономическую отсталость от высокоразвитой в техническом отношении цивилизации Запада. Ценой неимоверных усилий аграрная, фактически неграмотная страна за несколько десятилетий превратилась в одну из наиболее влиятельных индустриальных держав, лидировавших в создании передовых технологий. В то же время модернизация сопровождалась усилением принудительных мер и насилия. В 1929 г. принят первый пятилетний план, знаменовавший начало «социалистического штурма». Тогда же принято решение о массовом использовании труда заключенных. ГУЛАГ возник в конце 1920-х гг. в условиях сталинской модернизации и был ликвидирован в конце 1950-х гг., когда мир вступал в эпоху НТР.

Важнейшей задачей индустриализации России стало освоение отдаленных регионов — Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера. Основу советского экспорта в 1930-е гг. составляли лес и пушнина, дававшие валюту для покупки передовой западной техники. На Севере формировалось сырьевое хозяйство. Приоритет был отдан капитальному строительству, лесозаготовительной и горнодобывающей отраслям. Освоение неблагоприятного в климатическом отношении, труднодоступного, малозаселенного региона столкнулось с огромными трудностями. Привлечь на Север необходимое количество рабочих и специалистов за счет материального поощрения их труда в это время не представлялось возможным. Основная ставка была сделана на принудительные миграции рабочей силы как для использования на тяжелых физических работах, так и для интеллектуального обеспечения новостроек. В 1930 г. создан ГУЛАГ, управлявший лагерями, с 1934 г. в ведение ГУЛАГа находились не только заключенные, но и высланные в период раскулачивания крестьяне — трудпоселенцы. Согласно переписи 1939 г., в системе НКВД содержалось 3,1 млн. чел.: в тюрьмах — 350 тыс., в колониях — 365 тыс., в лагерях — 1, 3 млн., в трудпоселках — 990 тыс. чел. [1].

Первой стройкой, ставшей символом рождения ГУЛАГа, являлся Беломорско-Балтийский канал, построенный в 1931–1933 гг. Канал протяженностью 227 км соединил Балтийское и Белое моря и через Мариинскую водную систему связал Белое море с сетью водных путей Волжского, Камского, Московско-Окского бассейнов. Всего на канале было построено 128 гидротехнических сооружений, из них 19 шлюзов, 15 плотин, 12 водоспусков, 49 дамб, 33 искусственных каналов. Для освоения территории, прилегающей к каналу, в 1933 г. создан Беломорско-Балтийский комбинат (ББК). Комбинату были предоставлены монополь-

ные права эксплуатации канала, леса площадью около 3 млн. га вдоль трассы Мурманской железной дороги и находившиеся на этой территории промышленные предприятия. До марта 1939 г. комбинат подчинялся ОГПУ/НКВД. Главную его рабочую силу составляли заключенные: в среднем здесь ежегодно работало 75-85 тыс. чел. Из них примерно 35% были осуждены «за контрреволюционную деятельность». В трудпоселках на территории ББК проживали до 28 тыс. раскулаченных крестьян [2]. В начале Великой Отечественной войны заключенных эвакуировали в лагеря Архангельской области, Коми АССР, Урала, Сибири.

На ББК впервые были продемонстрированы «преимущества» лагерной системы. К ним ее апологеты относили следующие факторы. Труд заключенных и спецпоселенцев обходился государству достаточно дешево, в то время как привлечение в отдаленные регионы вольнонаемных работников требовало значительных средств. Затраты на сооружение ББК составили, по официальным данным, 95,3 млн. руб., в том числе 85 млн. руб. ушло на строительство гидротехнических сооружений, 6,7 млн. руб. – на вспомогательные работы, 3,5 млн. руб. – на проектные и изыскательские работы [3].

Заключенные являлись чрезвычайно мобильной рабочей силой, легко перебрасывались с объекта на объект в зависимости от потребностей государства. Лагеря быстро сосредотачивали в нужном месте значительные контингенты рабочей силы. Через ГУЛАГ на ведущих промышленных объектах в проектно-конструкторских организациях — особых технических бюро — удалось сконцентрировать крупные интеллектуальные силы. На ББК среди инженеров трудилось немало репрессированных специалистов. По ст. 58 были осуждены главный инженер Беломорстроя Н. И. Хрусталев, начальник проектного отдела строительства В. Д. Журин, старший инженер по земляным работам П. Н. Верховский [4]. В заключении профессор В.Н. Маслов впервые в мировой практике спроектировал деревянные ворота 43 шлюзовых камер, прослуживших на канале более 25 лет. Инженер О.В. Вяземский спроектировал знаменитую Маткожненскую плотину высотой 16 м, где были многочисленные сопряжения с земляными дамбами. Инженер К.М. Зубрик впервые применил деревянные наклонные ряжи на Шаваньской плотине. 29-ю плотину в Выгоострове сооружал А.Г. Ананьев, до революции строивший знаменитые на весь мир разводные мосты в Ленинграде.

Однако нельзя забывать, что лагерная система варварски использовала творческих потенциал интеллигенции, аресты представителей которой становились средством борьбы с инакомыслием. В Карелии отбывали срок православный богослов П.А. Флоренский, философы А.Ф. Лосев, А.А. Мейер, историки М.Д. Приселков, Б.А. Романов, Н.П. Анциферов и многие другие выдающиеся представители российской науки и культуры.

ББК сыграл важную роль в решении важнейших задач, стоявших перед страной в 1930-е гг. В межвоенный период оформляется северное стратегическое направление российской геополитики. ББК должен был обеспечить выход страны в Мировой океан, надежную связь с Западом, прямое морское сообщение между европейской частью СССР и Дальним Востоком. Бывший начальник штаба экспедиции особого назначения по переводу кораблей из Балтики на Север И. С. Исаков вспоминал слова И. В. Сталина о значении ББК: «Черное море – лохань, Балтийское – бутыль, а пробка – не у нас. Будущее за Северным флотом. Здесь мы должны обжиться, привыкнуть и прочно обосноваться. Только отсюда мы сможем в будущем на равных говорить в Мировом океане с морскими державами» [5]. В 1933 г. по каналу с Балтики в Белое море были проведены эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, подводные лодки, составившие основу Северной военной флотилия. В это время активизировалось освоение Северного морского пути. 11 мая 1937 г. создан самый молодой в истории России Северный флот.

При этом военные были недовольны малой глубиной канала, не позволявшей проводить самые крупные суда. Эсминцы и подлодки через канал переводили в специальных доках, уменьшавших осадку. 17 августа 1933 г. правительство СССР поставило перед ОГПУ задачу углубить, расширить канал, разработать вторую линию шлюзов, однако осуществить это в предвоенные годы не удалось [6].

ББК сыграл важную роль в экономическом развитии региона. Значителен вклад Беломорского комбината в развитии лесной промышленности. В 1940 г. в Карелии было заготовлено 9 433 тыс. куб. м. древесины. Из них 40% приходилось на долю Наркомлеса, а 54% – на долю НКВД. Прочие организации заготовили 6% леса. Таким образом, в конце 1930-х гг. более половины леса в республике заготавливалось руками заключенных [7]. На долю ББК приходилось более трети продукции лесопильной промышленности. Помимо Медвежьегорского и Сегежского лесозаводов, принятых от треста Карелдрев в 1934 г., ББК построил Пиндушский и Сунозерский лесозаводы, лесозавод на р. Летней. Кроме того, комбинат имел две мебельные фабрики в Медвежьегорске и Надвоицах, десятки однорамных лесозаводов передвижного типа и шпалорезок. Комбинат содействовал развитию лесохимического производства: вел заготовку смолы, дегтя, угля.

Для работы на канале необходимо было готовить флот озерно-речного типа. Первые суда, работавшие на ББК, имели мощность 50-75 лошадиных сил. Их коробки строила Ленинградская спортивная верфь, а оборудование ставил Онежский завод. В начале 1934 г. в Пиндушах заложена судоверфь для строительства судов из дерева для нужд ББК. Уже в 1934 г. она спустила на воду первые берлины, лихтеры, каюки и вскоре стала одной из крупных верфей деревянного судостроения в СССР.

Силами ББК на Кольском полуострове в 1936 г. построена самая северная в мире Туломская гидроэлектростанция мощностью в 48 тыс. кВт. Она сыграла большую роль в снабжении электроэнергией Кольского полуострова. ББК сыграл решающую роль в строительстве Ондской и Кумсинской ГЭС.

Комбинат ускорил развитие целлюлозно-бумажной промышленности Карелии. В июле 1935 г. СНК СССР принял решение о строительстве Сегежского лесохимбумкомбината. Предполагалось создание промышленного гиганта: по объему производства сульфатной целлюлозы планировалось превзойти европейские аналоги. Целлюлоза была необходима и бумажной, и оборонной отрасли, где ее использовали для производства взрывчатых веществ и пороха. В Сегеже должны были перерабатывать лишь треть вырабатываемой целлюлозы, а основную ее часть вывозить на другие предприятия за пределы республики. Помимо целлюлозы комбинат должен был производить оберточную бумакные мешки, а из отходов производства - скипидар, технический спирт, уксусную кислоту, канифольное мыло и др. [8].

В 1936 г. Беломорско-Балтийский комбинат начал строительство нового завода. В кратчайшие сроки заключенные и трудпоселенцы под руководством опытных инженеров фактически на голом месте возвели производственные корпуса. Бумагоделательная машина новейшей конструкции была куплена за валюту в Германии. Монтаж узлов, электрооборудование в целях экономии, почти без чертежей, выполнили инженеры и специалисты ББК. В 1939 г. вступила в эксплуатацию, а в марте 1940 г. была принята правительственной комиссией первая очередь комбината [9]. С 1 января 1940 г. Сегежский комбинат был выведен из подчинения НКВД СССР и передан в подчинение Наркомлесу СССР. В ноябре 1940 г. на Сегежском лесобумхимкомбинате работало около 3,5 тыс. чел., из них 58,5% составляли вольнонаемные лица, 41,5% — заключенные [10]. К началу Великой Отечественной войны комбинат имел действующий целлюлозный завод, три бумагоделательных машины, мешочный цех, силовую установку [11]. При освоении бумажного и целлюлозного производства предприятие столкнулось с большими трудностями. Причинами стали простои оборудования, плохая организация труда, незавершенность строительства ряда объектов, недостатки снабжения [12]. В первом полугодии 1941 г. комбинат работа комбината улучшилась.

Значительная часть заключенных трудилась в сельском хозяйстве. В 23 совхозах ББК, в подсобных хозяйствах занимались травосеянием, картофелеводством, вели крупное парниковое хозяйство. Комбинат большое внимание уделял разработке методов и приемов северного земледелия. В практику были введены новые приемы осушки болот, апробированы вызревающие сорта овса, ячменя, ржи и пшеницы, наиболее урожайные сорта картофеля. Начала работу зональная опытная станция, входившая в сеть научно-исследовательских учреждений ВАСХНИЛ. В 1934 г. поголовье крупного рогатого скота на ББК составляло 2,9 тыс. голов, свиней – 2,3 тыс., кроме того развивалось кролиководство и птицеводство. В 1935 г. по размерам своего сельского хозяйства ББК являлся наиболее мощной организацией Карелии и Мурманского края.

Большую роль сыграл труд заключенных в развитии швейного, кожевенного, мебельного и других производств, создававших товары народного потребления. В 1940 г. в Карелии было сшито 200,7 тыс. пальто и полупальто для взрослых, из них 192,8 тыс. на предприятиях, подчинявшихся НКВД. Там же были сшиты 145,8 тыс. костюмов из 154,6 тыс., сшитых в Карелии. На предприятиях НКВД шили одежду для новорожденных, изящное женское белье, не говоря уже о телогрейках, ватных брюках и шароварах. Из 255,8 тыс. пар кожаной обуви, сделанной в Карелии в 1940 г., 221,9 тыс. пар изготовлено на предприятиях НКВД. Руками заключенных производилось более половины стульев, столов, буфетов, шкафов, комодов, диванов и другой мебели [13]. Таким образом, труд заключенных прикрывал недостатки созданного в чрезвычайных условиях хозяйственного механизма. Наличие дешевой рабочей силы поощряло экономический волюнтаризм.

Одной из важнейших задач ББК была провозглашена колонизация края. Правительство поставило перед ним задачу не просто создать новые ГЭС и промышленные предприятия, но «построить города социалистического типа». Канал и комбинат дали мощный импульс к развитию таких поселений как Беломорск, Сегежа, Надвоицы и др. Особое внимание уделялось развитию «столицы» ББК Медвежьей Горы. В 1933–1934 гг. в этом поселке были построены гостиница для туристов, овощехранилище, электростанция, баня [14]. В Медвежьей Горе действовали три школы, лесной техникум, три библиотеки, два кинотеатра. В поселке функционировали две больницы, прекрасно оборудованная поликлиника ББК. В них трудились 23 врача и 45 человек среднего медицинского персонала. 26 сентября 1938 г. рабочий поселок Медвежья Гора был преобразован в город Медвежьегорск.

В 1935 г. на территории ББК работало 18 начальных и четыре неполных средних школ, в которых в 1935 г. обучалось около 6 тыс. детей. В составе комбината действовали музей ББК, центральная мастерская художников, симфонический и духовой оркестры, агитбригады. В рамках ББК функционировал центральный театр с залом на 338 мест. Основу репертуара театра составляла классика: «Ревизор» Н. Гоголя, «Бешеные деньги» А. Островского, «На дне» М.Горького, «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина и др. В Медвежьегорском театре были поставлены оперы «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Кармен» Ж. Бизе и др. Ассистент главного режиссера по художественной части В Цеханский вспоминал: «В первый день недели давали драму,

во второй – оперу, в третий – оперетту. В четвертый день был балет, пятый отводился для симфонического оркестра, шестой – для театра миниатюры и эстрады, в седьмой день показывали свежий фильм» [15].

Предполагалось, что освободившиеся спецпоселенцы и заключенные останутся жить на севере. Однако насильно переселенные люди воспринимали север именно как место заточения. Суровые условия жизни и труда рождали у них озлобление и желание любыми путями вырваться на свободу. Судьбы сотен тысяч людей были искорежены на сталинских новостройках. Как только ослабло принуждение, люди стали покидать города и поселки с отсталой инфраструктурой, низким уровнем жизни.

Лагерная экономика позволила государству осуществить на севере строительство индустриальных объектов, обеспечивавших развитие новых отраслей экономики и укрепление обороноспособности государства, нарастить производство в добывающей промышленности. Она прикрывала тяжелые последствия очередных «рывков» и «штурмов», неэффективную работу сектора потребительского производства, однако ставка на массовое использование труда заключенных для создания высокоэффективной экономики в перспективе была обречена на провал.

Источники и литература

- 1. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике 1930 середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 25.
- 2. Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933—1941 // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 138, 141, 146-147.
 - 3. Там же. С. 67-69.
 - 4. ГУЛАГ в Карелии: сб. док и материалов. Петрозаводск, 1992. С. 72-75.
 - 5. Чухин И.И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990. С. 22.
 - 6. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 122-127.
 - Национальный Архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 1411. Оп. 2. Д. 19/266. Л. 33.
 - 8. Там же. Ф. 882. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 12.
- 9. История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1992. С. 123; Сегежский ЦБК. От чистого истока. Петрозаводск, 2004. С. 157-158.
 - 10. НАРК. Ф. 882. Оп. 1. Д. 4/20. Л. 72. Д. 1/8б. Л. 163. Д. 1/8-б. Л. 163. Д. 2/14. Л. 65.
 - 11. Там же. Д. 94/561а. Л. 3. Д. 2/12. Л. 293.
 - 12. Там же. Д. 4/20. Л. 51.
 - 13. Там же. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 19/266. Л. 33.
 - 14. Там же. Ф. 865. Оп. 1. Д. 3. Л. 94 об.
 - 15. Кузякина Н. За соловецким пределом //Театральная жизнь, 1993. № 10. С. 30.

БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ 1930-х гг: МЕТОДЫ ЛИКВИДАЦИИ

А.А. Славко (Тверь)

С начала 1930-х гг. в России ужесточается механизм борьбы с детской беспризорностью, которые в кратчайшие сроки увеличивают долю криминально настроенных подростков в детских учреждениях. Поэтому резкий взлёт численности беспризорных детей и методы ликвидации беспризорности этого периода сразу же привели к переполнению не только детских домов, но и детских колоний. Детей направляли в исправительно — трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей с целью предотвращения побегов и рецидива беспризорности.

1 августа 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР утверждается Исправительно – Трудовой Кодекс РСФСР. Начинается формирование системы исправительно – трудовых колоний для несовершеннолетних. Для содержания в них несовершеннолетних правонарушителей организовывались школы фабрично – заводского ученичества особого типа, «задачей которых является подготовлять из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства и давать им на основе коммунистического воспитания знания, необходимые для активного участия в социалистическом строительстве» [1]. Предписывалось, что в колонии направляются лица от 15 до 18 лет. Основанием для этого являлись приговоры судов, постановления комиссий по делам о несовершеннолетних и других органов, уполномоченных на это. Время обучения ограничивалось 3 годами, но независимо от срока приговора. Если последний завершался до окончания обучения в школе, то срок приговора продлевался. Кодекс устанавливал единый для

взрослых и несовершеннолетних внутренний распорядок в местах лишения свободы, меры поощрения и премирования и дисциплинарные меры.

27 октября 1934 г. ликвидируются Главные управления исправительно – трудовых учреждений народных комиссариатов юстиции союзных республик. Исправительно – трудовые учреждения передаются во вновь организуемый Отдел мест заключения в составе Главного управления исправительно – трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР [2]. В результате, в ведение НКВД СССР передаются и исправительно – трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей.

Одной из задач культурно-воспитательной работы становится организация соревнования, ударничества и внедрение стахановских методов труда, контроль за соблюдением режима и трудовой дисциплины. Работа с «отказчиками» от работы и прогульщиками состояла в том, чтобы разъяснять меры принуждения, которые последуют в случае отказа их от работы.

Распоряжением начальника ОТК НКВД СССР П. С. Перепёлкина № 886503 от 23 июля 1935 г. вводится типизация трудовых колоний НКВД:

- трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности;
- трудовые колонии с особым режимом;
- изоляторы для подследственных в тюрьмах, которые находились в отделах мест заключения НКВД СССР. С этого времени трудовые колонии перестают делиться по возрасту колонистов и по «признакам большей или меньшей социальной запущенности». Последнее объясняется тем, что «Опыт совместного содержания в наших трудовых коммунах правонарушителей рецидивистов вместе с менее социально запущенным контингентом дал положительные результаты и показал, что это облегчает перевоспитательную работу» [3]. В чём состояли положительные результаты, информация источников не раскрывает.

С этого времени, содержащихся в трудовых колониях детей называют воспитанниками или заключёнными, в зависимости от того, имели ли они судимость или нет. Таким образом, к воспитанникам относились подростки, не имеющие судимости, а к заключённым – подростки с одной и более судимостями. Для наиболее запущенных детей в Архангельске открывается трудовая колония с особым режимом для девочек и мальчиков.

Деятельность трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних регламентировалась Положением, утвержденным народным комиссаром внутренних дел СССР Г. Ягодой 29 июля 1935 г. В Общей части Положения было зафиксировано, что в трудовых колониях содержатся несовершеннолетние преступники 12-16 лет и беспризорники 14-16 лет. Все находящиеся в колонии подразделялись на членов и кандидатов колонии. К членам колонии относились те, «кто выполняет производственное задание, примерен по своему поведению в быту и принимает активное участие в общественной жизни колонии» [4]. Остальные воспитанники назывались кандидатами в члены колонии.

Все расходы по колонии покрывались за счёт организуемого при каждой из них производства. Членам колонии устанавливалась сдельная оплата труда, из которой вычитались расходы на месячное содержание. Она выплачивалась им на руки. Кандидатам колонии зарплата перечислялась на их лицевой счёт и на руки выдавалась только по специальному разрешению управляющего колонией и в неполном размере. Организационная структура колонии включала в себя следующие подразделения:

- учебно-воспитательное;
- производственно-техническое;
- административно-финансовое.

Возглавляет трудовую колонию управляющий. Выпуск из колонии производится только один раз в году, после окончания учебного года.

Несмотря на принятие жёстких мер по улучшению и нормализации деятельности трудовых колоний, положение дел осенью 1935 г. практически не изменились. В Саратовской трудовой колонии, к примеру, «вместо широкого вовлечения ребят в органы самоуправления, являющегося одним из самых действенных методов воспитания, — руководство колонии игнорирует эти органы и подменяет их голым администрированием». Имелись случаи избиения воспитанников. Среди руководителей и воспитателей был «классово — чуждый и преступный элемент». Неудовлетворительное положение дел в трудовых колониях являлась причиной частых побегов воспитанников.

Тогда режим содержания детей в местах лишения свободы ещё более ужесточается. Этому способствовало постановление ВЦИК и СНК от 25 ноября 1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью. С этого момента исключалась возможность снижения срока наказания для подростков 14-18 лет [5].

Почти через год вновь проводится обследование трудовых колоний для несовершеннолетних и вновь были установлены негативные факты. Например, на музыкальной фабрике Томской колонии, систематически не выполнялся производственный план, в Александровской колонии были выявлены факты пьянства и продажи в столовой водки, при этом она даже не приступала к выпуску товарной продукции, и др. [6].

В поле зрения властей постоянно находился вопрос о производственной деятельности трудовых колоний для несовершеннолетних. Однако проверки показали неудовлетворительную работу ряда колоний по выполнению производственных планов. Хотя в течение 1936 г. все трудовые колонии должны были полностью «освободить» государственный бюджет от расходов на их содержание за счёт собственных производств, на деле планы многими колониями не выполнялись, выпускаемая продукция была низкого качества, бракованная. Вина возлагалась на региональных руководителей.

Проверка работы Бузулукской трудовой колонии УНКВД по Оренбургской области, проведённая в начале 1937 г., и здесь вскрыла проблемы. Производственная программа предыдущего, 1936 г., была выполнена только на 25,4%. За два года существование колонии сменилось 7 управляющих. Условия жизни в колонии были такими, что несовершеннолетние не выдерживали здесь: в 1936 г. побеги составили 45,2%, или 226 воспитанников [7]. Административный персонал колонии был арестован.

Ещё одним примером наказания и смены руководителей и сотрудников является Юхтинская детская колония НКВД. Вскоре после реорганизации, в августе 1937 г., был арестован заведующий Дерибас и занимающийся «вредительской деятельностью» управляющий Р. Данилов, с формулировкой в обвинении «Задолженность по зарплате. Долг различным учреждениям, неисправность техники, плохой сбыт продукции столярных мастерских, а также побеги воспитанников из колонии». В сентябре 1937 г. управляющим колонией становится Г. Павлов, через два месяца – новый управляющий Н. Климов, который, в свою очередь, заявил: «производство колонии убыточно и усилиями воспитанников покрыть расходы невозможно». Тогда освобождаются от должности в связи с арестом 12 воспитателей, 10 человек из числа обслуживающего персонала [8].

С 23 мая 1937 г. часть трудколоний была реорганизована. Пензенская Куйбышевской области, Верхотурская Свердловской области и Пушкинская Ленинградской области из открытых трудколоний были переведены в трудколонии закрытого типа. В месячный срок устанавливается ограждение территорий, вводится охрана и дополнительные штаты и т. д. Сложное положение наблюдалось и во многих других трудколониях. В Валуйской трудколонии для несовершеннолетних УНКВД Курской области за 1936 г. бежало 20% воспитанников, или 235 человек. Питание было неудовлетворительное. Часть воспитанников спали на полу и т. д. Тогда был снят с работы начальник ОТК УНКВД Курской области и помощник управляющего колонии и т. д. Сложнейшую ситуацию показало обследование деятельности и Верхотурской трудколонии летом 1937 г. В апреле месяце 487 воспитанников заболело цингой. Электростанция, лесозавод и лесосушилка, входящие в состав колонии, были построены с дефектами. От занимаемых должностей были отстранены и отданы под суд начальник ОТК и его помощник, управляющий Верхотурской колонией и его помощник, главный бухгалтер и начальник финотдела ОТК [9].

С начала 1938 г. начинается разгрузка тюрем и приёмников-распределителей, путём передачи из них несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет в трудовые колонии. Доставка таких подростков производилась силами милиции и конвойных войск. «Социально опасные» дети репрессированных родителей 15 лет и старше, которые проявляли любые «антисоветские настроения» предавались суду на общих основаниях и направлялись в лагеря, в трудовые колонии попадали в этом случае единицы.

На 1 февраля 1938 г. в 59 трудовых колониях содержалось 12,5 тыс. несовершеннолетних заключённых, столько же, 12,5 тыс. подростков, находилось в 158 детских приёмниках [10].

Огромное число не прекращающихся побегов из трудколоний потребовало издания 11 февраля 1938 г. приказа Наркома Внутренних дел СССР № 0058 «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних и приёмников-распределителей». Его цель заключалась в предотвращении побегов и пресечении любой контрреволюционной деятельности. Руководство данной работой было возложено на городские и районные аппараты УГБ НКВД. В штаты трудовых колоний вводятся должности заместителя по оперативной части.

14 марта 1938 г. объявляется положение о военизированной и пожарной охране в закрытых трудовых колониях НКВД для несовершеннолетних правонарушителей. На новую структуру возлагались следующие задачи:

- «а) предотвращение побегов несовершеннолетних правонарушителей;
- б) охрана социалистической собственности;
- в) поддержание порядка на территории трудколонии;
- г) безопасность трудколонии в пожарном отношении» [11].
- В 1938 г. устанавливается порядок вывода осуждённых несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа НКВД. В трудовых колониях для несовершеннолетних оставлялись до конца срока наказания осуждённые 16-летнего возраста, если они являлись ударниками, «отличниками учёбы и в быту» и до окончания срока оставалось не более 2 лет; и осуждённые 16-летнего возраста, если срок наказания оставался не более 6 месяцев. Остальные 16-летние осуждённые с

оставшимся сроком наказания 6 месяцев и выше переводились в лагеря или места заключения ОМЗ УНКВД и НКВЛ.

5 сентября 1938 г. утверждается новое положение о трудовых колониях закрытого типа. В их задачи входит «воспитание в условиях трудового режима и строгой дисциплины несовершеннолетних правонарушителей, привитие им трудовых навыков, обучение профессии и возвращение обществу честных и преданных социалистической родине граждан» [12]. Сюда поступали воспитанники от 12 до 16 лет из открытых трудколоний и тюрем. Минимальный срок содержания устанавливался в один год. Затем воспитанники при условии «хорошего поведения» могли быть переведены в открытую трудколонию, на трудоустройство или к родным.

Обучение в трудколониях велось по программам неполной средней школы – семилетки. Производственное обучение осуществлялось на предприятиях и в учебных мастерских колонии. Которыми руководил Отдел трудовых колоний или АХО НКВД / УНКВД республик, краёв и областей. Для 12-16-летнего возраста рабочий день равнялся 4 часам, для 16-18 лет – 6 часам. Зарплата воспитанников записывалась на их лицевой счет, хранилась в кассе колонии и выдавалась на руки воспитанникам.

Вместе с тем, решение, принимаемые на официальном уровне, исполнялись далеко не всегда. Так, в первой половине 1939 г. в ряде трудколоний среди воспитанников наблюдались массовые беспорядки. В Осташковской трудколонии Калининской области в общежитиях была антисанитария, для воспитанников не хватало одежды, обуви, постельных принадлежностей. В колонии находилось более 100 человек, которые в течение длительного срока подлежали трудоустройству или выводу в общие места заключения, либо должны были быть переданы родственникам. Анализ состояния Валуйской трудколонии Курской области также показал грязь в общежитиях, отсутствие одежды и обуви, что не позволяло воспитанникам посещать школу и производство, недоброкачественное и нерегулярное питание и т. д. Аналогичная ситуация была и в Чепецкой трудколонии Кировской области. «В результате дебоща воспитанников в Осташковской, Валуйской и Чепецкой трудколониях уничтожена и испорчена часть инвентаря и имущества, разгромлены отдельные помещения, расхищены склады и магазины на десятки тысяч рублей». В случившемся были обвинены руководители этих колоний, которые «довели колонию до развала, до явлений массовых беспорядков воспитанников» [13]. Массовые выступления несовершеннолетних имели место и в лагерях.

Подростки от 12 до 16 лет, приговорённые судом к различным срокам заключения, с санкции прокурора с середины 1939 г. стали помещаться в изолятор. 16 июля 1939 г. утверждается положение об изоляторе НКВД ОТК для несовершеннолетних. В него попадали дети, «не поддающиеся иным мерам перевоспитания и исправления» [14]. К ним относились бежавшие из трудколоний; воспитанники, злостно нарушающие режим, осуждённые с отбыванием своей меры наказания в трудколониях закрытого типа. Срок нахождения в изоляторе устанавливался не более 6 месяцев.

В сентябре 1939 г. Отдел трудовых колоний несовершеннолетних заключённых вошёл в состав ГУЛАГа НКВД как самостоятельное подразделение. Необходимость такого включения мотивировалась важностью объединения руководства воспитанием и трудиспользованием несовершеннолетних заключённых. С этого времени Отдел трудовых колоний НКВД СССР стал возглавлять все трудовые колонии несовершеннолетних до 18 лет. В связи с этим в эти колонии должны были быть переданы все заключённые ИТЛ до 18 лет. Это означало, что с данного момента детские трудовые колонии прекращали своё существование как самостоятельные учреждения, и многие из них вливались в состав колоний для взрослых на правах специализированных подразделений. Заключённые стали активно привлекаться к обслуживанию детских колоний, в том числе к обработке сельхозучастков, выделенных колониям.

В конце 1939 г. на официальном уровне было заявлено, что в трудколониях НКВД СССР для несовершеннолетних содержится значительное количество осуждённых тройками НКВД «без достаточных оснований», например, «как пребывающий без определённых занятий», «за систематическое бродяжничество», «за нарушение паспортного режима». В декадный срок предлагалось выявить таких несовершеннолетних и передать родителям, направить в детские учреждения Наркомпроса или, если им свыше 16 лет, – трудоустроить [15].

К началу 1940 г. система трудовых колоний для несовершеннолетних была полностью сформирована. Теперь сюда направлялись осуждённые от 12 до 18 лет, а не от 12 до 16 лет, как было в 1935 г. Слово «само-управление» из системы воспитания полностью исчезает. В ГУЛАГе в это время функционировало 50 трудовых колоний для несовершеннолетних открытого и закрытого типов. В трудовых колониях открытого типа находились подростки от 12 до 18 лет с одной судимостью, закрытого типа – подростки того же возраста, но имеющие несколько судимостей. В трудовые колонии помещались подростки и не имеющие судимостей. По данным с 31 мая 1935 г. по конец 1939 г. через трудовые колонии прошло 155 506 подростков с 12 до 18 лет, из них 68 927 имели судимость, а большая часть — 86 579 — была не судившихся [16].

Итак, попав в криминальную обстановку, по прошествии нескольких лет, ребёнок становится действительно криминальным. Наличие рецидивистов среди несудимых воспитанников ещё более обостряло психологически нездоровую атмосферу, нарушало психику ребёнка.

Источники и литература

- 1. ГУЛАГ: 1918–1960: (Россия. ХХ век. Документы) / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002. С. 78.
- 2. Собрание Законов СССР, 1934. № 56. Ст. 421.
- 3. Дети ГУЛАГа: 1918–1956: (Россия. XX век. Документы) / Сост. С.С. Виленский [и др.]. М., 2002. С. 194–195.
 - 4. Там же. С. 195.
 - 5. ГУЛАГ // ru.wikipedia.org/wiki.
 - 6. ГА РФ. Ф. Р 9401. Оп. 1 а. Д. 12. Л. 295–296.
 - 7. Там же. Д. 17. Л. 402.
 - 8. Бобков М. Юхтинская спецшкола: путёвка в жизнь. 2005 // www.amurpravda.ru.
 - 9. Дети ГУЛАГа: 1918-1956. С. 230-231, 238-239.
 - 10. ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960. С. 708.
 - 11. ГА РФ. Ф. Р 9401. Оп. 1 а. Д. 22. Л. 37.
 - 12. Дети ГУЛАГа: 1918–1956. С. 301.
- 13. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920—х первая половина 1950—х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключённых / Отв. ред. и сост. В.А. Козлов. М., 2006. С. 120—122.
- 14. Коновалова И. А. Тенденции развития корыстной преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней: ретроспективный обзор // ru.wikipedia.org.
 - 15. Дети ГУЛАГа: 1918-1956. С. 316-317.
 - 16. ГУЛАГ // ru.wikipedia.org/wiki.

ПОСЕЛОК АДЖЕРОМ (ПЕЗМОГ) В ИСТОРИИ ГУЛАГА СССР

А. Смилингис (с. Корткерос, Республика Коми)

В связи с массовой депортацией крестьянства и начавшимся притоком рабочей силы на Северные районы страны, в 1930 г. Совет народных комиссаров постановил возложить на Северный край обязательства заготовить 65 млн. кубометров древесины, за которую государство получит не менее 500 млн. руб. валютой [1]. Волна репрессий рассширялась.

Решение о создании в 1932 г. Пезмогского (Северного) комбината с колониями Пезмогская, Позтыкеросская и Локчимская в бассейне реки Локчим Коми области было одобрено Советом Труда и Обороны [2].
Пезмогский комбинат как структура ГУИТУ (Главного управления исправительно-трудовых учреждений),
явился одним из первых крупных лагерных комплексов на территории Коми области [3]. Его создание было
первой и единственной попыткой организации крупного промышленного комбината с массовым использованием труда заключенных в системе ГУИТУ. Считалось, что местность лучше обеспечивает создание соответствующих условий для осуществления исправительно-трудовой политики среди деклассированных элементов
трудового воздействия и режима ими. Официальных документах комбинат именовался по разному: Северным,
Пезмогским, Локчимским. За годы существования 1932—1936 в нем погибли тысячи заключенных, до сих пор
в неизвестных местах захоронений [4].

С весны 1932 г. на территорию нынешнего поселка Аджером начали прибывать баржи с заключенными. Средств и людей не жалели. Строятся землянки, лагерные бараки, ведется заготовка древесины и строительство лесовозных дорог- лежневок из бревен. (на километр лежневки уходило более 200 кубометров деловой древесины. Стены здания электростанции, для лесопильного завода, воздвигнуты из смеси цемента и камушек, собранных ведрами на полях. Размеры здания, чаны для охлаждения воды, впечатляют. По словам современников, топливом для станции служили опилки, радом построенного лесопильного завода. В 1933 г. на освоение было израсходовано 4,3 млн. руб., заготовлено 40 тыс. кубометров древесины. В комбинате было 2450 заключенных. По договору от 15 марта ГУЛАГ дополнительно передал комбинату для трудового использования все наличие, около 2456 человек спецпереселенцев, раскулаченных крестьян России. Планировалось проведение масштабных лесозаготовок, в основном на экспорт [5].

На огромной территории небыло дорог. Лагерные участки (колонии) строились вспешке, в стороне от мест проживания коренного населения, в местах гиблых, не пригодных для ведения сельского хозяйства. Отсутствовала простейшая инфраструктура. Бревенчатый частокол с проволочным верхом. Барак из сырых неотесанных бревен. Двухэтажные нары. Печка – железная бочка – на весь барак. Соломенные матрацы. Масса клопов [6]. На 10-15 человек была одна ложка, а вместо блюдца использовалась консервная банка. В боль-

шинстве лагпунктов небыло бань. Нехватало инструментов, теплой одежды. Шла необъявленная война на уничтожение собственного народа, Для этих целей использовался голод и принудительный труд.

Нечеловеческое отношение к заключенным сохранили документы: «В Лопыдинском отделении, Локчимской исправительно- трудовой колонии организовали карцер «Сахалин» для лишенцев свободы в лесу за 7 км от самых бараков, а потом туда садили, кто вздумает, насадили в карцер до 30 человек мужчин и женщин все в один барак, при посадке у арестованных отбиралась почти вся одежда для того чтобы оттуда никто не сбежал. Продукты им выдавались от случая к случаю, надзиратели пайки воровали и хлеб сокращали на 50%, или совсем не выдавали. В последних числах декабря месяца там было оставлено 4 человека, которые несколько дней находились совершенно голодные, последние, боясь голодной смерти, одного из четырех зарезали на смерть, а мясо труп употребили в пищу» [7]. (Из протокола закрытого партийного собрания).

Из справки проверки: «Умершие л/свободы хоронятся большей частью на кладбище, но случалось встречать могилы в лесу — зарытыми очень неглубоко. Никаких дощечек с фамилией и именем умершего не выставляется. Несколько покойников было привезено из больницы на кладбище для погребения. Когда их начали зарывать, то вспомнили, что нужно составить акт о смерти, а так как фамилий не знали, то покойников с кладбища повезли обратно в больницу для опознания, но и там не знали. Пришлось пригласить заключенных. Они сказали их фамилии, но насколько правильно- не известно.. Личные дела на лишенцев свободы ведутся небрежно и имеются не на всех» [8]. Сведения о жизни в лагерных участках, в спецпоселках, местах захоронения считались секретными. Отбиралась подписка о неразглашении. Технология принудительной заготовки древесины, отрабатывалась путем проб и ошибок. Каждая ошибка уносила жизни заключенных. Не поставишь у каждого вальщика дерева охранника с винтовкой. Комбинат, породив огромное количество смертей, не оправдал надежд, не успев « набрать обороты» в был в 1936 г. закрыт. Лагерные участки-колонии, в том числе Пезмогское лесозаготовительное хозяйство переданы в ведение Нижнечовской исправительнотрудовой колонии [9].

Следующий этап ГУЛАГа в истории поселка Пезмог совпал с развертыванием «Большого террора» стране. 31 июля 1937 г. появляется Оперативный приказ НКВД № 00447 « Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», который утверждается в Политбюро ЦК ВКП (б). Одновременно утверждаются сроки « кулацкой операции» и ассигнования на ее проведение, а также принимается решение об организации шести новых лесозаготовительных ИТЛ, куда должны направятся осужденные по этой операции. Приказ определял контингенты подлежащие репрессии: бывшие кулаки, оставшиеся в деревни или осевшие в городах, бывшие члены социалистической партии, священство, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т. е. люди, ранее судимые по общеуголовным статьям УК. В отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводится также тюрьмах, лагерях, трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (Заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал персональный состав «троек», выносящих приговоры (начальник УНКВД, секретарь обкома, областной прокурор). Приговоры выносились заочно, то есть без вызова обвиняемого, а также без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали. Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места проведения». Согласно приказу операция должна была продлится 4 месяца, за это время было намечено осудить к расстрелу 75950 чел., заключить в лагерь – 193000 чел. (всего в ходе « кулацкой операции», в основном завершенной к весне-лету 1938 г., было осуждено не менее 818 тыс. чел., из которых расстреляно не менее 436 тыс. чел. [10].

16 августа 1937 г., во исполнении приказа организованы новые лесные лагеря ГУЛАГа НКВД: Ивдельский, Каргапольский, Кулойский, Тайшетский, Томско- Асинский, Усть- Вымский и Локчимский, куда направлялись в основном заключенные, осужденные по приказу 00447 (2-я категория) [11].

Центром (столицей) Локчимлага был определен поселок Пезмог (Аджером) Здесь на сохранившейся базе Пезмогского комбината были образованы четыре лагерных зоны: Управленческая. Сельскохозяйственная. Лесозаводская. Общая. В 1938 г. дополнительно введена Комендантская зона. Строительство велось с размахом. Для управленческой зоны были построены семь двухэтажных зданий в которых ежедневно трудились три тысячи зеков счетоводов-нормировщиков [12].

В течение двух месяцев, для вольнонаемного персонала (охрана, офицерский состав, специалисты) построено двухэтажное здание средней школы. К 1 сентября 1938 г. самолетом начальника лагеря из Москвы были доставлены учебно-наглядные пособия.

Локчимлаговский аэродром был один из крупных на территории Коми. Утверждают, что начальник лагеря частенько по субботам летал в Москву, отдохнуть в ресторане.

В Локчимском лесозаготовительном лагере НКВД СССР – ЛОКЧИМЛАГ. Созданном на основании Приказа НКВД СССР № 00047 в октябре 1937 г. насчитывалось 18937 заключенных. В 1938 г. – 26242, 1939 г. -22585, 1940 г. -10269 заключенных [13], со сроками наказания пяти лет и более, размещенных в многочисленных участках 25 лагерных пунктов.

Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей Коми. Только за один 1938 год от голода, холода [14], болезней в нем погибли 4003 заключенных. При наличии запасов муки начальники лагерных отделений умышленно снизили нормы питания до 200 г хлеба в день, кормили заключенных мучной похлебкой [15]. По воспоминаниям уцелевших узников «там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать [16].

Из-за отсутствии теплой одежды заключенные в следствие обморожений, простудных заболеваний умирали, без какой- либо медицинской помощи. С октября 1937 г. по май 1938 г. умерло 3069 заключенных. В декабре 1938 г. от обморожений умерло 372 чел. В январе 1939 г. от обморожений умерло 152 чел. На 26 тыс. заключенных в лагере было 188 медицинских работников, медсестры (медбратья). От голода, способствующей ему дизентерии ежедневно погибало 10-15 человек Ослабших, не могущих выходить на работу, жестоко наказывали.

Питание при выполнении дневной нормы состояло из черпака мутной баланды, где плавал лист мерзлой капусты. Обед не полагался. На ужин выдавался «суп», черпачок каши, заправленной солидолом и хлебный паек от 700 г до 300 г. Нормы выработки по заготовке древесины не соответствовали человеческим силам. При таких условиях люди быстро слабели.

В связи с физическим состоянием заключенные Локчимлага были разделены на четыре категории: «А», «Б», «В», «Г». Для каждой категории имелись соответствующие нормы выработки в день и соответствующий пищевой паёк [17]. По мере ослабления заключенных переводили на более низкую категорию и сокращенный паек. Категория «Г» была самой последней, обладателей которой, через неделю-две увозили на лагерное кладбище. В 1938 г. в предпоследней группе «В» было 2807 и в последней в группе «Г» – 2046 заключенных

Для меньших хлопот с обреченным на гибель людьми категории «Г» создается Нидзкий инвалидный лагпункт, куда отправляли умирать актированных инвалидов с « выводом за баланс рабочей силы и изъятием с основных лагерных отделений» [18].

В Локчимлаге содержались дети-заключенные. Положение их мало, чем отличалось от взрослых невольников. Из протокола обследования состояния Средне-Локчимского участка (городок малолеток) установлено, что лагерный быт организован не был, жилые помещения не были подготовлены к зиме. Несмотря на наличие продуктов, питание плохое. Имеющееся в каптерке сахар, сельди и другие продукты как заменители не выдавались, и заключенные дети питались только сечкой.

Несмотря на наличие мисок, таковые на руки не выдавались и заключенные ели из консервных банок [19]. Ежедневно актировался невыход на работы 60-70 детей по разутости. В то время как в каптерке имелось 147 пар обуви.

Предварительные расчеты показывают, что в жизнь одного заключенного Локчимлага равнялась 8-10 кубометрам заготавливаемой в лагере древесины

Затраты на доставку заключенных, строительство бараков и «обустройство» быта, содержание лагпунктов, организацию труда и охрану заключенных, не окупились. Хозяйственная деятельность Локчимлага в 1939 г. закончилась 56 млн. руб. убытков. Ни один лагерь в системе ГУЛАГ СССР не причинил государству таких огромных убытков [20].

1 июня 1940 г. согласно Приказа по Локчимлагу № 309 существующий в поселке Пезмог комендантский лагпункт с управленческим аппаратом был ликвидирован с передачей функций Пезмогскому отдельному лагерному пункту, при котором были оставлены лесозавод, мастерские ЦРМ. гараж на 24 автомашин, столярные мастерские, кирпичный завод.

17 августа 1940 г. лагерь был закрыт [21]. Материальные, имущественные ценности и весь персонал Локчимлага передаются в полное распоряжение Устьвымлага [22].

9 сентября 1940 г. начальник управления Локчимлага Михайлов издал приказ, пункт 3-й которого гласит «Все материальные ценности и весь персонал Локчимлага с 10 сентября 1940 года предать в полное распоряжение Устьвымлага».

18 декабря 1940 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о ликвидации Локчимлага, с сохранением на территории поселка Пезмог отдельной лагерной зоны подсобного хозяйства — Сельхозподразделение, с подчинением Устьвымлагу. Гулаговская система в поселке Пезмог продолжила существование. В 1952 г. Пезмогский лагпункт имел литер АН-15, почтовый ящик 243/15 и непосредственно подчинялся управлению Устьвымлаг.

Только в июле 1956 г. деятельность Устьвымлага заканчивается и Пезмогский лагпункт был закрыт. Положен конец « долгожителю» ГУЛАГ СССР просуществовавшему на территории нынешнего поселка Аджером с 1932 по 1956 г.

Свидетелем времени здесь сохранились траншеи лагерных землянок с выходом на общую площадку. Лагерная топонимика: Шанхай — где проживали репрессированные китайцы, корейцы, иранцы; Кремльтерритория, в которой проживало лагерное начальство. Аэродром. Красный маяк- ряд пристаней на берегу озера Адзеромты. Лесозавод. Электростанция. Агробаза — пустующие ныне поля сельскохозяйственного лагеря. Сохранилось здание тюрьмы комендантской зоны с камерами и надписью на стропиле крыши: «Печь сложена бригадой Игнатова, печники Мерилин и Лазарев. 7 сентября 1938 г.». Старожилы говорят, что в этом здании расстреливали заключенных.

На территории бывшей столицы Локчимлага (поселок Аджером) известны четыре кладбища заключенных: Лесозаводское. Комендантское. Аеродромовское. Сельхозовское. На территории бывшей комендантской зоны лагеря, рядом с автострадой Сыктывкар — Усть-Кулом 17 июля 2002 г. установлен Памятный знак-камень: «Узникам лесных лагерей».

На кладбище заключенных «Лесозаводское» 6 июля 2004 г. установлен Памятный крест.

Прошли годы. Память людская возвращается в эти места в лице потомков, в поисках могил родных. В раздумьях понятия случившегося.

Едут из России из зарубежных стран.

В Корткеросском районе известны места 73 бывших лагерных участков, лагпунктов, спец и трудпоселков. Определены места 24 лагерных кладбищ-захоронений. На 16 из них установлены Памятные знаки.

Источники и литература

- 1. Гетманенко В. Биржа // Молодежь Севера, 1989. 1 октября.
- 2. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае 1927–1956. Сыктывкар, 1997. С. 149.
- 3. «Признать строительство ударным...» Документа Национального архива Республики Коми по истории Северного комбината Главного управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) РСФСР. Сыктывкар, 2005. С. 6.
- 4. Признать строительство ударным (документы национального архива РК по истории Северного комбината ГУИТУ). Сыктывкар, 2005. С. 2.
 - 5. Национальный архив Республики Коми Ф. 371. Оп. № 1. Ед. хр. 17.
 - 6. Морозов Н.А. Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1990. С. 181.
- 7. Из протокола закрытого собрания членов ВКП(б) Лопыдинской ячейки от 19 января 1934 года // Признать строительство ударным. Документы национального архива Республики Коми по истории Северного комбината... Сыктывкар, 2005. С. 11.
 - 8. Национальный архив Республики Коми. Р-136. Оп. 1. Д. 251. Л.152-152об.
 - 9. Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 215.
- 10. Как наших дедов забирали // Российские школьники о терроре 30-х годов. Хронология «Большого террора». М., 2007. С. 574.
 - 11. Там же. С. 576.
 - 12. Киселев (воспоминания) Архив автора.
 - 13. Морозов Н.А. С. 152.
 - 14. Морозов Н.А. С. 154.
 - 15. Морозов Н.А. С. 154.
 - 16. Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995. С. 29.
 - 17. Панюкова Г.И. Курсовая работа 4-го курса исторического факультета Коми пединститута.
 - 18. Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 310 от 2 июня 1940 г.
 - 19. Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 91 от 11 февраля 1939 года в лагере.
 - 20. Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 328 от 7 июля 1940 года.
 - 21. Морозов Н.А. С. 152.
 - 22. Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 569 от 9 сентября 1940 г.

ТРУДОВОЕ СОРЕВНОВАНИЕ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В 1930—1950-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Н.А. Белова (Вологда)

Стимулировать заключенных к выполнению производственных задач, поставленных государством перед местами лишения свободы, можно было разными способами: принуждением, вознаграждением и побуждением. Но если в нормальных условиях производства ведущую роль играло вознаграждение, то специфика лагерной экономики в качестве решающего трудового стимула предопределила применение мер принудительного характера. Однако даже в условиях мест лишения свободы одними мерами принуждения и насилия добиться выполнения производственных планов не представлялось возможным. По этой причине в целях укрепления дисциплины и повышения производительности труда заключенных применялись различные стимулы к работе.

В качестве побудительных мотивов к труду в местах заключения в 1930–1950-х гг. активно применялись разные формы трудового соревнования: стахановские методы труда, движение рекордистов, ударников, трудовые вахты и т.п.* Трудовое соревнование за досрочное выполнение плана месяца, квартала и в целом года строилось на основе соревнования между подразделениями (лагерными районами и пунктами), бригадами, колоннами, звеньями и отдельными заключёнными. (Последние брали на себя индивидуальные обязательства). Например, в ноябре 1938 г. в Каргопольском ИТЛ в трудовом соревновании участвовали 722 бригады заключенных. С июня по октябрь 1938 г. количество ударников, нормы выработки которых составляли от 110 до 150%, повысилось с 219 до 8583 чел. Число заключенных, применявших стахановские методы, т.е. перевыполнявших нормы выработки свыше 150%, с апреля по октябрь 1938 г. возросло с 1062 до 2584 чел. Один из инициаторов движения рекордистов за 10 дней сделал с подсобником 985% к норме, а другой – 1056% [1]. Для победителей соревнования были установлены дополнительные меры поощрения: участку вручалось переходящее Красное знамя, бригаде - переходящий кисет, отдельным заключенным - первоочередное обслуживание в столовой и клубе, размещение в более благоустроенных бараках и т.д. [2]. Количество соревнующихся заключенных в колониях и лагерных подразделениях Архангельского отдела исправительного трудовых колоний (ОИТК) в конце 1938 года достигло 8687 чел., из них 2794 заключенных были признаны ударниками, а еще 2414 – стахановцами [3].

Наибольшее развитие трудовое соревнование среди заключенных получило на уровне бригад и колонн, в которые, как правило, они были организованы. Это означало, что результаты работы каждого заключенного отражались на коллективном результате бригады, от которого зависел размер материального поощрения. Внутри бригад дисциплина поддерживалась групповым давлением на нерадивых осужденных или оказанием взаимопомощи наиболее ослабленным из них. Важную роль при этом играли бригадиры, отвечавшие за качество и сроки выполнения производственных заданий. В частности, в феврале 1940 г. на Череповецком участке Волгостроя три бригадира, обеспечивших высокое качество работ и перевыполнение норм выработки всеми членами руководимых ими бригад, были премированы 25 руб. [4]. Однако, несмотря на указание ГУЛАГа о назначении на должности бригадиров «наиболее дисциплинированных и добросовестно проявивших себя осужденных за должностные и другие малоопасные преступления», при халатности лагерной администрации нередко во главе бригад ставились лица, отбывавшие сроки за бандитизм, воры-рецидивисты и т.п. [5].

«Мобилизацией» заключённых на выполнение и перевыполнение производственных планов руководили штабы соревнования (районный и центральный при лагерном управлении). Так, в целях закрепления достигнутых результатов труда осужденных в 1940 г. штаб соревнования Череповецкого района Волжского ИТЛ ежемесячно организовывал Дни рекордистов. Для премирования особо отличившихся в соревновании рекордистов (отдельных заключенных и бригад) 15 февраля 1940 г. было выделено в соответствии с протоколом заседания штаба 1120 рублей, а начальнику отдела снабжения Васильеву поручено обеспечить «отоваривание всех премий продуктами из ассортимента торгового фонда» [6].

Особое внимание организации трудового соревнования среди заключенных уделялось в годы Великой Отечественной войны. Так, в Березниковском ИТЛ начальник отдельного лагерного пункта (ОЛП) № 2 «Трясное» Чуркин, опираясь на итоги соревнования среди осужденных за 2-й квартал 1942 г., на партийной конференции в июле того же года поставил перед сотрудниками своего подразделения задачу «добиться, чтобы каждый заключенный выполнял и перевыполнял производственные нормы» [7].

В исправительно-трудовых лагерях и колониях создавались фронтовые бригады и вахты. Например, в 1943 г. по подразделениям Северо-Двинского ИТЛ за звание фронтовой бригады соревновалось 80 бригад, в которых работали 1900 чел. [8].

^{*} В отношении соревнования среди заключенных в СССР использовалось определение «трудовое», словосочетание «социалистическое соревнование» применялось в местах лишения свободы лишь по отношению к сотрудникам (аттестованным и вольнонаемным).

Начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин при подведении итогов участия своего ведомства в повышении обороноспособности страны отмечал, что на 1 июля 1945 г. в трудовом соревновании принимало участие 95% работавших заключенных. 47% осужденных, работавших сдельно, выполняли норму от 125 до 200% и являлись отличниками производства [9].

В послевоенный период наибольшее распространение получили такие формы трудового соревнования заключенных, как трудовые вахты и месячники борьбы за высокие производственные показатели. Так, по итогам соревнования за сентябрь 1948 г. в 1-м районе Вытегорского ИТЛ звания «Лучшая бригада строительства» с вручением переходящего щита Центрального штаба соревнования была удостоена бригада № 3 (бригадир — заключенный Т.Т. Карпов). Всем списочным составом она выполнила производственный план на 157%. Каждому члену бригады была объявлена благодарность от имени руководства строительства с занесением в личное дело и вручены персональные посылки с продуктами. Кроме того, 24 заключенных лагерного района получили приглашения на «слет лучших людей строительства» [10].

В 1949 г. за досрочное выполнение программы 4-го года послевоенной «сталинской» пятилетки звенья заключенных из 2-го района Вытегорлага, выполнившие квартальные нормы на 150% и выше были поощрены направлением на районный слет отличников производства, где помимо официальной части их ожидали торжественный обед и концерт художественной самодеятельности. Бригаду «многосотников» (выполнившую норму на 250%) наградили переходящим щитом Волго-Балтийского строительства, переводом в бараки «улучшенного типа» и выдачей обмундирования «первого срока носки». Отдельных заключенных-«многосотников», добившихся наибольших показателей (свыше 250% нормы) по решению Центрального штаба соревнования направили на общелагерный слет передовиков строительства, занесли их имена на почетные щиты и наградили путевками в Дом отдыха лагеря на шесть дней.

При подведении итогов трудового соревнования в том же ИТЛ в сентябре 1950 г. было отмечено, что из 3878 работавших заключенных охвачены соревнованием 3860. При этом выполняли производственные нормы: от 100-125%-1817 чел., от 125-150%-404; от 150-200%-105; от 200% и выше -17 чел. К отличникам производства отнесены 1181 заключенный и 23 бригады [11].

Важную роль в организации трудового соревнования среди заключенных играли культурновоспитательные отделы и части (КВО, КВЧ) исправительно-трудовых лагерей и колоний. Сотрудники этих подразделений разъясняли заключенным условия соревнования, нацеливали их на взятие повышенных обязательств. Кроме того, конкретными примерами, приводимыми в беседах с отстающими, они способствовали увеличению производительности труда последних. КВО и КВЧ ходатайствовали перед руководством лагерных подразделений о поощрении заключенных, добившихся высоких результатов труда (например, об объявлении благодарности перед строем или в приказе с занесением в личное дело, предоставлении внеочередного свидания, права получения передач или посылок без ограничений и т.п.) [12].

Следует отметить, что немаловажную поддержку стимулированию трудовой активности осужденных оказывала лагерная пресса. Публикации в многотиражных закрытых газетах и стенной печати лагерей и колоний нацеливали своих читателей-заключенных на трудовые достижения. В частности, в «Боевом листке» ОЛП № 9 Вологодского Управления исправительно-трудовых лагерей колоний (УИТЛК) от 25 мая 1943 г. были напечатаны фамилии 35 заключенных, перевыполнивших нормы выработки на весенне-полевых работах [13].

Таким образом, в местах заключения Архангельской и Вологодской в 1930—1950-е гг. при организации труда заключенных широко использовалось трудовое соревнование. Руководство исправительно-трудовой системы оценило его огромные возможности не только в решении задачи перевоспитания преступников, но и выполнения производственных планов. В целях активизации соревнования применялись материальные и моральные стимулы (направление на слеты передовиков, премирование вещами, деньгами и т.д.). Основная масса осужденных ответственно относилась к выполнению поставленных задач, принимая индивидуальное и коллективное участие в трудовом соревновании.

Источники и литература

- 1. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области) (ОДСПИ ГААО). Ф. 296. Оп. 1. Д. 338. Л. 16.
 - 2. Там же. Л. 15.
 - 3. Там же. Л. 87.
 - 4. Вологодский архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 3. Д. 215. Л. 9.
 - 5. Архив Управления внутренних дел по Вологодской области (УВД по ВО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 12. 235.
 - 6. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 215. Л. 12.
 - 7. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 492. Л. 14.
 - 8. Архив УВД по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 452. Л. 131.
 - 9. Там же. Д. 486 Л. 25.

- 10. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1240. Оп. 6. Д. 6. Л. 8.
- 11. Заключенные на стройках коммунизма. Гулаг и объекты энергетики в СССР: собрание документов и фотографий / Отв. ред. О.В. Хлевнюк; Отв. сост. О.В. Лавинская, Ю.Г. Орлова; Сост. Д.Н. Нохотович, Н.Д. Писарева, С.В. Сомонова. М., 2008. С. 372.
 - 12. Архив УВД по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Л. 128.
 - 13. Боевой листок: стенгазета ОЛП № 9 Вологодского УИТЛК, 1943. 25 мая. С. 1.

ПЕРЕДАЧА СИСТЕМЕ НКВД АРХИВНОЙ ОТРАСЛИ В 30-е гг. ХХ в.

А.К. Гагиева (Сыктывкар)

В настоящее время вопрос, связанный с передачей в систему НКВД архивной отрасли в 30-е гг. XX в., получил неоднозначную оценку. Представители марксистского направления считали, что включение архивной отрасли в систему НКВД, имело исключительно положительную роль [1]. Представители демократического направления, не отрицая определенные достижения новой власти в области архивного строительства, утверждали, такая передача исключала расширение тематики научных исследований, сокращала, а зачастую прекращала работу исследователей по отдельным направлениям и темам, что приводило к отставанию исторической науки [2]. В конечном итоге, это привело к усилению ведомственности, созданию спецхранилищ, закрытию для исследователей дел, описей, фондов и архивов. Цель настоящей работы – рассмотреть передачу в систему НКВД архивной отрасли в 30-е гг. XX в. как в России, так и в Республике Коми.

В 1938 г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР о передаче управление архивами и сетью государственных архивов Народному комиссариату внутренних дел СССР. ЦАУ СССР преобразовали в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР. Архивные учреждения союзных республик поступили в ведение ГАУ НКВД СССР. Для непосредственного руководства архивным делом союзных и автономных республик, а также в краях и областях несколько позднее организовали архивные отделы (отделения) в НКВД республик и УНКВД краев и областей.

Государственные архивы – республиканские, краевые, областные, окружные – подчинялись, соответственно, народным комиссарам республик, начальникам управлений НКВД краев и областей и начальникам окружных отделов НКВД. Районные архивы – начальникам районных отделов (отделений) НКВД. Центральные государственные архивы передали ГАУ НКВД СССР. На него возложили также руководство работой за ведомственными архивами через архивные отделы и отделения.

Передача архивных учреждений органам НКВД Союза ССР повлекла за собой большие изменения в организации управления архивным делом и архивами Российской Федерации. Это вызывалось тем, что, несмотря на образование ЦАУ СССР в 1929 г. большинство центральных государственных архивов, хранивших фонды общесоюзного значения, продолжало оставаться в системе ЦАУ РСФСР. Оно таким образом выполняло функции общесоюзного архивного управления, поскольку, наряду с государственными архивами общесоюзного значения в РСФСР находились органы высшей власти и государственного управления СССР, откуда документы также поступали в государственные архивы РСФСР. Давно уже назрел вопрос о подчинении этих архивов общесоюзному архивному управлению.

В декабре 1938 г. государственные архивы РСФСР, как местные, так и центральные, в которых находились фонды общесоюзного значения и все органы архивного управления РСФСР, в том числе и ЦАУ РСФСР, передали НКВД СССР. Эти изменения, разрешив задачу организации фондов общесоюзных учреждений и общесоюзного значения, вместе с тем, не ставили архивы РСФСР в особое положение по сравнению с архивами других союзных республик.

Архивные отделы УНКВД руководили государственными архивами края, области, города и района. В архивном отделе были созданы отделения: организационно-методическое, научно-издательское, административнофинансовое и отделение кадров. На архивные отделы возлагались следующие задачи: определение категорий материалов, не подлежащих хранению, соблюдение правил выделения этих бумаг из государственных и ведомственных архивов к уничтожению. Отделы должны были осуществлять научно-методическую работу и контролировать исполнение постановлений правительства, директив и инструкций ГАУ СССР о работе архивов предприятий и учреждений. Архивные отделы руководили также подготовкой кадров для государственных архивов.

Директивы правительства о принятии мер к охране и приведению в порядок документальных материалов ГАФ СССР были в центре внимания регулярно проводившихся совещаний ГАУ НКВД. Они были посвящены, в основном, усилению методической работы. Необходимость пересмотра методических правил и инструкции

по архивному делу и разработки новых диктовалась тем, что до 1938 г. почти все методические директивы исходили из республиканских архивных управлений. Не всегда методические документы одной союзной республики учитывали опыт других республик. Как правило, они не учитывали особенностей содержания архивных материалов общесоюзных учреждений.

ГАУНКВД должно было создать такие методические указания, которые, учитывая исторические особенности образования архивных фондов и развития архивного дела каждой союзной республики, вместе с тем исходили бы из задач обеспечения использования документов ГАФ СССР в интересах Советского государства. На происходивших совещаниях обсуждались методические вопросы и подверглись критике изданные до того времени союзными республиками инструкции, правила, циркуляры.

Примером может служить совещание актива архивных работников 1938 г. На нем говорилось о необходимости издания кодифицированного сборника правил и инструкций по архивно-техническим вопросам архивной работы. Для общего руководства сборником было предложено создать методический центр из наиболее квалифицированных специалистов. Совещание наметило меры по организации обмена опытом и повышения квалификации архивных работников. Перед методическим центром поставили задачу создания единой системы обработки, хранения и использования документов ГАФ СССР. Однако вместо Центра был создан, учитывая пожелания практических работников, в конце 1938 г. методический сектор, который должен был готовить методические пособия для улучшения деятельности архивов.

Важнейшими результатами ЦАУ, а затем ГАУНКВД СССР по упорядочению архивных документов и разработке методических рекомендаций в этот период были опубликованные: «Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила определения архивного фонда» (1939), «Правила ревизии наличия и состояния архивных материалов» (1938 и 1940), «Указания об улучшении работы районных архивов и архивов военных учреждений» (1940), «Положение о Центральной экспертноповерочной комиссии ГАУ СССР и экспертно-поверочных комиссиях местных архивных органов» (1940) и т.д. Была проведена также массовая реставрация пострадавших от времени и неблагоприятных условий хранения документов, была усилена охрана материалов от хищений, потерь, гибели и стихийных бедствий.

«Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» были необходимы для установления единообразия в описательной работе, развернувшейся в те годы. Инвентарные описи предлагалось составлять, прежде всего, на неописанные материалы, а затем на документы, описанные неудовлетворительно. При этом следовало учитывать степень актуальности дел. Не рекомендовалось заниматься новым составлением описей, которыми можно было пользоваться. Инвентарная опись, согласно «Правилам», должна служить как задачам учета материалов по единицам хранения, так и контроля за их сохранностью, а также целям раскрытия состава и содержания документов.

«Правила систематизации архивных материалов» устанавливали «единый и обязательный порядок» этого вида занятий.

«Правила определения архивного фонда» (1939) были закреплены постановлением Совнаркома СССР, утвердившим в 1941 г. «Положение о Государственном архивном фонде СССР» и новую сеть государственных архивов СССР. В состав ГАФ СССР были включены все документы, имеющие научное, политическое и практическое значение, независимо от времени их происхождения, содержания, оформления, техники и способа воспроизведения.

В положении были названы группы учреждений, организаций и предприятий, документы которых входят в состав ГАФ СССР и хранятся в центральных, республиканских, областных (краевых), окружных и районных государственных архивах. Данный документ изменил сеть государственных архивов. Документы высших и центральных учреждений СССР и дореволюционной истории подлежали хранению в центральных архивах СССР. Названия каждого из этих архивов начиналось словами: «Центральный Государственный». Принципиально новым было создание Центрального государственного литературного архива, впоследствии переименованного в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Архив такого профиля создавался не только в нашей стране, но и во всем мире. В течение долгого периода он оставался единственным.

Одновременно, с частичной реорганизацией центральных архивов, шла реорганизация сети местных архивов: существовавшие в и областях самостоятельные исторические архивы и архивы некой революции сливались в один архив – Государственный архив области.

Новая сеть (и новые названия) госархивов приобретала юридическую силу с 1 июля 1941 г. Архивные учреждения активно готовились к новому этапу работы: все архивы должны были сделать печати и штемпели (в связи с изменением названий), готовили материалы к передаче и т.п. Завершать работу помешала Великая Отечественная война.

Таким образом, в 30-е гг. в области развития архивного дела были приняты правительственные постановления об упорядочении архивного строительства в низовом звене, о создании специализированных государственных архивов (кинофотофонодокументов), сети партархивов, а также еще большей централизации управления архивами, особенно после передачи ранее самостоятельного архивного ведомства в систему НКВД СССР.

В рассматриваемый период продолжался сбор документов в архивы, а также началось строительство специализированных зданий для архивов. Примером этого может служить строительство «архивного городка» на Б.Пироговской улице в Москве, где были возведены хранилища для ЦГАОР и ЦГАКА (Центральный государственный архив Красной Армии), большой читальный зал, помещения для реставрационных мастерских.

Помимо обеспечения сохранности архивов, архивные учреждения провели большую методическую и научно-исследовательскую работу: были разработаны правила работы госархивов, составлен и опубликован первый Словарь архивных терминов, издано много сборников документов по актуальным вопросам истории нашей страны.

В Коми АССР передача в ведение НКВД Архивного управления состоялась 2 декабря 1941 г. Руководителем Отделения была назначена сержант государственной безопасности Н.С.Попова, которая подчинялась непосредственно Народному комиссару в Республике Коми и его заместителям. Этому предшествовало Постановление № 393 Совета народных комиссаров Коми АССР от 8 апреля 1939 года «О передаче республиканского и районного архива в ведение НКВД Коми АССР». Председатели райисполкомов получили инструкцию от 5 марта1939 года, которая настоятельным образом предписывала передать районные архивы в ведение районных отделов НКВД, предоставить помещения и оборудование [3]. В ноябре-декабре 1939 г. в Коми АССР были открыты архивы в 13 районах из 15. В декабре 1939 г. при Отделении государственных архивов НКВД КОМИ АССР открылись курсы по подготовке архивистов [4].

В передаче архивов в ведение НКВД СССР были как положительные, так и отрицательные стороны. К первой следует отнести расширение материальных возможностей строительства и ремонта архивохранилищ, обеспечение картоном для изготовления переплетов и коробок, организованное проведение частичной эвакуации документов в восточные районы страны в начале войны 1941—1945 гг. и реэвакуации их после войны. К отрицательным относятся ликвидация самостоятельности архивной системы и невозможность вхождения с предложениями непосредственно в правительство (чем нарушен один из пунктов ленинского Декрета 1918 г.). Назначение на руководящие посты работников, далеких от проблем архивного дела, существенное ограничение допуска исследователей к документам также не способствовали развитию архивного дела в стране. Все это сказалось на объемах и тематике научных исследований, уменьшении количества публикаций, особенно публикаций исторических источников. В итоге, все это привело к ослаблению связей с научными учреждениями, и сократились возможности объективной оценки исторических событий.

Источники и литература

- 1. Максаков В.В.История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969; Чупрова Э.Г. Архивы Коми АССР: 1922–1991 гг. Сыктывкар, 2007 и др.
- 2. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1994. Она же. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003 и др.
 - 3. Чупрова Э.Г. Указ соч. С. 38.
 - 4. Она же. С. 39.

УХТИНСКОМУ АРХИВНОМУ ОТДЕЛУ АДМИНИСТРАЦИИ И РАЗВИТИЮ АРХИВНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ МОГО «УХТА» 70 ЛЕТ

Л.Н. Московкина (Ухта)

«Небрежное отношение к архивам – признак невысокого уровня умственного развития общества» Подпоручик И.О. Шантыра

Россия одна из немногих государств мира, имеющая за плечами тысячелетнюю историю в архивных документах. Историческая память для гражданина любой страны – это один из тех стержней, которые, подобно канатам Останкинской телебашни, дают возможность раскачиваться, но не позволяют упасть. Поэтому отношение к архивам – это не только отношение к истории, это и отношение к настоящему и будущему.

1 июня 1918 г. В.И.Лениным был подписан Декрет Совета народных депутатов «О реорганизации и централизации архивного дела», который впервые нормативно определил в качестве самостоятельной сферы государственной ответственности создание и сохранение архивов. Впервые в мировой истории архивного дела появился специально уполномоченный в области архивов государственный орган, который встал в один ряд с другими государственными органами, в том числе с самостоятельным бюджетом. Это была продуманная технологическая и организационная система государственных архивов и архивохранилищ, в некоторой своей части долгие годы не имевшая аналогов в мире. Создание единой архивной службы привело к разработке общей нормативной и методической базы работы архивов. Наличие единых стандартов организации работы государственных, муниципальных, ведомственных архивов является большим достижением архивистов.

Сегодня для всех очевиден тот факт, что историческая наука и архивоведение неразрывны и что ни один серьезный труд по истории не может быть написан без изучения архивных документов или, как их принято называть, исторических источников. Подобная взаимосвязь существует и между архивистом и историком, хотя каждый из них занят своим делом: первый собирает, описывает и хранит документы, второй изучает их и кладет в основу своего труда. И тому и другому требуется исключительное терпение, чтобы разобраться в огромном количестве документов, но в итоге историку достаются лавры, а архивист неизменно остается в тени. Поэтому чтобы восстановить справедливость необходимо рассказывать не только о тяжелом труде исследователя, а о повседневной работе архивистов, которые изо дня в день добросовестно выполняют свою кропотливую, порой трудную, но столь необходимую не только для историков, но и для всех нас работу. Дело, которому каждодневно и трепетно служат российские архивисты, в том числе и ухтинские – это общественно значимое, по настоящему государственное дело. Тем более что для этого есть замечательный повод: архивному делу на территории г.Ухты 20 августа 2009 г. исполнилось 70 лет.

История архивного дела города неразрывно связана с историей архивного дела края. В 2008 году архивному делу в Республике Коми исполнилось 85 лет. 23 октября 1922 г. стало началом упорядочения архивного дела в Коми крае. Постановлением президиума облисполкома был организован областной архив. К сожалению, документ, отражающий конкретную дату образования архива, не сохранился. Условно считается, что он стал административно-хозяйственной структурой со дня назначения заведующего – 23 октября 1922 г.

На 1 октября 1924 г. на учете в Облархиве находилось 18 фондов (10 дореволюционных и 8 советских), 1 октября 1925 г. уже 35 фондов. Было выдано 30 справок. 14 лет руководителем обеих структур: областного архива и областного архивного бюро, функции которых не были четко разделены до момента создания в 1936 г., Областного архивного управления, был Андрей Андреевич Цембер.

В настоящее время в ГУ РК «Национальный архив РК» хранится около 2000 фондов и более 1,0 млн. ед. хранения, в том числе аудиовизуальные документы, документы личного происхождения. На протяжении десятков лет ГУ РК «Национальный архив РК» постоянно пополнялся документами городов и районов, в том числе и документами г. Ухты.

Теперь об истории развития архивного дела на территории г.Ухты на протяжении 70 лет (1939–2009 гг.) и о его современном состоянии.

О создании районных архивов, укомплектовании их работниками и выделение им помещений Советом Народных Комиссаров Коми АССР 26 августа 1938 г. было принято постановление № 117. Годом позже Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 г. образован Ухтинский район с рабочим поселком Ухта в центре, выделенного из Ижемского района Печорского округа.

Датой начала развития архивного дела на территории г.Ухты можно считать 20 августа 1939 г., так как Постановлением № 978 от 20 августа 1939 г. Советом народных комиссаров Коми АССР были утверждены с 1 августа штат и ставки по Ухтинскому райисполкому, в том числе и архивариус с окладом в 140 руб., ставка приравнивалась в материальном отношении к инструкторам райисполкомов. Основанием введения ставки архивариуса послужило то, что в республике и на местах в районах и сельских Советах «... хранится огромное количество исключительных по своей ценности архивные материалы, имеющие большое значение в политической и хозяйственной жизни Коми АССР...».

В этом же году, немного позже, 5 сентября 1939 г. постановлением СНК Коми АССР № 1047 были определены виды работ делопроизводителя-архивариуса, пункт 2 постановления гласит « ... За делопроизводителемархивариусом, кроме выполнения работы по своевременному обслуживанию населения: выдачей справок из архивов и другие работы по району, в райцентре оставить следующие функции: прием и оформление заявлений по перемене фамилии, прием и оформление заявлений об исправлении записи, выдача свидетельств и справок о регистрации на основании записей в актовых книгах, прием и оформление заявлений многодетных матерей, сбор и проверка вторых экземпляров и составление по ним отчетности».

23.10.39 г. на суженом заседании Совета Народных Комиссаров Коми АССР было предложено «...всем председателям райисполкомов до 20 декабря 1939 г. закончить организацию архивов, обеспечив их помещением, полным оборудованием и грамотными работниками, приравняв их в материальном плане к инструкторам

райисполкомов...», о чем всем председателям райисполкомов под грифом секретно были направлены письма с решением за №1226/37 от 23.10.39 г. При организации работы архива предлагается строго руководствоваться инструкцией ведения совершенно секретного делопроизводства. Руководящим органом архивов является Архивный отдел НКВД.

Вопрос организации работы архивов находится постоянно на контроле Совета народных комиссаров Коми АССР. 20 апреля 1940 г. Постановлением №441/14с утверждают штатное расписание и смету расходов, где предусматривается 75 тыс. руб. Архивному отделу НКВД Коми АССР и 2 тыс. на подготовку кадров. На Архивные органы НКВД Коми АССР возложена ответственная задача — создать «...все необходимые условия для максимального использования архивных материалов ...». Вместе с тем «...райисполкомы совершенно не проявляют ни какой заботы в вопросе поднятия архивного хозяйства, не выделяют ни средств, ни помещений... а архивные материалы политического характера, как, например: именные списки кулаков, бывших чинов царской армии и другие валяются без присмотра на чердаках, в сараях и даже в частных квартирах граждан».

С июня 1941 г. на основании Постановления СНК Коми АССР №728 от 17.06.1941 г. архив рабочего поселка Ухты вошел в состав районных государственных архивов Коми АССР и стал именоваться Ухтинским Государственным районным архивом.

19 ноября 1941 г. СНК Коми АССР вновь возвращается к вопросу работы архивов: председателям райисполкомов вновь направляются письма, где указывается, что «...руководители организаций, учреждений, к вопросу сохранения архивов относятся беспечно, решения СНК Коми АССР от 23 октября 1939 г. и 12 августа 1941 г. «О налаживании архивного хозяйства» систематически не выполняются...».

Документальных сведений о том, кто был первым архивариусом и когда он был принят на работу нет. В имеющихся документах на кандидатов в депутаты в Чибьюский поселковый Совет есть список работников поселкового Совета рабочего поселка Чибью из которого следует, что делопроизводителем ЗАГСа была Бохвалова Екатерина Александровна (1916 г.р.), которая освобождена от занимаемой должности на основании заявления 30.12.1939 года. Затем с 25 апреля в должности заведующего районным архивом работает Данилов Михаил Трофимович до 25 июня 1941 г., далее Ворсина Анна Ивановна, Канева Марина Пилософовна. Работники долго не работают, год не более, можно предположить, что организация работы была слабая, не упорядоченная, поэтому и была высокой сменяемость кадров. И только с 1952 г. появились работники, которые проработали не один год, что благотворно сказалось на организации работы с документами.

Дата первого поступления документов в архив неизвестна. Опись и учетные документы не сохранились. Но в архиве хранятся документы, датированные 1935 г. Есть документы XIX в. – метрические книги с.Кедва 1885–1893 гг. и с. Усть-Ухта – 1894 г., имеются документы необычного формата – Государственные Акты на вечное пользование землей колхозами от 02.02.1937 года, интересные документы времен войны. В настоящее время ведется работа по установлению этих данных. Поэтому более подробно остановлюсь на том, что известно и на последних годах деятельности архивного отдела...

Постепенно работа архивов налаживается. Появляются источники комплектования, в архив поступают документы. Работа стала строиться на основе нормативной базы, которая постоянно менялась и усовершенствовалась. Работа строилась в соответствии с Правилами работы государственных архивов, а 1 июня 1956 года были утверждены Правила, приближавшие требования, предъявляемые в ведомствах, к требованиям государственных архивов. В правилах излагались основные нормы и требования к выполнению всех архивных работ, начиная с формирования дел и заканчивая сдачей документов в государственный архив.

15 марта 1962 г. приказом ГАУ при Совете министров СССР были введены «Основные правила работы государственных архивов» кардинально изменивших практику комплектования и проведения экспертизы не только документов, но и экспертизу учреждений-фондообразователей. Можно сказать, что к середине 60-х была заложена база современного подхода к комплектованию документами Архивного фонда Республики Коми, появилась и закрепилась система целенаправленной работы по отбору на хранение наиболее ценных документов, взамен бессистемного подхода к приему документов на государственное хранение. Работа архивных учреждений в Республике Коми, в том числе и в г.Ухте, активизировалась, стали проводиться общественные смотры, смотры – конкурсы.

Так, в целях дальнейшего улучшения архивного дела в Республике в октябре 1969 г. Архивным отделом при Совете министров Коми АССР проводился смотр-конкурс на лучший государственный архив, посвященный 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Приказом №2 от 08 января 1970 г. отмечается, что Ухтинский государственный архив с выполнением конкурса справился успешно. «... В 1969 году под архив выделено новое помещение, отвечающее требованиям хранения документов, принято на хранение 584 ед.хр., тогда как планом предусмотрено принять 455 ед.хр. Хорошо налажен учет, учетная документация заполняется правильно и своевременно, физическое состояние дел удовлетворительное. В архиве обработано 6 фондов с общим количеством 352 ед.хр. Из 53 учреждений списка №1 в 1969 году согласовали номенклатуры дел 48 органи-

заций, по 1967 год упорядочили документы 40 учреждений. Большая работа проводится по использованию документальных материалов. Со стороны заведующей оказывается большая методическая и практическая помощь в постановке текущего делопроизводства и работе ведомственных архивов. ... Исходя из изложенного, приказываю: наградить Почетной грамотой Ухтинский Государственный архив и объявить благодарность с занесением в личное дело заведующей Скопе Лидии Игнатьевне».

В 1977—1978 гг. Почетной грамотой ещё дважды награждается Л.И. Скопа за успешное выполнение плана развития архивного дела по всем видам архивной работы на 120%. В архиве всегда работал один специалист. Скопа Лидия Игнатьевна работала в должности заведующей архивом 17 лет, с 24.02.1969 г. по 23.06.1986 г. Такой же период времени проработала Трак (Сергеева) Надежда Борисовна с 01.04.1986 г. по 25.06.2003 г., с 10.06.2003 г. работает начальником архивного отдела Московкина Лилия Николаевна.

До 1993 г. городской архив располагался в подвальном помещении администрации, занимаемой площади было достаточно, так как состав документов был переменным, то есть после определенного срока хранения в государственном архиве района или города, документы передавались на хранение в Национальный архив Республики Коми.

Экономические реформы 1990-х гг. многое изменили в жизни общества. Результатом их проведения стало появление большого числа новых предприятий, а существующие предприятия, не выдержав трудностей времени, ликвидируются. В таких условиях остро встал вопрос обеспечения сохранности документов, образующихся в деятельности этих предприятий, организаций, в том числе и по личному составу.

Занимаемой площади стало не хватать: объемы поступлений документов постоянно росли, особенно документов по личному составу. Назрела необходимость в новом помещении с большей площадью и в 1993 г. архив переехал по адресу: ул.Бушуева, д.10.

С июня 1995 г. в архиве работают уже два специалиста: заведующий и специалист 1-й категории, обеспечивающий прием документов по личному составу.

В 1997 г. городской государственный архив в соответствии с Законом РК «Об архивном фонде РК и архивах» постановлением главы администрации № 272 от 07.05.1997 г. упраздняется и с 01.05.1997 г. в администрации образуется архивный отдел со штатной численностью в два человека.

В целях обеспечения социально-правовой защиты и интересов граждан, предотвращения утраты документов по личному составу в связи с большим количеством ликвидированных предприятий встал вопрос о создании архива документов по личному составу, но создавать архив посчитали не целесообразным. В результате проведенной работы Постановлением № 361 от 10.05.2000 года штатная численность архивного отдела была увеличена на 3 единицы, а Решением Комитета по управлению имуществом МО «Город Ухта» от 03.05.2000 года архиву передали в использование нежилое помещение площадью 594,2 кв. м для размещения документов по личному составу по адресу: г.Ухта, ул.Бушуева, д.5, где сегодня и находится архивный отдел. За период 2000–2003 гг. в архив поступили документы по личному составу на 01.01.2004 год 22419 ед.хр. от 200 предприятий, то есть появилось 200 фондов, образованных из ликвидированных предприятий. В связи с тем, что документы поступали в большом количестве, провести экспертизу ценности качественно не представлялось возможным, документы были оформлены не по Правилам, объем документов был неполным, у конкурсных управляющих была одна цель — передать документы и получить подтверждение о передаче документов. Много документов утрачено. Ответственности за утрату документов предусмотрено не было, у конкурсных не было обязанности передавать документы, а только имели право, которым не всегда пользовались. Поэтому сегодня граждане не всегда могут получить необходимые сведения.

Сегодня в данном помещении хранятся документы более 360 организаций и более 56 000 ед.хр., из них 56 фондов (35 действующих и 21 закрытых) – документы постоянного срока хранения и более 8000 ед.хр., в том числе, фотодокументы и документы личного происхождения, 271 фонд — это документы по личному составу ликвидированных предприятий, что составляет более 48 000 ед.хр. Источниками комплектования являются 35 организаций и 30 организации являются источниками комплектования архива фотодокументами. Ежегодно в архивный отдел поступают на хранение 3-5 тысяч документов: постоянного хранения и документов по личному составу.

В архивном отделе с 2006 г. работают 11 специалистов, 90% имеют высшее образование, работает читальный зал, внедрены программы «Архивный фонд» по постоянному хранению и по документам по личному составу, программы обеспечивающие прием граждан, образован кабинет приема граждан, для посетителей создана большая, постоянно обновляющаяся, поисковая информация. Архивный отдел оснащен современным оборудованием, компьютерами, оргтехникой. Документы архивного отдела востребованы, особенно в последние годы. С целью обеспечения своих законных конституционных прав по пенсионному обеспечению, по вопросам обеспечения права собственности на землю, строение и другим вопросам в архивный отдел в течение года обращаются более 6-7 тыс. граждан. Архивный отдел проводит большую просветительскую работу с организациями, для чего систематически организует семинары с практическими занятиями. Всем ис-

точникам комплектования оказывается методическая помощь в разработке нормативных документов в своих организациях: инструкции по делопроизводству, положения об экспертной комиссии, положения об архивах. Совместно разрабатываются номенклатуры дел. В последние два года значительно повысилось качество и количество передаваемых документов, как постоянного хранения, так и по личному составу. С 2006 года с введением 131-ФЗ «О местном самоуправлении» архивный отдел стал работать с муниципальными организациями, список источников комплектования стал пополняться именно этими организациями, таких организаций появилось 19. Архивным отделом стали практиковаться выходы специалистами в организации, деятельность которых представляет интерес для истории и которые предполагается ввести в список источников комплектования, а также для оказания практической помощи по вопросам составления номенклатуры дел и первичного описания документов.

Надо отметить, что в архивном отделе всегда приоритетной была и остается работа с гражданами.

За 2008 год исполнено 1188 обращений по документам постоянного хранения, что в два раза больше, чем в 2007 г., а в 2009 г. таких обращений стало более 2,5 тыс. Наиболее востребованные как физическими, так и юридическими лицами документы администрации города, Управления архитектуры, Комитета по земельным ресурсам и землеустройству и другие. Граждане и юридические лица обращаются за решениями и постановлениями органов исполнительной власти для подтверждения имущественных прав, по вопросам: ввода в эксплуатацию зданий и сооружений, гаражно-строительных кооперативов, садово-огороднических товариществ, жилья, отвода земли, в том числе предприятиям, , по строительству частных домов, по учредительным документам и другим.

Значительное место занимает работа с документами по личному составу, так как именно эти документы востребованы населением: ежегодно исполняются до 2,5 тыс., а за 2008 г. по документам по личному составу поступило 3 892 запроса социально-правового характера. Характер запросов разнообразен. Обращения граждан связаны с подтверждением трудового стажа, заработной платы, получением социальных льгот, пособий, то есть обращения направлены на обеспечение прав и законных интересов граждан.

В последние годы изменились постановка работы и требования по приему документов по личному составу. Расширился перечень принимаемых документов, повысилось качество принимаемых документов, исторические справки и предисловия стали информационно насыщенными, появились документы, подтверждающие создание, переименования организации. Впервые проводится проверка наличия и состояния дел, выверка учетных документов, усовершенствования описи.

Архивным отделом активно ведется работа по приему фотодокументов, список источников комплектования постоянно расширяется, сегодня коллекцию фотодокументов пополняют 30 организаций. Количество поступивших фотодокументов с 2003 г. выросло в разы, сегодня эта цифра соответствует полутора тысячам ед.хр., ранее за весь период работы архива было 246 ед. хр. фотодокументов. Фотодокументы являются ярким дополнением к документам на бумажном носителе.

С целью наиболее эффективного использования и популяризации архивной документной информации специалисты архивного отдела стали использовать такую форму, как проведение экскурсий для студентов и школьников, которые получили высокую оценку слушателей. В читальном зале организуются стационарные выставки и передвижные. На страницах местных газет появились публикации по истории города на основе архивных документов и об архиве. Это новый для архивного отдела вид работы, который имеет большие перспективы.

Все перечисленные виды работ: пополнение списка новыми источниками комплектования, составление номенклатур дел, описание и передача документов, методическое руководство и контроль направлены на решение такой важной задачи как, обеспечение сохранности документов для дальнейшего их использования гражданами.

Сегодня для Ухты формирование списка источников комплектования является одной из актуальных проблем, так как список источников комплектования в силу объективных условий существенно меняется. Но источников комплектования меньше не становится, так как сложившаяся ситуация нацеливает архивный отдел на проведение работы по постоянному пополнению списка источников комплектования новыми организациями, особенно муниципальными организациями. Так, в течение 2006–2009 гг. изучался и изучается состав документов муниципальных предприятий. Первые результаты были неутешительными: номенклатуры отсутствуют, описи не составляются, дела не подшиваются, сохранность обеспечивается слабо и то, только в отношении документов по личному составу, ни о каких Правилах и Перечне не слышали, ГОСТами и иными нормативными документами не руководствуются. Сейчас после работы с организациями ситуация стала меняться в лучшую сторону.

У архивного отдела есть и резерв, и потенциал по расширению списка источников комплектования. Это договоры: с предприятиями различного вида хозяйствования, с общественными формированиями, политическими партиями и т. д. Будет продолжаться работа по созданию новых фондов личного происхождения.

Вопрос непростой, трудоемкий, но возможности имеются. На текущий момент в архивном отделе существуют только два фонда личного происхождения: Раисы Леонидовны Поповой, за что ей большое спасибо и Анатолия Николаевича Козулина, который очень много пользовался архивными документами, был частым посетителем читального зала.

Одной из серьезных проблем является информационная насыщенность фондов архивного отдела. Она и так была невысокой в силу того, что документы передавались в Республику. Но она заметно снижается и в результате пробелов в методическом обеспечении: Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения 2001 г. неполный, неконкретный, носит обобщающий характер, надо уметь читать между строк, но не всем это под силу, учитывая, что делопроизводство, как правило, ведут секретари. Ведомственные перечни устарели, новые либо не созданы, либо в стадии создания.

Это можно объяснить также и тем, что предприятия не стремились сохранять документы, у них не сформировано чувство ответственности и гордости за свое предприятие, не возникает желание оставить след в истории города. Сейчас над этим вопросом специалисты отдела много работают и уже есть положительные результаты. Многое, конечно, в работе зависит от личных контактов с руководителем организации и лицами ответственными за ведение архива и делопроизводства, от их понимания значимости вопроса и здесь тоже есть значительные позитивные изменения.

Кроме того, состояние информационной насыщенности фондов связано с тем, что в городе не создаются новые градообразующие муниципальные предприятия. В основном это – предприятия, выполняющие функции жизнеобеспечения города: МУ «Спецавтодор», «Водоканал» и другие подобные.

Надо проработать вопрос выборочного приема документов муниципальных унитарных предприятий, документы которых стали относиться к собственности муниципалитета.

Архивный отдел сотрудничает со всеми архивными отделами республики, тесно взаимодействует с Архивным агентством, имеет поддержку руководства администрации. Налажены деловые партнерские взаимоотношения с предприятиями города, с ГУ «Пенсионный фонд».

Юбилей – конечно, наилучший повод поговорить об успехах. Но не в меньшей степени важно напомнить о проблемах и задачах, которые есть и которые необходимо решать.

Сначала муниципальной реформы прошло 3 года, организацию архивного дела в муниципалитетах регулируют федеральные законы №125-ФЗ и №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Права собственности на архивные документы, хранящиеся в муниципальных архивах, переданы муниципалитетам. Документы перестали передавть в Национальный архив РК.

К полномочиям муниципального образования в области архивного дела относятся только и ничего более как: формирование и содержание архивных фондов.

Проведение же единой государственной политики в области архивного дела, установления единых правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов и контроль за соблюдением законодательства осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, а также субъектами РФ.

В результате такой постановки вопроса архивные отделы на местах стали бесправными.

Хотя путем принятия соответствующих нормативных актов оптимальным решением может стать передача органам местного самоуправления государственных полномочий. Что во многих регионах и сделано, не дожидаясь решения на уровне России. Данные нормативные акты позволили бы создать правовые основы организации и функционирования органов управления архивным делом муниципальных образований и реализовать контрольные функции уполномоченных органов государственной власти субъектов в сфере архивного дела на местах.

Кроме того, необходимо решить проблему организационного и методического взаимодействия органа управления архивного дела республики и муниципалитетов, на основе соглашений. Этим должна заниматься республика, точнее Архивное агентство РК: то есть необходимо принять решение о сохранении архивных отделов, передаче им отдельных государственных полномочий в сфере архивного дела, тем самым обеспечить им статус органа управления архивным делом на местах.

Требует решения и вопрос о законности нахождения документов территориальных структур федеральных и республиканских органов в муниципальных архивах. По 131-ФЗ в список источников комплектования не должны входить федеральные и территориальные организации, только муниципальные. Указанные организации могут передавать документы на хранении только на договорных условиях и оплатой услуг за хранение и использование документов. Вопрос не решается уже три года.

Поэтому решать задачу сохранения организационно-правового статуса архивных отделов надо сегодня, завтра может быть поздно. Повсеместно в Республике происходит реорганизация архивных структур. Конечно, решать задачу необходимо на Федеральном уровне, но начинать можно и с Республики. Отсутствие

нормативных документов позволяет на местах принимать неоднозначные решения и архивные отделы находятся постоянно в состоянии ожидания перемен. К счастью это не коснулось архивного отдела администрации МОГО «Ухта», так как руководство с пониманием относится к проблемам постановки архивного дела в городе.

Большая проблема — недостаток площадей для хранения архивных документов, частично эту проблему решили и в 2008 г. архивному отделу выделили дополнительную площадь — 25 кв. м, на определенное время этого будет достаточно, хотя уже сегодня надо проводить работу по дальнейшему увеличению площади.

Конечно одна из проблем – это кадры, систематическое повышение их профессионального уровня и конечно оплата труда. Хранители документальной памяти сегодня за свой труд получают много меньше, чем в среднем по стране. Работник государственного и муниципального архива – это не привратник в храме государства, а его служитель, то есть государственный или муниципальный служащий, а зачастую это архивариусы и инспектора с не самой высокой оплатой труда.

За эти три года работы меньше не стало. Также принимаются постановления, разрабатываются и утверждаются графики, осуществляется прием документов, совместно с организациями разрабатываются номенклатуры, проводится работа по выполнению планов, ведется государственный учет, составляются отчеты, документы активно используются. Все идет своим чередом. Есть успехи, есть и проблемы.

Несмотря на все трудности, возникающие в связи с реформой местного самоуправления, архивным отделом удается выполнять запланированные мероприятия, сохранить и даже улучшить сложившуюся структуру управления архивным делом. Необходимо сказать слова огромной благодарности в адрес всех источников комплектования и работающих в архивном отделе, на которых лежит бремя ответственности за обеспечение сохранности документов, исполнение запросов граждан в срок, которые не считаются с личным временем ищут и находят документы, от которых зависит назначение пенсии, приобретение права собственности и многое другое. Это заместитель начальника архивного отдела Верстюк Людмила Тадеевна, главные специалисты Оверина Людмила Борисовна, Жеребцова Вера Михайловна, ведущий специалист Маловецкая Лариса Александровна, Сопина Надежда Викторовна, старшие инспектора Салахова Валентина Никифоровна, Волошененко Татьяна Михайловна, Сироткина Ксения Сергеевна, Дуркина Татьяна Васильевна, Жовнир Анна Николаевна, инспектора Летникова Ольга Арнольдовна, Калашникова Светлана Ивановна, Кириллова Нина Владимировна.

Ресурс для дальнейшего развития архивного дела в городе есть. Есть поддержка и понимание социальной значимости архива руководством администрации и Советом города.

Архивисты, каждодневно имеющие дело с прошлым, исправно исполняющие свою гуманитарную функцию, обеспечивая социальную защиту граждан, должны быть, как никто из граждан, оптимистами. Потому, что они лучше, чем кто-либо, знают, говоря словами великого российского историка Н.М.Карамзина: в прошлом бывали времена похуже нынешних, а в будущем может быть не лучше, чем сегодня.

СОВРЕМЕННАЯ «НЕОЧЕКИСТСКАЯ» ИСТОРИОГРАФИЯ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В 1920—50-е гг. («ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ перешли в наступление на историческом фронте»)

И.И. Ластунов (Сыктывкар)

За последнее десятилетие в нашей стране усиленными темпами начался процесс реабилитации руководителей карательных советских служб и деятельности «чекистских» органов – ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ.

Современное телевидение пестрит передачами, посвященными деятельности Л.П. Берии как «лучшего менеджера Советского союза», Л. Эйтингону – руководителю убийства Л.Д. Троцкого, П. Судоплатову – руководителю «советских киллеров», Я. Серебрянскому – организатору похищения и убийства генерала А.П. Кутепова и др.

Телереклама приглашает на просмотр «лучшего фильма сезона» – «Исаев», повествующего юных годах героя самого популярного, в условиях двухканального телевидения и оригинальности жанра, фильма Советского союза – «Семнадцать мгновений весны» Исаева – Штирлица. В фильме чекисты представлены справедливыми героями – патриотами. Вряд ли большинство современных телезрителей смогут самостоятельно понять, что «чистые руки» таких «героев» обагрены кровью миллионов сограждан.

Как ни странно, такой процесс одобрения нашел поддержку у значительной части населения современной России. Постараемся выделить основные причины этого странного явления:

- 1. В политической и экономической сферах общественной жизни современной России большую роль играют бывшие кадры «компетентных органов» «белые снаружи, красные внутри». Они кровно заинтересованы в реабилитации своих исторических предшественников для того, чтобы чувствовать себя увереннее;
- 2. Усиление конфронтации с «западом» в результате выдвинутого европейской общественностью требования уравнять преступные режимы Сталина и Гитлера в степени совершенных злодеяний;
- 3. В результате бедственного социального и экономического положения у большей части населения современной России сформировалось чувство ностальгии по «железной» сталинской руке, твердым советским ценам на продукты и политической и экономической стабильности;
- 4. В годы «перестройки», в эйфории разоблачений сталинских репрессий, в частности с легкой руки А.И. Солженицина и др., было завышено количество жертв сталинского режима. Произошло это не умышленно, а из-за недоступности в середине 80-х начале 90-х гг. архивных материалов. Такая ситуация дала повод современным борцам с «очернением и очернителями истории» выдвинуть идею о «некомпетентностном» освещении современными исследователями советской репрессивной политики.

В настоящее время на историческом фронте идет мощное контрнаступление «неочекистской» («красно – коричневой», «национал – большевистской», «православно – сталинистской») идеологии. Оплотом идей со времен перестройки были журналы «Молодая гвардия и «Наш современник», в настоящее время можно назвать недавно закрытую газету «Дуэль», главным редактором которой являлся «оголтелый сталинист» Юрий Мухин.

Наиболее яркими лидерами названной идеологии (живыми и умершими) были – Вадим Кожинов, Станислав Куняев, Олег Платонов, Владимир Солоухин, один из лидеров «евразийцев» Александр Дугин.

Среди этих авторов выделялся плодовитостью Вадим Кожинов, филолог по образованию, посвятивший последние годы жизни изучению истории России, одно из его исторических произведений – «Россия. Век 20-й. В двух частях. М., 1999». Жанр книг, написанных В.Кожиновым, можно определить как историческая публицистика. Все используемые им факты и цифры он брал из книг других авторов, ссылок на архивы практически не встречается. По своим убеждениям автор – «антизападник», смесь неославянофила с евразийцем, сочуствующий идеям черносотенцов. Во всех его работах проявляется ни чем не прикрытый антисемитизм. По его мнению, главный враг России – католический запад, сионизм и международное масонство. Даже итоги Куликовской битвы автор оценивает не как победу на пути освобождения от Ордынского ига, а как разгром хана Мамая – марионетки римского папы и генуэзских правителей».

В годы перестройки В. Кожинов стал одним из первых возрождать сталинскую «национал – большевистскую» идеологию.

За последние два десятилетия вышло немало книг, в которых оправдываются советские репрессии («сталинские репрессии», по мнению автора, слишком узкое понятие). Не имея возможности в данном формате рассмотреть все работы, назовем несколько: С.С.Смыслов «Пятая колона» Гитлера. От Кутепова до Власова». М, 2004; В.А. Лесков «Сталин и заговор Тухачевского». М., 2003; Ю.В. Емельянов «Сталин на вершине власти». М., 2002; Ю.Н. Жуков «Иной Сталин». М., 2005.

Особо в этом ряду авторов книг выделяются – Юрий Мухин и Архен Мартиросян.

Юрий Мухин, бывший металлург, издал за последние 17 лет более тридцати (!) книг, названия впечатляют: Катынский детектив. М., 1995; Убийство Сталина и Берия. М., 2002; «За что убит Сталин». М., 2004; Продажная девка Генетика. М., 2006; «СССР имени «Берия». М., 2008 и др. Трудно на сегодняшний день найти более ярого защитника репрессивной политики и антисемитизма.

Менее известный, но не менее оригинальный автор Арсен Мартиросян. Наиболее известно его произведение «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР» (М., 2003). Оригинальность позиции автора заключается в том, что он винит во всех бедах России английскую разведку. На её совести — убийства Ивана Грозного, Петра Первого, Павла Первого, Г. Распутина; а «заговор маршалов» в 1937 г. осуществлен агентами английской разведки, которые проникли во все сферы управления советского государства. А как оценить объявление А.В. Колчака английским шпионом после выхода на широкий экран художественного фильма «Адмирал»?

Таким образом, изложим в форме тезисов основные идеи современной «неочекистской» историографии:

- 1. Вечное противостояние «Святой Руси» и «загнивающего Запада»;
- 2. «Гнилая» русская интеллигенция и «жидомасоны» при помощи «мировой закулисы» (т.е. международное еврейство и тайные масонские ложи) пытались в 1917 г. уничтожить тысячелетнее православное Российское государство;
- 3. После отречения царя Николая второго в 1917 г. к власти пришли масоны, марионетки Антанты, желавшие продолжать не нужную русскому народу войну;
- 4. В годы гражданской войны 1918–1922 гг. «белые» проиграли потому, что были марионетками Антанты, масонами («февралистами») и распродавали Россию.

В результате осуществления политики «белого террора», более страшного, чем «красный» восстановили против себя весь народ;

- 5. Русский народ всегда был против частной собственности, образно говоря народ коммунист, и уже поэтому, защищая свою собственность имения и фабрики, «белые» были обречены;
- 6. В течение семидесяти лет народы нашей страны единодушно поддерживали политику РКП(б), ВКП(б), КПСС, за исключением отдельных «отщепенцев» «врагов народа»;
- 7. Внешняя политика СССР всегда была безупречно миролюбивой. Всем народам планеты мы несли мир и выражали желание помочь, а «коварные агрессоры» фашистская Германия, милитаристская Япония, империалисты США и Великобритании, всегда угрожали нашей стране;
- 8. И. Сталин был против «перегибов» в ходе коллективизации. Ярким подтверждением этого является статья «Головокружение от успехов»;
- 9. В результате «чисток» 1937–1938 гг. И. Сталин спас страну от масонов, агентов международных разведок, таким образом, уничтожил «пятую колону» накануне Второй мировой войны;
- 10. Только под руководством И. Сталина и коммунистической партии советский народ смог одержать победу над фашистской Германией в великой отечественной войне.

Примечание автора: потери противников искусственно завышаются, а наши потери занижаются. Попытки исследователей дать объективную оценку событиям ВОВ оцениваются как «очерничетельство» и фальсификация.

- 11. Жестокость советского режима объясняется тем, что иначе с нашим народом нельзя, для него необходимы особые порядок и дисциплина;
- 12. Проблемы в развитии современной России (развал СССР, бедность граждан, коррупция и воровство в государственном масштабе) возникли под влиянием «мировой закулисы» и в результате деятельности её марионеток в лице М.С.Горбачева, Б.Н.Ельцина и др.

Таким образом, вывод «неочекистов» понятен – Россию спасет «железная рука», а это означает, что она нуждается в сильной тоталитарной по характеристикам власти.

В заключение мы приведем несколько соображений. После разгрома фашизма в 1945 г. нацистские организации типа «СС», «Гестапо» и «СД» были запрещены решением международного суда. Сегодня в большинстве стран Европы, за исключением Украины и стран Балтии, незаконно прославление в фильмах, книгах фашистов и тем более распространение их идей.

Комиссары и чекисты за годы гражданской войны и после в ходе политических репрессий целенаправленно уничтожали население России. За двадцать лет были уничтожены как сословия – дворянство, купечество, казачество, духовенство, трудящееся крестьянство и представители офицерства (причем задолго до 1937 г.).

Урон, понесенный народами нашей страны за годы советской власти, можно соотнести с потерями в борьбе с фашизмом. Встает закономерный вопрос: не должна ли наша «демократическая общественность» признать то, что сталинский режим по степени бесчеловечности аналогичен гитлеровскому?

Многие «жертвы политических репрессий» прославились в годы гражданской войны запредельной жестокостью по отношению к своему народу. Логично думать, что оценка деятельности Тухачевского, Якира, Бухарина, Кирова заслуживает не меньшего осуждения, чем деятельность Сталина, Берия, Хрущева, Жукова и др.

 Θ .М. Лужков, мэр г. Москвы, предлагает восстановить в центре столицы государства памятник Φ .Дзержинскому. Интересно, какой резонанс получила бы инициатива бургомистра Берлина поставить памятник рейхсфюреру СС Γ . Гиммлеру?

НЕМЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ: ОБЗОР КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.П. Едапина (Сыктывкар)

Республика Коми является одной из самых многонациональных в Российской Федерации – сегодня на ее территории проживают представители более 130 народов. К наиболее распространенным этническим группам республики относятся немцы. По данным Всероссийской переписи населения в 2002 году в Коми проживали 9 246 лиц немецкой национальности. В настоящее время здесь живут и работают многие выдающиеся российские немцы: политики, предприниматели, деятели науки, образования и культуры.

Несмотря на то, что с историей республики плотно связаны трагические судьбы не одного поколения российских немцев, изучение этой проблематики получило развитие у историков и краеведов Коми только с начала 1990-х гг. Относительно короткий период исследований и официально-охранительный подход к про-

блеме изучения истории российских немцев, долгие годы господствовавший в исторической науке, сконцентрировал основное внимание ученых на источниковедении, хронологических рамках, статистических данных и географии репрессий. Сегодня возрастает интерес исследователей к вкладу немцев в культуру Республики Коми, диалогу культур немцев и коренного населения, культурной и социальной адаптации немцев к условиям жизни на Севере России, сохранению ими национальных традиций, обычаев и родного языка.

В истории Коми края первые упоминания о немцах относятся к XV в. Вплоть до начала XX в. появление немцев на земле зырян носило единичный характер и было связано с научными исследованиями северного края или иными передвижениями по России. Сделанный учеными-немцами вклад в изучение геологии, географии, ботаники Зырянского края, а также культуры и языка его народа, трудно переоценить. Научные экспедиции немецких ученых в Коми продолжались до начала 1930-х гг. Следует отметить, что данные о немцах-исследователях Коми края не всегда совпадают в литературе, особенно это касается дат и самого списка ученых. Наиболее полную информацию по этому вопросу, на наш взгляд, содержит издание «Связь времен» (составители И.Л.Жеребцов, М.И.Курочкин).

Согласно переписи 1897 г. немцев среди жителей Усть-Сысольского уезда еще не было. Первому организованному «притоку» немцев в Коми посвящены работы О.Е. Бондаренко, Н.А. Морозова, Л.С. Шабаловой, М.Б. Рогачева, Э.В. Роттэ, М.В. Таскаева, В.И. Чупрова и других авторов. Во время Первой мировой войны военнообязанных немцев и австрийцев высылали в отдаленные районы империи, в том числе и в Коми край. Наиболее полные списки немцев в Коми в указанный период (фамилии, количество, профессии) содержатся в работе О.Е.Бондаренко. Практически все представители Германии и Австрии покинули Коми край в период гражданской войны.

Второй «приток» немцев в Коми связан с проведением в конце 1920-х — начале 1930-х гг. коллективизации. На этом и более поздних периодах сосредоточены усилия большинства исследователей. Полезными в этом отношении являются издания по отечественной библиографии: Т.Н.Чернова «Российские немцы. Отечественная библиография, 1991—2000 гг.», «Немцы в истории Республики Коми. Библиографический указательдайджест», «Политические репрессии в Коми крае в 20—50-е годы: Библиографический указатель».

Первая попытка дать общий обзор репрессивных мер в отношении немцев на территории Коми предпринята О.Е. Бондаренко, Н.А. Морозовым, М.Б. Рогачевым, Э.В. Роттэ, Л.С. Шабаловой. Основой для научных исследований послужили документы из фондов Государственного архива РФ, МВД РК, Центрального государственного архива общественных движений, партий, формирований, а также воспоминания немцев, собранные Сыктывкарской общественной организацией «Мемориал» и Ухтинским обществом российских немцев «Фрайхайт». Т.И. Лахтионова приводит перечень документов Национального архива РК как источника по истории спецпоселения раскулаченного крестьянства на территории Коми края в 30-е гг. ХХ в. и по теме «Спецпереселенцы – раскулаченные на территории Коми АССР). 1929—1951».

Несомненную ценность для исследований представляют работы Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабаловой, Н.А. Ивницкого, а также А.П. Воробей о раскулачивании и кулацкой ссылке первой половины 1930-х гг., спецпоселках в Коми области. Периодизацию процесса спецпереселения в Республике Коми, а также изучение условий заселения и образа жизни переселенцев-немцев проводит Н.М.Игнатова. Анализ численности спецпереселенцев и других категорий немцев (см. ниже) на территории Коми, а также географии их переселений внутри республики содержат публикации Н.Ф. Бугай, Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабаловой, Н.М. Игнатовой, Н.П. Безносовой, А.Н. Турубанова, Р.Д. Дейберт, Н.И. Ошвинцевой, И.Л. Жеребцова, М.Б. Рогачева, В.В. Фаузер и др.

О взаимоотношениях пришлых немцев и местных жителей Коми, сложном процессе адаптации и взаимодействии культур опубликованы работы Л.А. Максимовой, Н.М. Игнатовой, М.Б. Рогачева, М.Г. Нестерова и В.А. Лютоева. Проблеме семьи спецпереселенцев и социально-бытовому устройству их жизни посвящены исследования М.И. Игнатовой. И.И. Жеребцовой (И.И. Лейман) предлагает ввести в оборот термин «репрессированная культура», которая как важнейшая характеристика народа приняла на себя основной удар карательной политики 1930—1950-х гг. В своей работе на примере культуры депортированных в Коми немцев она исследует проблему сохранения национальной культуры в критических условиях.

Историографическую ценность по истории немцев в Коми с середины 1930-х до 1950-х гг. представляет мартиролог жертв политических репрессий «Покаяние». Сведения о репрессированных немцах вошли в пять из восьми томов мартиролога, а специальный «немецкий» том пока находится в разработке. По признанию составителей мартиролога, это только примерные данные, так как многие документы не сохранились, и есть немало случаев, когда немцы меняли фамилии на русские.

Большой интерес представляют историко-этнографические экспедиции в районы Республики Коми по сбору материалов о российских немцах (Усть-Цилемский, Корткеросский, Сосногорский, Койгородский, Ухтинский районы), организованные Немецкой национально-культурной автономией, и опыт музейного иссле-

дования истории российских немцев. Кроме того, имеется множество исследований судеб отдельных незаконно репрессированных немцев и их семей, а также истории отдельных спецпоселков Коми края.

Практически все указанные выше исследования распространяются не только на группу спецпереселенцев, но и на последующие «притоки» немцев в Республику Коми в период с 1930-х по 1950-е гг.

В 1939 г. в Коми числилось 2617 немцев. В это число не входят немцы-заключенные. В 1929 г. в Коми АО появились первые исправительно-трудовые лагеря, и через 10 лет в республике насчитывалось более 100 тыс. заключенных. Среди них были советские немцы, осужденные за политические преступления, и иностранные граждане — немецкие коммунисты. Но точных данных о количестве немцев в общей массе заключенных нет. Национальный состав лагерей ГУЛАГа в Коми раскрывается в исследованиях А.Н.Морозова, К.Маркизова и других авторов.

Немало немецких талантливых ученых, деятелей культуры, образования, экономики, политики провели долгие годы в лагерях Коми не по своей воле. По данным Н.С. Варламовой и В.И. Силина, Е.В. Марковой и А.Н. Родного в 1920—1930-е гг. в Коми было много репрессированных геологов немецкой национальности. Их привлекали к исследованиям Коми края. Роль незаконно репрессированных немецких ученых в развитии периферийных вузов и их вклад в науку Коми края раскрывается в исследованиях В.И. Силина, Э.В. Роттэ, Л.А. Жданова, А. Целищева и др. Трагическим судьбам политзаключенных в Коми (в том числе, немцев) посвящены 3 тома мартиролога «Покаяние» (№ 2, 6 и 7), исследования А.Н. Кустышева, Н.А. Морозова и М.Б. Рогачева.

Великая отечественная война стала для советских немцев не только личной, но и национальной трагедией. В августе 1941 г. стартовала массовая депортация советских немцев в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Только в 1941 г. было переселено около 800 тыс. немцев. Коми АССР этот поток почти не коснулся, так как поволжских немцев сюда не выселяли. В республике оказалась группа немцев из Ленинградской области (100 семей) и немцы-трудпоселенцы из Карело-Финской ССР (1200 семей, примерно 3587 чел.). Вопросу численности и расселения немцев в Коми в годы войны посвящены работы Н.П. Безносовой, И.Л. Жеребцова, О.Е. Бондаренко, Н.А. Морозова, М.Б. Рогачева, Э.В. Роттэ, Л.С. Шабаловой и других исследователей.

В конце 1941 – начале 1942 гг. в стране началось формирование трудовой армии (рабочих колонн НКВД) — в основном по национальному признаку и прежде всего из советских немцев. В обзор литературы по немцамтрудармейцам в Коми следует включить работы А.А. Германа, А.Н. Курочкина, Н.А. Морозова, Л.А. Кызъюрова, Н.М. Игнатовой, А.Н. Турубанова, Г.С. Сидоровой. Немало публикаций посвящено ликвидации немецкого парашютного десанта на Печоре летом 1943 г., высаженного вблизи сельхозлага «Кедровый шор» с целью организовать восстание заключенных на территории Коми АССР.

Третья волна «переселения» немцев в Коми началась в 1945 г. и продолжалась до конца 1940-х гг. На Север выселялись немцы из пограничных районов СССР и районов, находившихся под оккупацией. В Республике Коми численность немецкой диаспоры к середине 1946 г. выросла до 12 924 чел. Благодаря репатриантам расширилась география расселения немцев в Коми, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. репрессированные немцы были оставлены на поселении навечно. В исторической литературе о репатриации немцев в Коми немало работ, касающихся судеб отдельных людей, семей или истории населенных пунктов.

Анализ литературы показывает, что тема репрессий против немцев в Коми является приоритетной для исторических и краеведческих исследований. Относительно спокойный в жизни немцев в Коми период с конца 1950-х до начала 1990-х гг. (когда с них постепенно снимались многие ограничения вплоть до разрешения на возвращение в родные края) практически оставлен без внимания историков.

В 1989 г. в РК проживало 12 866 лиц немецкой национальности. 29 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в соответствии с которым выселенных в Коми немцев окончательно реабилитировали. Историография этого периода имеет свои особенности. С конца 1980-х до начала 1990-х гг. средства массовой информации являлись практически единственным источником научных исследований. В работе общественных объединений немцев не было системы, и многие материалы текущих архивов были утеряны. Их деятельность, в частности, создание в Коми отделения Общества «Возрождение» в 1990 г., освещалась в основном в СМИ.

Истории возникновения и развитию немецкого национального движения в Республике Коми посвящены работы Н.В. Трапезниковой, В. Ковалева, О.Ф. Штралера. Роль органов государственной власти Республики Коми в реабилитации российских немцев рассматривает О.Ф. Штралер. Он подчеркивает, что запрет на возвращение в родные места и использование родного языка, ограничение на получение высшего и среднего специального образования и других гражданских прав подорвали социокультурную основу немецкого этноса и создали предпосылки для его исчезновения в Коми. Отсутствие целенаправленной государственной политики

в направлении действительной реабилитации привели к массовой эмиграции в Германию. В период с 1960 по 1999 год из республики выехало более 4000 немцев.

Национально-культурным и общественным объединениям в Республике Коми, а также национально-культурному сотрудничеству российских немцев с другими народами посвящены работы П.В.Габова. Роль молодежных объединений при национально-культурных автономиях в развитии межнационального общения исследует Е.В. Лыткина. История возникновения и развития немецкой школы № 21 в столице Коми, а также обучение немецкому, русскому и коми языкам в аспекте диалога культур стало предметом изучения Б.П. Годунова, Л.П.Крыловой и О.Ю. Шибаевой.

Литература

- 1. Связь времен / Сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.
- 2. Немцы в Республике Коми / Сост. О.Е. Бондаренко, Н.А. Морозов, М.Б. Рогачев, Э.В. Роттэ, Л.С. Шабалова. Сыктывкар: Пролог, 1998.
- 3. Бондаренко О.Е. Военнообязанные Германии и Австро-Венгрии в Коми крае в годы первой мировой войны // Проблемы истории России XVIII–XX веков. Сыктывкар, 1997.
- 4. Доброноженко Г.Ф., Ивницкий Н.А., Шабалова Л.С. Кулацкая ссылка первой половины 1930-х годов // Спецпоселки в Коми области. Сыктывкар, 1997.
- 5. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР): Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Сыктывкар, 2001.
- 6. Немцы в Республике Коми и на Европейском Севере: история и культура: Материалы межрегион.науч.практ. конф. Сыктывкар, 2007.
 - 7. Немцы в Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2001.
- 8. Роттэ Э.В. Делом служили России // Республика, 1995; Немцы в Коми: люди и судьбы: буклет. Сыктыв-кар, 1999; и др.

«ЗНАЧЕНИЕ ДОРОГИ ТРУДНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ» (ИЗ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА КОМИ)

Л.Л. Тарасов (г. Сосногорск, Республика Коми)

В основе исследования – статистические данные и документы семейных и производственных архивов, в том числе Сосногорского отделения Северной железной дороги, материалы краеведческих экспедиций по станциям, бывшим лагерным пунктам, воспоминания очевидцев. Данная авторская работа в более подробном изложении удостоена в 2007 г. Диплома 1-й степени на Всероссийском конкурсе, организованном руководством Северной железной дороги в Ярославле.

В пределах нынешнего Сосногорского района в семи деревнях до 1930 г. проживало около 2 тыс. чел., их основное занятие – сельское хозяйство. Образование города и района с современной инфраструктурой – часть общего процесса индустриализации и урбанизации в Коми, начало которым положила Ухтинская экспедиция 1929 г. Сосногорск, находящийся в географическом центре республики, обязан своим возникновением железнодорожному транспорту.

На Севере веками естественной транспортной артерией служили реки, которые, как и редкие сухопутные тракты, в силу природных условий не обеспечивали стабильность и масштабность перевозок. Железные дороги конца XIX в. «Москва – Архангельск» и «Вятка – Котлас» огибали земли коми. В начале XX в. были проекты по прокладыванию дороги через наши земли (В.Я. Белобородова, Д.Я. Попова и др.), но правительство отнеслось к ним прохладно. Однако в 1916 г. приступили к строительству Камско-Печорской железной дороги, но стройка остановлена в начале 1917 г.

После Октябрьской революции 1917 г. возрождается интерес к Коми. Провозглашенная в 1921 г. новая экономическая политика с поощрением кооперативного движения, частного предпринимательства, концессий могла способствовать ускоренному развитию Севера, но восторжествовала политика диктатуры с системой ГУЛАГ.

Первый пример строительства в 1929—1930 гг. силами заключенных железной дороги от Усть-Сысольска до ст. Пинюг на линии «Вятка — Котлас» неудачен. Возникновение Ухто-Печорских лагерей с возрастанием объемов промышленных работ реанимирует вопрос о строительстве стальной магистрали через территорию Коми.

В 1936 г. Совет Труда и Обороны СССР принял постановление о строительстве железной дороги Усть-Вымь – Чибью и Воркута – Усть-Уса. Постановлением Совнаркома СССР 28 октября 1937 г. утверждается

направление Северо-Печорской магистрали длиной 1560 км: 370 км от ст. Коноша линии «Москва – Архангельск» до Котласа (конечной станции узкоколейной ветки от г. Кирова) и еще около 1190 км от Котласа до Воркуты. Срок строительства: 3-я пятилетка 1939–1942 гг. В Ухтпечлаге создано транспортное отделение с центром в пос.Княжпогост, а после реорганизации Ухтпечлага в 1938 г. создаются, в числе прочих лагерей, Северные железнодорожные лагеря, которые, в свою очередь, разделятся: в 1940 г. выделится самостоятельный Северо-Печорский лагерь (Печлаг). Магистраль поделена на участки: в СЖДЛ остается 728 км линии Котлас – Кожва, а путь от Кожвы до Воркуты передается Печлагу. О ГУЛАГовском строительстве есть специальные исследования. Акцентируем внимание на истории возникновения Сосногорска как железнодорожного пентра.

В отчете «Строительство железнодорожной линии Котлас – Кожва» говорилось: «Для народного хозяйства страны значение железной дороги Котлас – Воркута трудно переоценить. Для Коми АССР Северо-Печорская магистраль таит огромные возможности дальнейшего развития...»

Устье Ухты. По правому берегу — Сосногорск, по левому — село с 210-летней историей, перевалочная база геологических экспедиций с XIX в. до 1930-х гг. Ветеран Сосногорска и Усть-Ухты Николай Дмитриевич Кустышев (1921—1996 гг.) вспоминал: «4 июля 1939 г. около 20 человек — инженеров, техников, рабочих — прибыло в Усть-Ухту. Начальник экспедиции Иван Козлов пояснил сельчанам: «На Ижме в устье ее притока Ухты будет узловая станция. Дорога на Чибью длиной 10 км пройдет вдоль реки Ухты, Ветлосянских и Сырочайских гор. Горы останутся в первозданном виде, а реку придется потеснить — у подножья гор построят насыпь, уложат рельсы. С этим проблем не будет, не такое преодолевали». На другой день изыскатели переправились на лодке через Ухту в сторону нынешнего Сосногорска. Ходили по лесу, мерили площадку под объекты железнодорожного хозяйства. На следующий день тоже работали. В поисках лучшего варианта прокладки полотна дороги участие принимал летчик Усть-Ухтинской авиабазы А.Г.Гинце, до этого он почти 10 лет бороздил небо Печорского края, летал на гидроплане. В 1940 г. Гинце уехал в Москву, работал испытателем в ЦАГИ, в 1960 г. ушел на пенсию. На его квартире в Москве я бывал...

Потом стали прибывать строители. 15 июля 1939 г. первым привел в Усть-Ухту свой отряд Савелий Кириллович Галушко. Молодой, энергичный. Часть его ребят пришла из Ухты пешком вдоль берега, а часть на плотах. Первопроходцев разместили в бараках, построенных транспортниками Ухтпечлага в 1930-е гг., а кому не хватило места — распределили по частным домам. Взаимоотношения между заключенными и местными жителями сложились уважительные. Все понимали, что дорога нужна.

20 июля пришел в Усть-Ухту отряд из 250 человек со Стретинским Николаем Алексеевичем. Он выпускник Московского института инженеров железнодорожного транспорта, хорошо продвигался по служебной лестнице, но оклеветали и осудили по статье 58 как «врага народа». Этапом из Архангельска привезли в Княжпогост, а там глянули в его личное дело: железнодорожник! Да еще с высшим образованием! Стретинский назначается начальником строительной колонны. Попытался отказаться: «Не строитель я, а железнодорожник». Но решение осталось в силе — не хватало в лагере профессионалов. Стретинского направили к северу — на участок Керки — Виер».

Строителям помогли председатель колхоза «Красная Ухта» (с. Усть-Ухта) А.Я. Истомин и секретарь парторганизации колхоза В.П. Рочев: выделяли проводников, перевозили груз зимой на санях, а летом на лодках – на шестах вверх по течению Ижмы и Айюва. Колхозники даже устраивали соревнования на скорость прохождения.

Стретинский около 30 лет проработал на Севере, затем уехал в Москву. С ним Н.Д.Кустышев поддерживал контакт, ведя переписку, так же и с Галушко С.К., который в одном из писем 1984 г. пишет: «Наступление на Печорскую магистраль (мы ее называли «Сталинская железная дорога») осуществлялось десантами. Отряды за полгода были разосланы по всей трассе, дислоцировались в 80-120 км друг от друга. Основной тяговой силой были лошади. Основные дороги — речки и речушки. Жилье: палатки, шалаши и землянки. Постель — хвойные ветки и матрацы. Отопление — железные бочки, чугунные «буржуйки». Пекарня — угли от костров и лепешки, испеченные на совковых лопатах. Работали на трассе и параллельно строили бани, склады, кухни, конюшни, бараки. Выемки и насыпи вели тачками, немного позже появились узкоколейки и вагонетки. Рубили просеки. Лес использовали для настила лежневок вдоль всей трассы, не далее 15-25 метров от оси железной дороги, по которым возили шпалы, рельсы и т.п. Четко расписано, кто чем занимается, чтобы не допустить простоя следом идущих рабочих потоков. Были трудности, особенно на настилах, идущих по болоту: с утра до ночи делают насыпи, приходят утром, а насыпи нет — утонула».

15 мая 1940 г. первый поезд с рельсами для укладки прибыл к будущей станции Сосногорск. В числе 30 тысяч вольнонаемных, работавших на Северо-Печорской магистрали был Ф.М.Малых. Он вспоминал: «До Сосногорска наша группа молодых парней 1912–1915 годов рождения, отслуживших в армии, уже работала на строительстве знаменитой Байкало-Амурской магистрали (БАМ). И вот в июле 1940 г. поехали на Северо-Печорскую. Два месяца в пути. В Котласе пересели с железнодорожного транспорта на водный, а в Айкино – с водного на железнодорожный. Поезда шли медленно. Постоянно на дороге что-то ремонтировалось, подправ-

лялось. Скорость состава – около 5 км в час. Мы, нетерпеливые, выскакивали из вагонов и по несколько часов идем рядом, проклиная медлительность. Со станции Ухта до села Усть-Ухта добирались на машине, а оттуда на лодках переправлялись к нынешнему Сосногорску. Тайга, жизнь в палатках, даже в зиму 1940–41 года. А летом 1941-го стали мастерить домики из горбыля и хороших сосен, елей. Трудились, мечтали, какой будет город».

За железнодорожным мостом через Ижму Сосногорск заканчивается, здесь станция Пожня. На нечетной (левой) стороне, на опушке леса был лагпункт СЖДЛ. Там сейчас пустырь. Дальше, в хвойном бору у лесного ручейка, четко просматриваются прямоугольные ямы. Здесь было захоронение заключенных, о чем напоминает памятный деревянный крест, установленный обществом «Мемориал» в 1994 г.

Еще в 7 км к северу — опустевшая ныне станция Катыдведь. В этом месте стыковались железная дорога и грунтовый тракт от устья Ухты (ст. Ижма). «Сухопутку» называли «инвалидной дорогой» в честь начальной точки маршрута — на правобережье р.Ижма чуть ниже Сосногорска, был пункт Инвалидный для заключенных СЖДЛ.

От Катыдведи до самого северного поселка Сосногорского района и наиболее крупной станции Ираель — 116 км. На этом участке возникли станции Виер, Айюва, Седьвож, Лемью, которые в учетных данных населенных пунктов уже не значатся, сохранились станции-поселки Керки, Вис, Малая Пера. Во всех этих пунктах остались следы прошлого: хозяйственной деятельности, землянок и бараков заключенных и спецпереселенцев-трудармейцев, «власовцев», поляков, «бандеровцев»-украинцев, лиц немецкой национальности, направленных сюда в годы войны и после Победы. При строительстве современных домов тут и там обнажались кости первостроителей.

Ветераны вспоминали, что даже к детям отношение было разным: тем, у кого родители «сидели», можно было уши отодрать, заставить работать после школы на уборке снега, разгрузке вагонов, топке котельной. Рядом трудились заключенные, но с ними общаться нельзя. Заметит охранник — щелкнет затвором винтовки. Стрелять не стрелял, но и этого щелчка было достаточно — слишком хорошо знали, что это значит.

В декабре 1940 г. на ст. Глушь (10 км к северу от ст.Ираель) на границе Сосногорского и Печорского районов стыковали «золотые рельсы» строители, двигавшиеся с юга и с севера. 25 декабря 1940 г. в Кожву прибыл первый поезд из Котласа.

Великая Отечественная война внесла корректировки в план: завершить строительство за 1941 г. – страна нуждалась в угле Воркуты, так как Донбасс оккупирован фашистами. Инженер А.Д.Антоновский (в будущем – начальник строительно-монтажного поезда № 258 в Сосногорске), имевший опыт строительства дороги от Виера до Ираеля, вспоминал: «Начинали строить капитальный мост через Печору. Нужен металл. Меня управление Печорского строительства послало демонтировать стальные конструкции Дворца Советов в Москве. Вот из них и сделан мост через Печору». Снимались рельсы и с недостроенной в 1930 г. линии «Сыктывкар – Пинюг».

К концу 1941 г. очередные «золотые рельсы» состыковали Печорский и Воркутинский участки дороги. 28 декабря 1941 г. из Воркуты ушел первый эшелон с углем. Паровоз серии «Ов» тянул со скоростью 4-5 км в час две двухосные платформы и несколько вагонов с подарками для Красной Армии. В феврале 1942 г. этот поезд прошел через станции Ижма и Ухта. Долгая дорога объясняется задержками из-за снежных заносов и тем, что рельсы и шпалы в спешке укладывались прямо на мерзлый грунт насыпи, а то и на лед. В результате были просадки, расхождения путей.

Титанический труд: за два с половиной года проложена дорога длиной 1600 км. ГУЛАГ построил «Сталинскую магистраль», хотя работы с прокладыванием вторых путей силами «спецконтингента» продолжалось до 1950-х гг. Но уже имевшиеся пути можно было передать профессиональным железнодорожникам.

Постановлением Госкомитета Обороны СССР от 4 июня 1942 г. и приказом Народного Комиссариата путей сообщения за № 516/ ц от 19 июня 1942 г. организовывается Управление Северо-Печорской железной дороги с местом нахождения управления в г. Котласе. В числе пяти отделений дороги — Ижемское, ставшее Сосногорским после переименования в 1957 г Ижмы в Сосногорск.

Шла война, магистраль на военном положении с жесткой дисциплиной. За опоздание на работу можно было лишиться свободы. Первым начальником 5-го Ижемского отдела движения, реорганизованного потом в отделение, стал выпускник Московского института инженеров железнодорожного транспорта Габов Анатолий Иванович, коми. Профессионал, способный установить деловые контакты и с подчиненными, и с партийно-советскими органами, и с «соседями» из лагерных пунктов. Он избирался депутатом Верховного Совета Коми АССР, награждался орденами и медалями, а в 1948 г. получил повышение, став главным инженером Печорской железной дороги.

В 1942 г. созданы Ижемская дистанция связи, обслуживающая участок от Ухты до Кожвы (247 км), и 5-я жилищно-ремонтная контора (начальник И. Ф. Карпунин), с 1947 г. – дистанция гражданских сооружений, с 1958 г. – НГЧ -8, которая занималась строительством города.

На магистрали сначала было одно вагонное депо – в Котласе. Открываются три новых вагоноремонтных пункта, один из них на ст. Ижма, где первыми начальниками вагоноремонтного пункта были Скоморохов, затем Г. А. Чернышев, а с образованием депо начальником стал А. К.Токаев. В ноябре 1942 г. сдали здание паровозного депо, цеха – в дощатых сараях. Запах от кузнечных работ был настолько тяжел, что можно было потерять сознание – вентиляции не было. Контора станции размещалась на площади 10 на 8 метров, там собирались обогреться, поесть, обсудить производственные задачи. Для работников построили барак по ул.Красноармейской. Массивные колеса катали четыре человека деревянными вагами, колеса очищали пескоструйным аппаратом, что вредно для органов дыхания. Вагоны поднимались тяжелыми винтовыми домкратами, которые переносились, как и прочие детали, вручную с большой мышечной нагрузкой. Изматывались, рабочий день иногда доходил до 16 часов. Осмотрщики вагонов часто пользовались факелами, не имея керосиновых фонарей.

В 1942 г. был первый выпуск железнодорожной школы ФЗО в Княжпогосте. А.В.Попов (1927–2000 гг.) из д. Айкино закончил ее и в 16 лет направлен в вагонное депо: «Вагоны ремонтировались под открытым небом, в любую погоду. Ручной труд. В бараке в одной комнате проживало 20-25 человек. Спали на деревянных топчанах, соломенных тюфяках. Одна железная печка, один умывальник с несколькими сосками. В холод то и дело поднимались подбрасывать поленья в печку, отогревались, прижавшись к ней. По карточкам хлеб отоваривали вперед до пяти дней, количество хлеба не соответствовал количеству затраченной энергии. Чтобы было вкуснее и больше, хлеб запивали соленым кипятком — почти «суп». Весной посадили картофель, лук. Картошка на песке уродилась мелкая. Зимой она померзла и мы жевали лепешки из мороженой картошки…» Эту же школу закончила в 1942 г. Г.С.Седьякова (1921–2007 гг.) из княжпогостской деревни Ляли, приехавшая в 5-е Ижемское отделение и прошедшая путь от дежурной по станции, стрелочника, диспетчера, главного кондуктора до наставника молодежи, Заслуженного работника народного хозяйства Коми АССР.

Из Княжпогоста приехала и дочь ссыльных самарских крестьян Александра Козьякова (по мужу Ванькова). В среде сосногорцев, и в том числе железнодорожников, много семей с таким прошлым. К примеру, в 1930 г. из-под Воронежа выслана семья крестьянина Григория Пидченко. Его сын, Николай Григорьевич, с 1985 по 2002 г. руководил Сосногорским отделением Северной железной дороги. С тех же мест и в то же время, что и Пидченко, этапированы в Коми «кулаки» Поповы. Сын и внук «кулаков» Иван Николаевич Попов стал Почетным железнодорожником, одним из первых директоров Сосногорского железнодорожного училища, открывшегося в 1949 г. (ГПТУ № 18, профессиональный лицей № 18).

Еще судьба. Трофименкова М.Е., 1933 г.р.: «Отец пропал на фронте. Сказали, что он стал изменником и нас, четверых девочек и маму, отправили, как «членов семьи изменника», из Новгородской области в Коми в 1942 г. Выгрузили в Усть-Ухте, там был барак для переселенцев. Питание по карточкам скудное — вечно голодали. От голода умерла одна сестричка, потом и вторая. Я стала ходить с торбочкой, просить подаяние. Местные жители нас жалели — давали поесть, но мама запретила попрошайничать. Она сама работала на алебастровой шахте лагеря в 6 км ниже по р. Ижма. А алебастровый завод стоял в самом устье Ухты, где сейчас очистные сооружения Сосногорска. Туда вели на работу заключенных из лагеря за железнодорожными путями, там сейчас стройдвор. Я всматривалась в лица, выискивая отца. Не знала, что он погиб. Заключенные тайком бросали письма, я их подбирала и отправляла. Зоны все росли: Гипсовый рудник, «Сажстрой», спецпоселок немцев был, где все вымерли от тифа. Я сначала работала домработницей в семье одного начальника охраны, а когда подросла, устроилась слесарем по ремонту подвижных составов». В 1957 г., Мария Егоровна поехала осваивать целину в Казахстане, а вернувшись, снова работала в отделении дороги. Теперь уже ее внук имеет диплом железнодорожника.

Одним из тех заключенных, кто, возможно, подбрасывал письма Маше, был московский художник Н.А.Миллер, ставший заключенным СЖДЛ после освобождения Красной Армией из немецкого плена. 25 лет лагерей. «Отягчающим обстоятельством» стала и немецкая фамилия, хотя его семья давно жила в России. Катал тачку, валил лес, строил бараки, оформлял новостройки: лепил барельефы из местного гипса, рисовал плакаты и картины. В Сосногорске Николай Андреевич украсил барельефом с изображением головы Сталина фасады Дома Культуры железнодорожников и здания отделения дороги. При сдаче своей работы членам комиссии все переживал: вдруг с головой великого вождя что-то вышло не так, тогда страшной участи не миновать...В 1980-е гг. Миллер приезжал в Ухту и Сосногорск, демонстрировал часть сохранившихся лагерных рисунков. На берегу Ижмы постоял на том месте, где был лагерный барак, из окна которого, через решетку он когда-то смотрел на северную панораму ...

Никогда не переводились ударники труда. Газета «Гудок» от 19 ноября 1943 г.: «В 50-60 градусные морозы по недавно проложенной трассе стала водить поезда Елена Чухнюк (Елена Мироновна за заслуги будет удостоена звания Героя Социалистического Труда — примечание Л.Т). Коллективу Северо-Печорской дороги памятен один из рейсов машиниста Чухнюк. Никто из паровозников не преодолевал пути от Ижмы до Княж-погоста быстрее, чем за 2-3 дня. Чухнюк обязалась доставить тяжеловесный поезд без дополнительного на-

бора топлива в пути. Рейс совершен за 11 часов. Он сыграл большую роль в борьбе за скоростное движение поездов».

С 1942 г. перевозки угля и нефтепродуктов осуществлялись не водными, а железнодорожными путями, в тот год 60 угольных эшелонов прошли через ст. Ижма на Ленинград. В 1943 г. объем товарных перевозок возрос более чем в 2,5 раза. Стратегическое значение имела дорога. Недаром одна из провалившихся диверсионных акций гитлеровцев в июне 1943 г. была направлена против Печорской магистрали.

Тянут эшелоны паровозы серии «О» и «Э» («овечки» и «эшки»). Заслуга железнодорожников Коми в 1942–1945 гг. в том, что они не допустили срыва движения поездов, отдавая половину суточного времени труду. Население перечисляло средства из личных сбережений на строительство танковой колонны «Строитель Северо-Печорской железнодорожной магистрали», на бронепоезд, выкупались государственные займы, отправлялись на фронт подарки, тем самым приближалась Победа.

15 июня 1944 г. станция Ижма получила статус рабочего поселка в составе Ухтинского района. Это важный шаг на пути перехода от пункта ГУЛАГа с особым режимом к гражданской административной единице с выборными Советами.

После Победы численность жителей поселка возрастала за счет вольнонаемных. 21 декабря 1947 г. прошли выборы 25 депутатов в поселковый Совет Ижмы и на железнодорожных станциях вдоль магистрали. В голосовании участвовал 7 721 человек (на выборах 7 января 1951 г. было уже 12 800 избирателей, рост объясняется тем, что за эти годы возникли новые лесопункты, построен сажевый завод в Сосновке). 4 января 1948 г. в Доме Культуры строителей депутаты провели сессию. Председателем исполкома поселкового Совета избрали И.С.Шумихина. Не хватало жилья, люди проживали в вагонах и бараках. На весь поселок по одному магазину и ларьку, две столовые. Вышли с ходатайством в Совет Министров Коми АССР, и в марте 1949 г. Совет Министров принял постановление о благоустройстве поселка Ижма. В одном из пунктов сказано: строить дома многоэтажные из кирпича, со всем благоустройством. Шли работы по строительству дорог, тротуаров, освещению улиц. Так, дорога от вокзала к железнодорожным жилым кварталам построена в 1951 г., регулярное автобусное движение между райцентром (Ухтой) и поселком Ижма началось с 1952 г. Дом Культуры газопереработчиков в Сосновке распахнул двери 6 ноября 1950 г., а через три года – Дом Культуры железнодорожников.

Начальниками отделения дороги после А.И. Габова были: И.А. Старых (1948–1950 гг.), З.И. Дымченко (1950–1953 гг.), В.А. Строков (1953–1962 гг.).

По итогам 4-й пятилетки (1946–1950 гг.) железнодорожники 5-го Ижемского отделения перевыполнили план на 53%.

Смерть Сталина в 1953 г. и последовавшая ликвидация лагерей ГУЛАГ на территории района не привели к кризису. Наоборот, к нам едут энтузиасты, развивающие экономический потенциал: «Сажстрой» – Сосногорский газоперерабатывающий завод, нефте-газопромыслы в верховьях Ижмы, леспромхозы, объекты железной дороги и социальной сферы. 1 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил Указ о преобразовании рабочего поселка Ижма Ухтинского района в город районного, Ухтинского, подчинения. Население – 13,5 тыс. Это был 6-й по счету город в Коми – после Сыктывкара, Ухты, Воркуты, Печоры и Инты.

1-я сессия городского Совета состоялась в декабре того же года. Среди депутатов В.Е. Метелев, В.И. Петриченко, И.Н. Попов, Л.К. Серватинский, М.А. Тарасов и другие уважаемые горожане. Основными вопросами являлись: строительство и содержание дорог, жилья, санитарное состояние, освещение, а также озеленение улиц, так как 1940-е гг. при строительстве вырубались деревья и улицы выглядели уныло, загрязненность из-за выбросов сажи газоперерабатывающим заводом была высокой.

27 июля 1957 г. г. Ижма получает новое имя — Сосногорск, соответственно 26 декабря 1957 г. Ижемское отделение железной дороги стало Сосногорским. Название напоминает, что город возник в сосновом бору на горках Тиманского кряжа.

Приказом Министерства путей сообщения № 42/д от 14 июля 1959 г. Северо-Печорская магистраль включена в состав Северной железной дороги с центром в г. Ярославле. В этот год сосногорский машинист Александр Федорович Доронин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

С конца 1960-х гг. Сосногорская НГЧ-8 первой в системе Министерства путей сообщения СССР начинает газификацию жилого фонда. Новшество связано с ростом добычи газа в Коми. В районе с 1960-х гг. успешно действовали два нефтегазодобывающих управления (НГДУ): «Войвожнефть» и «Тэбукнефть». Разрастались новые поселки: Войвож, Верхнеижемский, Нижний Одес, Нибель, Нефтепечорск и другие. Одна из первых электростанций в Коми в пос. Чибью в 1932 г. имела мощность 80 квт. В Сосногорске в 1960 г. сдан в эксплуатацию первый агрегат ТЭЦ мощностью 12 тыс кВт. В 1969 г. запущен первый турбогенератор нового корпуса, единственная мощность которой в пять раз выше первых агрегатов. В те годы наша ТЭЦ вырабатывала за год столько, сколько все электростанции дореволюционной России.

Индустриальный рост способствовал развитию социальной сферы, численности населения. 29 ноября 1979 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР образован Сосногорский район, выделившийся из состава Ухтинского. 20-й по счету район в Коми, площадь 16,481 тыс. кв. км и население около 60 тыс. человек. Потенциал наращивается, и даже в кризисные 1990-х гг. Сосногорск приносил доход государству в числе четырех районов Республики: 14% нефти Коми, 20% электроэнергии, 100% техуглерода, 3% газа, 2,8% пиломатериалов.

Указанием Министерства путей сообщения РФ № 379 от 19 апреля 2001 г. реорганизованы Сосногорское и Воркутинское отделения дороги путем присоединения последнего к Сосногорскому. Из пяти образованных в 1942 г. отделений дороги осталось одно монопольное — от ст. Урдома Архангельской области до Воркуты. Сегодня развернутая длина главный путей Сосногорского отделения — 2 587 км, 3 локомотивных депо (в Воркуте, Печоре, Сосногорске), вагонные депо в Воркуте и Сосногорске, девять дистанций пути, четыре дистанции сигнализации и связи и другие структурные подразделения. В 2002 г. руководителем Сосногорского отделения Северной железной дороги открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») назначен Дейнега Николай Васильевич.

С началом XXI в. у станции Керки начаты работы по сооружению глиноземного комбината. В проектах и строительство магистрали Белкомур от Архангельска в Коми, а далее – до Пермского края. Перед Сосногорским районом, отделением дороги откроются новые перспективы. Третье и четвертое поколения сосногорских железнодорожников, воспитанные на традициях предшественников, продолжают начатое в 1930–1940-х гг. великое дело освоения Северного края, где, как отмечали на заре индустриализации, «значение железной дороги трудно переоценить».

В 2007 г. Всероссийский конкурс социально-экономического развития России «Золотой рубль» признал Сосногорск победителем в номинации «Лучший город Российской Федерации по экономическим показателям» в категории «Малый город» по Северо-Западному федеральному округу.

К ВОПРОСУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ УХТО-ПЕЧОРСКОГО ЛАГЕРЯ ГУЛАГА НКВД СССР В 1929—1938 гг.

В.В. Юрченко (Ухта)

Сегодня на региональном и российском уровнях, на основе новых научных данных исследуется роль и значение экономической деятельности лагерей, в частности лагерей, функционировавших на территории республики Коми в 1929–1955 гг. Выявление экономического значения и экономической эффективности политики использования принудительного труда — важнейшая задача и подспорье для решения многих проблем истории ГУЛАГа уже общего характера — социологического, политического, нравственного.

Как известно, на рубеже 1920–1930 гг. руководством страны был принят курс на всемерное ускорение, «подхлестывание» индустриального развития, на форсированное создание социалистической промышленности. Наиболее полное воплощение эта политика получила в пятилетних планах развития народного хозяйства, первый из которых (1928/29-1932/33) вступил в действие с 1 октября 1928 г.

Среди большого количества решавшихся в годы первой пятилетки экономических задач была и задача, которая оставалась в нашей стране нерешенной несколько столетий: масштабное промышленное освоение Европейского Севера СССР, в частности, ухтинского нефтяного района.

Необходимо отметить, что в досоветский период все попытки организации добычи нефти (до начала XX в. вопрос о других полезных ископаемых практически не ставился на повестку дня) оказывались неудачными даже при наличии широких финансовых возможностей (у М. Сидорова) или фанатичного энтузиазма (в случае с А. Гансбергом). Государство и крупные частные фирмы не принимали участия в разработках, которые не гарантировали скорой отдачи (в отличие, например, от Грозненских и Бакинских нефтепромыслов), более того, иногда прямо мешали попыткам промышленного освоения Ухты.

Помимо прочего, не способствовала развитию региона труднопреодолимая проблема - бездорожье. В отсутствие железной дороги до Ухты в то время можно было добраться тремя путями:

- 1. Зимним санным путем (120 верст от селения Весляна);
- 2. По реке Вуква до водораздела Северной Двины и Печоры (6 верст волоком до реки Ухты);
- 3. По морю через Архангельск до реки Печоры, далее по Печоре и Ижме до Ухты.

Доставить тяжелое буровое оборудование можно было только последним путем, причем навигация по Ижме была открыта всего лишь полтора месяца в году (в июле – августе).

Острая нужда в нефти и ее производных (в условиях нарастающей индустриализации) заставила власть

задуматься над вопросом массового использования труда заключенных для разработки недр труднодоступных районов страны. Ухтинский район, несмотря на то, что он расположен примерно в 1100 км от Москвы, считался даже тогда очень труднодоступным и суровым с точки зрения климатических условий: годовая температурная амплитуда составляла 85 градусов, заморозки в бассейне Печоры случались и в июне и в августе.

Возможность использования для разработки недр местного населения отпадала, вследствие общей дефицитности рабочих рук в крае. Иллюстрацией этого факта служила необеспеченность рабочими кадрами лесозаготовительных предприятий, уже существовавших тогда на территории Коми. Кроме того, ведение работ по бурению, проходке шахт и шурфов должно было происходить круглый год, отвлечение же местного населения для сезонных работ (полевые работы, охота) могло вызвать сокращение и возможную остановку производства в течение этих периодов.

Все перечисленные выше факторы должны были повлиять в сторону повышения зарплаты приезжим специалистам (если бы было принято решение привлечь вахтовых рабочих), с другой стороны тяжелые климатические условия создавали неустойчивое положение с вопросом стабильной работы этих кадров.

Поэтому наиболее экономически целесообразным для правительства страны показалось обслуживание промышленной разведки и разработки недр рабочей силой лагерей особого назначения (ЛОН) ОГПУ, то есть использование труда заключенных. В этом случае устранялись вопросы текучести кадров, в связи с тем, что в такие лагеря посылали заключенных осужденных на срок более 3-х лет. (Уже внутри лагеря при возникновении необходимости этот срок легко было «продлить»). Определенное значение имел и тот факт, что ОГПУ обладало для того времени относительно мощным и налаженным снабженческим аппаратом. Изложенные выше соображения показались достаточно убедительными для организации на Ухте лагеря особого назначения.

Кроме того, в этом случае удачно (по мнению советского руководства) решалась задача реформирования пенитенциарной системы страны, которая в 1928–1929 гг. вступила в полосу кризиса - заключенных в тюрьмах и колониях было в 2-2,5 раза больше нормы, а исправление трудом не было эффективным ни с правовой, ни с экономической точек зрения. Госбюджет нес все возраставшие по объему расходы на содержание исправительной системы

Таким образом, решение задачи было поручено ОГПУ (впоследствии НКВД) и в августе 1929 г. на Ухту прибыла геологическая экспедиция, составленная из заключенных. Она дала начало новому типу исправительных лагерей – промышленному.

Расходы на содержание заключенных в Ухтинской экспедиции — Ухтпечлаге (100 руб. в год) были меньше аналогичных расходов, затрачиваемых в других учреждениях исправительной системы СССР (250 руб. в год), за исключением особых трат на высококвалифицированных специалистов, выполнявших ответственную работу — теоретические изыскания и руководство практической частью. Но сюда же надо добавить издержки, подчас очень высокие, на организацию стационарного лагеря и его «командировок», содержание охранного контингента, закупку оборудования, транспортные расходы и т.д.

Организация добычи полезных ископаемых фактически сделала лагерь самостоятельным промышленным предприятиям в структуре НКВД. Но приносил ли он когда-либо реальные доходы государству – вопрос скорее риторический. Согласно эмоциональным рапортам (особенно в первые годы работы) лагерного руководства, могло показаться, что использование принудительного труда – идеальная для данного времени и для данного места экономическая модель. Руководством страны был сделан скоропалительный и бесчеловечный вывод о высокой экономической эффективности новой системы хозяйствования, и вскоре после Ухты сеть промышленных лагерей опутала всю страну.

Однако, применительно, по крайней мере, к Ухте утверждение об экономической «выгодности» применения труда заключённых, по всей видимости, не выдерживает критики.

Сухие годовые отчёты Ухтпечлага регулярно показывали недоработку по плановым показателям, долги перед поставщиками и невыполнение финансовых обязательств.

Более того, документы, отложившиеся в гулаговском фонде p-9414 Государственного архива Российской Федерации, прямо показывают какие расходы нёс в то время Наркомат финансов СССР по обеспечению функционирования Ухтпечлага. Ежегодные суммы на его «содержание» исчислялись миллионами рублей. Отметим ещё раз, что плановые показатели лагеря по главным отраслям его деятельности в 1931–1938 гг. не выполнялись ни разу. (Именно провал экономических показателей этого периода привел к масштабной реорганизации Ухтпечлага в 1938 г.).

Эти данные не позволяют сделать вывод, всё чаще муссируемый в последнее время, что лагерная система была для того времени самым экономически выгодным, и, по сути, единственным методом освоения Европейского северо-востока России.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО ДАННЫМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ, 1930-е — НАЧАЛО 1940-х гг.)

Ю.В. Вшивцева (Краснодар)

Цель предлагаемых тезисов – охарактеризовать изменения в этносиальном составе Краснодарского края, вызванные обозначенными ниже событиями.

Депортации (насильственные миграции) — одна из специфических форм политических репрессий. Они являются и своеобразной формой принуждения государством его не индивидуальных, а групповых политических противников к смене места жительства.

Определяющими их особенностями являются административный (внесудебный) характер и списочность, то есть направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям.

Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ–НКВД–КГБ и ряда других ведомств. Это ставило их вне компетенции и правового поля советского судопроизводства (как и вне международного и союзного законодательства о военнопленных) и резко отличало систему спецпоселений от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также от системы лагерей для военнопленных и интернированных (ГУЛАГ и ГУПВИ) [1].

Репрессии 1930—1940-х гг., обрушившиеся на советских людей, в том числе на представителей различных национальностей, организаторов социалистического строительства, вынужденная миграция «наказанных» народов явились составной частью командно-административной системы [2].

В середине 1930-х гг. началась серия акций, а точнее, продуманная и последовательная кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий посредством их «зачистки» (часто классовой, но еще чаще — этнической) от «социально опасных», то есть неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов [3].

«Волны» событий 1930–1940-х гг. не просто коренным образом повлияли на жизнь миллионов людей, они сделали общество другим.

Политические репрессии, насилие, террор, как известно, имели место и в дореволюционной России. Но никогда не применялись так широко, никогда не использовались как средство решения экономических, социальных, культурных и иных задач государства.

В 1930–1940-е гг. в СССР также кардинально меняются ориентиры национальной политики, что приводит к депортациям народов, проживающих на «угрожаемых территориях». В обозначенный период абсолютная и относительная численность некоторых традиционно проживавших в Краснодарском крае этносов – украинцев (преимущественно казаков), армян, греков, немцев, татар, болгар и других народов значительно сокращается [4].

Наиболее существенные изменения произошли в численности украинского населения. В конце 1930-х гг. удельный вес и абсолютная численность украинцев резко уменьшилась, тогда, как доля русских значительно выросла [5]. С одной стороны, важна роль ассимиляционных процессов происходящих внутри украинской этнической общности Кубани в 1920-е – начале 1930-х гг.; с другой – свою роль и, пожалуй, решающую в этих изменениях сыграл голод начала 1930-х гг., затронувшие в основном сельское население Кубани, в котором значительную часть составляли украинцы.

Рост русского населения объясняется компенсационными переселенческими контингентами, формировавшимися в Центральной России, на Урале и в прочих районах и направленными сюда административными решениями [6].

Сократилась к 1939 г. более чем в 2 раза (с 7139 до 3152 чел.) в крае численность поляков [7].

Резкое снижение численности наблюдается также у армянского населения, что также стало следствием репрессий (как классовых – раскулачивания, так и по этническому признаку) и в меньшей степени процессов ассимиляции [8].

Постановление правительства от 21 сентября 1941 г. предусматривало выселение в срок с 25 сентября по 10 октября из Краснодарского края 32 287 чел. немецкой национальности (фактически все немецкое население края, которое по данным переписи 1937 г. здесь составляло 34,3 тыс. чел.) [9].

Дополнительно выселение из Краснодарского края и Ростовской области «социально опасных» немцев, румын, крымских татар и иностранных подданных (греков) было проведено в 1942 г. По подсчетам А.С. Хунагова, с территории Краснодарского и Ставропольского краев в целом было выселено более 79 800 граждан [10].

В результате депортаций в Краснодарском крае практически прекратило свое существование этническое немецкое меньшинство.

В мае 1944 г. на основании Постановления ГКО с территории Краснодарского края и Ростовской области выселению подлежали татары и греки [11], по этой причине значительно сократилась численность греческой общины в Сочи – одной из самых древних на побережье Черного моря.

Помимо депортаций «внутренние эмигранты» – лица нерусских национальностей, проживавшие на Кубани компактными группами, подвергались и другим видам репрессий: как-то заключения на длительные сроки, расстрелы и т. п.

В июне 1937 – январе 1938 гг. сотрудниками Ейского РОВД в колхозе «Нойвег» («Новый путь») села Воронцовка Ейского района были арестованы лица немецкой национальности, «причастные» к так называемой «фашистской националистической повстанческой организации». Их обвинили в проведении антисоветской агитации и во вредительской работе, разложении трудовой дисциплины, клевете на Советскую власть. Во время следствия все обвиняемые «признали» себя виновными. На основании этих признательных показаний, а также показаний арестованных по другим делам, все они (30 человек) были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу [12].

В октябре 1937 г. Управлением НКВД по Краснодарскому краю была «вскрыта» и «ликвидирована» «контрреволюционная националистическая деятельность» группы лиц польской национальности, так называемая «Польска организация войскова». Ее деятельность якобы «направлялась польскими разведывательными органами по линии шпионажа, диверсий, террора и подготовки восстания на Кубани». Только в Краснодаре с января 1937 по февраль 1938 гг. было арестовано свыше 300 человек. Как выяснилось позже, аресты производились по спискам, составленным на основе данных адресного стола. Производились аресты и других городах и районах края. По предъявленным обвинениям, не одно из которых не было подтверждено сотрудниками военной прокуратуры в период «оттепели», 188 граждан польской национальности приговорили к расстрелу. Приговоры были приведены в исполнение в основном в конце 1937 — начале 1938 г.

В декабре 1937 – июне 1938 г. управлением НКВД по Краснодарскому краю произведены аресты лиц (в основном греческой национальности), которые якобы входили в «Греческую контрреволюционную националистическую повстанческую диверсионно-шпионскую и террористическую организацию», которая якобы состояла из 77 человек. Большинство из них были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к длительным срокам лишения свободы. [13]

В ночь на 28 июля 1938 г. сотрудниками УНКВД по Краснодарскому краю на территории Отрадненского района в селе Ново-Эстоновка (колхоз «Уус-Тее») и хуторе Банатовском (колхоз «Вейтлус») было арестовано более 120 человек (в основном – мужчины) эстонской национальности. В ходе предварительного следствия им вменялось в вину участие в «эстонской националистической контрреволюционной диверсионно-шпионской и террористической организации», проведение вредительской работы в колхозе, сбор разведывательных сведений и «вооруженное выступление против Советской власти в случае нападения на СССР капиталистических государств». Каких-либо улик для их ареста, судя по материалам следственного дела, не имелось. Тем не менее, на допросах под давлением они дали признательные показания о своей принадлежности к «контрреволюционной националистической организации», якобы существовавшей в Отрадненском районе. Часть эстонцев, арестованных в селе Ново-Эстоновка и хуторе Банатовском, была расстреляна (предположительно в Краснодаре) 4 октября 1938 г., остальные – осуждены на различные сроки лишения свободы [14]. Семьи лишились кормильцев, хозяйства – добросовестных работников. Женщины, старики, дети, вставшие на место мужчин, работали от зари до зари, но ноша оказалась непосильной. Колхозы стали хиреть, пока совсем не распались. Была закрыта эстонская школа в селе Ново-Эстоновка. Даже самодеятельность разрешили вести только на русском языке. Люди под любым предлогом стали покидать Кубань. Всего в 1930–1940-е гг. незаконным арестам на Кубани подверглись 182 эстонца, проживавшие в основном в Отрадненском районе и селе Эстосадок. Большинство из них были приговорены к расстрелу, остальные – к длительным срокам лишения свободы [15].

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что существуют две причины, по которым был развязан политический террор в обозначенный период.

Во-первых, террор был направлен против лиц, отдельных категорий и групп граждан, которые могли представлять гипотетическую угрозу для государства. Истребление «пятой колонны» (так называемые национальные операции) стало важным условием подготовки страны «по-Сталински» к предстоящей войне [16].

Репрессии в отношении ряда национальностей, рассматриваются так же, как превентивная мера – за возможное предательство, а, по сути, за принадлежность к национальности [17].

Во-вторых, массовые политические репрессии завершили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики решали сложные политические, экономические, социальные, национальные, культурные и иные проблемы.

Авторы, занимающиеся обозначенной проблематикой, по-разному оценивают причины данных мер государственного аппарата. Но бесспорным остается, что они имели отрицательные последствия, на территории Краснодарского края, намного сократив не только численность населения Кубани и так утратившей в войне

почти 500 тысяч своих граждан, но и подорвало морально-политическое единство народа, о котором так любили говорить в Кремле.

Источники и литература

- 1. Полян П.А. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11–12.
 - 2. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-х 40-х годах // История СССР, 1989. № 6. С. 135.
 - 3. Полян П.А. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 86.
- 4. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 39.
- 5. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
- 6. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 40.
- 7. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 39; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
- 8. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 41.
 - 9. История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В. Г. Чеботарева. 1993. Т. 1. С. 164–165.
- 10. Хуганов А.С. «выселить без права возвращения ...» Депортации народов Юга России 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90–92.
 - 11. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М., 1998. С. 181.
 - 12. Кропачев С. Большой террор на Кубани // Юго-Полис, 1993. № 3. С. 30.
- 13. Кропачев С. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 47.
 - 14. Там же. С. 48.
 - 15. Кропачев С. Большой террор на Кубани // Юго-Полис, 1993. № 3. С. 31.
- 16. Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественноци истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Сборник научных статей. Краснодар. С. 22.
- 17. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-х − 40-х годах // История СССР, 1989. № 6. С. 136.

ЧИСЛЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕТСКИХ ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ НКВД-МВД СССР НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1940-е гг.

В.Н. Бубличенко (Ухта)

Современное состояние российского общества, когда не ликвидированы случаи совершения несовершеннолетними противоправных действий, имеются факты детской беспризорности и безнадзорности остро встает проблема нахождения реальных путей преодоления таких явлений. Анализ исторического опыта, накопленного пенитенциарными учреждениями при ликвидации подростковой беспризорности, безнадзорности, преступности становится важным фактором при выработке правильной государственной политики, стратегии и тактики в данном направлении.

Организационное оформление к середине 1930-х гг. в структуре Наркомата внутренних дел Советского Союза детских закрытых учреждений (приемников-распределителей и трудовых колоний), на длительное время определило направление воздействия на беспризорных, безнадзорных и осужденных за преступления несовершеннолетних. Следует учитывать, что понимание механизма функционирования детских закрытых учреждений невозможно без анализа изменения численности несовершеннолетних в них. Изучение данной проблемы позволяет понять не только необходимость создания данных структур, но и оценить масштабы учебно-производственной деятельности в них, определить степень воздействия на подростковправонарушителей со стороны государственных органов власти.

Несмотря на то, что изучение детских закрытых учреждений находится в начальной стадии разработки, отдельные аспекты проблемы нашли свое отражение в ряде публикаций [1]. Проблема изменения численности несовершеннолетних в данных учреждениях и, прежде всего в трудовых колониях, освещен в них в наименьшей степени, поэтому автор счел необходимым выделить ее в качестве самостоятельного предмета

исследования. Более того, как специфика таких учреждений, так и источниковая база позволяют реализовать данную задачу [2].

На протяжении 1940-х гг. шел процесс изменения численности осужденных несовершеннолетних в детских исправительно-трудовых учреждениях. Он шел неравномерно, периоды увеличения, содержащихся в них подростков сменялись периодами уменьшения их количества. Территория Европейского Севера России имела непосредственное отношение к данным процессам, поскольку на ее территории размещались пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних.

В 1943 г., когда наступил новый период развития детских закрытых учреждений, совпавший с коренным переломом в Великой Отечественной войне численность, находящихся в трудовых колониях для несовершеннолетних подростков по состоянию на начало 1943 г. достигла 7 288 чел., имея тенденцию к увеличению. Создание в середине года в структуре Наркомата внутренних дел Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, принятие решения об открытии нового типа детских трудовых колоний – воспитательных обусловило численный рост несовершеннолетних в детских пенитенциарных учреждениях страны. За вторую половину 1943 г. трудовые воспитательные колонии приняли 4 129 подростков, в то время как в ДТК обычного типа за 1943 г. поступило 34 355 чел. [3]. Таким образом, общая численность несовершеннолетних, прошедших через пенитенциарные учреждения для них в 1943 г. может быть оценена в размере 38 484 чел., что вполне объяснимо с учетом разрушения традиционного жизненного уклада населения страны и мобилизацией всех сил на отпор фашистской агрессии.

Факторы роста беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, а как следствие и увеличение подростковой преступности присутствовали и в 1944 г., поэтому по сравнению с предшествующим годом наблюдалась тенденция увеличения численности несовершеннолетних в детских трудовых колониях как в целом по стране, так и на Европейском Севере России, в частности.

В 1945 г. число несовершеннолетних, содержащихся в трудовых колониях страны, по сравнению с предшествующим годом увеличилось, достигнув 23 937 чел. Однако наблюдалось значительное снижение прибывших в уголовно-исполнительные учреждения относительно 1944 г. В 1945 г. происходил значительный рост выбывших из трудовых колоний подростков. Таким образом, целесообразно вести речь о снижении контингента в детских пенитенциарных учреждениях.

Подробнее остановимся на анализе динамики численности несовершеннолетних в Архангельской и Ухтинской детских трудовых колониях в 1943–1945 гг. (табл. 1, 2).

Таблица I Движение несовершеннолетних по Ухтинской трудовой колонии за 1943—1945 гг. Лимит наполнения 500 чел.

Параметр		19	43 г.			19	44 г.			1:	945 г.	
Параметр	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Наличие на начало квартала	_	_	_	190	312	255	333	349	493	415	380	_
Прибыло	_	_	190	214	40	166	111	187	15	111	28	_
Убыло	_	_	_	92	33	159	110	186	93	146	408	_

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 16. Л. 5. Д. 38. Л. 14. Д. 57. Л. 29об.

Таблица 2 Движение несовершеннолетних по Архангельской трудовой колонии за 1943—1945 гг. Лимит наполнения 1000 чел.

Параметр	1943 г.			1944 г.			1945 г.					
Параметр	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Наличие на начало квартала	335	298	801	899	620	796	832	1022	915	293	910	237
Прибыло	221	561	374	49	322	208	346	100	392	152	70	245
Убыло	258	58	276	328	321	208	346	91	314	235	743	52

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 16. Л. 2. Д. 38. Л. 10. Д. 57. Л. 26об.

Данные таблиц свидетельствуют, что на всем протяжении 1943–1945 гг. в Архангельской и Ухтинской детских трудовых колониях процесс движения несовершеннолетних носил динамичный характер. В целом наполняемость учреждений не превышала лимитного (за исключением IV квартала 1944 г. в Архангельской

ДТК, когда в ней содержалось 1022 подростка). Если рассматривать движение несовершеннолетних по кварталам, видно, что в двух детских трудовых колониях Европейского Севера России нашла свое отражение специфика увеличения численности осужденных в учреждениях данного типа, которая была характерна для этого периода в целом по стране. Как в Архангельской, так и в Ухтинской детских трудовых колониях происходил постепенный квартальный рост наличия осужденных в учреждениях, что наблюдалось на протяжении 1943 и 1944 гг. В 1945 г. ситуация усложнилась. В Ухтинской ДТК контингент подростков на протяжении трех кварталов увеличивался относительно аналогичного периода предшествующего года, имея тенденцию к снижению. Наличие осужденных в Архангельской детской трудовой колонии было неравномерным. В первом и третьем квартале в ней содержалось большее число осужденных, чем в 1944 г., но одновременно с этим во втором и четвертом меньшее. Следует отметить, что сравнение общего числа несовершеннолетних, содержащихся в течение года для двух детских трудовых колоний, имеет различные показатели. Если в Ухтинской ДТК в 1945 г. наблюдается незначительный рост заключенных по сравнению с предшествующим годом, то в Архангельской происходит снижение контингента на 915 человек. В свою очередь это входит в противоречие с общей тенденцией, которая выявлена нами в целом по стране. Очевидно, в 1945 г. динамика численности заключенных в детских трудовых колониях носила сложный характер, и имелись исключения для отдельных пенитенциарных учреждений, что, впрочем, не нашло своего отражения в итоговых показателях за данный период.

При анализе числа прибывших несовершеннолетних в Ухтинскую и Архангельскую детские трудовые колонии наблюдается тенденция их уменьшения в 1945 г. по сравнению с предшествующим годом, одновременно с этим увеличивалось число подростков выбывших из данных учреждений, что отражает общее направление в развитии трудовых колоний для несовершеннолетних на данном этапе их развития.

Возможно, на снижение уровня наполнения детских трудовых колоний несовершеннолетними в 1945 г. повлияло не только окончание войны с фашистской Германией, но и объявленная в связи с этим Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. амнистия. Так, в Ухтинской детской трудовой колонии, из содержащихся в ней на 8 августа 1945 г. 326 человек было освобождено 226 амнистированных подростков, что составило 69% от списочного состава колонистов в данном закрытом учреждении [4].

Анализ наполняемости трудовых колоний Вологодской области к 1 февраля 1946 г. свидетельствует, что он не только не превышал лимитное наполнение, но и значительно уступал ему. Так, при лимитной емкости 500 чел. в Судской трудколонии содержалось 356 подростков, в Белозерско-Шекснинской при емкости 600 чел. находилось 348 воспитанников, в Красавинской с лимитом наполнения 350 чел. в наличии было 227 воспитанниц [5].

Временное уменьшение численности несовершеннолетних в детских трудовых колониях, наметившееся в 1945 г. привело к их минимальному наполнению в следующем (11247 чел.), но постепенно ситуация изменялась. Наблюдалась тенденция увеличения прибывающих в детские исправительно-трудовые учреждения несовершеннолетних. Так, за 1946г. только трудовые колонии обычного типа приняли 38 804 подростков [6]. Таким образом, наступал новый период динамики численности несовершеннолетних в детских пенитенциарных учреждениях.

Таблица 3 Численность несовершеннолетних по детским трудовым колониям Архангельской и Вологодской областей (по состоянию на I квартал 1946 г.)

Колония	Январь	Февраль	Март
A 2222222222222	430	<u>657</u>	<u>740</u>
Архангельская	265	125	38
Extropores	<u>296</u>	<u>302</u>	<u>309</u>
Емцовская	23	40	26
Супоков	<u>283</u>	<u>356</u>	<u>388</u>
Судская	86	43	25
Шекснинская	<u>358</u>	<u>348</u>	<u>371</u>
шекснинская	63	119	58
Красавинская	<u>202</u>	<u>227</u>	<u>243</u>
Красавинская	27	16	57
Итого:	<u>1569</u>	<u>1890</u>	<u>2051</u>
711010.	464	343	204

Примечание: В числителе – количество на начало отчетного периода, в знаменателе – количество прибывших несовершеннолетних. Итоговый показатель подсчитан автором.

Источник: ГАРФ. Р- 9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 15об., 25 об., 26 об.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что в период с января по март 1946 г. в детских исправительно-трудовых учреждениях Архангельской и Вологодской областей происходил постепенный численный рост, содержащихся в них воспитанников. Однако наблюдалось постепенное уменьшение к концу квартала количества прибывающих несовершеннолетних заключенных, что, скорее всего, свидетельствовало не столько об уменьшении осужденных в стране, сколько о лимитном заполнении детских трудовых колоний на Европейском Севере России к марту 1946 г. Органы МВД СССР заранее производили регулировку поступления несовершеннолетних в детские пенитенциарные учреждения и, если в один из месяцев одно из них получало большое количество осужденных, то в следующем наблюдалось уменьшение отправляемых в него подростков.

Сопоставление количества осужденных несовершеннолетних в 1945—1946 гг. позволяет предположить, что уменьшение численности несовершеннолетних в детских пенитенциарных учреждениях наметившееся в первый год после окончания войны носило временный характер. Так, по сведениям Министерства юстиции СССР в 1945 г. подростков в возрасте до 16 лет, осужденных к лишению свободы насчитывалось 17 152 чел. из 33 801 от общего количества осужденных данной возрастной категории. В то же время, к 97 120 несовершеннолетним в возрасте от 16 до 17 лет применялись меры судебного воздействия. В следующем году увеличивалось до 17 519 чел. количество подростков в возрасте до 16 лет, которые должны были отбывать наказание за совершенные преступления в уголовно-исправительных учреждениях. Одновременно с этим до 97 166 чел. возросло число лиц 16-17 летнего возраста, осужденных органами юстиции за противоправные действия [7]. Таким образом, численность потенциальных кандидатов на помещение в детские трудовые колонии в 1945—1946 гг. увеличивалось, что в конечном итоге и могло привести к увеличению контингента в них.

Следует отметить, что в 1947 г. наблюдался значительный рост поступивших в трудовые колонии подростков (59 659 чел.) [8]. Очевидно, это было связано с усилением со стороны законодателя уголовного преследования по отношению к несовершеннолетним. Такая ситуация привела к сверхлимитному переполнению детских пенитенциарных учреждений, дислоцированных на территории Европейского Севера России. Так, по состоянию на 1 июля 1947 г. при лимитной емкости 1000 чел. Архангельская детская трудколония имела в наличии 1363 воспитанника, также было выдано 58 нарядов на размещение дополнительного контингента. В Судской трудколонии по Вологодской области содержалось 525 подростков, дополнительно к этому было выдано еще 24 наряда, в то время как лимит учреждения составлял 400 чел. При наполняемости 800 чел. Шекснинская детская трудовая колония имела 926 воспитанников, при 50 полученных дополнительно нарядах. Белозерская трудколония превышала свое лимитное наполнение в 300 чел. на 17 подростков, но с учетом 78 выданных дополнительно нарядов численность осужденных несовершеннолетних в ней резко увеличивалось. Стоит обратить внимание, что Европейский Север являлся не единственным регионом, где в 1947 г. наблюдалось лимитное превышение контингента в детских закрытых учреждениях [9].

Начиная с 1948 г., когда количество размещенных в трудовые колонии несовершеннолетних достигло своего максимального уровня (46 877 чел.), наступил третий период изменения численности несовершеннолетних в уголовно-исполнительных учреждениях для них. Число подростков в трудовых колониях сокращалось, достигая своего минимального значения к середине 1950 г. и имея тенденцию к стабилизации. Руководство Министерства внутренних дел Советского Союза отмечало, что « в числе осужденных несовершеннолетних имеется большое количество подростков, твердо вставших на путь исправления, дальнейшее содержание которых не вызывается интересами государства» [10].

Общая направленность в стране по сокращению несовершеннолетних в детских трудовых колониях затрагивала и территорию Европейского Севера России. Так, динамика численности подростков по Архангельской трудовой колонии «Конвейер» в 1948–1952 гг. свидетельствует о том, что начиная с 1948 г., когда в учреждении на 1 октября содержалось 1051 чел., идет постепенная стабилизация контингента, не превышающая лимитного (за исключением 1950 г., когда в колонии на 1 января содержалось 1018 подростков) [11]. В то же время следует отметить, что за 1949 г. в учреждение прибыло 786 несовершеннолетних, а на 1 января того же года в колонии находилось 840 чел. [12]. В 1951–1952 гг. в колонии насчитывалось 628 и 757 несовершеннолетних соответственно, что было ниже ее лимитного наполнения. Аналогичная ситуация складывалась и в детских исправительно-трудовых учреждениях Вологодской области. Если в начале 1949 г. в трех трудовых колониях региона содержалось 1227 подростков, то в следующем году этот показатель снизился до 1131 чел. [13].

Отметим, что динамика численности несовершеннолетних в детских трудовых воспитательных колониях имела тенденцию к увеличению, но являлась стабильной. Резких спадов и подъемов в ней не наблюдалось.

Стоит обратить внимание, на тот факт, что, на всем протяжении 1940-х гг. пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних не являлись местом изоляции политических противников советского режима. Нахождение в них подростков, осужденных за контрреволюционные преступления, не носило массового характера. Их наличие в детских трудовых колониях было обусловлено наличием такого вида преступлений среди несовершеннолетних. Так, при общей численности осужденных подростков в 1949 г. со сроками наказания от

10 до 15 лет в количестве 1394 чел. численность осужденных по политическим мотивам среди них составляла лишь 22 чел. [14].

Данная тенденция наблюдалась и в уголовно-исполнительных учреждениях для несовершеннолетних дислоцированных на Европейском Севере России. Количество осужденных за особо опасные преступления подростков в трудовых колониях Вологодской области в 1948 г. составляло 31 чел., из них по 58 ст. УК РСФСР за контрреволюционные преступления было осуждено только два подростка. Следовательно, они не являлись доминирующими относительно других видов уголовно наказуемых деяний, таких, например, как кражи (148 чел.) или по Указу ПВС от 4. 06. 1947 г. (911 чел.) [15].

Таким образом, в детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1940-е гг. численность несовершеннолетних носила цикличный характер, увеличиваясь или уменьшаясь при изменении общегосударственных нормативно-правовых требований при применении уголовного наказания к несовершеннолетним. Исключением являются трудовые воспитательные колонии, где эта тенденция не получила своего распространения. Подавляющее число несовершеннолетних в детских трудовых колониях как в целом по стране, так на Европейском Севере России в 1940-х гг. отбывали наказание за совершенные ими уголовные преступления (кражи, разбой, грабежи). Политических преступников в учреждениях указанного типа было мало. Поэтому следует сделать вывод о том, что трудовые колонии для несовершеннолетних НКВД-МВД СССР в данный период не являлись учреждениями для непосредственного осуществления политических репрессий, в отличие от исправительно-трудовых лагерей системы ГУЛАГа.

Источники и литература

- 1. См.: Калиниченко К. В., Пилявец Ю. Г. Деятельность трудовых колоний МВД СССР для несовершеннолетних правонарушителей в 50-е годы // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сб. статей / Под общ. ред.С.Р. Ширшова. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2006. С. 294—306; Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции, 2006. № 3. С. 2-5; Кузьминых А. Л. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Вологодской области в военные и послевоенные годы // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы и применение иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних. Сб. материалов Международной конференции. Вологда, 2006. С. 179-186; Панкратов Р. И., Тарло Е. Г., Ермаков В. Д. Дети, лишенные свободы. М., 2003 и др.
- 2. В докладе использованы данные архива информационного центра УВД по Архангельской области (архив ИЦ УВД АО). Ф. 41. Оп. 1; архива УВД Вологодской области (архив УВД ВО). Ф. 26. Оп. 1; Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-9412. Оп.1; ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК») «Архивохранилище №1» Ф. Р-298. Оп. 1.
 - 3. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
 - 4. ГУРК «НАРК». «Архивохранилище №1» Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 51. Л. 103 об.
 - 5. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 184.
 - 6. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.
 - 7. Там же. Д. 95. Л. 20.
 - 8. Там же. Л. 27.
 - 9. Там же. Л. 16.
- 10. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Сост. С.С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атамашкин и др. М: МФД, 2002. С. 480.
 - 11. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 180. Л. 125об. Д. 360. Л. 176 об.
 - 12. Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 59.
 - 13. Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р- 9412. Оп. 1. Д. 240. Л.125. Д. 278. Л. 30 об.
 - 14. ГА РФ. Ф. Р- 9412. Оп. 1. Д. 241. Л.42.
 - 15. Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21.Л. 172.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ТРАКТОРИСТОК РЕСПУБЛИКИ

Р.Л. Попова (Ухта)

В 30-х гг. коми деревня переживала трудный период. Коллективизация проходила медленно, крестьяне неохотно вступали в колхозы, поэтому государство усиливало давление на единоличников. Увеличивается сельхозналог и одновременно растут задания по поставкам продуктов государству по твердым ценам, которые были основательно занижены и невыгодны крестьянам. Сначала в госпоставках было указано только

зерно, через года включили подсолнечник, картофель и продукцию животноводства. В случае неуплаты налогов или госпоставок имущество крестьян распродавалось, что подрывало хозяйство крестьян, не вступивших в колхозы.

На 1934 год в колхозы вступило всего 54% крестьянских хозяйств. В то же время осуществлялась политика ограничения вступления крестьян в колхозы, отказывали тем, кто сначала вступил, а потом вышел; кто очень долго раздумывал и не вступал в колхоз, или не рассчитался по госпоставкам и налогам; и еще проводились массовые чистки руководителей колхозов после проверки на благонадёжность.

Вступая в колхоз, некоторые крестьяне забивали свой скот, чтобы их не обобществили. Были случаи, когда не вся семья вступала в колхоз, они делили скот и имущество, что не одобрялось государством. В результате поголовье скота в 30-е гг. резко уменьшилось. Например, поголовье коров уменьшилось с 87,9 тыс. в 1928—1929 гг. до 76,5 тыс. в 1932 г., лошадей — соответственно с 55 тыс. до 46,5 тыс., свиней с 16,4 тыс. до 4,9 тыс. Даже через 10 лет наши колхозы не смогли восстановить поголовье коров и овец [1].

В августе 1932 г. был опубликован закон об охране социалистической собственности (подписан лично Сталиным), на основе которого за ущерб нанесенный колхозу, колхозников приговаривали к высылке на 10 лет с конфискацией имущества или к расстрелу. Народ прозвал этот закон «Закон о десяти колосках». На основании этого закона с августа 1932 г. по февраль 1933 г. в СССР было осуждено 103 тыс. чел., из них 6,2% присудили к высшей мере наказания [2].

В 1935 г. был принят примерный устав сельскохозяйственной артели, на основе которого колхозники получили право на личное подсобное хозяйство, что положительно сказалось на колхозы, поскольку повысило заинтересованность крестьян в труде.

В середине 30-х гг. начали расти государственные вложения в сельское хозяйство: в его механизацию, в строительство коровников, свинарников, птичников, конеферм: началась закупка породистого скота из других районов страны, организовали специализированные фермы для разведения племенного скота.

Первая МТС в Коми АССР была организована в 1932 г. в с. Визинга. В 1938 г. их было уже 15, а накануне войны -17. Количество тракторов в республике к 1938 г. возросло до 392, комбайнов -74 (1940 г.) [3].

С А.А. Каракчиевой меня познакомила в 1991 г. Сливкова Розалия Павловна, ухтинский геолог и моя троюродная сестра. Смотришь на Александру Антоновну и удивляешься: сколько оптимизма она сохранила в свои 73 года, несмотря на все трудности и испытания, которые выпали ей в жизни. Говорит она весело, с юмором, в некоторые моменты смеётся от души над своими злоключениями, так что мы, её слушатели, тоже покатывались со смеха. Александра Антоновна была одной из первых девушек в нашей республике, освоивших трудную и тяжёлую профессию – трактористки. Родилась она в 1918 г. в деревне Вомын Сторожевского района. Отец её был охотником и занимался также подсечным земледелием. Детей было пятеро, жили бедно. Изба состояла из двух помещений с большой русской печью. Кроватей не было, поэтому родители спали на полу, а дети – на полатях. Ни в детстве, ни в юности не знали, что такое наволочки, простыни, пододеяльники. Когда началась коллективизация, отец в числе первых вступил в колхоз и уговорил мать. В колхоз сдали новую лошадь, которую купили вместо утонувшей в реке, и двух коров, а получили на трудодень всего 200 гр. зерна.

На мой вопрос, что сеяли тогда на колхозном поле, Александра Антоновна ответила: «Сеяли рожь. Но теперь, встав взрослой, я понимаю, что пахали в те годы слишком глубоко, поэтому семена ржи попадали не в плодородный слой почвы. Урожаи были низкие».

Саша окончила начальную школу в деревне Вомын и ещё два года училась в Сторожевской средней школе. После шестого класса учеба ее закончилась, надо было нянчиться с младшими и работать. Брат Гриша, которому тоже не дали учиться, навсегда сохранил за это обиду на отца. Он обладал большими способностями и артистическим талантом, хотел быть артистом, как его друг Деньщиков, будущий известный в республике артист Зин (сменил фамилию). Гриша и его старшая сестра Матрена стали лесорубами, их бригада в довоенные годы считалась одной из лучших в районе. Матрена подарила Сене с получки ситцевое платье в горошек и резиновые ботики, которые так полюбились ей, что она щеголяла в них даже в жаркую погоду.

В 1933 г. Саше исполнилось 14 лет, ее и подростков вместе с взрослыми направили на окончание молевого сплава на реке Вычегде. Детей расставили по берегу на расстоянии 20 метров друг от друга. Вооружившись баграми, они отталкивали брёвна, приставшие к берегу. Кормили плохо, чаще всего из похлёбки из крапивы. Саня распухла от голода: и лицо, и ноги, и руки. Мужчины, которые принесли её до крыльца, неловко опустили носилки, так что Саня покатилась к ногам своей матери. Дома девочка скоро поправилась: помогло молоко, хлеб и тёплая забота мамы и семьи. После выздоровления. Ей с группой мужчин и подростков (10-15 чел.) пришлось сплавлять большой плот из Лаборома до Котласа. Сдали в Котласе плот, им вручили билеты на пароход до Сыктывкара. А вот из Сыктывкара до Вомына пришлось идти пешком. Шагали два дня, к родной деревне подходили, еле волоча ноги.

В следующем году отправили на конец молевого сплава уже на пароходе и плашкауте, Саня среди лучших работников получила место в каюте. Теперь работать было легче. Ночью отдыхали на пароходе, утром их вы-

саживали на песчаный низкий берег, где они отталкивали все бревна, застрявшие после весеннего половодья. В сентябре приходилось нередко по пояс заходить в холодную воду, потом грелись у костра, и еще «для сугрева» давали детям и взрослым стопку спирта!

В 1935 г. отправили бригаду – человек 20 взрослых мужчин и молодежь на лесоповал, расположенный в 30 км от Вомына. Сначала соорудили себе шалаши из еловых веток, а затем приступили к строительству барака. В бараке разместились: мужчины с одной стороны, женщины – с другой, а посередине была печь. Кормил их колхоз, но сытыми не были. Хорошо, что родители помогали, посылали продукты с попутчиками, возившими сено для лошадей. Но было и так, что утром поесть не успевали, поэтому шли на работу голодными. С нетерпением ожидали обеда, который привозили прямо на делянки.

Наступила зима, началась заготовка леса. Работа в лесу была крайне тяжелой не только для девушек, но и взрослым мужчинам. Труд в те годы был полностью ручным, Вальщики леса пилили деревья с помощью пилы, сучкорубы топорами обрубали сучья. Валка леса была выборочной, заготовляли только хвойные деревья. Обрубать сучья топором на огромных елях и соснах было нелегко для женщин и девушек, особенно передвигаться между многочисленными толстыми ветками и колючей хвоей. Вымокшая в снегу одежда не высыхала полностью за ночь, и утром приходилось надевать непросохшую одежду!

Подростков определяли возчиками для перевозки бревен до катища (расстояние 15 км). Детей будили в четыре часа утра. Мужчины с подростками грузили бревна и отправив их, сами потом шли в лес на заготовки.

Саня старалась изо всех сил. За хорошую работу её и многих других девушек впервые премировали куском синей бязи на платье, а жена бухгалтера Савельева сшила всем девушкам отличные сарафаны.

Отпуск не давали, но по воскресеньям был выходной. Молодежь очень весело проводило время. Водили хороводы, танцевали, пели частушки и разные популярные песни. В апреле разрешили вернуться домой. Лед на реке был уже слабый, и тут прямо на их глазах провалилась одна подвода. Вытащили её коллективно, но с большим трудом. За хорошую работу на лесозаготовках Саню наградили 5-ю рублями и значком, который она давно потеряла. Летом работали на колхозных полях, а потом опять были лесозаготовки.

В 1937 г. Сане исполнилось 19 лет, ее направили в числе нескольких девушек учиться на трактористов. Учились три месяца в Пажгинской МТС, которая считалась в числе лучших по республике. Изучали теорию и практику вождения. В Сыктывкаре молодые трактористы Саня Каракчиева, девушки Михайловы из Большелуга, Габова, Игушев (стал бригадиром) получили тракторы ХТЗ и своим ходом перегнали их в Сторожевскую МТС, а оттуда развезли по колхозам.

Саню послали в родную деревню Вомын. К тракторам тогда еще не было специальных плугов, поэтому сельские кузнецы сделали для них самодельные плуги. Отец в это время работал в колхозе заведующим семенным складом, у него всегда было все в порядке, семена заранее подготовлены к севу.

В 1937 г. на пахоте Сане поручили вспахать поповское поле. Работала день и ночь. За это её направили в Сыктывкар учиться на бригадира. После учёбы в 1939 году работала помощником бригадира в селе Небдино.

В 1939 г. встретилась с будущим мужем Савиным Алексеем, приезжавшим в отпуск из Ухты. В августе приехала к нему в Ухту. Ехала сначала пароходом до села Айкино, потом на машине. Когда прошлась с мужем по Ухте, спросила его: «Алексей, скажи, где же твой город?» На месте города тогда был сплошной лес, даже там, где позже построили здание Горкома КПСС. Дома были на Октябрьской улице. У нынешнего железнодорожного техникума, на месте вечного огня, стояли сельский совет и магазин. В небольшом одноэтажном доме размещался ЦНИЛ. Так началась ее жизнь в Ухте, где она много лет проработала лаборантом в ЦНИЛе. Теперь она на пенсии.

Александра Антоновна часто вспоминает тяжелый труд и голодные годы, которые ей пришлось пережить в детстве и юности. Однако стойкий характер, оптимизм и вера в лучшее будущее помогли ей преодолеть все трудности и обрести семейное счастье и уважение своих коллег по работе, соседей по дому и начать другую, счастливую жизнь в нашем молодом городе.

Источники и литература

- 1. История Коми. С древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. II. С. 389, 390.
- 2. Там же. С. 390.
- 3. Там же. С. 390.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ВЯТЛАГА

В.А. Бердинских, Н.Ю. Белых (Киров)

Начиная с 1926 г., когда по РСФСР были осуждены 1 215 000 чел. (из коих 50,8% – к принудительным работам), труд заключенных превратился в «лакомый кусок» для разных советских наркоматов, ведомств, хозяйственных организаций и они принялись плотоядно, взахлеб увеличивать свои заявки на «рабсилу» от НКВД. Арон Сольц, старый большевик и влиятельный руководитель ЦКК, не понимая стратегической подоплеки такого «поветрия», вразрез с «общей линией», наивно «предостерегал»: «Мы караем за любой пустяк... В итоге наши места заключения переполнены трудящимися... НКЮст и НКВД держат курс на превращение наших мест заключения в коммерческие предприятия и в увлечении этим упускают из виду классовые интересы нашей юстиции».

Однако высшее советское партийно-государственное руководство делало все вполне осознанно, посвоему логично и последовательно. Когда»истощились» резервы «социально чуждых элементов», принялись массовым порядком (целыми слоями и группами) «загонять» в места лишения свободы представителей «социально близких» классов – рабочих и крестьян. Уже с 1931 г. ГУЛАГ стал монопольным «хозяином» огромного контингента спецпереселенцев (жертв «раскулачивания») и всесильным, в масштабах всей страны торговцем фантастически дешевой рабочей силой. Отношение к последней нельзя характеризовать иначе как совершенно варварское: от четверти до трети депортированных крестьян погибли. Нам ясно, почему это произошло: на гигантских и малых стройках «сталинских пятилеток» царил тяжкий, на измор физический труд (нередко – бессмысленный и бесцельный), свирепствовали голод и эпидемии, полностью отсутствовала даже примитивная социально-бытовая инфраструктура. Таким образом, еще в 1930-е гг. физический труд в лагерях сознательно был превращен в мощное орудие сталинского террора – средство массового уничтожения людей. Ну а в послевоенное время отношение властей к заключенным как к «дармовой» и бессловесной рабочей силе, которую можно, при минимуме условий для поддержания ее в трудоспособном состоянии, эксплуатировать где и сколько угодно, приобрело уже всеобщий и системный характер. Что бы там ни говорили адвокаты «реального социализма», труд заключенных в ГУЛАГе - это рабский принудительный труд и никакие «гуманистические новации» в системе, формах и размерах его оплаты в 1950-е и последующие годы не изменили «первородной» ипостаси этого труда. Основа его – внеэкономическое принуждение. ГУЛАГ (по исходному замыслу и его реальному воплощению) – это «заповедник» рабства в СССР. Вместе с тем, лагерное «хозяйство» - еще и неотъемлемая часть всей «социалистической экономики». Рабовладение в XX в. (в советской его модели) имеет свои специфические особенности. Раскрытие (с известной степенью приближения) экономической сущности гулаговского феномена и является целью этой главы.

Если в эпоху античности раб, как правило, – человек чужой в окружающем его мире (захвачен во время войны с враждебным государством либо куплен и вывезен из другой страны), то в СССР заключенный – гражданин своей державы, как вбивала ему в голову сервильная пропаганда, – «хозяин необъятной Родины своей». Де-юре он, после окончания лагерного срока, возвращался в общество, хотя и с заметно «подрезанными» личными и гражданскими правами, но де-факто уже никогда не мог полностью «вжиться» в социум: внутренне это был уже безнадежно сломленный человек. Этот синдром внутренней личностной неполноценности, психология и философия рабства, сформированная и привитая в ГУЛАГе, концентрировалась и культивировалась там, а затем расползалась по всей стране Советов, где, по утверждению «кремлевского горца», жить «вольно дышащему» человеку становилось все «лучше и веселей»...

Конечная цель как античного, так и советского рабовладения однозначна – в оптимально короткий срок (15-20 лет) «выжать» из человека все его жизненные соки, после чего – выбросить, как негодную ветошь. В Древней Греции раб считался вещью - «говорящим орудием», но уже в Древнем Риме за рабами признали право именоваться людьми. В Советском же Союзе зеков-рабов вновь превратили в простейшее «орудие» для того, что лицемерно преподносилось как «построение социализма», а если абстрагироваться от трескучих пропагандистских «наворотов», – в безотказное материальное средство для решения хозяйственных задач, конечной целью которых являлось не удовлетворение насущных и разумных человеческих потребностей, повышение благосостояния народа, а обслуживание безумных геополитических и кастовых, «шкурнических» интересов военно-феодального государства в лице его партийно-бюрократической номенклатуры. В результате ГУЛАГ стал едва ли не самым изощренным по разработанности плановых показателей ведомством страны. При этом утопизм и прожектерство сюрреалистически сочетались с маниакальным пристрастием к статистике, потрясающим прагматизмом и деловитостью.

В отчете Вятлага за 1939 год (косноязычно по стилю, но по смыслу очень точно) сказано: «Годовой итог хозяйственной деятельности лагеря совершенно неудовлетворителен и основной причиной невыполнения вполне реального плана и больших потерь объясняются тем, что система хозяйственного руководства сверху

донизу не была поставлена на основы хозяйственного роста, что естественно привело к невыполнению плана, убыточной работе и чудовищной распущенности большинства хозяйственных работников в деле рационального использования рабочей силы, создания культурно-бытовых условий для рабочих, когда с их стороны не проявляется ни малейшей инициативы по введению простейшей механизации».

Советское рабовладение по-сатрапски сверхжестоко в отношении к заключенному, фактическая ценность жизни которого была сведена к ничтожно малым величинам. И это вполне объяснимо: «резервуар» рабсилы постоянно пополнялся, а неистощимый источник всегда находился под рукой – им являлся собственный народ. КПД зековского труда крайне низок, но зато (во всяком случае – на первый взгляд) – этот труд соблазнительно дешев, потому-то лагеря и стали ведущей осью советского «хозмеханизма». Требование перевести ИТЛ «на хозрасчет», как мы помним, выдвигалось еще в предвоенные годы и в значительной мере было реализовано, хотя запутанная система расчетных показателей в свирепо административной и жестко плановой советской экономике делает «социалистический хозрасчет» явлением уникальным в мировой практике, «виртуальным» по своей сути, существовавшим лишь в хорошо подкармливавшемся «воображении» горетеоретиков от «политэкономии социализма» да в «лукавой» цифири официальных бухгалтерских отчетов.

Планирование осуществлялось по всем направлениям лагерной деятельности: от состава и содержания заключенных и персонала до расходов на канцелярские принадлежности. Но стержнем, которому все подчинено в этой жесткой системе директивных показателей, оставалось одно – количество выпущенной продукции: лагерь прежде всего обязан выполнять «производственную программу», то есть – «давать план по валу». Сама структура показателей в лагерных отчетах имеет сугубо хозяйственную направленность: хорошо или плохо «сработали» лесной ИТЛ и (соответственно) его руководство, определялось в верхах НКВД-МВД и ГУЛАГа сообразно единственному и непреложному критерию: выполнил этот лагерь план (декады, месяца, квартала, полугодия, года) по заготовке, вывозке, разделке, отгрузке древесины, а также по производству пиломатериалов или нет. Разумеется, и количество заключенных, пригодных к тяжелому физическому труду, и уровень их заболеваемости и смертности, качество питания, число отказов от работы, правонарушений и побегов и т.п. – все это (в той или иной мере) напрямую влияло на производственные дела, а потому за все эти вещи тоже (и довольно жестко) «спрашивали». Но приоритетом оставалось выполнение «плана по валу»: все остальное могли «понять и простить», невыполнение годовой «производственной программы» – никому и никогда. При этом планирование на последующие годы осуществлялось от «достигнутого» и, как правило, с увеличением заданий, порою – довольно резким.

В довоенных бухгалтерских отчетах Вятлага мы видим постоянную экономию по основным нормативам расходных статей: на содержание заключенных, зарплату вольнонаемному персоналу, интендантское обеспечение и т.д.

Однако в кривом зеркале гулаговской статистики «рентабельность» лагеря отнюдь не обязательно означала его «самоокупаемость», хотя формально-показушное «стремление» к этому прослеживается. В акте приема-передачи Вятского ИТЛ от 23 июля 1941 г. в завершении раздела о его финансовом состоянии не без чиновничьего бахвальства констатируется: «Рентабельность работы лагеря за первое полугодие (1941 г. – В.Б.) дала возможность перевести в УЛЛП (Управление лагерей лесной промышленности ГУЛАГа – В.Б.), отказавшись от государственной дотации, 1.000.000 рублей, имея систематически в остатке расчетного счета лагеря от 2.000.000 до 2.500.000 рублей».

Все основные статьи сметы по содержанию заключенных за обозначенный период также «имеют экономию»: не берегли тогда лишь лишь пот и кровь «контингента». Принудительный зековский труд считается дармовым, хотя на самом деле, разумеется, таковым не является. Этот труд «обеспечивается» (а по сути – паразитируется) огромной аппаратно-руководящей машиной НКВД-ГУЛАГа-ИТЛ. Безжалостно (и зачастую – совершенно беспричинно) «выдернутые» из нормальной «вольной» жизни люди (среди них – немало специалистов высокой квалификации, небесполезных для «народного хозяйства», испытывающего постоянный «голод» на грамотных, умелых и добросовестных работников) уже самим фактом своего внезапного исчезновения из структуры производства приносили невосполнимые потери экономике страны. Однако эти огромные убытки высшим советским руководством в расчет близоруко не принимались, хотя они, вполне возможно, на несколько порядков перекрывали «прибыль» от использования тех же самых несчастных, «без вины виноватых» перед сталинским режимом людей на лесоповале или на вспомогательных лагерных работах. Прямолинейность и примитивность гулаговских методов хозяйствования, ориентация системы управления на «вчера», а не на «завтра» обрекали эту систему на низкую экономическую эффективность, предопределяли ее неизбежный крах в будущем.

В полной мере это относится к социально-экономическим аспектам лагерной жизнедеятельности. Социально-бытовая инфраструктура лесных ИТЛ финансировалась в первые (да и в последующие годы) их существования ничтожными (по сравнению с самыми элементарными потребностями) суммами, которые, впрочем, и осваивались далеко не всегда – по известному «остаточному принципу».

Документ № 1. Выполнение сметы целевых расходов Вятлага (1-я половина 1941 г., тыс. руб.)

Наименование статей	За 1-е полугодие 1941 г. по смете	Фактические расходы с начала года	
Подготовка кадров в/н состава	65,0	13,1	
Просвещение: детсад-интернат	35,0	36,0	
Пионерлагерь	26,0	0,1	
Содержание актированных инвалидов	2.983,0	2.775,0	
Здравоохранение(больница, поликлиника, детясли в/н, з/к)	314,0	266,6	
Партполитработа	29,0	28,4	
Лесное хозяйство	36,6	155,0	
Пенсионный фонд	150,0	128,7	
Итого	3.717,0	3.284,7	
Экономия	432	2.000 руб.	

Гулаговская сиюминутная «экономия» не имеет ничего общего с реальной бережливостью, рачительностью, государственным подходом к делу – это крохоборство Плюшкина. Отметим, что основная статья расходов в приведенной выше таблице – «содержание актированных инвалидов». Ничего удивительного в этом нет: значительная часть заключенных в условиях советских лагерей постоянно и неизбежно превращалась в доходяг, не способных к какому-либо труду и медленно умиравших. Существование такого типа рабов у любого практичного владельца-хозяина алогично: их надо либо кормить и лечить, либо освобождать – и последнее обходится дешевле. Но система ГУЛАГа не желала ни кормить, ни лечить, ни освобождать своих узников: содержание доходяг просто вносили в плановую смету и оно становилось «законной» расходной статьей бюджета ИТЛ. Официальные планы и отчеты уродливо фиксировали все аномалии лагерного бытия, когда-то, где-то и спонтанно возникшие, и превращали их в «законные» и обязательные атрибуты функционирования (в том числе в хозяйственной сфере) любого ИТЛ, каждого его подразделения.

Любопытно, что война, принеся в лагеря, с одной стороны, голод, холод и, как следствие, – колоссальную смертность заключенных, добавив немало дополнительных нелепостей в лагерную обыденность, в том числе повышенную дозу организованного садизма, с другой стороны, все-таки заставила и более высоко ценить если не головы, то хотя бы руки «контингента» как главный источник гулаговской «прибыли». Безусловно, такой поворот не имеет никакого отношения к категориям гуманности. Все объясняется вполне прозаически — острой нехваткой рабочей силы. Но вот что показательно: рядовые лагерники вполне «оправдывали» даже такого рода «заботу» — своим каторжным трудом они и в невыносимо тяжелых военно-лагерных условиях практически на всех переделах выполняли производственные задания, причем как по объемным, так и качественным показателям.

Рассмотрим, к примеру, основные показатели выполнения заключенными Вятлага плановых нормативов производительности труда за 1943 год.

Документ № 2

Наименование работ (кбм)	Плановая норма выполн. (кбм)	Фактическое выполнение	Процент
Заготовка			
Основные работы	2,70	2,67	98,9
Комплексная	2,18	2,29	105,1
Подвозка			
Конная	6,40	3,67	57,4

Наименование работ (кбм)	Плановая норма выполн. (кбм)	Фактическое выполнение	Процент
Ручная	4,00	5,35	133,8
Комплексная	4,10	4,20	102,5
Вывозка			
Механизированная	-	2,14	_
Гужевая по р/д	3,92	4,40	112,3
» по o/д	1,98	3,11	157,1
Ручная	-	3,80	-
Комплексная	2,10	1,94	92,4
Разделка на биржах	2,17	2,45	112,9
Шпалопиление	1,14	0,85	74,6
Лесопиление	1,10	1,03	93,6

Итак, по отчетным данным за 1943 год, заключенные Вятлага выполнили плановые нормативы производительности труда на заготовке леса (около 3 кубометров в день), на подвозке (трелевке), вывозке и разделке заготовленной древесины. Причем заморенные лошади (гужсила) «плана не давали», а вот не менее измордованные люди («исполнители программы») свои производственные задания выполняли и перевыполняли. Любопытно, правда, было бы знать, сколько в этих отчетах «заряжено туфты», то есть приписок на всех стадиях производства — от бригады до Управления. Ведь, если верить приведенным цифрам, то получается, скажем, что на трелевке один заключенный (при среднем расстоянии подвозки в 40-50 метров) вручную «тянул» в полтора раза больше лошади. Несомненно, однако, что лагерников в военные годы эксплуатировали гораздо интенсивнее: эта фантастически дешевая «рабсила» пришлась в лихолетье как нельзя кстати и казалась государственно-партийной номенклатуре чрезвычайно выгодной (во всяком случае — более выгодной, чем в условиях мирного времени). Цена этим «администраторским иллюзиям» известна, и в лагерях она проявилась с предельной наглядностью.

В послевоенные годы, в период восстановления страны, когда древесина стала еще более потребна «народному хозяйству», лесные лагеря, слегка видоизменив свою структуру, оставались по-прежнему громадными полигонами бесплатного зековского труда, который (в реальном выражении) в силу неумолимой экономической логики обходился «родной Советской державе» все дороже и дороже. Попробуем проследить эту тенденцию на конкретике Вятлага.

Плановые производственные задания лагерю ощутимо выросли: так, установленный объем заготовки и вывозки леса в 1947 г. достиг 1.160.000 кубометров – в полтора раза больше соответствующих показателей военных лет. В бухгалтерском отчете Вятского ИТЛ за 1947 год отмечено: «Для выполнения этих основных и прочих планируемых работ лагерь должен был иметь следующие основные ресурсы: рабочий фонд 16.632 человека, лошадей списочных 1.683 головы, автомашин 28, тракторов 19, паровозов узкой колеи 2, мотовозов узкой колеи 4». Как видим, планируемое количество техники по-прежнему ничтожно: ее не любили и «ломали» заключенные и, по известным причинам, терпеть не могло лагерное начальство, особенно в «низовых» лесных подразделениях. На партсобраниях руководители и аппаратчики Управления постоянно и гневно клеймили «антимеханизаторские настроения» администрации лагпунктов, но последней привычнее и удобнее представлялось иметь дело с «живой рабсилой», которой, надо сказать, «лагерное основное производство» в то время прото «перекармливали».

Обратим внимание на состав лагнаселения (документ № 3). Документ № 3

	, , ,	
	1/І-1947г.	1/І-1948г.
Вольнонаемный состав	2.381	2.416
Спецпоселенцы	1.663	298
Военнопленные	2.793	_
Заключенные	16.499	24.837
Итого	23.336	27.551

К январю 1948 г. контингент военнопленных был из Вятлага полностью вывезен. Состав заключенных за 1947 год обновился на 68%. Однако эти обстоятельства, при всех связанных с ними проблемах, не привели к параличу или приостановке производства: примитивнейший физический труд на лесоповале не требовал сколько-нибудь основательного обучения или специальной подготовки. Впрочем, пригодной к тяжелому и средней тяжести труду в лесном лагере была лишь четвертая часть вновь поступающей «рабсилы». В цитировавшемся выше вятлаговском бухгалтерском отчете многозначительно констатируется по этому поводу: «Располагая контингентом низкой физической категорийности, лагерь ставил перед собой в качестве одной из центральных задач - оздоровление и восстановление трудоспособности контингента. Однако работа лагеря в этой области встречала большие трудности вследствие недостатков в продовольственном обеспечении заключенных, в особенности в части жиров и мяса. Недостаток этих продуктов компенсировался совершенно неполноценными заменителями – жмыхом и низкокачественной рыбой». Казалось бы, все ясно и понятно: если из общего числа заключенных лишь четверть (причем «недокормленная», «раздетая и разутая») пригодна для «обычной» работы на лесоповале, то стоимость содержания остальных трех четвертей физически не способных к труду лагерников ложится на эту меньшую часть, тем самым повышая интенсивность и одновременно сокращая сроки ее эксплуатации - круг замыкается. Самое любопытное, однако, заключается в том, что и в данной ситуации лесные лагеря продолжали «почти нормально» функционировать: сохраняла, видимо, вопреки всем объективным фактам, свою притягательность «кремлевская иллюзия» о баснословной «дешевизне» зековского труда...

В невероятной, абсурдной системе советского «планирования» послевоенных лет, когда рубль фактически не работал (все в стране принадлежит государству и, вследствие этого, ничто не продается и не покупается, а просто «перекладывается из кармана в карман»), важнее всего — «дать плановую цифру». Планы «костенели и дряхлели», перекрещивались, рушились друг на друга, способны были запутать, «сбить с катушек» любого сверхквалифицированного экономиста-теоретика и самого опытного хозяйственника-практика. Ну а в местных «планах» здравый смысл и логика отсутствовали уже по определению. «Высший государственный интерес» усматривался и прослеживался только сверху, внизу же в него надлежало просто и слепо верить - как в некоего новоявленного языческого бога.

В бухгалтерских отчетах появляются совершенно несообразные, дикие для цивилизованной экономики, но типичные для всей советской системы «хозяйствования» показатели. Вот один из них – так называемый «плановый убыток». Попытаемся «разобраться» с этим показателем-мутантом на примере Вятлага. В 1947 г. лагерь продавал лес «на сторону» по цене 16 рублей 85 копеек за кубометр, то есть ниже себестоимости на 1 рубль 31 копейку. Обобщенные итоги такой «коммерции» зафиксированы в нижеследующей таблице (в первой графе - плановые параметры убытков Вятлага на 1947 год, во второй графе – фактические результаты того же года):

Документ № 4

Hamananana	Убыток (тыс. рублей)				
Наименование	По плану	Фактически			
1. От реализации продукции	31.132	30.822			
2» пилопродукции	845	85			
3» шпалопродукции	_	80			
4» спецукупорки	276	_			
5» проч.промпрод.	102	85			
6» ширпотреба	_	_			
7» c/х продукции	1.612	142			
8» контр.работ	980	1.248			
9» работ и услуг	_	71			
10 матер.ценнос.	_	181			
11 тов.и прод.об.	_	_			
12» спецсортим.	_	159			
Итого	34.946	32.873			

Таким образом, за счет сокращения «планового убытка» (продавая продукцию в ущерб себе, но строго по установленным сверху ценам) лагерь получил «прибыли» на сумму чуть более 2.000.000 руб. Как это можно понять? В системе рациональной экономики — это нонсенс, абракадабра, бюрократический «бумаж-

ный фокус». Но таковым как раз и являлось «планирование советской экономики», при котором «невероятное делалось очевидным» и при всей своей плановой убыточности лесные лагеря приносили «народному хозяйству» огромную «прибыль».

Рабство XX века стало явлением, экономически гораздо более отсталым, чем античное рабство. Сталинскосоветское государство безнадежно «продешевило», исключив товарно-денежные отношения из системы реально существовавшей латентной работорговли. Подготовив высококвалифицированную «рабсилу», оно использовало ее в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узко функционально: «человек-пила», «человек-тачка», «человек-топор». Мы видим здесь попытку интенсивной физической нагрузкой «до дна» и в короткий срок «вычерпать» всю жизненную энергию человека – своего рода «социальный вампиризм». В гулаговской «империи» и в ее «провинциях» господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков: «здесь и сейчас, а там – хоть потоп.» Эти особенности политики и практики ГУЛАГа очень умело использовал уголовный мир, приспособившийся к системе лагерей и сосуществовавший с ней в симбиозе. В определенном смысле слова, хозяйственная система ГУЛАГа, теоретически основанная на социалистических идеях и принципах, воплощалась на практике в формах и методах, присущих временам патриархального рабства. В конечном же счете именно эти формы и методы стали стержнем, основой и сутью лагерной «экономики».

Источники

- 1. Архив Учреждения К-231 УИН по Кировской области.
- 2. ГАРФ РФ. Ф. 9414 (Фонд ГУЛАГА НКВД-МВД СССР).
- 3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 5991 (Политотдел Вятского ИТЛ).

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В УХТИЖЕМЛАГЕ (1938–1955 гг.) И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

А.Н. Кустышев (Ухта)

Усилиями заключенных и вольнонаемных специалистов ухтинских лагерей ГУЛАГа в 1930—1950-е гг. прокладывались дороги, строились шахты, добывались нефть, уголь, газ, радий, асфальтит, создавалась социальная инфраструктура. Одновременно с этим ГУЛАГ являлся и градообразующим фактором. Тому подтверждение – история многих северных городов, Ухты, в частности.

Но прежде чем обратиться к отдельным лагерным комплексам, отметим, что проблема эффективности принудительного труда в СССР в сталинскую эпоху чрезвычайно значима для определения характера сталинской политики в целом. Все историки сходятся на том, что принудительный труд стал значимой и неотъемлемой частью экономики страны. Однако исследования проблемы его эффективности зачастую носят поверхностный характер. Отметим, что сам этот вопрос рассматривался историками и публицистами неоднократно.

Многие исследователи подходят к решению проблемы абстрактно, отмечая, что в экономической теории давно доказано преимущество вольного труда над принудительным. При этом некоторые авторы пытаются оттолкнуться от эмпирики, используя многочисленные воспоминания бывших заключенных, свидетельствующие о низкой производительности труда в лагерях, туфте и т.д. И то и другое можно назвать поверхностным, поскольку не используются конкретные экономические показатели. Зачастую выводы о низкой эффективности принудительного труда опираются на умозрительные рассуждения о значительности расходов на охрану, инфраструктуру лагерей. Однако и такое объяснение представляется слишком простым. Анализ статистической информации по заключенным, отраслям производства, периодам показывает, что в ряде случаев использование принудительного труда приносило государству убытки, а в ряде случаев доходы.

Со второй половины 1930-х гг. экономическое и финансовое состояние Ухтпечлага постепенно ухудшалось, падала добыча полезных ископаемых, убытки от деятельности лагеря к 1938 г. составили 28 млн. руб. [1]. Хозяйственную деятельность Ухто-Ижемского ИТЛ, преемника Ухтпечлага, также нельзя признать успешной. Так, в 1938 г. капиталовложения были освоены только на 65,9% [2].

Но ведь имеются и другие показатели. Только в 1945 г. в Ухтижемлаге было внедрено в производство свыше 700 рационализаторских предложений, давших народному хозяйству более 6 млн. рублей экономии денежных средств [3]. В 1946 г. план по валовой и товарной продукции Ухтижемлагом оказался перевыполнен, товарной продукции было выпущено сверх плана на 13 млн. руб. [4].

Казалось бы, весьма интересна сравнительная сторона дела: был ли принудительный труд эффективнее (т.е. по существу производительнее), чем труд вольнонаемных работников. Я. Мороз доказывал в лучшие для Ухтпечлага времена, что труд заключенных производительнее труда вольных рабочих (в соревнованиях по бурению на нефть, в добыче угля и в проходке шахт заключенные превзошли нефтяников Баку и угольщиков Донбасса) [5].

Доля вольнонаемных рабочих в Ухтижемлаге была традиционно выше, чем в других районах республики. Это было связано с деятельностью ИТЛ, направленной в основном, на освоение недр Коми АССР (нефтегазоносных месторождений) – процесс, предполагающий значительную интенсификацию производства, и, следовательно, потребность в квалифицированных работниках.

Но сравнение производительности вольнонаемного и принудительного труда в Ухтижемлаге мало что дает исследователям. Ведь гулаговская статистика не позволяет делать однозначный вывод о стабильно более высокой производительности труда заключенных или вольнонаемных. На основном производстве к середине 1940-х гг. производительность труда заключенных была выше, чем у вольнонаемных работников. Но говорить о какой — то устойчивой тенденции нельзя. В архивах имеются и более высокие показатели производительности, характеризующие вольнонаемный труд.

Но труд вольнонаемных Ухтижемлага — это, в сущности, труд принудительный, но все же имеющий дополнительные степени свободы по сравнению с подневольным трудом заключенных. Нам методически близок тезис уральского историка А.Б. Суслова, который отмечает близость показателей экономической эффективности принудительного и вольнонаемного труда. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что понятия «вольнонаемного» труда для сталинского Советского Союза, в сущности, было эфемизмом, скрывающим принудительный труд спецпоселенцев, маскирующим несвободу труда колхозников и рабочих [6].

По мнению А.Б. Суслова, центр тяжести вопроса об эффективности принудительного труда, по всей видимости, следует перенести в иную плоскость: вести разговор в первую очередь не об эффективности в чисто экономическом понимании, а о том, что понималось под эффективностью политическим руководством страны [7].

В частности, в подходе советских руководителей к решению вопроса о целесообразности широкомасштабного применения принудительного труда, прослеживается их желание использовать в первую очередь мобилизационные возможности принудительного труда, позволяющие быстро освоить огромные периферийные территории. Принудительная мобилизация рабочей силы представлялась политическому руководству более эффективным способом решения проблемы освоения недр Коми края. При этом с одной стороны учитывались низкая заселенность края, а также низкий образовательный уровень местного населения и потребность в интенсификации производства, сжатые сроки для решения поставленных задач – с другой.

Мобилизационный характер гулаговской экономики позволял решать задачи экстенсивного развития. Когда же требовалось интенсифицировать производство, ГУЛАГ сталкивался с большими трудностями. И наглядным тому подтверждением являются реалии Ухтижемлага.

Многие специалисты не находили применение своим профессиональным знаниям (частично из-за масштабности репрессивных мероприятий, когда возникал переизбыток людского материала, частично из-за неумения НКВД использовать специалистов по профилю их работы). Факторами кадрового дефицита в Ухто-Ижемском лагере являлись отсутствие эффективного учета специалистов и их нерациональное использование, а так же высокая мобильность лагерного населения.

Ряд исследователей, рассматривая вопрос о производительности подневольного труда, обращает внимание только на одну сторону: на деятельность принуждаемых к труду, которые вследствие плохих условий труда и слабой заинтересованности в его результатах, работают непроизводительно, на «комплекс ГУЛАГа». Деятельность другой стороны, тех, кто организует производство, часто остается в тени, несмотря на то, что малая результативность принудительного труда во многом порождалась его организацией.

В связи с этим чрезвычайно важными представляются данные об использовании рабочей силы по группам в процентном отношении к общему списочному составу. Для заключенных каждого лагеря в системе ГУ-ЛАГа существовала стандартная система учета узников по признаку их трудового использования, введенная в 1935 г. Все работающие заключенные делились на две группы. Основной трудовой контингент, который выполнял производственные, строительные или прочие задачи данного лагеря, составлял группу «А». Очевидно, что чем выше показатели по группе «А», тем эффективнее должна быть работа заключенных на том или ином производстве. Но имеющиеся в источниках цифровые показатели, скорее всего, должны восприниматься исследователями критически. Лагерной администрации не всегда удавалось выполнять довольно строгие лимиты использования рабочей силы и приходилось, завышая показатели по группе «А», предоставлять ложные отчеты – прибегать к «туфте».

Помимо него, определенная группа заключенных всегда была занята работами внутри лагеря. Этот, в основном административно-управленческий и обслуживающий персонал, который причислялся к группе «Б».

Неработающие заключенные также делились на две категории: группа «В» включала в себя тех, кто не работал по причине болезни, а все остальные неработающие, соответственно, объединялись в группу «Г».

Данная группа представлялась самой неоднородной: часть этих заключенных только временно не работали по внешним обстоятельствам — из-за их нахождения на этапе или в карантине; из-за непредоставления работы со стороны лагерной администрации; из-за внутрилагерной переброски рабочей силы и т.п. К ней также следовало причислять «отказчиков» и узников, содержащихся в изоляторах и карцерах. Таким образом, группа «Г» — это основной показатель качества работы лагерной администрации. Считалось, что чем меньше заключенных попадало в нее, тем лучше работает управление лагеря.

Имеющиеся источники указывают на низкую эффективность управления лагерным сектором экономики в Ухтижемлаге. Так на июнь 1938 г. среднесписочное число их в Ухто-Ижемском ИТЛ составляло 27732 чел. [8]. К 1 сентября численность подневольного контингента возросла до 29683 чел. Все основные виды производства недополучили рабочей силы против плана 204 тыс. человеко/дней [9]. А численность заключенных, отнесенных к группе «Г» была чрезвычайно высока. Данные показатели были одними из наихудших среди лагерей ГУЛАГа. Особенно серьезным был перерасход рабочей силы по административно-управленческому персоналу, очень много было больных.

Срыв производственных заданий всегда был предопределен рядом факторов и одним из них является плохая организация труда. Ее следствием, в частности, явились производственные проблемы. Как следует из приказа начальника ГУЛАГа, в котором нашла отражение деятельность лагеря в 1938 г., Ухто-Ижемский ИТЛ не обеспечивал своевременный ремонт скважин; имелись потери нефти и газа из-за плохого состояния оборудования, частых аварий и простоев. К тому же, лагерь не обеспечивал себя нефтеносными разведочными площадями [10].

Одним из механизмов управления подневольным контингентом была использовавшаяся в ГУЛАГЕ система стимулирования труда заключенных.

Наиболее ощутимым стимулом для заключенных ГУЛАГа в 1930 гг. были зачеты рабочих дней, позволявшие сократить срок заключения при перевыполнении плановых заданий (один рабочий день засчитывался за полтора-два, в зависимости от процента перевыполнения норм). Зачеты были полностью отменены в 1939 году, а опять были введены лишь к концу 1940-х гг.

Для заключенных, занятых добычей и переработкой нефти и газа, постановлением Совета Министров СССР зачеты были введены в 1949 г. Источник свидетельствует о реакции, которую вызвало введение зачетов рабочих дней в Ухтижемлаге. Заключенные стали стремиться к попаданию на основные работы, жаловались на то, что их использовали не по специальности (которую они до этого зачастую скрывали). Более того, многие заключенные, ранее ссылавшиеся на свое неудовлетворительное физическое состояние, теперь заявляли, что здоровы и готовы к использованию на тяжелых физических работах [11].

Возможность систематического выполнения и перевыполнения высоких норм выработки и получения зачетов по рабочим дням была нереальной для большинства заключенных. Более того, судя по некоторым источникам, зачеты отнюдь не всегда применялись по отношению к «политическим» заключенным.

В 1950 г. было принято постановление Совета Министров СССР об оплате труда заключенных, за исключением приговоренных к каторжным работам. Ухто-Ижемский лагерь перешел на новую систему оплаты труда с 1 июля 1950 г. До этого момента полагалось выплачивать узникам за их труд лишь «премвознаграждения» крайне незначительного размера, и те не всегда до них доходили [12].

Получается, что должно было пройти достаточно долгое время для осознания необходимости стимулирования принудительного труда руководством ГУЛАГа и высшим политическим руководством. С другой стороны стимулы в системе внеэкономического принуждения не смогли предотвратить распад ГУЛАГа.

Источники и литература

- 1. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997. С. 32.
- 2. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 21. Л. 179.
- 3. ГУРК «НАРК». «Архивохранилище №1». Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 1020. Л. 6-115.
- 4. ГАРФ. Ф. Р-8361. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.
- 5. Розанов М. Завоеватели белых пятен // Посев, 1948. № 4. С. 8.
- 6. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х начало 1950 гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 274.
 - 7. Там же. С. 275.
 - 8. ГАРФ. Ф. Р- 9414. Оп. 1. Д. 1139. Л. 195.
 - 9. Там же. Л. 213.
 - 10. Там же. Д. 21. Л. 179.
 - 11. Там же. Оп. 1 доп. Д. 146. Л. 94.

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (1930—1940-е гг.): НА ПРИМЕРЕ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Н.П. Трипутина (Харьков, Украина)

Харьковский институт коммунального хозяйства (далее ХИКХ) был открыт 12 июня 1930 г. на базе созданного восемью годами ранее Всеукраинского техникума коммунального хозяйства. До момента унификации образовательной системы Союза ССР в 1930 г. техникумы на Украине имели статус высших учебных заведений узкого профиля. Таким образом, ХТКХ явился первым вузом страны, который готовил специалистов коммунального хозяйства высшей квалификации. К организации работы первого профильного вуза были привлечены ведущие деятели различных отраслей коммунального хозяйства, которые прочно зарекомендовали себя в руководстве и практической работе, а также имели опыт преподавания в ранее существовавших вузах города: Харьковском технологическом институте, Харьковском университете, Харьковском коммерческом училище. После ряда реорганизаций учебное заведение было преобразовано в институт и значительно расширено. У истоков деятельности нового столичного вуза (а Харьков в те годы был столицей УССР) также стояли представители технической и научной элиты республики. Многие из этих выдающихся людей и стали жертвами набирающего силу тоталитарного режима, который в представителях старой интеллигенции видел своих непримиримых врагов.

Первым по хронологии репрессий следует упомянуть доктора сельскохозяйственных наук, профессора Александра Ивановича Колесникова (1888–1972 гг.).

Удивительным образом преломилась в биографии учёного сложная, драматическая эпоха в истории нашей Родины — XX столетие. Родился Александр Иванович в 1888 г. в с. Весёлые Терны Верхнеднепровского района на Екатеринославщине (ныне Днепропетровская обл.) в крестьянской семье. Туберкулёз ещё совсем молодыми унёс в могилу его родителей (отца — 26 лет, а мать — 24-х), после чего двухлетний мальчик попал на воспитание в детский приют деревообделочников в Екатеринославе. С 1904 по 1908 г. в качестве земского стипендиата он проходил обучение в местном реальном училище. В 1908 г. Александр поступил а Санкт-Петербургский лесной институт, но вскоре был исключён за участие в забастовке. Однако стремление к профессии лесовода в 1910 г. вновь привело юношу на студенческую скамью — в Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства около польского города Люблина. Завершать высшее образование молодому человеку пришлось уже в Харькове, куда в связи с начавшейся Первой мировой войной был 1914 г. эвакуирован институт.

Недюжинные исследовательские способности и колоссальная трудоспособность позволили молодому учёному в разгар Гражданской войны, в 1918 г., стать ассистентом, а в 1922 г. профессором вновь организованной кафедры «Государственное лесное хозяйство» в родной Alma mater. На протяжении 20-х гг. он занимал должности декана лесного факультета, проректора и ректора в то Харьковского сельскохозяйственного института имени Сельинтерна (так стал называться вуз после переезда в Харьков).

Высокий авторитет, который профессор заслужил в среде украинских лесоводов, позволил ему в 1924 г. занять пост заместителя начальника Всеукраинского лесного управления (ВУПЛ) и успешно трудиться на этом посту до осени 1929 г. Сочетание таланта администратора и научной глубины мышления позволило учёному в эти годы стать инициатором возобновления исследований в области полезащитного лесоразведения, принять активное участие в организации Бюро по лесному опытному делу Украины. Начиная с 1924 г. Александр Иванович развернул серьёзную работу в области генетики и селекции лесных пород, о результатах которой он доложил на 1-м Международном конгрессе лесных опытных станций в Стокгольме в 1929 г. С научными командировками Александр Иванович тогда побывал также в Дании и Германии.

В связи с началом широкомасштабной индустриализации, в нашей стране значительно возросла потребность в деловой древесине. Полностью удовлетворять запросы промышленного строительства за счёт лесных запасов европейской части Союза было невозможно без нарушения классических фундаментальных принципов постоянства и неистощительности лесопользования. Против сторонников этих принципов началась откровенная травля, многие были подвергнуты репрессиям по обвинению в «контрреволюционном вредительстве» в области лесного хозяйства. Первым (но не последним) судебным делом, сфабрикованным по этому обвинению в Украине, было так называемое «дело ВУПЛ». Осенью 1929 г. указанные обвинения были выдвинуты в отношении ряда ведущих лесоводов, профессоров, руководивших лесным хозяйством Украины. Следственные органы вынудили арестованных путём самоговора и оговора дать требуемые свидетельства, и, прибегнув к откровенной подтасовке фактов, сфабриковали обвинительное заключение. В судебном заседании 4 июня 1930 г. без участия свидетелей и адвокатов шестеро маститых учёных были приговорены к лишению свободы на сроки от 3 до 6 лет. А. И. Колесникову как администратору высшего ранга присудили 6 лет лишения свободы без поражения в правах и конфискации имущества [6]. Помощь влиятельного защитника лесов – председа-

теля украинского правительства Власа Чубаря — облегчила участь осуждённых. Свои сроки они отбывали на рабочих местах и были освобождены примерно через 1,5 года [1, с. 287].

Лишившись всех высоких постов, Александр Иванович был вынужден сменить сферу деятельности: перейти на работу в коммунальное хозяйство. Научные исследования и проектирование зелёного убранства городов и курортов Союза ССР он успешно сочетал с преподавательской работой в Харьковском институте коммунального хозяйства, в котором на протяжении 10 предвоенных лет руководил кафедрой «Ботанические основы паркового строительства» и созданным им паркостроительным факультетом. В 1936 г. обвинения в отношении Александра Ивановича были сняты, но не преданы забвению. Клеймо подозрений продолжало тяготеть над ним и дальше [7, л. 198]. Так жестокий поворот в судьбе учёного сыграл роль счастливого случая в истории вуза.

Имея надёжные связи в среде паркостроителей СССР, в начале Великой Отечественной войны А.И. Колесников организовал эвакуацию института в г. Адлер на Черноморском берегу Кавказа. Последующие годы плодотворной научно-практической деятельности вплоть до своей кончины в 1972 г. он связал главным образом с Кавказом. В 1960-х гг. профессору было присвоено почётное звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Его научное наследие насчитывает более 90 печатных трудов и до сих пор служит прекрасным пособием для дендрологов и ландшафтных архитекторов. Годы вдохновенного творческого сотрудничества с ним помнят и в Харьковской национальной академии городского хозяйства, и в сочинском парке «Дендрарий», и в Абхазской лесной опытной станции в Очамчире [11, с. 154–164].

10 января 1931 г. в Харькове по обвинению в контрреволюционном вредительстве (процесс Промпартии) в составе группы руководителей подразделений Харьковского городского отдела коммунального хозяйства был арестован Даниил Самойлович Черкес – 1870 г. рождения, караим по национальности, автор проекта, главный строитель и неизменный директор Харьковской городской канализации (1907–1930 гг.).

Инженер высочайшей квалификации, получивший образование в Санкт-Петербурге и Льеже (Нидерланды), участник строительства канализации в г. Ялте, разработчик проектов электростанций в г. Феодосии и Симферополе, водопроводов в Симферополе и Николаеве, один из организаторов Главного управления комунального хазяйства при НКВД УССР, он главные силы положил на разработку и строительство в Харькове одной из самых совершенных в Российской империи системы удаления жидких и твёрдых бытовых отходов. Тем самым он избавил быстро развивающийся промышленный город от страшной антисанитарии. Благодаря его знаниям, опыту, энергии даже в годы Гражданской войны удалось сохранить в рабочем состоянии городские сети и очистные сооружения канализации и значительно ослабить размах эпидемий особо опасных инфекций. Работая профессором на строительном факультете Харьковского технологического института, Всеукраинского техникума коммунального хозяйства, Харьковского инженерно-строительного института и Харьковского института коммунального хозяйства, Д. С. Черкес воспитал сотни квалифицированных специалистов отрасли.

Следствие шло по накатанным рельсам: Управление коммунального хозяйства играло роль гнезда заговорщиков, а вся производственная деятельность его руководства представлялась как сплошное вредительство. Не взирая на психологическое и физическое давление, престарелый профессор проявил удивительные мужество, выдержку, мудрость. В своих показаниях он не дал следствию ни единой зацепки для обвинения, а вместо этого с величайшим человеческим, гражданским и профессиональным достоинством в в своих показаниях от 9 апреля 1931 г. написал: «Я являюсь лучшим специалистом по канализации и очистке сточных вод на Украине, и дальнейший мой отрыв от проектных работ, которыми я руководил (канализация и очистка сточных вод Днепростроя, Большого Запорожья и ряда городов Донбасса) и от работы по канализованию новых окраиц Харькова, не даёт использовать мой обширный опыт и знания в этом деле, а меня лишает возможности с увлечением плодотворно принимать участие в Советском строительстве».

Видимо, его слова убедили следователей, так как в августе 1931 г. его освободили из заключения. И хотя Даниилу Самойловичу также пришлось покинуть руководство своим детищем, вплоть до своей кончины в 1944 г. он успешно продолжал заниматься научно-практической и педагогической работой в области сантехники [12, с. 160–167].

Чем дальше, тем жёстче наступала на свои жертвы репрессивная машина тоталитарного государства.

Жизнь героя нашего следующего рассказа – заведующего кафедрой политєкономии, профессора ХИКХа Петра Юрьевича Дятлова 3 ноября 1937 г. оборвала расстрельная пуля в урочище Сандармох в Карелии.

Выходец из среды мелких ремесленников, лишь благодаря своему пытливому уму и трудолюбию он добился возможности получить среднее, а затем и высшее образование. В поисках социальной справедливости Пётр Юрьевич пришёл в революционно-демократическое движение, активно участвуя также в просветительной работе среди простых украинцев. Аресты, годы подполья, политической эмиграции в Австрии, Германии, Чехословакии... Его имя фигурирует среди фамилий соратников В. И. Ленина. После октябрьского переворота Пётр Юрьевич выполнял за границей поручения дипломатического характера, переводил на украинский язык, редактировал и распространял среди военнопленных-украинцев произведения коммунистических вождей Бу-

харина, Преображенского, Ленина... 13 января 1925 г., откликнувшись на приглашение правительства УССР, вместе с рядом галицийских большевиков Пётр Юрьевич Дятлов возвращается в Украину. В совершенстве владея литературным украинским и рядом европейских языков, он стал одним из активнейших участников обширной издательской работы, проводимой в те годы Наркомпросом Украины под руководством Н. Скрипника. Редактирование первого издания «Украинской советской энциклопедии», первый украинский перевод трудов вождя мировой революции Ленина должны были стать значительным вкладом в развитие украинской советской культуры, а вместо этого дали врагам материал для обвинения П. Ю. Дятлова в «фальсификации и извращениях» большевистских идей. Развёрнутая работа была прервана на полуслове, а её результаты – тщательно уничтожены. В 1929 г. во время очередной «чистки» партийных рядов Пётр Юрьевич был впервые исключён из КП(б)У. Обширная эрудиция и опыт просветительной работы привели искренне преданного большевизму борца на преподавательскую работу в высшей школе: в 1930-м он возглавил кафедру политэкономии ХИКХа [14, с. 46]. И с этой трибуны позволил себе критические высказывания относительно перегибов линии партии в вопросе коллективизации. По мере нарастания репрессий против сотрудников наркомата просвещения П. Ю. Дятлов был объявлен «националистом, контрреволюционером, врагом рабочего класса, разоблачённым и изгнанным из рядов партии». 27 января 1933 г. он был уволен с занимаемой должности, а в ночь с 22 на 23 марта арестован как член контрреволюционной «Украинской военной организации» (УВО). Постановлением судебной тройки при коллегии ГПУ УССР от 1 октября 1933 г. он был приговорён к лишению свободы в ИТТ сроком на 5 лет и выслан на Соловки. Следующая «тройка» занесла его в список тех 1108 заключённых, которые были расстреляны в Сандармохе накануне празднования ХХ годовщины советской власти [16, с. 113 –122; 13].

Вспоминая о годах «ежовщины», выпускник нашего института О. Овсянников рассказывал: «...В тот период бывало так: во время лекции входит в аудиторию секретарь института Т. Самсонова и говорит преподавателю: «Позвольте Арлазорову выйти». Тот позволяет, и с тех пор Анатолия нет, и ничего о нём не известно. В частности на паркостроительном факультете изъяли несколько студентов и преподавателей». Среди них был талантливый архитектор, заместитель руководителя 1-й архитектурной мастерской г. Харькова Григорий Александрович Карапетян, расстрелянный 21 октября 1938 г. «за проведение контрреволюционной фашистско-националистической пропаганды среди армян и подготовку вооружённого выступления против советской власти». Ему тогда исполнилось 40 лет. Студенты вспоминали его как педагога, который каждому своему ученику уделял искреннее внимание, не считаясь с собственным временем, умел в каждом пробудить творческую инициативу.

При помощи обыкновенного карандаша или чернильного пера ему, талантливому архитектору, удавалось создавать прекрасные образы, формы, которые будили фантазию, стимулировали творческую идею [14, с. 32]. Но карательные органы нуждались в очередном «громком» деле, и в течение нескольких дней (конец февраля – начало марта 1938 г.) в Харькове было арестовано около 70 (всех, кто оказался в этот период в городе) мужчинприхожан местной Армяно-Григорианской церкви. Их обвинили в участии в военно-террористической организации армянских националистов «Дашнак Цутюн», которой якобы руководил настоятель этой церкви. Расстрельный приговор «троек» не заставил себя ждать. До сих пор вспоминают эту дикую историю постаревшие сироты из многодетных армянских семей. 21 октября 1938 г. в закрытом судебном заседании Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР Г. А. Карапетян был осуждён по ст.ст. 54-2, 54-8 и 54-11 УК УССР у расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в тот же день [5, л. 264–267].

Период становления Харьковского института коммунального хозяйства был осложнён не только проблемами политического и идеологического характера. Для успешной работы вуза необходимо было создать прочную материально-техническую и методическую базу учебного процесса, обеспечить его высококвалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами, наладить дисциплину. Большой вклад в решение этих непростых задач сделал ректор (директор – по терминологии того времени) ХИКХа Евгений Иванович Михайлов.

Рождённый в 1885 г. в Варшаве, выпускник Московского Константиновского межевого института, межевой инженер по образованию, Евгений Иванович ещё в институтские годы приобщился к революционной деятельности в рядах партии социалистов-революционеров. За это в 1911 г. был арестован, а по отбытии 4-месячного заключения выслан на 3 года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции. В 1918—1921 гг. он воевал за советскую власть в качестве начальника штаба красногвардейского отряда им. Старостина и стрелкового полка, а далее – начальника секретно-топографического отдела дивизии и был награждён 2-мя грамотами Реввоенсовета 14 армии. С 1920 г. он стал членом ВКП(б) (членский билет №762008) [9, л. 1106]. В конце 20-х — начальник части Аэро-топографического отдела, в 1932—1934 гг. руководил работой Харьковского института организации территории (ХИОТ) [2, л. 1; 3, л. 1]. В 1935 г. Е. И. Михайлов был избран депутатом Харьковского горсовета.

После перевода XИОТ-а в Одессу в июле 1934 г. он возглавил Харьковский институт коммунального хозяйства. За два гола руководства институтом он добился увеличения количества учебных аудиторий с 8

до 30, роста бюджета института с 45 тысяч до 1 млн. рублей, расширения лабораторных площадей, обеспечения учебной и научной работы лабораторным оборудованием. При нём было построено два новых учебных корпуса, открыт архитектурный факультет с градостроительной и паркостроительной специализациями. Профессорско-преподавательский состав пополнился выдающимися представителями различных специальностей: в частности академиком архитектуры А. Н. Бекетовым и рядом ведущих архитекторов Харькова. Была налажена дисциплина, ликвидированы прогулы, разработана методическая документация. Вот характеристика Е. И. Михайлова из справки Управления кадрами Наркомзема, под чьим началом находился ХИОТ: «1. Директор, который хорошо знает своё дело и в руководстве проявляет большую инициативу и интерес; 2. Непосредственно сам своим личным присутствием следит за хозяйством, общежитиями, бытом студентов; 3. Очень жёсткий, сам дисциплинирован и любит поддерживать дисциплину во всех звеньях Института; 4. Директор из числа таких директоров, который не позволит вмешиваться в свои функции кому не полагается» [7, л. 38]. Вот эта высокая требовательность и стала причиной жестокого и длительного противостояния руководителя вуза и группы дезорганизаторов работы института во главе с секретарём партийного комитета. Не желая подчиняться по-военному суровым требованиям начальника, обусловленным условиями учебновоспитательного процесса, партийные склочники с 1936 г. начали проводить клеветническую кампанию противдитектора. Бредовые обвинения и их опровержения, заседания и проверки, жалобы в вышестоящие органы и справки комиссий, исключение из рядов партии и восстановление в них, письма подследственного наркому внутренних дел УССР И. Н. Леплевскому и секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору... Сторонники директора видели в нём волевого, опытного и умелого руководителя, проводящего в жизнь принцип единоначалия, а противники отстаивали привычное верховенство компартийных неучей. 14 июля 1937 г. приказом по Народному комиссариату коммунального хозяйства Е. И. Михайлов был снят с работы [8, л. 48].

После ареста 11 октября 1937 г. он продолжил борьбу, находясь в застенках. Обнаружив, что подследственный в дореволюционном прошлом имел членство в партии СР, ему попытались инкриминировать участие в антисоветской террористической эсэровской организации. Мужественно отстаивая свою невиновность, Евгений Иванович лишь один раз 22 апреля 1938 г. на допросе у следователя Мисюна «в результате мер физического воздействия» пошёл на самооговор и дал на 22-х страницах показания, от которых отказался на следующих допросах [8, л. 95, 97, 108–109]. Смерть Н.И. Ежова и приход к власти в «органах» новой «команды» облегчили судьбу многих подследственных. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 г. дали им шанс выжить. Когда следствие показания клеветников не сочло достаточными для обвинения в антисоветской деятельности Е.И. Михайлова, была сделана попытка обвинить его в финансовых злоупотреблениях. Но и по этим материалам уголовное преследование возбуждено не было, т.к. «в действиях Михайлова отсутствовал состав преступления». 29 июля 1939 г. дело было окончательно прекращено [Там же, л. 137]. Оклеветанному педагогу была возвращена свобода [4, л. 180], но в штате ХИКХа он возобновлён не был и доброе имя этого правдолюбца восстановлено не было.

Автором проектов ряда прекрасных зданий Харькова, определивших его архитектурное «лицо», является архитектор Владимир Николаевич Пети, который родился 6 февраля 1904 г. в г. Пудож Олонецкой губернии [4, л. 427]. Его отец – личный дворянин, адвокат по специальности – после нескольких лет работы в Пудоже служил частным поверенным в Казани и Петербурге, где Володя начал обучение в гимназии. Однако в 1916 г. 12-летний мальчик потерял отца, а грянувшая вскоре революция прервала и его учёбу в гимназии в связи с её закрытием в 1918 г.

Понадобилось немало сил, чтобы в 1920 г. экстерном всё таки проучить школьный аттестат. После закрытия факультета воздушных путей сообщения Петроградского института путейских инженеров, где попытался продолжить образование юноша, он решает вслед за овдовевшей матерью и двумя братьями отправиться в Харьков. Здесь в 1925 г. Владимир поступил на архитектурный факультет Харьковского художественного института, который окончил в 1929 г. с дипломом «архитектора-художника». Работал сначала рядовым архитектором, потом руководителем 2-й архитектурной мастерской при Архиткетурно-планировочном управлении Харьковского горисполкома, главным архитектором Горстройпроекта. С января 1935 г. – он доцент кафедры архитектурного проектирования ХИКХа (ныне Харьковская национальная академия городского хозяйства). Владимир Николаевич был талантливым зодчим и педагогом, прекрасным мастером станковой графики. Его ученик профессор архитектуры Е. А. Святченко вспоминал: «В. Н. Пети – человек высокого роста с очень выразительным взглядом, ещё в 1937 г. носил английского покроя костюм, гольфы и всегда интересную обувь. Трубка и галстук-бабочка завершали его импозантный туалет» [14, с. 45]. За такое короткое десятилетие его творческой деятельности он проявил себя как многообещающий художник. В эти же годы он завёл семью: жену Зою Ивановну – библиотекаря ХИКХа 1902 г рождения и сына Сергея, родившегося в 1933 г.

В начале Великой Отечественной (летом 1941 г.) архитектор занимался подготовкой города к оборонительным боям – маскировкой Харьковского железнодорожного узла – и уже получил повестку для призыва в армию. Но 3 сентября 1941 г. городским отделом НКВД был арестован «как бывший волонтёр армии Колчака,

отец которого был расстрелян красными» [4, л. 427]. (С Колчаком 14-летний Володя явно не совпал географически, а его отец до прихода красных просто не дожил). Его вместе с группой представителей харьковской технической интеллигенции немецкой национальности обвинили в шпионских связях и проведении антисоветской агитации. (Не очень понятно, почему в шпионаже в пользу Германии обвинили человека с явно французской фамилией). 20 сентября 1941 г. в связи с приближением немецких войск он был этапирован в Ивдельский дагерь НКВД в Свердловской области. И уже в лагерном пункте Гарцуновка 1-го отделения Ивдельлага 22 января 1942 г. он был снова арестован и переведён в следственный изолятор. Владимира Николаевича и ещё нескольких. В качестве доказательства его вины были использованы фотографии мостов, в проектировании которых принимал участие Пети.

Хотя помощник прокурора Уральского военного округа в постановлении от 16 мая 1942 г. предложил применить меру наказания к каждому обвиняемому в виде лишения свободы на срок 10 лет, Особое совещание своим постановлением от 7 октября 1942 г. приговорило обвиняемых к расстрелу с конфискацией личного имущества. 20 октября 1942 г. приговор был приведён в исполнение.

Печальная история жизни и смерти архитектора была продолжена страданиями его семьи, оставшейся без отца и мужа. Зоя Пети вместе с 14-летним сыном по постановлению от 23 августа 1947 г. «как члены семьи предателя Родины» были сосланы на 3 года в Актюбинскую область Казахстана. Владимира Николаевича реабилитировали 11 ноября 1959 г., а жену и сына – в 1964 г. Здания, над созданием которых работал талантливый зодчий, значительно пострадали в годы Великой Отечественной войны, но были восстановлены практически в прежнем виде. Ныне они надёжно хранят память о своём одарённом авторе.

Харьковская национальная академия городского хозяйства в творческом содружестве с Редакционноиздательской группой харьковского тома «Реабилитированы историей» в настоящее время продолжает исследование судеб членов педагогического коллектива вуза, попавших в жернова репрессий тоталитарной державы. Знакомство с судебно-следственным делами жертв этих репрессий позволяет нам не только по-новому взглянуть на их драматические судьбы, но и пролить дополнительный свет на историю нашего вуза, полнее и глубже осознать смысл исторических процессов, определивших судьбу нашей Родины. Мы также надеемся донести правду о пережитом до нынешнего поколения студентов и не дать «необольшевикам» повести молодых людей к новой бездне.

Источники и литература

- 1. Вакулюк П. Г. Нариси з історії лісів України. Фастів: Поліфаст, 2000. 624 с.
- 2. ГАХО. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 1Д.
- 3. ГАХО. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 2.
- 4. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 6280.
- 5. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 3. Д. 427.
- 6. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее ОГА СБ Украины), Киев. Д. № 68461.
 - 7. ОГА СБ Украины, Харьков. Д. № 016864.
 - 8. ОГА СБ Украины, Харьков, Д. № 068164.
 - 9. РГВА Картотека командного и начальствующего состава запаса. Входящее донесение: Д. 6173.
 - 10. Харківська державна академія міського господарства. Х.: Золоті сторінки, 2002. 276 с.
- 11. Тріпутіна Н. П. Будівничий зеленого світу Олександр Іванович Колесніков // Українська біографістика: Збірник наукових праць. К., 2008. Вип. 4.
- 12. Тріпутіна Н. П. Вірність покликанню // Реабілітовані історєю. Харківська область: Книга перша. Ч. 2. К.; Х.: Оригінал, 2008. 672 с. С. 160–167.
 - 13. Тріпутина Н., Шуйський И. Політемігрант? Уже підозрілий! // Слобідський край, 2008. 1 березня].
 - 14. Харківська державна академія міського господарства. Х.: Золоті сторінки, 2002. 276 с.
- 16. Шуйський І. В. З Відня до Сандармоху // Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. Ч. 1. К.; Х.: Оригінал, 2005. 800 с.

СУДЬБА БАРВЕНКОВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РАЙКОМА КОМСОМОЛА

Е.В. Дьякова (Харьков, Украина)

Открытие архивов Службы Безопасности Украины дает возможность глубже изучать отечественную историю, лучше понимать процессы, происходившие в прошлом, и позицию людей, принимавших в них участие. И в этой связи возвращение к событиям Великой Отечественной войны является важным для того, чтобы лучше понять ход событий в этот сложный период в жизни страны и каждого человека в отдельности.

В послевоенное время о существовании Барвенковского подпольного райкома комсомола ни в научной, ни в художественной литературе не упоминалось. Даже в очерке, помещенном в Книге Памяти, о них не говорится ни слова [1]. Только в книге К. Науменко «Партизаны Барвенковщины», изданной в 2007 г. есть упоминание о существовании подпольного райкома комсомола, который возглавлял Владимир Зайцев (но это не соответствует действительности) [2, с. 19]. Такое же умалчивание было и в отчетах Харьковских обкомов партии и комсомола о создании и деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов в период немецкой оккупации области. Хотя при изучении региональной истории, а тем более истории военного периода в области и районе теоретически должна была упоминаться деятельность подпольщиков или объясняется их отсутствие. Ведь согласно Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., обращенной к парторганизациям прифронтовой полосы, вменялось «создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах» [3, с. 18]. Поэтому в свете директивы возникает вопрос: как получилось, что в одном из райцентров Харьковщины не было подпольной организации?

Поэтому целью данной публикации является освещение основания и деятельности Барвенковского подпольного райкома комсомола и дальнейшей судьбы его членов.

Согласно упомянутой выше директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б), а также последовавших за ней других нормативных документов, во многих областях СССР, в том числе и Харьковской, параллельно создаются партийные и комсомольские подпольные организации, в состав которых вошли сотрудники соответствующих райкомов.

Созданием комсомольского подполья в Барвенково занимались секретари райкомов партии Авраам Писковский и комсомола Мария Зайцева, а также секретарь обкома комсомола Стеценко [4, т. 1, л. 44]. Подбором кадров, конспиративных квартир, паролей и отзывов занималась Зайцева. В состав подпольной организации было зачислено 18 человек в возрасте от 19 до 26 лет [4, т. 1, л. 47-48]. Однако еще до оккупации района три комсомолки отказались от работы в подполье, не явившись в райком за заданием.

Перед оккупацией райцентра секретарь райкома партии Песковский собрал комсомольцев вместе и сказал, что все они (по-видимому, находящиеся на совещании – Е.В.) по решению райкома комсомола и райкома партии остаются в Барвенково для подпольной работы и каждый получит определенное задание. После собрания молодых людей вызывали в разные кабинеты для разъяснения задач [4, т. 2, л. 39об].

Каждому подпольщику давалось отдельное задание: Мария Семенец вместе с Варварой Резниковой должны были устроиться работать на госмельницу и портить муку (замачивать мешки, бросать в них битое стекло и отраву); Надежда Колосова поручалось устроиться на работу на телеграф и подслушивать разговоры немецкого командования; Анастасия Козачкова должна была устроиться на работу наборщицей в типографии, где ей вменялось портить шрифт и следить за содержанием газет и листовок; на Ивана Гонтаря возлагалось получать задание от представителя подпольного обкома комсомола, а Зайцева — передавать разведданные командованию частей Красной Армии (линия фронта до июля 1942 г. проходила по территории Харьковской области); три человека были действующими и четыре — запасными связными; Клавдия Губина, получив задание работать бухгалтером в банке и делать путаницу в финансовых отчетах, эвакуировалась на Восток, а Мария Конопля задания не получала, т.к. отказалась от предложенной работы [4, т. 1, л. 50-51].

Вопрос о руководителе подполья даже сегодня остается открытым. Согласно документам обкома комсомола руководителем была назначена Семенец, а заместителем – Губина [5, л. 24]. Однако по данным СБУ руководила Зайцева, а заместителем у нее была Семенец [4, т. 1, л. 66]. Позже, в 1955 г., Зайцева писала, что «для руководства был назначен из обкома коммунист т. Кравченко» [4, т. 1, л. 227].

Барвенково было оккупировано 23 октября 1941 г. [1, с. 369] За несколько дней до этого часть подпольщиков для конспирации переехала жить в села. В конце ноября линия фронта стабилизировалась по речке Северский Донец, поэтому в районе сосредотачивалось большое количество частей вермахта. Вскоре после завоевания части района гитлеровцы создали органы власти: оккупационные (комендатура, гестапо) и местные (управа, общественные дворы, полиция). Полицию возглавил Данило Батрак, работавший до войны старшим приемщиком «Заготзерно» и хорошо знавших некоторых подпольщиц, как комсомольских активисток.

Проживая в с. Курулька, к Зайцевой за полтора месяца оккупации ни разу никто из связных не пришел. 8 ноября Мария ходила в Барвенково, чтобы узнать почему к ней никто не является и на следующий день встретилась с Козачковой, от которой узнала, что подпольщики ничего не делают, т.к. заданий от Семенец не получали. Козачкова также сказала, что подпольщики между собой не контактируют [4, т. 1, л. 53-53об.]. Представитель обкома Кравченко после оккупации города исчез [4, т. 1, л. 226].

Многие подпольщики не устроились на работу, а значит и приступить к выполнению задания не могли. Такое положение было связано с разными обстоятельствами. Например, Колосову не взяли на должность телефонистки, потому что на эту работу местных жителей не принимали [4, т. 2, л. 40], и она 3-4 недели проработала санитаркой в госпитале, но по требованию отца бросила работу и сидела дома [4, т. 2, л. 40-40об]; Семенец полтора месяца нигде не работала, затем 3 недели вязала соломенные маты на базе Украинского госрезерва, две недели снова не работала, а когда устроилась завлабораторией в «Заготзерно», то через день была арестована полицией [4, т. 1, л. 110]. Не имея заданий от обкома комсомола, подпольщики никакой диверсионной работы не проводили. Незначительным исключением была Радикова. Ей член организации Морозова сообщила, что лично Радиковой представитель обкома передал задание написать листовки, с призывом к населению не регистрировать скот и не возвращать государственное имущество, а также по личной инициативе Александра перерезала телефонный провод недалеко от своего дома у колодца [4, т. 1, л. 81об.].

После возвращения в Курульки Зайцева вскоре вынуждена была покинуть село, т.к. в начале декабря партизаны убили здесь двух офицеров, нарушили телефонную связь и подожгли несколько домов [4, т. 1, л. 52]. В связи с этим в селе началось преследование посторонних лиц и Мария вынуждена была выехать, чтобы не быть арестованной и не подвергать опасности женщину, у которой она жила. Ей пришлось вернуться домой в Барвенково и 12-13 декабря 1941 г. Зайцева легализовалась, т.е. стала открыто ходить по городу [4, т. 1, л. 54].

23 декабря полиция в качестве арестовала заложников несколько коммунистов и комсомольцев, но 27 числа отпустила. Среди арестованных были Зайцева и Радикова. Захват заложником гитлеровцам был необходим, чтобы отпраздновать рождество, ведь при совершении какой-нибудь диверсии этих людей сразу бы казнили. Начальник полиции Батрак, узнав девушек, сразу начал подозревать, что они остались на оккупированной территории для подпольной работы. Он им задавал по этому поводу вопросу 27 декабря, но, получив отрицательные ответы, отпустил по домам. Однако 5 января 1942 г. были арестованы полицией и после допроса Батраком отправлены в гестапо Зайцева, Колосова и Софья Гарагатая, а 6 – Семенец и Радикова [4, т. 1, л. 104об., 105, 120об.]. Девушек допрашивали. Вначале они всё отрицали, но под пытками, сообщением известных Батраку некоторых паролей и провокации стали говорить правду. Первой заговорила Зайцева. После того, как ей показали список комсомольцев, якобы оставленных для работы в подполье, она подтвердила шесть фамилий тех, кого не было в городе, а позже – и арестованных подпольщиц [4, т. 1, л. 33об.]. Пытаясь заставить говорить Колосову, Батрак сказал ей, что их организацию выдал схваченный секретарь райкома партии Песковский [4, т. 1, л. 128] (а это не соответствовало действительности). Во время очных ставок девушки подтверждали свое причастие к подпольной организации, назвали пароли и полученные задания. В связи с тем, что они не нанесли никакого вреда оккупантам 11 января их отпустили по домам [4, т. 1, л. 84об.] с условием, что они установят местонахождение Песковского (за что обещалась награда в 1000 марок) и сообщат о лицах, которые будут приходить к ним с заданием для подпольного организации, или причинять вред немецким властям [4, т. 1, л. 84об.-85]. Кроме того, они каждое утро должны были отмечаться у секретаря гестапо. На регистрацию девушки ходили до 19 января. При этом их заставляли мыть полы, приносить воду и т.п. Задание, полученное в гестапо, подпольщицы не выполняли.

19 января в годе стала слышна артстрельба и девушки перестали ходить на регистрацию, а 23 января в Барвенково вошли советские войска. Вскоре Зайцева пришла к секретарю райкома партии и начальнику НКВД с рассказом и письменным отчетом о работе (вернее, бездействии – Е.В.) подполья и своем аресте. После этого она приступила к работе секретарем райкома комсомола [4, т. 1, л. 226]. Но в марте была арестована вместе с Радиковой, Гарагатой, Семенец и Колосовой [4, т. 1, л. 4-29] органами НКВД.

16 июня 1942 г. девушки были осуждены Военным Трибуналом на основании ст. 54-1«а» УК УССР: Зайцева сроком на 25 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества; остальные – на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества [4, т. 1, л. 1970б.]. Не смотря на то, что девушки признали себя виновными и просились на фронт, чтобы искупить вину кровью, они были отправлены в исправительно-трудовые лагеря. В марте 1945 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела их дело и изменила меру наказания: Зайцевой уменьшили срок лишения свободы до 10 лет, а остальных освободили [4, т. 1, л. 205]. Никто из девушек в Барвенково не вернулся, поселившись в разных городах Советского Союза.

Таким образом, проанализировав архивные документы, можно увидеть, что Барвенковский подпольный райком комсомола создавался в очень короткие сроки, без должной проверки и подготовки людей к опасной и неизвестной им работе в тылу врага. Ярким примером этому служит факт, что до сих пор неясно кто же

был назначен руководителем подполья: Зайцева, Семенец или Кравченко? Давая задания партийные и комсомольские руководители игнорировали способности оставленных людей. Кроме названного выше задания, Зайцева должна была «укладывать мины на тех дорогах, по которым двигались немецкие обозы, забрасывать гранатами штабы немецкой армии, портить линии связи и т.д. и все эти задания в селе я должна была выполнять сама» [4, т. 1, л. 46]; связисты должны были ей приносить задание от представителя обкома комсомола, проживавшем в районе, а Мария раздавать задания подпольщикам для исполнения [4, т. 1, л. 67об.-68]. Никто не подумал, как это может всё сделать один человек, причем, во-первых, не подготовленный, во-вторых, не имеющий боеприпасов (в документах нигде не указывается, что кому-то из подпольщиков объясняли специфику и методы работы, также нет сведений о том, что им оставляли вооружение, продукты питания, деньги, листовки). Поручая Колосовой подслушивать разговоры немецкого командования, никто не вспомнил о том, что она не знает в совершенстве языка [4, т. 2, л. 40]. Даже на подготовительном этапе не соблюдались элементарные правила конспирации, когда секретарь райкома КП(б)У Песковский собрал всех кандидатов на общее собрание [4, т. 2, л. 39-39об.], показав таким образом подпольщиков друг другу. Возможно, в этот момент ктото из посторонних и узнал один из паролей, который и сыграл роковую роль в жизни пяти подпольщиц. Хотя все-таки, решающую роль в этом сыграла легализация Зайцевой, которую многие в городе знали как секретаря райкома комсомола. Из криминального дела видно, что начальник полиции Батрак действовал наугад, опираясь на известные ему пароль и на факт появления в городе комсомольского вожака.

Поведение арестованных девушек нельзя однозначно охарактеризовать как предательство. Не выдержав пыток и пытаясь сохранить себе жизнь, они признались только в том, что касалось их лично и тех, кто уже оказался в заключении. Ведь из 15 подпольщиков в гестапо попало только пятеро. Да, они не выполнили порученного им задания, но никто не принял во внимание, что в этом есть не только их вина (безынициативность), но и объективные причины (представители обкома комсомола и райкома партии не оказывали им поддержки, не давали им задания, которое подпольщики ждали). Поэтому можно считать, что вынесенное барвенковским подпольщицам наказание слишком суровое даже для военного времени.

Источники и литература

- 1. Коробка В. В общем строю // Книга Памяти Украины. Харьковская область. Балаклейский, Барвенковский районы. Харьков, 1994. Т. 3. С. 368-377. укр. яз.
 - 2. Науменко К.Е. Партизаны Барвенковщины: Военно-ист. очерк. Харьков, 2007. 188 с. укр. яз.
- 3. Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1999. Т. 20 (9). 672 с.
 - 4. Архив Службы Безопасности Украины по Харьковской области. Дело № 024014. В 2-х т.
 - 5. Государственный архив Харьковской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 102.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1930—1950-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Н.М. Игнатова (Сыктывкар)

Государственная политика в области спецпереселения (массовых насильственных переселений) была направлена на решение целого комплекса задач и характеризовалась прагматическим характером. С первых лет своего существования Советское правительство противников власти перевоспитывало трудом. На рубеже 1920–1930-х гг. в репрессивной политике первенство отдается экономическим целям. Об этом свидетельствует вовлечение ГУЛАГа в выполнение пятилетних планов. ОГПУ концентрирует в своих руках основную массу лиц, лишенных свободы, и становится обладателем ценного экономического ресурса - рабочей силы заключенных лагерей и спецпереселенцев. Управление имело далеко идущие планы, нежели простое снабжение рабочей силой других наркоматов и ведомств. В апреле 1930 г. Г. Ягода высказал идею колонизации Севера и освоения колоссальных природных ресурсов путем создания тюрем и лагерей, а также сети колонизационных поселков. Потоки принудительной миграции направлялись с 1931 г. с учетом целей и задач осуществления экономической (колонизационной) политики. В балансе рабочей силы, требуемой для освоения восточных территорий страны, спецконтингент стал играть важную, а в реализации ряда народнохозяйственных программ, во многом решающую роль.

Начало проведения государственной политики спецпереселения связано с коллективизацией сельского хозяйства в СССР, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян. Политбюро 30 января 1930 г. утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с данным постановлением часть раскулаченных «подлежала высылке в отдаленные

местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края» [1]. Первым нормативным актом, узаконившим выселение, стало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., которое предоставило советским органам на местах право «выселения кулаков» с конфискацией их имущества. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», а «раскулаченные» высланные кулаки «ІІ категории» стали именоваться «спецпереселенцами» [2]. В 1945 г. правовой статус спецпереселенцев определялся следующим образом: "Спецпереселенцы не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест их поселения, наблюдение за которыми возложено на органы НКВД (МВД)" [3].

О том, что обеспечение экономики таким ресурсом, как принудительно используемая крестьянская «рабсила», на протяжении крестьянской ссылки 1930-31 гг. становилось все более приоритетной задачей. На созданную решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1931 г. комиссию во главе с зам. пред. СНК СССР А. Андреевым возлагалось «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков», в первую очередь в целях рационального использования труда последних в различных отраслях экономики. Красной нитью через деятельность комиссии А. Андреева проходило рассмотрение заявок от хозяйственных наркоматов и ведомств на использование труда спецпереселенцев [4].

Причины принудительных переселений больших масс населения, с лишением их определенных гражданских прав, не были односторонними. Исследователь Т.И. Славко отмечает, что при переселениях в 1930-е гг. «партия и правительство предусматривали двоякую цель: взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации у них движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-середняцким слоям, поддержать хотя бы минимальный уровень производства» [5]. Исследователь В.М. Кириллов считает, что помимо решения экономических задач преследовались политические и идеологические цели: «Нужно было утвердить в сознании народа утопически-уравнительные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное крестьянское хозяйство и искоренив психологию зажиточности» [6].

Особое место в рамках спецпереселения занимает Великая Отечественная война. В ходе войны численность высланных крестьян на спецпоселения сокращается. Начиная с 1939 г. на высшем партийногосударственном уровне в перечне рассмотренных вопросов и принятых решений доминировали постановления по «этнической» депортации по сравнению с проблемами «кулацких» трудпоселений. В первой половине 1940-х гг. отправленными на спецпоселение, и соответственно, получившими статус спецпереселенцев были в подавляющем большинстве представители депортированных народов.

Официальной причиной депортаций считалось «поголовное предательство» тех или иных народов в годы Великой Отечественной войны. Однако крупнейший исследователь депортаций Н.Ф.Бугай выделяет следующие причины: несовершенство форм и методов реализации многих задач в национальных районах в ходе социалистического строительства, принудительность в коллективизации, незавершенность национальногосударственного и административно-территориального устройства, постоянное «подхлестывание» в развитии сфер экономики, унификация национальных отношений, репрессии [7]. Как указывает исследователь П.М. Полян, депортационная полтика СССР была тесно связана с общей политикой принудительного труда в СССР [8].

На учете отдела спецпоселений НКВД СССР 5 сентября 1944 г. состояло 2225000 чел., на 1 января 1945 г. – 2137769 чел., в том числе «бывшие кулаки», немцы, представители «малых народностей», а также ссыльнопоселенцы из Прибалтики и Молдавии, семьи «ОУНовцев», «фольксдойче», «сектантов» и др. Все спецпереселенцы были расселены на территории 6 союзных и 7 автономных республик, 5 краев и 23 областей. Наибольшее число спецпереселенцев находилось в Казахстане – около 1 млн. чел., более 100 тыс. – в Узбекистане, Новосибирской области, Красноярском крае, Киргизии, Омской области [9]. В послевоенный период выселения на спецпоселения продолжились, населения спецпоселков пополнилось «власовцами», репатриированными, немцами-гражданами СССР и др.

На протяжении всего процесса спецпереселения общий контроль в работе по спецпереселенцам осуществлял НКВД (МВД). При НКВД был создан специальный отдел по спецпереселенцам (ОСП), который с течением времени менял названия и видоизменялся. Управлением спецпоселков ведали специальные комендатуры ОГПУ в соответствии с «Временными правилами о правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Комендатуры ОГПУ помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций осуществляли административные и контрольные функции. На тех предприятиях, где были трудоустроены спецпереселенцы, существовали отделы спецпереселенцев, которые курировали непосредственно производственную деятельность спецпереселенцев.

По мнению исследователя Красильникова С.А., с точки зрения репрессивных органов спецпереселенцы наиболее подходили для целей колонизации труднодоступных необжитых районов. С одной стороны, высланные крестьяне быстро вживались в местную природную и социальную среду, так как высылались семьями и

расселялись в поселках преимущественно высланные из одной местности. С другой, содержание аппарата комендатур обходилось много дешевле лагерного. К тому же, что было крайне важно, крестьяне сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда. Правовое положение спецпереселенцев было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли перебросить с одного места на другое, что было удобно с производственной точки зрения. Труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего на работах тяжелых, мало оплачиваемых и низко квалифицированных [10].

Изучение насильственных переселений со стороны регионов вселения, «изнутри», позволяет говорить о том, что экономические потребности государства и освоение малозаселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов с течением времени стало главной целью политики спецпереселения, причем именно потребности регионов диктовали дальнейшие шаги в проведении массовых переселений. На примере Коми автономной области (1936–1991 гг. – Коми АССР, с 1991 г. – Республика Коми) в 1930–1950-е гг. это проявлялось довольно ясно. В 1920-е гг. в Коми Автономной области, входившей в состав Северного края, расположенной на территории почти 400 тыс. кв. км и обладающей уникальными природно-сырьевыми запасами, ставилась задача приступить к широкому и планомерному изучению запасов ископаемых богатств — нефти, угля, газа, леса и начать их разработку. Ставилась задача освоить все богатства Коми края, как можно быстрее и в больших масштабах. Первый пятилетний плана развития Коми области, разработанный к концу 1928 г., предусматривал возрастание удельного веса промышленной продукции в общем объеме производства с 39 до 62%, увеличение объема лесозаготовок более чем в три раза. Промышленный потенциал области был мизерным. В 1928 г. в Коми области было шесть фабрично-заводских предприятий, преобладали мелкотоварные земледельческо-промысловые формы. Из населения около 260 тыс. чел. на 1928 г. общее число промышленных рабочих не превышало 500 чел. [11]. В целом хозяйство области находилось на очень низком уровне.

В конце 1920-х гг. лесозаготовительная промышленность республики, в связи с недостатком рабочей силы, переживала кризис. Сезонные рабочие, составляющие основную массу лесозаготовителей, не справляюць с планами заготовки и сплава леса. В Коми Обком ВКП(б) постоянно поступали сводки о том, что работников крайне не хватает и реки стоят, загруженные лесом. Кроме того, рабочие, то есть завербованные из близлежащих деревень крестьяне, старались избегать работ, так как надолго отрывались от своих хозяйств [12]. При этом лес занимал более 90% территории области, которая относилась к числу немногих регионов, где в структуре леса преобладали наиболее ценные хвойные породы деревьев.

В качестве решения проблемы трудовых ресурсов и выполнения планов индустриализации края был выбран путь завоза рабочей силы извне, так как в самой Коми области рабочих рук было явно недостаточно и за счет внутреннего резерва эту проблему решить было нельзя. С 1929 г. в Коми край поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство, с 1930 г. – спецпереселенцы, предназначавшиеся для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области» [13].

Работа центра по «распределению» спецпереселенцев шла достаточно четко. Существовали планы, разнарядки, по которым определенное количество спецпереселенцев поступало в регионы. В 1930-е гг. механизм разработки и принятия ключевых решений по вопросам спецпереселения имел трехуровневый характер. В качестве рабочего органа комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) она регулярно заседала и готовила проекты решений Политбюро по спецпереселенцам, опираясь при этом на аппарат органов ОГПУ. Политбюро принимало решения, которые оформлялись как постановления СНК или ЦИК СССР. На региональном уровне решение вопросов выписки, расселения и использования труда «кулацких хозяйств» производилось комиссиями по спецпереселенцам, созданным при крайкомах и обкомах ВКП(б). После того, как планы расселения были окончательно оговорены и приняты, заключались договоры на трудовое использование спецпереселенцев между ОГПУ и различными наркоматами, а затем на региональном уровне между органами ОГПУ и промышленными учреждениями.

Между регионами высылки и Москвой велась активная переписка по согласованию количества высланных. Между Москвой и Коми АО такая переписка началась сразу после начала коллективизации. В крупнейший лесозаготовительных трест Коми области «Комилес» 26 января 1930 г. поступила инструкция, в которой указывалось, что «в связи с массовой коллективизацией в высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях союза, с возможностью для этого элемента заниматься общеполезным трудом, переселение намечается в принудительном порядке» [14].

В ответ на это в Москву был отослан план использования кулаков, преимущественно в лесной отрасли. Центральное правительство посчитало план приемлемым и констатировало, что «в мероприятиях по выполнению решения ЦК о заготовке 65 млн. кбм. древесины на 1930 г. одной из важнейших задач должно стать вовлечение крупнейших лесных массивов Северного края, больше 50% из которых находится на территории Коми области» [15]. Далее в связи с этим 17 сентября 1930 г. всем крупнейшим лесозаготовительным трестам

Северного края ВСНХ направил постановление, в котором было предложено наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев – «бывших кулаков» на лесозаготовительных работах [16].

В 1930–1931 гг. в Коми область было выслано 40 тыс. чел., они составили основу постоянного кадра лесных рабочих. К середине 1930-х гг. численность «бывших кулаков» сократилась более чем вдвое. В 1939 г. спецпереселенцев насчитывалось 18 тыс., из которых трудоспособных было менее половины. Согласно установок директивных органов к 1 декабря 1938 г. трест Комилес обязан был иметь рабочих постоянного кадра 8 тысяч человек, но фактически на 30 декабря 1938 г. постоянных рабочих значилось 3711 чел., из них на основных работах (рубка и вывозка) числилось только 1959 чел. [17]. За 1939 г. план был выполнен по заготовке на 68,9% и по вывозке на 73,7% по всем лесозаготовителям республики [18]. При этом, лесная промышленность в конце 1930-х гг. продолжала занимать ведущее место в народном хозяйстве Коми АССР. Лесозаготовительные предприятия расширялись, необходимость в рабочих руках увеличивалась. Общая потребность в рабочих постоянного кадра определялась в 17 тыс. чел. [19]. Трестом «Комилес» в 1939 г. перед вышестоящими органами был поставлен вопрос о завозе дополнительно 13 тыс. чел. [20].

В 1939 г. в Москву из Коми АССР методично направлялись запросы на ввоз «дополнительной рабочей силы». Схема, заложенная в 1930–1931 гг., действовала и в 1940-е гг. Сначала направлялся запрос в центр, оттуда спускался прогнозируемый «план завоза», затем в регионах изучалась ситуация (проводились обследования), сколько может принять людей то или иное предприятие, исходя из производственных мощностей и жилищных возможностей, далее в центр уходила бумага с уточненными данными, и довольно быстро после этого начинали прибывать эшелоны с высланными.

В конце 1939 г. «Комилес» получил согласие на «завоз рабочих». В докладной записке управляющего трестом «Комилес» указывалось: «Учитывая дефицит в балансе рабочей силы в Коми АССР, трестом по ходатайству перед вышестоящими директивными органами был поставлен вопрос о завозе рабочей силы извне республики, что и было разрешено в конце года» [21]. По договору между ГУЛАГом и Наркомлесом СССР от 26 февраля 1940 г. ГУЛАГ передавал для работы на лесозаготовительных предприятиях 20 тыс. чел. спецпереселенцев, которые закреплялись в лесной промышленности как постоянные кадровые рабочие [22].

С начала 1940 г. в Коми АССР начинают поступать новые партии спецпереселенцев. Всего число "вновь прибывших людей" должно было составить 26 тыс. чел. [23]. Фактически по документам Совета Министров Коми АССР в республику было завезено в 1940 г. 19388 чел. польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии, трудоспособных рабочих из них насчитывалось 9987 чел., из которых использовалось на работах в лесной промышленности и других предприятиях 8685 чел. [24]. Помимо польских граждан в республику были заселены трудпереселенцы, эвакуированные из Карело-Финской ССР, более 8 тыс. чел.

С 1941 г. численность рабочих постоянного кадра начинает заметно уменьшаться, и к 1944 г. резко сокращается. К 1944 г. лесная промышленность Коми АССР начинает испытывать большой недостаток рабочей силы. Численность рабочих и служащих на предприятиях лесной промышленности насчитывает в 1940 г. — 24073 чел., 1941 г. — 16030, 1942 г. — 14963, 1943 г. — 6921, 1944 г. — 5456 чел. [25]. Снижение численности происходит за счет того, что в 1941 г. поляки мобилизуются в Польскую Армию Андерса, а спецпереселенцы- «бывшие кулаки» — в Красную Армию. На уменьшение числа постоянных лесных рабочих также повлияла мобилизация немцев на шахты, заводы и другие предприятия. Плюс к этому, в 1944 г. поляки получают право на выезд с территории республики и освобождаются от режима спецпоселения [26].

Уменьшалась численность работающих только в лесной отрасли, в остальных же отраслях в течение войны количество рабочих увеличилось. Общая численность рабочих (постоянных и сезонных) в лесной промышленности республики за годы войны уменьшилась на 6,5 тыс. чел., или почти на 1/4 часть. На некоторых предприятиях она сократилась еще больше. В частности, в сентябре 1941 г. предприятия треста «Комилес» были обеспечены рабочей силой на 66,5%, Ношульского ЛПХ на 63,6%, «Вычегдолеса» на 59,4%, треста Наркомлеса Коми АССР и Объячевского ЛПХ на 25%. Это сокращение происходило, главным образом, за счет кадровых рабочих, на долю которых приходилось 80% выбывших из лесной промышленности [27].

В Коми АССР во второй половине 1940-х гг. лесная промышленность оставалась приоритетной, несмотря на бурный рост угольной и нефтяной отраслей. Сырьевые возможности республики были огромны, но абсолютные цифры заготовок были невелики. При этом, например, план лесозаготовок в первом квартале 1943 г. был на 12% выше, чем в первом квартале 1942 г., хотя численность рабочих постоянного кадра за 1942 г. сократилась более чем в два раза.

В 1944 г. опять идут запросы в Москву на «завоз дополнительной рабочей силы». Коми Обком посылал просьбы в правительство страны обязать НКВД в срок до 1 января 1945 г. направить 15 тыс. семей для работы в лесной промышленности [28]. По постановлению ГКО от 29 октября 1944 г. для лесной промышленности Коми АССР представлялось 10 тыс. спецпереселенцев-ОУНовцев, членов семей участников организаций украинских националистов (сами участники были расстреляны, а члены семей высылались из западной Украины в отдаленные районы страны) [29]. Правительство было готово направить 20 тыс. чел., но руководство

Коми АССР не соглашалось принимать большее количество спецпереселенцев данной категории, так как они «не представляли из себя ценности как рабочий кадр», потому что это были члены семей «националистов», то есть в основном женщины, дети и престарелые.

Члены семей ОУНовцев поступали в 1944—1946 гг., всего более 5 тыс. чел. С 1944 г. в Коми АССР начинают прибывать спецпереселенцы—немцы граждане СССР, к 1947 г. их численность оставила более 12 тыс. чел. К 1 января 1946 г. постоянный кадровый состав рабочих лесной промышленности увеличился в Коми АССР на 5829 чел., причем за счет вербовки местного населения на 41 чел., а остальные 5788 чел. пополнились за счет спецконтингентов [30].

Второй запрос «на завоз дополнительной рабочей силы» был направлен 3 мая 1946 г. в Совет Министров СССР на 5 тыс. человек спецконтингента для предприятий лесной промышленности [31]. По постановлению ГКО, в целях увеличения лесозаготовок по Наркомлесу СССР в районах Архангельской, Молотовской, Кировской, Вологодской, Ярославской, Калининской, Горьковской областей, Карело-Финской ССР, Удмуртской и Коми АССР НКВД был обязан завести для работы на лесозаготовках 50 тыс. военнопленных, в том числе в распоряжение трестов «Комилес» 6 тыс. человек и «Печорлес» — 4 тыс. чел. [32]. После проверки в проверочно-фильтрационных лагерях с весны 1946 г. бывшие советские военнопленные, проходившие под категорией «власовцы», начинают поступать на спецпоселения республики. К началу 1947 г. численность «власовцев» в Коми АССР составила около 10 тыс. чел. В отличие от всех других категорий спецпереселенцев, «власовцы» поступали не семьями, а одиночками, и стали ценной рабочей силой, не отягощенной семьей, пополнив прежде всего механизаторские кадры в лесопунктах, сильно оскудевшие за период войны.

В 1947 г. постоянных рабочих по основным лесозаготовительным предприятиям (тресты «Комилес», «Печорлес», «Киртранлес», «Мезеньлес») насчитывалось 14993 чел., а учитывая сезонную рабочую силу в количестве 16122 чел. — 31015 чел. [33]. Основой постоянного кадра в лесной промышленности (более 90%) являлись спецпереселенцы, их общая численность с членами семей составила в 1949 г. 27538 чел. [34]. С начала 1950-х гг. начинается массовое освобождение спецпереселенцев и их выезд за пределы Коми АССР. После 1947 г. крупных партий спецпереселенцев в Коми АССР не поступало, поэтому с 1950-х гг. постоянный кадровый состав рабочих в лесной промышленности Коми края пополняют за счет других ресурсов, но тоже извне республики. В 1953 г. численность рабочих постоянного кадра по тресту «Комилес» составляла 21373 чел., представителей коренной национальности насчитывалось из них всего 3281чел. [35].

Всего, учитывая небольшие партии вселяемых спецпереселенцев, общая численность спецпереселенцев, отправленных на спецпоселение в Коми АССР в 1930—1950-е гг. составила более 110 тыс. чел. Спецпереселенцы работали не только на предприятиях лесной промышленности, но и в сельском хозяйстве, предприятиях местной промышленности, речного флота, жилищного и гражданского строительства, уреждениях просвещения, здравоохранения, торговли и внутренних дел [36].

Регионы, куда заселялись спецпереселенцы, испытывали в них особую заинтересованность, так как не обладали достаточными трудовыми ресурсами, а спецпереселение считалось крайне эффективной с экономической точки зрения операцией. Отрасли народного хозяйства были обеспечены даровой рабочей силой. Однако, спецпереселение оказалось не столь экономически выгодным как ожидалось. Существовали факты явного расточительства государственных средств. Это проявлялось уже на стадии расселения, когда из-за просчетов в выборе участков многие поселки подлежали переносу или ликвидации. Забрасывались поселки с уже имевшимися строениями, раскорчеванными под пашню территориями.

Руководство Коми АССР выражало явную заинтересованность не только в заселении спецпереселенцев, но и в «закреплении» их на местах, о чем свидетельствует большое количество директив, регулирующих различные аспекты жизни спецпереселенцев, а также выражающих заинтересованность в пополнении числа постоянных кадровых рабочих за счет спецпереселенцев. Несмотря на предпринимаемые усилия, после освобождения основной массы спецпереселенцев и восстановления их во всех гражданских правах в середине 1950-х гг., лесная промышленность Коми АССР опять начала испытывать острый дефицит в рабочей силе, так как бывших спецпереселенцев не удерживали в республике ни высокая зарплата, ни льготы. Слишком тяжела была участь этих людей в суровых лесных краях, поэтому они старались выехать как можно быстрее. Часть бывших спецпереселенцев осталась в республике, но нужды лесной промышленности их количество не покрывало. Развитие лесного комплекса осуществлялось только за счет постоянных вливаний рабочей силы извне. Эту практику пришлось продолжить и в дальнейшем. В 1950-е гг. начинают осуществляться промпереселения, оргнаборы и другие методы привлечения рабочих из других регионов, прежде всего, в лесную промышленность Коми АССР.

Спецпереселение, как планомерная общегосударственная политика, преследовала разные цели. Тут были и политические, и идеологически мотивы. Исследование региональных особенностей спецпереселенческой политики СССР в 1930—1950-е гг. на примере Коми АССР, как одного из крупных спецпереселенческих регионов, позволяет сделать вывод о том, что именно экономические потребности государства играли приоритет-

ную роль в осуществлении массовых принудительных переселений. В 1930-е гг. существовала необходимость в проведении форсированной индустриализации, затем – в мобилизации всех сил на Великую Отечественную войну, далее – послевоенное восстановление экономики. Государство нуждалось в тех природно-сырьевых ресурсах, которые размещались в малозаселенных и малоосвоенных регионах страны. Спецпереселенцы стали в своем роде «заложниками» экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесоразработках, шахтах, рудниках и фабриках. Во многом общегосударственная политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов. Это доказывает тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была направлена, в частности, в Коми край без согласования цифр между Москвой и руководством Коми области (Коми АССР).

Источники и литература

- 1. Доброноженко Г.Ф., Ивницкий Н.А., Шабалова Л.С. Кулацкая ссылка в первой половине 1930-х годов // Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 4-5.
- 2. Красильников С.А., Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 91.
 - 3. НАРК. Хр. 1. Ф. 605. Оп. 4. Д. 68. Л. 97.
- 4. Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие// Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1931–33 гг. Сборник документов. Новосибирск, 1993. С. 5.
 - 5. Славко Т.И. Раскулачивание//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт; М., 1999. С. 132.
 - 6. Кириллов В.М. История репрессий и правозащитное движение в России. Екатеринбург, 1999. С. 59.
- 7. Бугай Н.Ф. Конец 30-х-40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. І. Сыктывкар, 1991. С. 84. (Труды ИЯЛИ; Вып. 52).
- 8. Полян П. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928—1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. (Россия. XX век. Документы). М., 2005. С. 8.
- 9. Кокурин А.И. Спецпереселенцы в СССР или год большого переселения // Отечественные архивы, 1993. № 5. С. 102-110.
 - 10. Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие... С. 5.
- 11. Морозов Н.А., Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история, 1995. № 5. С. 182.
 - 12. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 2,. Д. 805. Л. 11.
 - 13. История Коми АССР. Сыктывкар, 1978. С. 270.
 - 14. НАРК. Хр.1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 4.
 - 15. НАРК. Хр. 1. Ф. 701. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.
 - 16. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 46.
 - 17. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 549. Л. 9; Ф. 1. Оп. 3. Д. 548. Л. 9.
 - 18. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 720. Л. 113.
 - 19. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 720. Л. 119.
 - 20. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 549. Л. 9.
 - 21. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 720. Л. 95.
 - 22. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3237. Л. 20.
 - 23. НАРК. Хр. 1. Ф. 605. Оп. 4. Д. 40. Л. 63.
 - 24. НАРК. Хр. 1. Ф. 605. Оп. 4. Д. 68. Л. 19.
 - 25. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1066. л. 51.
 - 26. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 33.
 - 27. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918-1970 гг. М., 1974. С. 159.
 - 28. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 609. Л.13.
 - 29. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп.3. Д. 1079. Л. 113.
 - 30. НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп.1. Д. 3425. Л. 1.
 - 31. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 29.
 - 32. НАРК. Хр. 1. Ф.144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 43.
 - 33. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 259. Л. 35.
 - 34. Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 291.
 - 35. Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг. Сборник документов. Сыктывкар, 1989. С. 212.
 - 36. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 973. Л. 15.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА И УКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Н.А. Белостоцкий (Харьков, Украина)

Великая Отечественная Война нанесла Украине входившей в состав Советского Союза значительные материальные и людские потери. Украинское население в полной мере испытало на себе все тяготы и беды, которые несла с собой война и оккупация. Обездоленные войной люди справедливо надеялись на смягчение господствовавшего в стране сталинского тоталитарного режима. Известный харьковский историк Иван Клементиевич Рыбалка, современник описываемых событий, говорит в своих воспоминаниях, «Люди стали другими, не такими как они были до войны, считали закономерной если не полную ликвидацию жестокой системы гнета, то во всяком случае ее серьезное ослабление, демократизацию общественной жизни, прежде всего, кардинальные изменения в колхозно-совхозной системы на селе, а также в политике партийногосударственной верхушки в сфере науки, литературы, искусства. Такие мечты и надежды роились как в моей голове так и в головах моих товарищей, особенно тех, кто вернулся с фронта» [1]. Однако рост напряженности в сфере международных отношений с западными странами и наступление эпохи «холодной войны» отнюдь не сулили жителям СССР в целом и УССР (Украинская Советская Социалистическая республика) в частности какого-либо смягчения тоталитарной системы. Одним из основных проявлений сталинской идеологии в послевоенный период стали политические кампании, подготовкой и проведением которых занималась многие партийные и советские руководители начиная с правящей верхушки и заканчивая местными низовыми органами. Характерной особенностью развернутых на Украине идеологических кампаний стало их скрещивание и объединение. Народ Украины практически попал под перекрестный огонь идеологической системы сталинизма. Национальная культура и интеллигенция одновременно подвергались воздействию нескольких идеологических факторов, которые могли иметь различную направленность а иногда носили взаимоисключающий характер. Такою к примеру была кампания по борьбе с украинским буржуазным национализмом, перманентно продолжавшаяся с 1944 г. (Так называемая борьба с «довженковщиной») на протяжении всего послевоенного периода и не безызвестная кампания по борьбе с космополитизмом и еврейским буржуазным национализмом, которая тоже глубоко затронула украинское общество.

Физическое уничтожение «врагов народа» в виде политических репрессий с арестами, расстрелами или заключением в лагеря не характерно для сталинской политики на Украине в 40-е — начале 50-х гг. Репрессивным мерам отводилась роль вспомогательной силы в осуществлении политики всеобщего контроля и идеологического монизма. Хотя здесь необходимо оговориться о том, что сказанное не относится к западной части Украины, в которой шла бескомпромиссная борьба между силами ОУН-УПА при поддержке местного населения и советской властью, которая воспринималась на западной Украине, как чуждая и враждебная. Это противостояние безусловно сопровождалось людскими потерями, депортациями, репрессиями и карательными акциями.

В данной статье мы рассмотрим несколько типичных для этого времени случаев связанных с политическими репрессиями против представителей украинской интеллигенции, которые характерны для данного периода.

В начале мы рассмотрим материалы, которые были недавно открыты в фондах Центрального Государственного архива общественных объединений Украины касательно одного из известных украинских драматургов и деятелей культуры – Якова Васильевича Майстренко. Творческий багаж Якова Васильевича насчитывает не одно художественное произведение, среди них пьесы: «Сынок», «Тарапунская плотина», «Отважная Маринка», «Поэма о любви»; повести: «Земля моя», «Клад старшины Пермяты». Значительная часть жизни и деятельности довоенного периода Якова Васильевича Мастренко была связана с Харьковом. В нашем городе он закончил юридический факультет Харьковского института народного хозяйства. Занимал посты: начиная от следователя прокуратуры заканчивая сотрудником Харьковского горкома КП(б)У. В 1943 г. Майстренко был назначен директором Киевского театра эстрадных миниатюр, а в 1945 г. он организовал такой же театр во Львове. Репрессии которым был подвергнут Майсренко подкрепляли общую сталинскую линию направленную против украинской интеллигенции. В постановлении об открытии уголовного дела Генеральный прокурор УССР Руденко отмечает: «Майстренко обвиняется: в том что в прошлом являлся участником антисоветской молодежной организации и поддерживал связь с видными украинскими националистами, которым оказывал помощь в проведении антисоветской деятельности. В период оккупации Украины немцами являлся активным немецким пособником. Будучи враждебно настроен к советской власти систематически проводил среди населения антисоветскую агитацию» [2]. Какие же основные обвинения предъявляли следователи? Об этом свидетельствуют имеющиеся документы. Вот выдержка из протокола допроса от 2 апреля 1949 г.: «Вопрос: Когда вами была написана пьеса «В беду лихую» (Пьеса была посвящена оккупации Украины Н.Б.). Ответ: К написанию пьесы я приступил в 1943 г. в оккупации а закончил в 1944 г.

В пьесе имели место националистические тенденции выражавшиеся в отдельных местах увлечением романтическим прошлым украинского народа. И после постановлений ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров» она была запрещена» [3]. Основные компрометирующие показания на Майстренко давали: заведующий Отделом искусств при Исполкоме киевской области Усенко Д.Л. и композитор, член Союза Советских композиторов Украины М.Л. Полонский [4]. Следствие по делу Я.В. Майстренко было закончено 20 апреля 1949 г. [5]. В обвинительном заключении по делу Майстренко было предъявлено обвинение по статье 54-1 «а», 54-10 часть 2 и 54-11 Уголовного кодекса УССР. Майстренко обвиняли, в том что он «В прошлом являлся участником антисоветской молодежной организации «Украинский националистический юношеский союз», поддерживал связь с видными украинскими националистами (Скрыпник, Хвыля во время работы в журнале «Большевик Украины») которым оказывал содействие в проведении антисоветской работы.

Протаскивал в своих произведениях националистическую идеологию. В кругу своих знакомых проводил антисоветскую агитацию, клеветал на Советскую власть и коммунистическую партию, восхвалял капиталистические страны» [6]. Решением Особого совещания при МГБ СССР от 06. 08. 1949 г. «Майстренко Я.В. за принадлежность к антисоветской националистической организации и антисоветскую агитацию заключить в ИТЛ сроком на 10 лет». В соответствии с решением был выдан наряд на заключение в «Озерлаг» близ города Братск, позднее был переведен в Ангарский ИТЛ [7].

Дело Якова Васильевича Майстренко интересно, тем что он как человек знакомый с методами и тонкостями ведения следствия до самого конца не признал свою вину и не стал каяться в приписываемых ему грехах. Уже заключенный в лагерь он не пал духом и написал комедийную пьесу для лагерного драматического кружка под названием «Роман и куртка» в 3-х действиях и 4-х картинах. В своем заявлении в адрес ЦК КПСС от 14 декабря 1954 г. Майстренко пишет: «Я отбрасывал и отбрасываю сейчас, все обвинения, которые мне были предъявлены следствием и Особым совещанием, основанные на показаниях подставных свидетелей: Овчарова, Полонского и Усенко. Я имею право, как каждый советский гражданин, чтобы не путем террора морального и физического, которым меня хотели вынудить (но не вынудили) дать нужные следствию показания, а путем настоящего следствия и суда с соблюдением всех процессуальных норм было расследовано мое дело» [8]. Апелляции Майстренко в конечном счете увенчались успехом и 14 ноября 1956 г. по определению верховного суда СССР дело Майстренко было прекращено «за отсутствием состава преступления», а решение ОСО отменено [9].

Далее мы сосредоточим свое внимание на харьковских литераторах, которые пострадали в результате проведения кампании по борьбе с космополитизмом. Имеются в виду Владимир Савельевич Морской и Лев Яковлевич Лившиц. И Морской и его коллега Лившиц работали в харьковской областной газете «Красное знамя». Возглавляя этот отдел, В.С. Морской освещал в критических статьях события литературной и театральной жизни города. События приведшие Морского на скамью подсудимых начались 24 февраля 1949 г. первый идеологический камень был брошен в статье Г. Степового «Подголоски космополитов» опубликованной в республиканской газете «Советская Украина». Далее не одна «анти-космополитическая» статья Харьковской прессы не обходилась без упоминаний про Морского как про «Растленного антипатриота».

Решением бюро Харьковского обкома КП(б)У В.С. Морского исключили из партии и уволили с работы за то, что он якобы «В своих рецензиях протаскивал вредные взгляды на советское искусство, на театр и советскую литературу» [10]. По мнению партийных идеологов, эти вредные взгляды»наиболее выразительно проявились в рецензиях на пьесы Александра Корнейчука «В Степях Украины» и «Дорога в Нью-Йорк». В той же газете «Красное знамя» под псевдонимом Жаданов публиковал критические статьи Л.Я. Лившиц. В те годи после тяжелых фронтовых испытаний он закончил филфак Харьковского государственного университета им. А.М. Горького он готовился к преподавательской деятельности, обучаясь в аспирантуре так же параллельно Лившиц руководил студенческим критико-рецензентским кружком. Появлялись его публикации и на страницах областной украино-язычной газеты «Социалистическая Харьковщина» и в республиканской «Литературной газете». Травля этого талантливого литературоведа началась 3 марта 1949 г. на сборах Харьковского отделения Союза советских писателей Украины (ССПУ) с выступления писателя Л.А. Плахтина, который заклеймил Лившица как «иезуита и двурушника, который никогда не исправит своих космополитических ошибок» [11]. С вою лепту в разгром опального литературоведа и парторганизация ХГУ, вынесшая Лившицу строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку за рецензии на театральные постановки по пьесам «Ярослав Мудрый» украинского драматурга лауреата Сталинской премии Ивана Кочерги и «Генерал Ватутин» по пьесе заместителя председателя ССПУ Любомира Дмитерко. Был так же поставлен вопрос об исключении Лившица из аспирантуры [12]. Для сбора компрометирующих материалов была создана специальная комиссия под председательством заместителя декана филфака ХГУ Н.Ф. Трипильца. Комиссия работала с 24 по 29 марта 1949 г., она пришла к выводу о том, что «Лившиц входил в состав группы харьковских буржуазных космополитов» [13].

После массированной пропагандистской обработки В.С. Морской и Л.Я. Лившиц были уволены с роботы. Морской временно работал на Харьковской кинофабрике а Лившиц в Вечерней школе № 4. Неосторожные слова брошенные разжалованными критиками в адрес властей сыграли роковую роль в их судьбе. Оба литератора находились под наблюдением 5 отдела Управления Министерства государственной безопасности по Харьковской области (далее УМГБ по ХО), которое собирало на них компромат. В круг общения поднадзорных были внедрены провокаторы, которые усердно подталкивали своих жертв к трагическому финалу. Морского курировал лит-работник А.А. Станкевич (оперативный псевдоним «блокнот» [14], Лившица закрепили за небезызвестным харьковским драматургом, автором патриотических пьес для детей Аркадием Школьником (оперативный псевдоним «клин») [15].

Все попытки жертв снять с себя несправедливые обвинения через аппеляции в вышестоящие инстанции еще сильнее загоняли их в глухой угол.

Окончательное решение по делу Л.Я. Лившица было принято 28 ноября 1949 г. на заседании бюро Харьковского обкома КП(б)У: его инвалида Великой Отечественной Войны, обвинили в «анти-патриотизме», «нелюбви к Родине». Было принято решение об исключении из партии с формулировкой: «За антипатриотические выступления, написанные с позиций буржуазного космополитизма, карьеризм и шкурничество из партии исключить» [16]. Относительно В.С. Морского решение бюро обкома было принято 24 января 1950 г. В решении было недвусмысленно указано, что: «Критика Морского отражает систему взглядов враждебную советскому обществу», на этом же заседании его исключили из рядов партии [17].

Но, к сожалению, морального уничтожения своих жертв защитникам идеологического фронта показалось мало. Вскоре они были подвергнуты физическим репрессиям. 28 марта 1950 г. начальник УМГБ по харьковской области Чермных утвердил постановление об аресте по обоим подозреваемым, 4 апреля 1950 г. прокурор Харьковской, области старший советник юстиции Савченко дал свою санкцию на аресты и обыски. Оба подозреваемых были арестованы 8 апреля 1950 г. [18].

После нескольких месяцев следствия дело В.С. Морского было отправлено на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР, которое своим постановлением от 23 декабря 1950 г. приговорила его к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет [19]. Наказание Владимир Савельевич Морской отбывал в Ивдельлаге на севере Свердловской (ныне Екатеринбургской) области. Он погиб в 1952 г. В 1956 г. Владимир Савельевич Морской был посмертно реабилитирован.

Материалы следственного дела Л.Я. Лившица содержат весьма схожие обвинения [20]. Точно так же, как и В.С. Морского по постановлению Особого Совещания при министре госбезопасности СССР от 4 октября 1950 г. Лившица осудили на 10 лет лагерей по статье 54-10 ч.1 УК УРСР с отбытием наказания в уже упомянутом Ивдельлаге [21]. 9 августа 1954 г. Л.Я. Лившица реабилитировали [22]. После возвращения из лагеря Лившиц окончил аспирантуру при кафедре российской литературы филфака ХГУ, работал доцентом этой кафедры, написал несколько научных робот, посвященных творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина и Исаака Бабеля. Но пребывание на фронте и в лагерях сильно подорвали его здоровье. Его смерть в 1965 г. в возрасте 44 лет болезненно поразила литературную общественность Харькова, про это свидетельствует изданная в середине 90-х годов книга воспоминаний его друзей [23].

Список репрессированных в ходе идеологических кампаний послевоенных лет представителей харьковской интеллигенции можно продолжить именами таких выдающихся поэтов, как Борис Чичибабин (Полушин), Д.М. Рахлин и многие другие.

Подводя итог рассмотрению указанных материалов, можно выявить некоторые закономерности. Основная из них состоит в том, что идеологические кампании подкрепленные репрессиями призваны были замкнуть «мозг нации» (интеллигенцию) в тиски идейно-политической изоляции. Власть рассчитывала лишить народ вновь выросшей в период войны культурной элиты. Это безусловно давало режиму больше возможностей к осуществлению своих политических целей.

В качестве действенного средства воздействия на общество внутри страны в послевоенное время активно используется разжигание разного рода ксенофобских, антисемитских, шовинистических настроений. Насаждалась направленная во вне враждебность по отношению к западной науке и культуре, отрицание общечеловеческих духовных ценностей в пользу ценностей классовых ценностей под редакцией агитпропа. Насильно утверждались сомнительные научные приоритеты, такие как лысенкоизм, сталинские дискуссии о языкознании и экономике социализма, теория безконфликтности в драматургии и т.д.

Репрессивная политика послевоенного периода влекла за собой дестабилизацию и дезинтеграцию общества, в значительной степени тормозила процесс послевоенного возрождения науки и культуры Украины их дальнейшего развития. В литературе наложение строгого табу на любые национальные проявления, на обращение к любым более менее серьезным (вечным) или актуальным для современников (злободневным) темам.

Известный харьковский поэт Зельман Кац, как и многие другие представители еврейской интеллигенции раскритикованный в ходе компании по борьбе космополитизмом, описывая состояние интеллигенции той поры в стихотворении 1985 г. «О несвободе» говорит:

Я не был за колючей проволокой в сторожкой тьме тридцать седьмого года, но и на мне мой горький век опробовал все способы и виды несвободы. Те годы с лозунгами и фанфарами В поблекшем кумачёвом озаренье, Как на допросе долгом лампой-фарою Высвечивали взгляд нам подозреньем. Одним эпоха властвовать доверила над душным и единодушным залом, другим — необратимый путь отмерила между трибуною и трибуналом. Я не взываю

к милости и жалости, к раскаянию или покаянью, я трудно избавляюсь от усталости, от несвободы.

Я учусь дыханью. Я не покорствовал, плененный страхами, и все ж не одолел их тайной власти,

когда мятежный академик Сахаров звал не к сочувствию, а к соучастью.

С какими мыслями к трибуне поднимался,

с какими мыслями сошел?

Неважно.

Ты нужные слова сказал, общаясь с массой, пусть не свои, пусть бледности бумажной. И даже тот, чья грудь сверкала в звездах, вручённых под кремлёвским гулким сводом, страдал одышкою,

вдыхая воздух

недвижимо застывшей несвободы. [24] (Кац З. Нетающая тень войны. Харьков: «Майдан», 2005. С. 112).

Насущьная потребность преодоления негативных последствий владычества тоталитарного режима, которые и по сей день мешают строительству динамичного, демократического, правового государства на Украине, однозначно требуют изучения поставленных нами проблем в рамках исторической науки.

Источники и литература

- 1. Рибалка І.К. Така наша доля: Сторінки життя мого покоління. Х.: Основа, 1999. С. 91.
- 2. ЦГАООУ. Ф. 346. Оп. 4. Д. 149186. Л. 5).
- 3. Там же. Л. 88.
- 4. Там же. Л. 94.
- 5. Там же. Л. 179.
- 6. Там же. Л. 184.
- 7. Там же. Л. 188.
- 8. Там же. Л. 219.
- 9. Там же. Л. 224.
- 10. ГАХО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 59. Л. 14.
- 11. ГАХО. Ф. 5374. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
- 12. ГАХО. Ф. 854. Оп. 1. Д. 68. Л. 67.
- 13. Там же. Л. 109.
- 14. ГАХО. Ф. 6452. Оп. 1. Д. 4404/6823. Л. 188.
- 15. (ГАХО. Ф. 6452. Оп. 2. Д. 363/6824. Пакет 1. Л. 20.
- 16. ГАХО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 55. Л. 184.

- 17. ГАХО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 59. Л. 14).
- 18. Указанное дело №4404/6823. Л. 3.
- 19. Там же. Л. 167.
- 20. Указанное дело №363/6824. Л. 230-235.
- 21. Там же. Л. 239.
- 22. Там же. Л. 376.
- 23. Там же. Л. 376.
- 24. Кац 3. Нетающая тень войны. Харьков: «Майдан», 2005. С. 112.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ВЕДОМСТВЕННЫХ ТЕАТРОВ СИСТЕМЫ ГУЛАГА (НА ПРИМЕРЕ КОМИ АССР)

Д.Т. Козлова (Сыктывкар)

В 1930-е годы прошлого века вмешательство представителей командно-административной системы в развитие искусства стало повседневной действительностью. Культ личности, ориентация на единообразие и единомыслие в области культуры и искусства, стремление к показной парадности выразилось в Постановлении ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., согласно которому во всех областях искусства ликвидировались художественные группировки и организации и создавались единые творческие союзы. Вследствие этого постановления, определявшего духовную жизнь страны, многочисленные представители ведущих театров страны оказались в лагерях, созданных на территории Коми*.

В период освоения ГУЛАГом новых территорий культурное обслуживание населения лагерей было возложено на Коми республиканский драматический театр. Однако в силу обширной территории наличие одного театра не могло удовлетворить в полной мере культурные запросы населения новых промышленных районов, что и побудило руководство управлений лагерями к созданию своих театров с привлечением заключенных профессиональных артистов. В 30–50-е гг. XX в. лагерные театры из числа заключенных артистов были созданы в Ухте (1934 г.), Абези (1942 г.), Воркуте (1943 г.), Инте (1945 г.), Печоре (1946 г.).

Театральные коллективы ГУЛАГа находились в ведении культурно-воспитательных отделов (КВО) управлений, которые несли ответственность за правильность постановок, отвечали перед начальником лагеря за проведение мероприятий, направленных на повышение культурного уровня заключенных. В докладной от 2 апреля 1943 г. начальник политотдела «Воркутстроя» НКВД сообщал: «При культурно-воспитательном отделе работает Центральный театр, участники которого, все 45 человек, освобождены от основной работы для специальной работы в театре. Весь репертуар театра направлен на обеспечение выполнения плана добычи угля, повышение производительности труда, на организацию проведения культурного отдыха хорошо работающих заключенных. Большое место в репертуаре занимают темы местного значения, в которых отражается работа передовых шахт, бригад, участков, популяризируются образцы труда отдельных заключенных, а также бичуются лодыри и нарушители производственной дисциплины. За пять месяцев текущего года Центральным театром поставлено 65 спектаклей и дано 142 концерта, обслужено 60 000 заключенных» [1]. На базе этого творческого коллектива в октябре 1943 г. был создан один из лучших ГУЛАГовских театров страны – Воркутинский музыкально-драматический театр для вольнонаемного населения. «Создание театра – большая радость для Воркуты. Открытие его, совпавшее с победоносным наступлением нашей доблестной Красной Армии, войдет в историю Воркуты как радостная торжественная дата, – писала многотиражная газета «Заполярная кочегарка» 7 октября 1943 г.

Вместе с тем документы свидетельствуют о том, что культурное обслуживание населения территории ГУЛАГа, в том числе и деятельность лагерных театров, находились также в поле зрения государственных и партийных органов республики, особенно с усилением административно-командной системы. В октябре 1939 г. «в целях наиболее полного охвата населения мероприятиями по искусству»» бюро Коми Обкома ВКП(б) поручило Управлению по делам искусств при СНК Коми АССР организовать концертно-эстрадную бригаду для обслуживания Ухтинского, Железнодорожного и Усть-Вымского районов [2]. Однако в феврале 1941 г. бюро Обкома ВКП (б) отмечало, что «Управление искусств и Дом народного творчества не ведут никакой работы по обслуживанию и организации таких больших предприятий республики, как строительство железной дороги, Ухтинский нефтепромысел, Воркутинский угольный бассейн. Бюро обкома постановило: 1). В целях лучшего обслуживания строителей железной дороги, рабочих Ухтинского промысла и Воркутинского угольного бассейна организовать дополнительно две концертно-эстрадные бригады и взять под свое

 $^{^{*}}$ ЦК и местные комитеты ВКП (б) в сущности выполняли роль государственных органов власти.

руководство кружки художественной самодеятельности на этих стройках; 2). Политотделам лагерей обсудить на очередном заседании вопрос о состоянии и развитии искусства, кружков художественной самодеятельности на стройках [3].

В 1940 г. в связи с ужесточением режима был закрыт созданный в 1934 г. Управлением Ухтпечлага первый в республике Ухтинский музыкально-драматический театр, который удовлетворял зрительские потребности вольнонаемного населения [4]. Руководство республики было обеспокоено сложившимся положением, в связи с чем осенью 1941 г. был организован Ухтинский колхозно-совхозный театр, который должен был в какой-то мере заполнить образовавшуюся нишу. Однако колхозный театр располагал недостаточно квалифицированным режиссерско-актерским составом и маленьким штатом, вследствие чего не справился с поставленной перед ним задачей. Правительство республики вынуждено было искать выход из создавшегося положения. В сентябре 1942 г. секретарь Коми ОК ВКП (б) Тараненко обратился в Совет Народных Комиссаров РСФСР с ходатайством об организации в Ухте русского филиала Коми республиканского драматического театра, мотивируя это тем, что «колхозный театр не в состоянии удовлетворить запросов зрителя промышленных центров республики, населением которых в основном являются жители Москвы, Ленинграда и других городов СССР» [5].

В 1942 г. правительством республики был организован специальный передвижной театр — Ухтинский филиал Коми республиканского драматического театра, перед которым стояла задача культурного обслуживания Печорской магистрали от Княж-Погоста до Воркуты. В труппу Ухтинского филиала входили молодые талантливые актеры русского труппы Коми республиканского театра Т.А. Дальская, Н.Н. Шамраев, А.М. Эманин, а также эвакуированные московские артисты. В 1943 г. в штате Ухтинского филиала числилось 35 чел. Базой передвижного театра под руководством заслуженного артиста П.А. Мысова стал Центральный Дом культуры п. Ухта, где он делил сцену с возобновившим в 1941 г. свою деятельность лагерным театром. Художественное оформление спектаклей по контракту осуществляли заключенные лагерного театра Н.П. Жижимонтов, А.М. Левитан и эвакуированная из Москвы Е.Н. Терлецкая. Репертуар Ухтинского филиала Коми республиканского театра был представлен русской и зарубежной классикой, советской драматургией: «Без вины виноватые» А.Островского, «Мачеха» О.Бальзака, «Жди меня» К.Симонова и др. [6].

В это же время активную деятельность развернул Ухтинский лагерный театр, труппа которого под руководством Н.П. Акинского ставила высокохудожественные драматические спектакли, а также оперы, оперетты, тематические концерты [7]. По воспоминаниям бывшей актрисы Ухтинского филиала народной артистки Коми АССР С. Ростиславиной, лагерный театр в профессиональном плане был значительно сильнее Ухтинского филиала, зал на его спектаклях всегда был переполнен [8]. Наличие альтернативного театра стимулировало местных артистов к постижению актерского мастерства, а также способствовал формированию эстетических вкусов и запросов зрителей. В 1944 г. решением СНК Коми АССР Ухтинский филиал Коми республиканского драматического театра был переведен в Инту, где также действовал лагерный коллектив художественной самодеятельности, переросший со временем в театр — студию под руководством знаменитого тенора народного артиста РСФСР Н.К. Печковского. В разное время здесь работали заслуженная артистка Украинской ССР балерина Т.В. Вераксо, актер и режиссер кино А Каплер, певица Лина Лувере — жена композитора С.Прокофьева, знаменитые впоследствии деятели киноискусства В.Фрид и Ю.Дунский, известные по фильмам «Жили-были старик со старухой». «Служили два товарища», «Старая, старая сказка) и др. [9].

Не выдержав конкуренции с лагерными театрами, которые в отличие от Ухтинского филиала были музыкально-драматическими, поэтому лучше посещались зрителями, — Ухтинский филиал вынужден был большую часть времени находиться в разъездах, обслуживая лесозаготовителей, колхозников, сплавщиков. В ноябре 1945 г. постановлением СНК Коми АССР Ухтинский филиал республиканского драматического театра был ликвидирован «в связи с организацией ряда периферийных стационарных театров по железнодорожной магистрали в Ухте, Воркуте, Абези» [10].

Курируя творческую деятельность ведомственных театров, Управление по делам искусств при СНК Коми АССР участвовало в комплектовании актерских кадров из числа вольнонаемных, которые в период становления театров составляли в среднем десятую часть от числа заключенных. В 40-е гг. прошлого века весомый вклад в развитие Ухтинского лагерного театра внес начальник театра Н.П. Акинский, консультант-инспектор Управления по делам искусств при СНК РСФСР, командированный из Москвы в распоряжение Управления по делам искусств при СНК Коми АССР. Под его руководством в Ухтинском лагерном театре были восстановлены академический хор, симфонический, духовой и джаз-оркестры, объединены драматический и музыкальный коллективы; при «Театре-ЦДК» активно развивалась детская и взрослая художественная самодеятельность. Правительство республики оценило творческую деятельность Н.П. Акинского, который получил звание заслуженного артиста Коми АССР, орден «Знак Почета» и принят в члены ЦК ВКП (б) [11]. В годы Великой Отечественной войны Управлением по делам искусств Коми АССР в Абезьский музыкально-драматический театр были направлены выпускницы Архангельского театрального училища коми девушки Л.Латкина и

И.М. Старцева, в будущем заместитель министра культуры Коми АССР, а также «душа балетной труппы Машенька Афанасьева» [12]. А.Антонов-Овсиенко вспоминал: « ... Особенно удалась постановка «Чужого ребенка» по пьесе В.Шкваркина. В спектакле были заняты ведущие актрисы из вольных Ирина Старцева и Любовь Латкина» [13].

Следует отметить, что культурная жизнь в лагерях развивалась по своим законам. Многие надзиратели и даже начсостав отчасти были из числа бывших заключенных, вследствие чего идеологический диктат в театре был не особенно сильным, отсюда и творчество носило более свободный характер. В репертуаре театров преобладали оперы и оперетты, идеологических пьес было значительно меньше. К примеру, в 1946 г. Воркутинским лагерным театром комедия «Чужой ребенок» В.Шкваркина была поставлена 31 раз, а «За тех, кто в море» Б.Лавренева — 9 раз. В том же году режиссер Воркутинского лагерного театра Б.Мордвинов, в прошлом художественный руководитель Большого театра, заслуженный артист РСФСР, осуществил постановку музыкальной комедии. «Дочь мадам Анго» Ш. Лекока, за что сам когда-то пострадал. Также во всех театрах был запрещен канкан, а «посетители лагерного театра могли наслаждаться этим запретным плодом» [14].

В 1944 г. лектор Коми Обкома ВКП (б) Рудаков в «Справке о состоянии агитационно- массовой и пропагандистской работы в парторганизации комбината «Воркутауголь» отмечал: «...С октября 1943 г. на Воркуте организован музыкально-драматический театр. Коллектив состоит из 115 человек, в том числе творческого состава — 77 человек, из них заключенных — 46 человек, вольнонаемных — 31 человек. Художественный руководитель — Б.А. Мордвинов, крупный специалист, бывший режиссер ГАБТ. Под руководством Мордвинова театр проделал большую работу. Отбывал 3-летнее заключение. За 1944 г. коллективом дано 190 спектаклей. В репертуаре преобладающее место занимают оперетки и музыкальные комедии. В 1944 г. показаны: оперетты «Сильва», «Марица» Кальмана, комическая опера Ж.Оффенбаха, музыкальные комедии «На нашем берегу» М.Блантера и «Наталка-Полтавка» И.Котляревского, «Поздняя любовь» А.Островского (комедия), «Нечистая сила» А.Толстого (комедия), «Вынужденная посадка» М.Водопьянова и Б.Лаптева (комедия), «Хозяйка гостиницы» Гольдони (комедия), «Где-то в Москве» В.Масс и Червинского (комедия), «Поединок» братьев Тур Л.Шейнина.

Крайне мало в репертуаре русской классики и советских драматургов. Репертуар преимущественно опереточно-комедийный. Особенно – мало спектаклей на тему Великой Отечественной войны. Это основной недостаток в содержании работы театра. Мало советской драматургии: из 17 пьес всего 2.

При театре организован художественный совет из 11 человек под председательством начальника политотдела т. Иванова, который рассматривает и утверждает репертуар, принимает подготовленные постановки. На прием спектакля, кроме худсовета, приглашаются представители партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, руководящие работники.

Театр недостаточно обслуживает рабочих- шахтеров. Так, за 1944 г. в рабочих клубах дано всего 24 спектакля и 95 концертов, причем концерты там даются низкого качества, не удовлетворяют запросы рабочих. В репертуаре театра целевых спектаклей для шахт всего 9.

Отсюда:

- 1. В репертуарном плане на 1945 г. увеличить советскую драматургию, хотя бы за счет уменьшения оперетт
 - 2. Увеличить количество спектаклей в рабочих клубах и целевые для шахтеров в самом театре.
- 3. Принять меры по линии комбината и по линии Комитета по делам искусств Коми ССР к сохранению существующего театра и всемерному укреплению его кадрами и режиссуры, расширить сферу деятельности этого театра на весь Печорский бассейн» [15].

1943 г. по распоряжению правительственных органов республики лагерные театры наряду с Коми республиканским драматическим и колхозно-совхозными театрами Объячево и Усть-Кулома принимали участие в Декаде искусств Коми АССР, где 1-е место занял театрально-эстрадный коллектив Княж-Погоста с композицией о строительстве Северо-Печорской магистрали. Однако комиссией по подготовке декады из литературно-художественного монтажа было исключено все то, что касалось заключенных; в результате, в соответствии с советской традицией 30–50-х гг. ХХ в. в поэтической форме, с восхвалениями Сталина рассказывалось об очередной стройке пятилетки:

«...Где покрывает снегом серебристым январский день и землю и леса,

Сюда пришли отважные чекисты вести пути и строить корпуса» [16].

В послевоенный период развитие искусства в республике, как и в целом в стране, проходило в обстановке ужесточения идеологического давления на творческую интеллигенцию, о чем свидетельствует ряд постановлений ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. о литературе и искусстве: «О журналах «Москва» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере В.Мурадели «Великая дружба», которые содержали критику деятелей литературы и искусства за безыдейность и пропаганду буржуазной идеологии. Очередная волна массовых репрессий второй половины 40-х гг.

XX в. привела к пополнению лагерных театров талантливыми актерскими кадрами, среди которых были В.Ищенко – солистка Полтавского музыкального театра, солист Мариинского театра Н.Печковский, литовский тенор И.С. Индра, исполнительница старинных романсов Т.И. Лещенко-Сухомлина, тенор В.Балемба, балерина из Москвы Л. Добржанская, певица Е. Белоусова, стилизованный портрет (помешала подпорченная биография) которой украшает вино «Улыбка» объединения «Абрау-Дюрсо». Этикетка для этой продукции печаталась в Лейпциге [17].

Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. прошлого века Воркутинский лагерный театр стал настоящим центром музыкальной культуры. Труппа театра в 1946—1951 гг. осуществила постановку ряда музыкальных спектаклей, среди которых были оперы «Фауст» Гуно, «Риголетто» Верди и «Севильский цирюльник» Россини, оперетты «Холопка» Н.Стрельникова, «Цыганский барон» И.Штрауса, «Беспокойное счастье» Ю.Милютина и др. Театр послевоенного времени имел симфонический оркестр, состоявший из 20 профессиональных музыкантов под управлением дирижера В.Микошо.

Выполняя постановление ЦК ВКП (б): «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению» (1946 г.) [18], Управление по делам искусств Коми АССР откорректировало репертуар театров республики, также усилился контроль со стороны государственных органов за деятельностью лагерных театров. Инспектор Управления по делам искусств Коми АССР Белых в докладной от 20 ноября 1947 г. отмечал: «Воркутинский театр не сумел перестроить свою работу в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению»; репертуар перегружен мало идейными опереттами развлекательного жанра, есть тенденция засорять репертуар пошленькими водевилями». Далее отмечалось, что в театре совершенно отсутствует политико-воспитательная работа, не читаются лекции как об искусстве, литературе, так и о международном положении. Руководство театра – беспартийные. Политотделу было рекомендовано обратить внимание на политико-воспитательную работу среди работников театра. В докладной также дана характеристика театру: «В штате 145 человек, артистов – 102, из них вольнонаемных – 32 человека (о количестве заключенных артистов умалчивалось). В месяц театр дает 50-55 выступлений, из них 27 - на шахтах, 10 – на стационаре, 5-10 – в вольнонаемных клубах. Драматический коллектив (21 человек) довольно сильный, сумевший поднять на должную высоту такие спектакли, как «Русский вопрос», «Генерал Ковпак», «Люди с чистой совестью». Труппа музыкальной комедии состоит из 19 человек. Имеются сильные хорошие голоса (Теодор Рутковский, Борис Дейнека, литовский тенор Индра, В.Пясковская). Совершенно в неудовлетворительном состоянии находится балет (9 человек). Режиссер Холодов из состава заключенных работает умно, увлекая творческий коллектив. Из вольнонаемного состава следует отметить ведущих исполнителей: заслуженную артистку Коми АССР Пясковскую В.М., дирижера Вигорского, концертмейстера А.Стояна, артистов И.Фомина, И.Глебову, Н.Рутковскую, О.Пилацкого» [19]. Вместе с тем акцентировалось внимание на недостаточном финансировании театра комбинатом «Воркутауголь», ставился вопрос о дотации для работы в четырех жанрах – драме, опере, оперетте, эстраде [20].

В этой же справке отмечалось, что Ухтинский музыкально-драматический театр, который также работает в четырех жанрах (драма, опера, оперетта, эстрада), после выхода Постановления ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров…» «вдумчиво относится к перестройке репертуара. Театр, в составе которого драматических артистов — 10 человек, оперы и оперетты — 18 человек, оркестр — 24 музыканта, в среднем дает 49 выступлений в месяц» [21].

В докладной отмечалось также «полное отсутствие внимания со стороны прессы» [22]. В контексте этого следует отметить, что деятельность лагерных театров в какой-то мере находила отражение на страницах газет «Заполярная кочегарка» (Воркута), «За Ухтинскую нефть» (Ухта) и др. Однако эта информация под контролем политотделов носила дозированный характер. К примеру, многотиражная газета политотдела лагеря «За ухтинскую нефть» в 1943 г. о спектакле «Дети Ванюшина» писала: «...Спектакль идет без фальшивых нот, все исполнители с большой художественной правдой раскрывают внутренний мир героев пьесы. Роль Александра Егоровича Ванюшина можно признать большой актерской удачей исполнителя» [23]. Республиканская пресса преимущественно помещала идеологически выдержанную информацию. К примеру, 6 июня 1947 г. газета «За Новый Север» сообщала: «Новый зимний сезон в Ухтинском музыкально-драматическом театре прошел под знаком реализации постановления ЦК ВКП (б) «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению». За истекший период театром показаны пьесы: «Старые друзья» Малюгина, «Капитан Костров» Файко, «Далеко от Москвы» Сурова, музыкальная комедия «Моя Гюзель» Александрова и «Верный друг» Соловьева-Седого, опера «Паяцы» Леонковалло, оперетта «Баядера» Кальмана». «Ухтинский музыкальнодраматический театр принимал участие в республиканской декаде искусств с пьесой «Машенька» Афиногенова», - информировала республиканская печать 2 апреля 1943 г. Во всех публикациях умалчивалось об исполнителях, которые в большинстве составляли заключенные артисты. Республиканская газета «За новый Север» 30 сентября 1945 г. сообщала о строительстве Воркутинского театра: «Марицей» – постановкой новой комедии городской театр открыл новый сезон. Здание реконструировано и ничем не напоминает прежний

невзрачный клуб. Театр строился в ударном порядке. 7 августа было решено реконструировать старое здание, а 15 сентября эта реконструкция была закончена. Выполнено 3 500 кубометров земляных 1 200 кубометров планировочных работ, обшито стен и потолков, постлано полов общим объемом 10 560 квадратных метров. В зрительном зале слева, справа ложи небольшие, но уютные. Стены и потолок отделаны резными и лепными украшениями. Буфет обставлен мягкой мебелью. Ковровые дорожки, огромную люстру изготовили в городе. Подъезд – массивные колонны поддерживают портал с лепными театральными масками. Портик с колоннами и лепными масками на цоколе резко отличает театр от всех окружающих зданий». О том, что работы по реконструкции здания, включая плетение ковровых дорожек и изготовление люстры, выполнено руками заключенных – в заметке умалчивалось. Об исполнителях премьерного спектакля также ничего не сказано.

Большое место в работе театров, наряду с постановкой музыкальных и драматических спектаклей, занимала концертная деятельность. Управление по делам искусств контролировало, чтобы к каждому празднику и политическому событию организовывались концерты. 22 августа 1946 г. в Воркутинском лагерном театре стихотворением «Под сталинским солнцем» открылся праздничный концерт, посвященный 25-летию образования Коми АССР. Далее исполнялись коми народные песни в обработке В.В. Микошо: «Рытья кадо матушка» (Прощание с матушкой», «Чикишос коло кыйны» (Птичку надо поймать) и другие номера. В декабре того же года в связи с 30-летием МВД СССР артистами лагерного театра был дан концерт по заявкам офицерского состава. Концерт открывался песней «Спасибо Сталину!» в исполнении ведущего солиста театра Бориса Дейнеки. Затем прозвучали «Застольная» И.Дунаевского в исполнении заключенного Т.Рутковского, (в прошлом солист Мариинского театра), грузинская народная песня «Сулико» в исполнении хора и оркестра, «Песня о Родине» И.Дунаевского. Далее в программе шли русская народная песня «Эй, ухнем, «Песня о блохе» М.Мусоргского в исполнении В.Токарской (артистка московского мюзик-холла) и Р.Холодова, «Вальс» И.Штрауса в исполнении И.Индры и другие номера [24].

Театр проводил большую просветительскую деятельность, устраивая вечера камерной музыки, которые, как правило, начинались вступительным словом дирижера и композитора В.В. Микошо, в прошлом преподавателя Московской консерватории. В программе одного из таких вечеров были произведения В.Моцарта, Л.Бетховена, Ф.Шуберта, Р.Шумана, Ф.Листа, Ф.Шопена, М,Глинки, А.Бородина, П.Чайковского, С. Рахманинова в исполнении солистов Б.Дейнеки, Т.Юнгфер, Е.Михайловой, музыкантов и композиторов М.Носырева, В.Микошо, Л.Брокера.

Управление по делам искусств при СНК Коми АССР принимало участие в трудоустройстве артистов, отбывших срок заключения, но не имевших права выезда за пределы республики. Летом 1940 г. в связи с закрытием Ухтинского театра часть уволенных артистов была переведена в Ижемский колхозно-совхозный театр, благодаря чему в репертуаре колхозного театра наряду с драматическими произведениями появились и музыкальные («В семье Ковровых» А.Колкина, «Взаимная любовь» А.Рубинштейна, сцены из оперы «Русал-ка» А.Даргомыжского). Многие артисты Княжпогостского театрально-эстрадного коллектива Севжелдорлага после освобождения были приняты на работу в созданный в 1947 г. Княжпогостский филиал Коми республиканского драматического театра. Актриса Х.Фришер, чешка по национальности, и художник Цю Дзинь Шань работали в Усть-Куломском колхозно-совхозном театре. Художественным руководителем Сыктывкарского кукольного театра и членом художественного совета при Управлении по делам искусств Коми АССР была заслуженная артистка Грузии Т.Целукидзе.

В 1946 г. Управлением по делам искусств Коми АССР для подготовки юбилейных спектаклей в связи с празднованием 25-летия Коми автономии в Республиканский драматический театр был приглашен Б.А. Мордвинов, в прошлом художественный руководитель Большого театра СССР и Воркутинского лагерного театра. Здесь с труппой коми актеров Б.А. Мордвинов поставил «Отелло» В. Шекспира, «Бесприданницу» А. Островского, «Он пришел» Д. Пристли, чем оказал значительное влияние на мастерство молодого творческого коллектива. Одновременно выдающимся актером и режиссером был прочитан курс лекций по актерскому мастерству в студии при Республиканском драматическом театре. В 1955 г. на работу в Сыктывкарское музыкальное училище после досрочного освобождения был приглашен дирижер Воркутинского музыкально-драматического театра В.В. Микошо, в прошлом преподаватель Московской консерватории. Композитор проводил большую музыкально-просветительскую деятельность среди населения республики: являлся членом республиканского оргкомитета и жюри по проведению первого Фестиваля молодежи и организатором Коми отделения Всероссийского хорового общества. Известный в республике писатель, искусствовед А.Клейн, отбывавший срок в Воркутлаге, очень тепло отзывался о начальнике Управления по делам искусств, затем заместителе министра культуры Коми АССР, Серафиме Михайловне Поповой, которая принимала активное участие в судьбах репрессированных артистов [25].

В середине 50-х гг. прошлого века связи с закрытием лагерных театров многие репрессированные артисты были приняты на работу в Сыктывкарское концертно-эстрадное бюро – КЭБ (с 1958 г. – Коми республиканская филармония). Среди них можно назвать солиста Всесоюзного радиокомитета Б. Дейнеку, В. Ищенко – солистку

Полтавского музыкального театра, которая после освобождения работала диспетчером воркутинской автобазы; солиста Большого театра Н.Синицына, Бориса Раджуса, а также воронежского музыканта и композитора М.Носырева, написавшего по просьбе секретаря Коми Областного комитета комсомола Злотникова гимн для делегации республики к Всемирному фестивалю молодежи [26].

Ведущие артисты КЭБа практиковали сольные концерты. В 1952 г. известный бас страны Б. Дейнека давал сольные концерты из произведений М.Глинки, А.Даргомыжского, М.Мусоргского не только в республике, но и в соседних областях – городах Кирове и Молотове (нынешний город Пермь). Для приобщения коренного населения к музыкальному искусству репертуар солистов включал произведения русской музыкальной классики в переводе на коми язык. Так, Борис Дейнека исполнял на коми языке арию Гремина из оперы «Евгений Онегин»; в репертуаре артистки З.Мерцаловой также имелись произведения русской музыкальной классики («Соловей» А. Алябьева, «Жаворонок» М.Глинки), переведенные на коми язык. Наличие подготовленных музыкальных и театральных творческих кадров позволило Совету Министров Коми АССР в 1957 г. принять постановление «Об организации музыкального театра в г. Сыктывкаре. «...Фактически коллектив театра уже сформирован, сообщалось в докладной записке заместителю председателя Совета Министров РСФСР от 16 октября 1957 г. В настоящее время в Сыктывкаре имеется достаточное количество квалифицированных вокалистов и музыкантов, чтобы создать музыкальный театр...Имеются в наличии певцы-солисты – Дейнека Б.С. (лауреат международного конкурса вокалистов), Синицын Н.В. (бывший солист Большого театра Союза ССР), а также окончившие музыкальные заведения Бобракова Ия, Ищенко В., обладающие хорошими голосами». В письме умалчивалось о том, что основной состав ведущих солистов концертно-эстрадного бюро в прошлом – артисты лагерных театров. Следует отметить, что инициатором создания музыкального театра был Б.Дейнека - первый исполнитель песни И.Дунаевского «Широка страна моя родная», сыгравший исключительно важную роль в организации музыкального театра. За большой вклад в развитие коми музыкального искусства Б.С. Дейнека был удостоен почетного звания «Народный артист Коми АССР» [27].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что государственные органы республики наряду с контролирующей и регламентирующей функцией содействовали развитию ведомственных театров ГУЛАГа, которые играли важную роль в формировании духовной культуры, приобщении населения промышленных районов республики к высоким образцам русской и зарубежной классики.

Литература и источники

- 1. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 3. Д, 1005. Л. 31; Беловол А.А. Особенности лагерной субкультуры периода сталинских репрессий // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. С. 184.
 - 2. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 355. Л. 12-14.
 - 3. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 34.
 - 4. Канева А.Н. Гулаговский театр Ухты. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 66.
 - 5. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 881. Л. 97.
- 6. Канева А.Н. Указ. соч. С. 73; Клейн А. Народный артист Игорь Кривошеин. Сыктывкар, 2000. С. 22-25; Шуктомов Н.В. По законам красоты. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1969. С. 36, Попов Э.А. Народный артист П.А. Мысов.
 - 7. Канева А.Н. Указ. соч. С. 78.
 - 8. Воспоминания народной артистки Коми АССР. Архив автора.
- 9. Морозов Н.А. // Атлас Республики Коми. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. С. 398; Малофеевская Л.Н. Город на Большой Инте. Сыктывкар, 2004. С. 172; НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1080. Л. 91.
 - 10. НАРК. Хр. № 1. Ф. 681. Оп. 1. Д. 2. Л. 166.
 - 11. Канева А.Н. Указ. соч. С. 78-79.
- 12. Антоно-Овсиенко А. Театр в зоне малой // Театр, 1989. № 11. С. 16- 18; Канев А.В. В тени кулис / Петровская академия наук и искусств; Сыкт. гос. ун-т. Сыктывкар: ИПО СГУ, 2001. С. 43.
 - 13. Антонов-Овсиенко А. Указ. соч. С. 17.
- 14. Маркова Е.В. Воркутинские заметки каторжанки «Е-105»: Прил. Мартирологу «Покаяние». Сыктывкар, 2005. Вып. 3. С. 95, 101; Беловол А.А. Особенности лагерной субкультуры периода сталинских репрессий // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. С. 184; НАРК. Хр. № 1. Ф.1355. Оп. 1. Д. 1304. Л. 52.
 - 15. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1141. Л. 57.
- 16. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 981. Л. 14; Рогачев М.Б. Иной мир. Художественная самодеятельность в ГУЛАГе // КАРТА. Иного нет у нас пути?: Российский независимый истор. и правозащит. журнал. Рязань: ТОО «Сервис». С. 19-20, 66-72.
 - 17. «Примадонна» // Республика, 1999.

- 18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898–1954: 1930–1954 гг. 7-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. 3. С. 492.
 - 19. НАРК. Хр. № 1. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1314. Л. 53; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1304. Л. 52.
 - 20. НАРК. Хр. № 1. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1304. Л. 52.
 - 21. Там же.
 - 22. Там же.
 - 23. Канева А.Н. Указ. соч. С. 116.
 - 24. HMPK.
- 25. Клейн А. Мордвинов Борис Аркадьевич // Республика Коми: Энциклопедия. Т. 2. С. 293; Волохович Х. О прошлом // Театр ГУЛАГа. М.: Мемориал, 1995. С. 143-156: Целукидзе Т. Кукольная трагикомедия // Там же. С. 34-45.
 - 26. Попов А. Вы очень похожи на моего отца // Красное знамя, 1998. 25 августа.
 - 27. НАРК. Хр. № 1. Ф. 605. Оп.1. Д. 1604. Л. 54.

СЫКТЫВКАРСКОЕ «ДЕЛО» АКАДЕМИКА Н.Я. МАРРА

Т.А. Малкова (Сыктывкар)

В истории советского языкознания особое место занимает Николай Яковлевич Марр – археолог и лингвист, создатель «нового учения о языке». Взлет и падение марризма связано с историей советского общества. В насаждении «нового учения о языке» сыграли роль и репрессивные меры. В годы, когда Н.Я. Марр начинал свою научную деятельность, единственным разработанным лингвистическим методом был сравнительно-исторический, позволяющий через сравнение языков обнаруживать между ними отношения языкового родства и реконструировать формы праязыка. Наука о языке была неравномерно развита и с точки зрения изученности разных сторон языковой системы. В этой ситуации «новое учение о языке» стало одной из попыток выхода лингвистической науки из создавшегося положения, создания новой научной парадигмы.

Н.Я. Марр первоначально выдвинул «яфетическую теорию», которая в научных кругах характеризо-«интересно, но непонятно». В результате дальнейшей разработки «яфетической теории» валась словами Н.Я. Марр в 1923 г. выдвинул общелингвистическое «новое учение о языке». Согласно этому учению язык – надстроечная категория и классовое явление. Это учение выдвигало концепцию единого языкотворческого процесса развития всех языков мира и их стадиальную классификацию. Марр отвергал возможность существования различных по исходному материалу языковых групп и не признавал происхождения от общего языка - основы родственных языков, составляющих семью или группу. Сравнительно-исторический метод в языкознании Марр отрицал как формальный. Н.Я. Марр и его сторонники заявляли, что языкознания как науки до Марра не существовало. Взгляды Марра, в особенности теория стадий и отрицание миграций и народов, оказывали вредное влияние также на развитие археологии и этнографии. В 1920-е гг. последователями Н.Я. Марра были в основном люди, готовые принимать его теорию на веру: представители смежных наук и лингвисты, далекие от Марра по проблематике. Большинство ученых, компетентных в сравнительно-историческом языкознании, относились к деятельности Марра скептически. Однако уже в 1930-е гг. марризм превращается в теорию, официально объявленную «единственной марксистской». Началось искоренение всех направлений в языкознании, не соответствующих «новому учению о языке». Так, в финно-угроведении была прекращена всякая научная деятельность, кроме создания нормативных грамматик. Сравнительно – историческое языкознание было объявлено методологической основой одновременно национал-уклонизма и великодержавного шовинизма. Началась травля видных ученых, не считавших это учение научным. Под грузом обвинений, преследований многие переходят на сторону марристов и происходит, так называемое, врастание в марризм многих талантливых ученых [1].

Важную роль сыграла созвучность идей Н.Я. Марра эпохе 1920–1930-х гг. Появление «нового учения о языке» соответствовало социально-культурным ожиданиям. Отказ от устаревших традиций и концепций нередко переходил разумные рамки и превращался в нигилизм по отношению к культуре и науке прошлого, как это и случилось с «новым учением о языке» Марра. Нигилизм по отношению к изучению памятников письменности и культурных языков приобретал идеологическое звучание. Позднее Марром и его последователями начинается включение в это учение элементов марксизма, стремясь сделать его составной частью господствующей в обществе идеологии. Н.Я. Марр стремился использовать марксистское учение, часто путем явной фальсификации, как источник своего учения.

Некоторые установки этого учения напрямую касались финно-угроведения, а отсюда и развития языковедческой науки в Коми Автономной области. Так, Н.Я. Марр считал, что нельзя создавать литературный язык

на основе какого либо диалекта, как основного, что было сделано в Коми, поскольку это ведет к неравноправию носителей диалектов; нужно разрабатывать языковую норму на базе равного внимания ко всем диалектам и говорам. Попытка реализовать эту идею внесла немало путаницы в языковое строительство. Общепринятое в мировой науке выделение финно-угорской семьи языков Н.Я. Марр трактовал как признание удмуртского языка и других финно-угорских языков СССР финскими диалектами. В многочисленных поездках по союзным и автономным республикам, где не было научных школ и традиций, Н.Я. Марр вербовал сторонников, обычно из числа представителей коренных национальностей. Он писал: «Яфетидологические работы находят широкое гостеприимство, печатаются с любовью в Дагестане, Абхазии, Чебоксарах у чувашей, молодом Азербайджанском университете..., в свежей среде намечающихся к самоисследовательской научной организации молодых, пока разрозненных сил и во Владикавказе, в Осетии и в Усть-Сысольске, у коми и т.п. ». [2].

«Новое учение о языке» – марризм, в 1930–1940-е гг. прошло по судьбам многих ученых не только Москвы и Ленинграда, но и периферийных научных центров. Создание «образа врага» было главной чертой того времени. Причем пострадали многие ученые, которые были и сторонниками марризма. В этом отношении интересна судьба ученого языковеда Алексей Семенович Сидорова, в трудах которого в 1930-х гг., заметно влияние идей акад. Н.Я. Марра. Как отмечает лингвист Е.А. Цыпанов, теория Н.Я. Марра привлекла А.С. Сидорова, прежде всего тем, что она тесно связывала развитие языка с развитием общества, призывала исследовать «малые языки» (такие как коми), ускорить их развитие, подтянуть их до уровня «цивилизованных» языков. Его взгляды начали складываться с 1926 г., когда он на стажировке в Ленинграде более двух лет изучал языкознание под руководством акад. Н.Я. Марра в Институте языка и мышления АН СССР. Академик Марр оказал огромное влияние на формирование А.С. Сидорова как лингвиста и Сидоров на многие годы стал последователем «яфетической теории» академика Марра. В октябре 1926 г. в журнале «Коми му» вышла статья Сидорова «Яфетическая теория и коми язык», в которой он обосновал возможность применения теории Марра (нового учения о языке) к исследованиям коми языка. По статье «за контрреволюционную агитацию» он был осужден в 1937 г. Впоследствии он в 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1947 г. – докторскую. Испытавший за свою жизнь немало проработок, переживший арест и ссылку, в начале 1950-х гг. он старался, по крайней мере, внешне, быть лояльным к Марру и марризму, о чем свидетельствуют его выступления по вопросам языкознания [3].

После смерти Н.Я. Марра для его последователей была важна декларативная часть его работ, а не фактическое содержание его «нового учения о языках» и научной практики.

В 1948 г. наступил второй мрачный период в истории советского языкознания, связанный с общим наступлением на науку и культуру в СССР, который начинался постановлением о журнале «Звезда» и «Ленинград» в 1946 г. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. началась борьба с учеными, хоть в чем-то выходившими в своих исследованиях за пределы установленных догм. 22 октября 1948 г. на совместном заседании ученых советов Института языка и мышления и Ленинградского отделения Института русского языка последователями Марра было заявлено о том, что «Новое учение о языке» Марра, «основанное на марксистско-ленинской методологии», снова становится общей и единственной научной теорией для всех лингвистических дисциплин, и началось новое наступление на ученых, не поддерживающих марризм. К обвинениям 1930-х гг. добавляется термин «космополитизм». Основной упор делается на идейно-политическом значении деятельности Н.Я. Марра.

В фондах Научного архива Коми научного центра УрО РАН имеется несколько дел, относящихся к событиям 1949—1952 гг. и связанных с «новым учением о языке» академика Н.Я. Марра. Сотрудники сектора языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР были вынуждены пройти через «жернова» марровского «учения о языке» и последовавшим за ним его разоблачением. Все эти дискуссии, пересмотры уже написанных или опубликованных работ, отсрочки публикаций задерживали творческий процесс, ставили ученых перед выбором: признать и покаяться или бороться. Эти дела показывают, как одни ученые каялись и сдавали позиции, другие уходили в глухую оборону и ждали самых печальных последствий, третьи искали компромиссы. Все обсуждения сводились к противопоставлению «нового учения Марра» и индоевропеизма Д.В. Бубриха. При анализе документов видно, что дискуссия, разгоревшаяся в Сыктывкаре, показывает в первую очередь не полное понимание самого «нового учения о языке», так как в выступлениях ученых часто анализ собственного исследовательского материала подгоняется под данную теорию. Это часто вызывает вопрос: кто же прав, Марр или Бубрих? Но так как официальная установка была на марризм, то, как правило, побеждал Марр и его учение.

Как указывает исследователь В.П. Алпатов, самым трагическим эпизодом проработочной кампании стала травля Д.В. Бубриха, выдающегося финно-угроведа, в годы Великой Отечественной войны работавшего в Коми АСССР и внесшего неоценимый вклад в развитие филологической науки в республике. В 1949—1950 гг. именно с именем Д.В. Бубриха связаны все разоблачительные заседания Ученого совета сначала Базы АН СССР, а затем и Коми филиала АН СССР. Бубрих причислялся к «индоевропейцам», на работах которого «революция никак не отразилась», но, начиная с работ 1935 г., он начал сближаться с марризмом, однако в

1940-е гг. под прикрытием цитат из Марра, Бубрих вернулся к сравнительно-историческому языкознанию. 18 мая 1949 г. состоялось объединенное заседание сектора общего языкознания и сектора финно-угорских языков Института языка и мышления, где его снова клеймили за индоевропейское языковедение с признанием праязыка. С обвиняющий докладом «О формализме и идеализме в советском финно-угроведении» выступил удмуртский ученик Д.В. Бубриха В.И. Алатырев. По докладу состоялись прения, где мнения разделились и некоторые ученые выступили в защиту Д.В. Бубриха.

Коми Базу представлял фольклорист Ф.В. Плесовский, который в тот период на основе сравнительного анализа разрабатывал проблему «Фольклор народов пермской группы восточных финно-угров» и для него особенно актуальным было решение вопросов, связанных с «новым учением о языках». Он, в частности, сказал: «Я не лингвист, я фольклорист и фольклор без лингвистики, в отрыве от нее просто невозможно изучать. Учение Н.Я. Марра имеет колоссальное значение и для фольклористики. Но тут не все ясно. Морфология показала, что контакт существовал между удмуртскими и коми и некоторыми чувашскими народами. В связи с этим, если говорить, что сюжеты самозарождаются, как объяснить, что некоторые сюжеты у карелов и коми сходны с сюжетами удмуртскими. Объяснить это самозарождением невозможно. Следовательно, был какой-то контакт.

....Дело в том, что ученики Д.В., а все финноугроведы — ученики его, ставятся в неловкое положение, и сама фигура Д.В. представляет такую фигуру, как будто он противник советского языкознания, противник учения Н.Я. Марра. Я очень рад, что состоялась эта дискуссия, потому что следует сказать, что сейчас в Коми у правительства имя Дмитрия Владимировича котируется не очень высоко и из-за этого труды лингвистов не печатаются» [4].

И на периферии события разворачивались для Д.В. Бубриха не менее трагично. В Коми Базе АН СССР на различных заседаниях регулярно поднимались вопросы, связанные с «космополитическими извращениями». 27 мая 1949 г. вопрос «О некоторых космополитических извращениях сталинского учения о нации в области изучения истории, языка и литературы народа коми» обсуждался на расширенном заседании Ученого совета Коми Базы, на котором присутствовали руководящие работники партийных и советских органов Коми АССР. Зам. директора Базы Н.И. Шишкин констатировал: «Хотя сейчас Бубрих на словах и признает новое учение о языке, но на деле он плетется за буржуазной школой языкознания, которой язык рассматривается «в самом себе и для себя». Далее обвинение ожесточается: в работе Д.В. Бубриха «Происхождение речи и мышление» в главе «Наши расхождения с акад. Н.Я. Марром» Бубрих «выступает против основ материалистического языкознания, пытаясь оспаривать давно открытую Энгельсом и развитую Марром в языкознании трудовую теорию происхождения человека, мышления и языка». Надо заметить, что сам Н.И. Шишкин был географом и едва ли разбирался в тонкостях такой сложной науки, как языкознание, о чем свидетельствует начавшаяся на этом заседании дискуссия с историком П.Г. Дорониным по вопросу опубликованных работ Н.И. Шишкина по истории коми.

Добила Д.В. Бубриха статья В.А. Алатырева в Литературной газете «На поводу у финских буржуазных лингвистов», где его работы объявлены «ошибочными, вредными»: «по своей методике и методологии абсолютно ничем не отличаются от работы финских и венгерских буржуазных ученых. Рекомендовать эти работы в качестве учебных пособий для студентов, аспирантов, как это делается сейчас, значит вооружать их буржуазной методологией». Ученый не выдержал травли и скончался во время лекции в Карело-Финском университете [5].

Также, на вышеупомянутом заседании Ученого совета Базы начались нападки и на историческую науку: в выступлениях указывалось на недостатки в работе по вопросам истории народа коми: изучение истории «...находилось на низком теоретическом уровне, допускались методологические ошибки в исследованиях». Выступление историка П.Г. Доронина, пытавшегося изложить свою точку зрения на обсуждавшиеся вопросы, а именно на работу Н.И. Шишкина, было признано «попыткой притупить остроту поставленного вопроса борьбы с космополитизмом, идеалистическим языкознанием и буржуазной историографией». Хотя сам П.Г. Доронин в своем выступлении совсем не казался сторонником Д.В. Бубриха, заявив: «...к сожалению, мне кажется, большинство выступающих критиковали Бубриха с точки зрения выявления ошибок более второстепенного характера и меньше останавливались на вопросе праязыка, что является корнем всех ошибок Бубриха» и «...его терминология: «контакт», «древний язык угро-финнов» есть «праязык» в заувалированной форме». Далее, 2 июля 1949 г. состоялось заседание Ученого совета Коми базы, посвященное методологии изучения истории и языка народа коми», где продолжилась дискуссия по замечаниям П.Г. Доронина к работам Н.И. Шишкина. Как отмечает историк И.Л. Жеребцов, суть заседания сводилась к тому, что «финноугроведение – это реакционное, антинаучное учение», а видный советский языковед Д.В. Бубрих «является духовным отцом этой лженауки» и воспитывает соответствующим образом и коми ученых А.С. Сидорова, Н.А. Колегову, А.И. Подорову, П.Г. Доронина и других, в работах которых имеются «серьезные идеологические ошибки». На критику своих работ, чаще всего справедливую и с точными доказательствами, Н.И. Шишкин прямо заявил:

« все, что Доронин считает в моей работе неправильным, может быть в равной мере отнесено и к Марру». Ученый совет принял постановление, которое требовало кардинального пересмотра планов работы сектора языка, литературы и истории, программ и учебников коми языка. Ученых снова призвали «без колебаний отмежеваться от ненадежного попутчика проф. Бубриха и вернуться к своему учителю акад. Н.Я. Марру и его материалистическому учению о языке и мышлении». В своих выступлениях коми языковеды-ученики Д.В.Бубриха под таким мощным натиском администрации и наученные горьким опытом, отказывались от научных идей своего учителя и были вынуждены «признать ошибки». Нераскаявшегося П.Г. Доронина вынудили уйти по собственному желанию «в связи с несоответствием должности и отсутствием практических навыков в научной работе» [6].

В начале 1950 г., воспользовавшись 15 –летием со дня смерти Марра, созвали большую парадную сессию, где, по утверждению В.М. Алпатова, «культ Марра достиг своего апогея». Большое число содокладов ученых с периферии было посвящено тематике «Марр и развитие языка».

Но были и ученые, которые до конца боролись с марризмом. В начале 1947 г. в ЛГУ состоялась научная конференция по вопросам финно-угорской филологии, целью которой было создание новой научной дисциплины — «финноугроведение». В выступлениях ученых имя Марра практически не упоминалось. Преподаватель МГУ Б.А. Серебренников, в будущем известный языковед, академик АН СССР, на заседании кафедры филологического факультета вместо прославления учения Марра, остро и убедительно раскритиковал его метод и многие его положения, тем самым, попав в число прорабатываемых. Впоследствии он был уволен с факультета, и по истечении кандидатского срока ему было отказано во вступлении в члены партии. В мае-июне 1950 г. участвовал в дискуссии, предложенной газетой «Правда» со статьей, направленной против «нового учения о языке академика Марра». В 1950—1980-е гг. он активно сотрудничал с языковедами Коми филиала АН СССР, написал более ста статей о финно-угорских языках, из которых 20 посвящены коми языку. В 1986 г. был президентом 6-го Международного конгресса финно-угроведов в Сыктывкаре [7].

В Сыктывкаре 2-3 февраля 1950 г. также была проведена юбилейная сессия Коми филиала, посвященная юбилею академика Марра. А.С. Сидоров выступил с докладом «Новое учение о языке Н.Я. Марра в свете диалектического и исторического материализма», начав с того, что: «Новое учение о языке, основоположником которого был Н.Я. Марр, является синонимом советского языкознания.

Какие бы формы приспособления не принимало буржуазное языкознание, Марр при своей жизни беспощадно разоблачал его проявления. Активные выступления против нового учения о языке получали немедленный могучий отпор со стороны Н.Я. Марра....». Затем он, как обычно, перешел на вопросы, касающиеся развития языкознания в Коми АССР, аргументируя, где нужно и где не нужно, «новым учением о языке»: « До сих пор у нас нет исследований по лексикологии, позволяющей с большей наглядностью, чем другие разделы языкознания, прослеживать стадиальные ступени изменения языка, не было у нас специалистов по фонетике «. Не забыл он в очередной раз упомянуть и уже покойного Д.В. Бубриха с его индоевропеизмом: «Одной из причин отставания исследовательской мысли в Коми АССР от требований жизни было влияние не изжитых методологических пережитков индоевропеизма, направляющих исследовательские интересы в ложном направлении. Значительная роль в этом деле покойного Д.В. Бубриха. Настоящая сессия Ученого Совета филиала, посвященная критике состояния изучения коми языка и истории должна дать толчок по постановке внимательного и всестороннего изучения идеологического наследства Н.Я. Марра, по широкой пропаганде его достижений среди трудящихся и по внедрению нового учения о языке в школьную и исследовательскую практику» [8].

Одним из следствий теории Марра, подкупающей ученых смежных профессий, казалась возможность с помощью его учения проникнуть в глубины доистории, о которых не сохранилось прямых свидетельств. Это можно отнести и к археологу А.К. Супинскому. На юбилейной сессии А.К. Супинский выступил с докладом «Новое учение Н.Я. Марра и его значение в исследованиях по истории материальной культуры », в котором заявил: «Предложенные Н.Я. Марром пути в языкознании, вместе с тем, оказались широкой дорогой для плодотворных исследований в других областях знаний. ...

Гениальный лингвист, выдающийся мыслитель Н.Я. Марр в то же время был и таким же выдающимся археологом и этнографом, проложившим совершенно новые пути и в этих областях исторического знания. Он в совершенстве владел археологическими и этнографическими материалами, а в процессе их обработки и исследования превращал в яркие исторические документы, заставлял говорить. То, что было сделано Н.Я. Марром в его исследованиях по истории материальной культуры, открывало новые пути и возможности глубокого познания прошлого с широким комплексным охватом различных памятников одной и той же исторической эпохи, и в то же время наносило смертельный удар по формалистическому описанию памятников, равно как и по системе их классификации типологическими или морфологическими приемами с беспочвенным приурачиванием к той или иной исторической эпохе».

Кандидат исторических наук Супинский Антон Каземирович после ссылки в 1949—1951 гг. работал в секторе языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Область его научных интересов: материальная и духовная культура белорусов, населения европейского Севера России, восточного Казахстана. В Коми изучал этническую историю коми народа в X—XV вв. В научном мире он характеризовался как «ученик Марра». Его публикации в центральных изданиях в 1931—1937 гг. призывали расправиться с врагами (по-видимому, немарристами) в белорусской этнографии. Характеризуя его диссертацию, коми этнограф Л.Н. Жеребцов писал в 1952 г.: ... имеется весьма интересный материал по жилищу коми, но поскольку вся работа написана с позиций марризма, выводы ее ошибочны. А.К. Супинский пользуется методом палеонтологического анализа Н.Я. Марра, с помощью которого пытается истолковать топонимику изучаемых районов...». Предложенная им периодизация эпохи разложения первобытнообщинного строя и становления классовых отношений в Коми крае была отвергнута в 1951 г. в Институте истории АН СССР. Уволен был А.К. Супинский из Коми филиала в период научной дискуссии по языкознанию, начатой газетой «Правда» [9].

6 мая 1950 г. газета «Правда» объявляет: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Правоту Нового учения о языке» отстаивали И.И. Мещанинов, Ф.П. Филин, им оппонировали противники марризма А.С. Чикобава, Б.А. Серебренников, Г.А. Капанцян. Эта дискуссия закончилась 20 июня 1950 г. статьей В.И. Сталина, в которой марровский миф был в одночасье развеян. Было сказано: «Н.Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н,Я. Марра». Сравнительно-исторический метод был оценен положительно. Как утверждает В.М. Алпатов: «позитивная сторона работы Сталина была в том, что стало возможным возвращение к той лингвистике, которая существовала до победы «нового учения о языке». Были сняты, наконец, хотя и не полностью, запреты, установленные последователями марризма, прежде всего на изучение родственных связей языков», что особенно было актуально для финно-угроведения [10].

Позицию коми ученых озвучил зав. сектором А.М. Мишарин на заседании сектора языка, письменности и истории Коми филиала АН СССР 14 июля 1950 г. в докладе «Итоги дискуссии по вопросам языкознания и наши задачи»: «Дискуссия по вопросам языкознания, открытая 6-го мая с.г. газетой Правда», и продолжавшаяся в течение почти двух месяцев, приковала к себе внимание советских языковедов, ученых других специальностей и всей советской общественности как факт исключительной важности в культурной жизни нашей страны. ...

Языковедческая дискуссия, особенно руководящее и решающее в ней участие, которое принял в ней И.В. Сталин, знаменует собой новую эпоху в языкознании.

Основной дискуссионный вопрос: «С Марром или без Марра идти дальше в разработке общих вопросов языкознания» был решен определенно и бесповоротно, без Марра. Методологические основы общего учения о языке Н.Я. Марра оказались идеалистическими, односторонними, левацкими, антимарксистскими. ...

В результате Сталинского анализа оказалось, что не только акад. Н.Я. Марр не был в состоянии овладеть марксизмом в языкознании, но и все остальные языковеды, совместно с философами, разделяли неверный исходный методологический принцип – представление о том, что язык есть идеологическая надстройка над экономическим базисом, и направляли свое исследование по неправильному пути». Далее он призвал усилить коллективные формы работы и пересмотреть «исследовательскую продукцию прошлых лет с точки зрения избежания теоретических ошибок и исправления возможного влияния немарксистских установок ак. Н.Я.Марра» [11]. А.С. Сидоров говорил о многолетнем принудительном насаждении теории Н.Я. Марра в работу сектора языка, литературы и истории.

В первом полугодии 1950 г. гуманитариями Коми филиала АН СССР был подготовлен сборник статей, посвященный «новому учению о языке « Н.Я. Марра, который в результате новых указаний так и не вышел. Д.В. Бубриха снова объявили «правильным» ученым и призвали учиться у него. От сотрудников сектора в очередной раз потребовали признать свои ошибки и откреститься от марровского «нового учения о языках», что они и сделали. Но, как отмечает историк И.Л. Жеребцов: «...они при всех «коренных перестройках» гуманитарной науки всегда стремились к тому, чтобы в их трудах был изложен добротный научный материал, который отражал суть и значение исследовавшихся ими явлений и процессов независимо от того, какие цитаты — за Марра или против — требовалось привести в начале любой работы» [12].

Летом и осенью 1950 г. окончательному выяснению значения «нового учения о языке» Марра» и его разгрому были посвящены многие заседания и мероприятия. Большинство ученых, как немарристов, так и мнимых марристов, которых было большинство, с большой радостью встретили окончание этого длительного противостояния.

В начале 1952 г. в Сыктывкаре Коми филиалом АН СССР с участием Института языкознания было проведено научное совещание по вопросам языкознания. В работе совещания участвовали ученые финно-угроведы из Карелии, Удмуртии, Мордовии, представители Коми издательства, творческих организаций республики, преподаватели Коми пединститута, учителя школ города и районов, студенты. Начало восхваления Сталина — языковеда, характерное и неизбежное с 1950 г., сразу прозвучало в названии доклада Б.А. Серебренников «Работа В.И. Сталина «Марсизм и вопросы языкознания» и задачи изучения коми языка.». А новый декор из цитат и высказываний И.В. Сталина, прозвучавший во всех докладах на совещании, мало чем отличался от предыдущего марровского периода, но он хотя бы не противоречил высказываемым лингвистическим идеям [13].

Среди мифов XX в. значительное место занимают научные мифы, одним из которых стало «новое учение о языке» — марризм, которое своими негативными последствиями коснулось и ученых Коми АССР. Академик Марр сумел представить свое «учение» как «марксизм в языкознании». В.М. Алпатов так характеризует эту ситуацию: «Вероятно, интуиция талантливого дилетанта как-то могла ощущать неясные контуры реальных явлений. Но, тем не менее, исследования по яфетидологии представляли собой типичное забегание вперед или «гениальное угадывание», не подкрепленное серьезным научным методом» [14].

Литература и источники

- 1. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 26. С. 375-376.
- 2. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. С. 56, 63.
- 3. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 2006. С. 65. (Серия «Стоявшие у истоков»; Вып. 1).
 - 4. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 111. Л. 73-74; Алпатов В.М. Указ соч. С. 158-159.
 - 5. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 36, 39.
- 6. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 110-111; НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 133-134; Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 129, 160.
 - 7. Коми язык. Энциклопедия. С. 421-422; Алпатов В.М. Указ. соч. С. 167.
 - 8. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 128. Л. 1, 24а.
- 9. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 128. Л. 107, 111; Жеребцов И.Л. Антон Казимирович Супинский // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 103-107.
 - 10. Правда, 1950. 9 мая; Алпатов В.М. Указ. соч. С. 189.
 - 11. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 125. Л. 1, 2-3, 14.
 - 12. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 111.
 - 13. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 162. Л. 1-4.
 - 14. Алпатов В.М. Указ. соч. С. 26.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РФ

В.Г. Ермаков (Елец)

Основополагающим международным стандартом обращения с заключенными являются Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (МСП), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1955 г. МСП – один из старейших базовых документов ООН. Уже в 1957 г. они были одобрены Экономическим и социальным советом ООН (ЭКОСОС), и в 1977 г. в них было внесено дополнение, распространяющее их на лиц, находящихся в заключении без предъявления обвинения.

Хотя МСП не имеют статуса международного договора (т. е. не являются жестким юридическим обязательством), они получили признание как основополагающий документ, исполнение норм и принципов которого «имеет огромное значение и оказывает большое влияние на развитие уголовной политики и практики» [1].

Общеизвестно, что нормы международного права, касающиеся обращения с заключенными*, имеют категоричные для государства обязательства. Но часть из них, такие как запрещение дискриминации, пыток и жестокого обращения, а также право социального обеспечения, относятся к безусловным нормам.

^{*} Здесь и далее будет использован международный термин «заключенный», включающий в себя все категории содержащихся под стражей, в том числе в местах лишения свободы – «подследственный», «подсудимый», «осужденный».

Такие документы как МСП, а также касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, Основные принципы обращения с заключенными, Европейские тюремные правила, — признаются международным сообществом обязательными при организации государственных пенитенциарных систем и управления ими. Международные суды, а во многих случаях и национальные, опираются на эти тюремные стандарты для вынесения решений по вопросам соблюдения прав человека.

В период реформы пенитенциарной системы, о которой мы будем говорить ниже, признается исключительно важным сопоставлять принимаемые национальные нормы и практику национальной пенитенциарной системы с международными стандартами, так как любые преобразования должны соответствовать нормам международного права.

Реформа уголовно-исполнительной системы России выступает одним из критериев демократического развития страны. Необходимость реформы была связана, прежде всего, с тем, что УИС создавалась и долгое время функционировала как машина репрессий и эксплуатации заключенных. Не случайно ГУЛАГ – тюремная система советского периода – была символом тоталитаризма и нарушения прав человека.

Колонии до сих пор остаются наследниками советских лагерей. Их создатели исходили из того, что человека можно перевоспитать принудительным трудом. Однако, в результате заключенные стали дешевой рабочей силой, а в бараках утвердилась власть уголовных авторитетов. Поэтому места лишения свободы не столько перевоспитывали, сколько воспроизводили криминал. Государство отвечало на это пресловутым карательным уклоном. В результате получился замкнутый круг, который мы, кстати, не разорвали до сих пор.

Сложность проводимой реформы во многом обусловлена чрезмерным количеством заключенных и громоздкостью структуры УИС. УИС – это огромная сеть учреждений – колоний, следственных изоляторов, тюрем, уголовно-исполнительных инспекций. Общее число людей, имеющих отношение к УИС, включая заключенных и персонал, – около 2 млн. чел. Численность заключенных составляет более 40% от общего числа тюремного населения европейских стран. Итогом является то, что среди населения быстро растет доля вчерашних зэков, приобщившихся в местах лишения свободы к криминальной субкультуре, которую они несут в общество. Эта уголовная прослойка особенно опасна для России, которая занимает в Европе печальное первенство по соотношению арестантов к общей численности населения (общее число находящихся в местах лишения свободы дошло до 900 тыс.). Именно поэтому основным направлением реформы было уменьшение численности заключенных. В настоящее время, когда получены первые результаты сокращения численности заключенных, в частности, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО), возможны дальнейшие преобразования, которые ещё более приблизят фактическое положение в пенитенциарной системе России к международным стандартам.

Началом правовой реформы уголовно-исполнительной системы России, направленной на соблюдение международных стандартов обращения с заключенными, можно считать июнь 1992 г. Тогда в более чем 50 статей Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР были внесены изменения, направленные на гуманизацию условий содержания заключенных. Прошедшее с тех пор время ознаменовано постепенным процессом совершенствования законодательства, изменением принципов исполнения наказания. И этот процесс ещё далеко не завершен.

Первые поправки ИТК РСФСР, сделанные в 1992 г., во многом были определены прошедшей годом ранее массовой забастовкой заключенных в колониях. Эти изменения были скорее вынужденной мерой руководства страны на фоне дестабилизации и общего ухудшения ситуации в местах заключения. Однако уже тогда в законопроект о поправках в ИТК РСФСР, разработанный Комиссией по правам человека Верховного Совета России, были включены принципиальные положения концепции реформирования УИС. Такими положениями стали следующие:

- определение правового статуса осужденных законодательными, а не подзаконными актами;
- установление процедуры контроля за местами лишения свободы и процесса обжалования решений администрации, включая судебный и общественный контроль;
- закрепление правовых гарантий осужденных, в частности, права на личную безопасность и свободу вероисповедания;
 - оказание помощи в социальной адаптации.

В ИТК РСФСР также был отражен принцип уголовной политики по дифференциации условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденных в местах лишения свободы. Вместе с тем, первые изменения нормативной базы проводились при отсутствии четкой концепции реформы исправительной системы с точки зрения преодоления ее репрессивных функций. Некоторые положения не были закреплены на практике, а часть нововведений имела скорее ужесточающий характер. Несмотря на дальнейшее улучшение законодательства в целом, такие противоречия и препятствия гуманитарным принципам до сих пор сохраняются.

Так, например, до сегодняшнего дня в отчетности, по которой оценивается работа колонии, сохраняется показатель числа раскрытых, ранее совершенных осужденными преступлений. А оперативно-розыскная деятельность, в числе прочих, определяется для администрации исправительных учреждений в качестве приоритетной [2].

Второй этап реформы начался в 1997 г. Принятие в январе 1997 г. нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК), заменившего ИТК, значительно приблизило национальное законодательство к международным стандартам. Например, была определена четкая система контроля и надзора за деятельностью учреждений УИС. Впервые в уголовно-исполнительном законодательстве России были регламентированы функции судебного контроля (ст. 20 УИК), ведомственного контроля (ст.21), прокурорского надзора (ст. 22), возможности участия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания (ст. 23).

Существенной является норма о разделении условий содержания в каждом учреждении – на обычные, облегченные и строгие (ст. 87), улучшение условий содержания стало зависеть как от отбытого срока, так и от поведения осужденного.

Согласно статье 98 УИК РФ, осужденные к лишению свободы получают право на общих основаниях на государственное пенсионное обеспечение в случае достижения соответствующего пенсионного возраста, наступление инвалидности или потери кормильца. Предусмотрены новые виды наказаний: обязательные работы, ограничение свободы (в исправительных центрах), арест (в арестных домах), которые были включены в новый Уголовный кодекс 1996 года. Применение этих видов наказаний было отнесено к 2004—2006 гг. («наказание в виде исправительных работ» — не позднее 2004 г., «наказание в виде ограничения свободы» — не позднее 2005 г., «наказание в виде ареста» — не позднее 2006 г.).

8 октября 1997 г. вышел Указ Президента Российской Федерации, который предписывал передать уголовно-исполнительную систему из подчинения МВД в ведение Министерства юстиции. Акт передачи УИС был подписан 31 августа 1998 г. Передача УИС в подчинение Минюста РФ сделала исполнительную систему независимой от органа обеспечения правопорядка, что, в свою очередь, открыло возможность для развития гуманитарной составляющей УИС. А в настоящее время создана самостоятельная Федеральная служба исполнения наказания.

Значительное влияние на уголовно-исполнительную систему оказало принятие 18 декабря 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ. Введение судебного порядка заключения под стражу с 1 июля 2002 г., по данным Генеральной прокуратуры [3], привело к уменьшению числа заключенных под стражу в 2,5 раза. Разгрузка учреждений предварительного содержания под стражей способствует улучшению условий содержания заключенных в ИВС и СИЗО.

В текущем году Министерство юстиции РФ подготовило пакет законопроектов, кардинально меняющих систему наказаний. Планируется, что будут внесены соответствующие предложения о том, что лица, осужденные к лишению свободы, будут содержаться в учреждениях двух видов: тюрьмах и колониях-поселениях. В них будут содержаться лица в зависимости от тяжести совершенных преступлений и перспектив их исправления и полноценного возвращения в общество. Об этом заявил директор Федеральной службы исполнения наказания Александр Реймер на прошедшем в октябре текущего года в Москве Всероссийском форуме общественных наблюдательных комиссий за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания субъектов Российской Федерации. По его словам, в результате реформирования будут сохранены нынешние следственные изоляторы и лечебно-исправительные учреждения. А вместо нынешних воспитательных колоний появятся центры содержания несовершеннолетних осужденных.

Безусловно, такую огромную работу не проделать за год или два. Переход к системе, в которой тюрьма является основным типом учреждения исполнения наказаний, потребует и времени, и дополнительных ассигнований. В большинстве случаев возможно переоборудование зданий нынешних колоний в корпуса с помещениями камерного типа, где-то придется строить новые тюрьмы. Но есть все основания полагать, что затраты с лихвой окупятся уже в процессе реализации проекта. Кстати, на Западе данная система вполне себя оправдывает. В большинстве стран основным видом учреждения исполнения наказания является тюрьма.

В ходе реформы уголовно-исполнительной системы не обходится и без курьезных моментов. Так, в октябре текущего года Министерство обороны РФ выступило с инициативой отказаться от набора в армию парней со снятой или погашенной судимостью. В итоге более 12 тыс. лиц с уголовным прошлым останутся дома. Данная «отказная» практика уже вызывает раздражение у законопослушных граждан. Она также несовместима с провозглашенным Конституцией РФ принципом равенства граждан.

В целом, большая часть нормативных положений российского уголовно – исполнительного законодательства соответствуют международным стандартам. Но необходимо выделить некоторые области, где противоречия до конца не решены. К ним относятся, на наш взгляд, следующие:

- социальная реабилитация (надлежащая забота об освобождающихся);

- порядок информирования заключенных о своих правах;
- порядок привлечения к труду и принципы организации труда;
- участие общественных организаций в оказании помощи заключенным, в контроле мест лишения свободы;
 - обеспечение занятий спортом и физическими упражнениями.

Кроме того, не соотносится с международными стандартами сама концепция исправления, основанная на формальных, неадекватных показателях правопослушного поведения. С точки зрения международных стандартов, некоторая часть положений УИК является неурегулированной, в том числе те, которые относятся к дисциплине и наказанию, к задачам медико-санитарной службы и особому положению врача, регламентации санитарного состояния помещений содержания под стражей, перевозке (этапированию) заключенных.

В заключении отметим, что, несмотря на совершенствование нормативной базы УИС, остаются значительные расхождения с требованиями Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Необходимость приводить отечественное законодательство к международным стандартам не перестает быть актуальной задачей, и продолжающаяся реформа УИС позволяет работать в этом направлении.

Источники и литература

- 1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №46/111 от 14 декабря 1990 г.
- 2. Ст. 14 ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1.
 - 3. Мониторинг введения в действие нового УПК РФ // Реформа уголовного правосудия в России. М., 2002.

ОБЪЕКТЫ № 501 И № 503 ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛАГЕРЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МВД СССР: СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ-СТРОИТЕЛЕЙ

Н.А. Михалев (Екатеринбург)

Задуманную как первую очередь трансконтинентальной приполярной магистрали от Урала до Чукотки, железную дорогу «Чум-Салехард-Игарка» можно по праву отнести к числу крупнейших и сложнейших транспортных строек за весь период существования СССР. Однако, история данного строительства — во многом благодаря недоступности до самого последнего времени соответствующих архивных фондов — еще не получила должного освещения. Историография этой проблемы невелика: первые работы стали появляться лишь с середины 1990-х гг. [1]. Между тем, изучение истории дороги приобретает особую значимость в свете продолжающегося освоения нефтегазовых и иных богатств Ямальского севера, стратегической основой которого она могла бы стать в случае полного завершения строительства. Не случайно, сегодня вопрос о необходимости трансполярной железнодорожной магистрали вновь поставлен на повестку дня [2].

Принадлежность данного строительства, получившего условное наименование объект № 501 и № 503, к Главному управлению лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) МВД СССР [3] определила и специфичный состав его работников. Кадры строительства были неоднородны и включали в себя несколько категорий. К ним, прежде всего, относились административно-управленческий аппарат, охрана и непосредственно строители – самая многочисленная категория – вольнонаемные, но, главным образом, заключенные, выполнявшие самую тяжелую, малоквалифицированную работу.

В соответствии с первоначальным планом, составленным в 1949 г., общая потребность в рабочей силе 501 и 503 строительств определялась следующим образом (табл. 1). Как видно из таблицы, наибольшая концентрация людских ресурсов строек падала на 1951–1952 гг., когда предполагалось выполнить основные объемы укладочных работ и когда численность персонала 501 стройки должна была выражаться цифрами 65700 и 66200 чел., а 503 – 57600 и 71000 чел. соответственно. После же открытия рабочего движения на трассе потребность в рабочей силе должна была существенно снизиться. Уже в 1953 г. по обоим строительствам планировалось уменьшение численности строителей на 27000, а административно-технического персонала почти на 2000 чел. В дальнейшем количество работающих на стройках сокращалось еще более. Какое же количество строителей фактически осуществляло сооружение заполярной магистрали?

Потребность в рабочей силе и административно-техническом персонале (АТП) строительства № 501 и № 503 (по плану 1949 г.), чел.*

Строительство № 501								
	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.		
Рабочая сила	47000	61500	62000	49000	42500	38000		
АТП	3200	4200	4200	3300	2800	2600		
Строительство № 503								
Рабочая сила	23500	54000	66500	52500	45500	40000		
АТП	1500	3600	4500	3500	3000	2700		

*Составлено по: Докладная записка к директивному графику постройки железнодорожной линии Чум–Салехард–Игарка. [Игарка,] 1949. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8203. Оп. 1. Д. 511. Л. 27-28.

Очевидно, что это были лишь предварительные установки, которые таковыми и остались. 1951/52 гг., на которые планировался пик работ и, соответственно, концентрация рабочей силы, стали переломным моментом в истории стройки. Начавшиеся с этого времени реорганизации привели в конечном итоге к свертыванию строительства. Данные табл. 2 свидетельствуют, что наибольшее количество заключенных трудилось на заполярной стройке в конце 1949 — первой половине 1951 гг. В течение этого периода их численность в среднем превышала 71400 чел. 1951 г. вместо пика строительных работ ознаменовался уменьшением размеров выделяемых строительству капиталовложений и соответствующим сокращением объема строительной программы. В связи с этим по указанию ГУЛАГа за пределы ИТЛ 501 и 503 стройки было отправлено значительное количество заключенных [4]. По состоянию на конец 1951 г. в сравнении с его началом численность заключенных, содержащихся в ИТЛ строительства № 501, уменьшилась на 28256 чел. (или на 68%), в ИТЛ строительства № 503 — на 13483 чел. (или на 47%).

Таблица 2 Динамика численности заключенных ИТЛ строительства № 501 и № 503, чел.*

	194	-7 г.	194	-8 г.	194	9 г.	195	0 г.	195	1 г.	195	2 г.	195	3 г.
	1.07	1.10	1.01	1.10	1.01	1.10	1.01	1.10	1.01	1.10	1.01	1.10	1.01	1.10
501	18133	34687	33501	51618	51363	43630	41203	44544	41718	13462	13499	20880	29049	9247
503						26270	29126	30518	28774	15291	14191	13055		
Итого	18133	34687	33501	51618	51363	69900	70329	75062	70492	28753	27690	33935	29049	9247

*Составлено и подсчитано по: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 532, 534.

После консервации участка Салехард — Игарка контингенты заключенных размещались на участке Чум — Лабытнанги. По состоянию на январь 1954 г. на этом отрезке трассы имелось 7 лагерных пунктов: на ст. Елецкая — 47 км — на 570 чел., на разъезде Береговом — 58 км — на 457 чел., на разъезде 106 км — на 220 чел., на ст. Подгорная — 148 км — на 700 чел., на ст. Лабытнанги — 192 км — два пункта на 1125 и 810 чел., в Салехарде — 217 км — на 480 чел. [5].

Нужно отметить, что особую группу на строительстве составляли женщины. Согласно данным В.Н Гриценко, проведшем несколько полевых сезонов «на шпалах сталинки», примерно каждый четвертый-пятый лагерный пункт был женским [6]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют привести более точные сведения. Самые ранние из них относятся к началу 1948 г. Как свидетельствует табл. 2, удельный вес женщин, содержавшихся в ИТЛ строительства № 501, на 1 января 1948 г. составлял 16% (5290 из 33074 чел.). В дальнейшем, по мере роста общей численности лагерного населения доля женщин постепенно снижалась, хотя абсолютное число их имело выраженную тенденцию к увеличению. По состоянию на 1 февраля 1949 г. женщины из общего количества заключенных ИТЛ 501 стройки составляли 6500 чел., или 13,3%.

Динамика абсолютного числа и удельного веса женщин среди заключенных ИТЛ строительства № 501, 1948–1949 гг.*

Состояло на	Волго заминанамичи	В том числе женщин			
Состояло на	Всего заключенных	Абс.	%		
1 января 1948 г.	33074	5290	16,0		
1 апреля 1948 г.	39381	5924	15,0		
1 июля 1948 г.	51498	7864	15,3		
1 октября 1948 г.	51618	7129	13,8		
1 января 1949 г.	48195	5895	12,2		
1 февраля 1949 г.	48785	6500	13,3		

^{*}Составлено по: ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1171. Л. 97; Д. 1173. Л. 1.

В организованном в феврале 1949 г. Енисейском ИТЛ (строительство № 503) доля содержавшихся женщин была несколько выше, а абсолютное их количество меньшим. На 29 декабря 1949 г. здесь находилось 22581 заключенных, из них женщин было 4352 чел., или 19,3% [7].

На 1 июля 1950 г. в ИТЛ 503 строительства женщины составляли 16,5% заключенных (4758 из 28772 чел.), на 1 сентября — 16,9% (4959 из 29259 чел. соответственно) [8]. К середине 1951 г. и удельный вес, и абсолютное количество женщин-заключенных на 503 стройке уменьшились: в мае 1951 г. их насчитывалось 3594 чел. (из 26837), или 13,4% [9]. К июлю 1952 г. в связи с общим сокращением числа лагерных контингентов количество женщин-заключенных в ИТЛ 503 строительства сократилось еще более. Сейчас они составляли 11,2% заключенных (1506 из 13395 чел.) [10].

По отношению к строительству № 501 (Обскому ИТЛ) мы располагаем менее подробными данными в этом вопросе. Известно лишь, что по состоянию на 1 июня 1952 г. из общего числа в 17520 заключенных в лагере содержалась 3081 женщина, или 17,6%. На 1 января 1953 г., т.е. после объединения строительств, списочный состав заключенных Обского ИТЛ составлял 29049 чел., из которых женщины составляли уже 20,4% (5917 чел.) [11].

Согласно приказам МВД женщины-заключенные должны были размещаться в специальных женских колоннах. Однако с самых первых этапов строительства выполнение этих предписаний было далеко не полным. Периодические проверки состояния ИТЛ строительства постоянно выявляли множественные нарушения должного неукоснительно соблюдаться принципа жесткой половой сегрегации. Так, в феврале 1949 г. в ИТЛ строительства имелось 9 женских колонн. Но на них в качестве специалистов содержалось также 950 мужчин, в то время как женщины содержались на многих мужских колоннах в качестве хозобслуги, хотя в обоих случаях и те, и другие могли быть «совершенно безболезненно» заменены представителями противоположного пола [12].

В 1949 г. Северное Управление было разукрупнено, но нарушения в области изоляции женщин от этого изжиты не были. В ИТЛ строительства № 503 по состоянию на май 1951 г. женщины размещались в отдельных подразделениях: колоннах № 22 (496 чел.), 28 (449 чел.), 54 (402 чел.), 67 (417 чел.), подкомандировке 2 лаготделения (111 чел.), на лагпункте № 4 (1025 чел.), женской колонне в Игарке (319 чел.). Тем не менее, даже в этих специально женских подразделениях полной изоляции не наблюдалось. Так, на подкомандировке № 1 колонны № 54 в одной зоне работали и проживали 50 женщин и 9 мужчин. Использовались мужчины и в хозобслуге колонны. Совместная работа и проживание приводили к «многочисленным фактам сожительства». Очередная проверка в начале 1951 г. зарегистрировала на данной колонне 8 беременных женщин, не считая 11 беременных, переведенных в другие подразделения. На колонне № 22 обнаружилось 14 случаев беременности [13].

Отсутствие должной изоляции привело к тому, что из допущенных за 1951 г. в ИТЛ строительства № 503 со стороны заключенных 423 различных нарушений лагерного режима сожительство стояло на первом месте – 201 случай (на втором месте находились промоты – 195 случаев). Помимо 201 случая сожительства за 1951 г. было также зафиксировано 290 случаев беременности заключенных женщин. Особо подчеркивались источники этого явления: «Сожительства заключенных женщин в основном происходят с бесконвойными заключенными мужчинами, которые по халатности конвоя или умышленно пропускаются для этой цели в зоны оцепления, где работают женщины». Кроме того, регистрировалось «много случаев сожительства» с заключенными женщинами солдат охраны и вольнонаемного состава (особенно начальников женских лагподразделений) [14].

Принимаемые лагерной администрацией меры в целях недопущения сожительства, учитывая приведенные выше данные, были недостаточны. Тем не менее, именно к началу 1952 г. в ИТЛ строительства № 503 все заключенные женщины были размещены и работали изолированно от заключенных мужчин. Для госпитализации больных был организован специальный женский филиал лазарета. Ранее работавшие на женских лагпунктах в качестве инструментальщиков, электромонтеров, печников и другой хозобслуги заключенные мужчины были оттуда изъяты и заменены заключенными женщинами. Со стороны надзирательского состава был усилен контроль за бесконвойными [15].

Имеющиеся сведения относительно Обского ИТЛ и строительства № 501 дают основания утверждать, что ситуация здесь коренным образом не отличалась. Так, в течение 1951 г. в лагере было зафиксировано 139 случаев беременности женщин. Принимаемые меры — выделение отдельных участков пути для работы и т.д. — полностью прекратить сожительства не могли. Как официально признавала лагадминистрация, «все же строительство вынуждено на женских лагпунктах держать... некоторое количество мужчин-специалистов, которых среди имеющегося женского состава заключенных нет, а именно: механиков-электромонтеров, техников-экономистов, контролеров-замерщиков и т.п.». Кроме того, строительство вынуждено было идти на расконвоирование женщин для обслуживания железнодорожных околотков в силу недостаточного количества мужчин с подходящими статьями и сроками заключения [16].

Данные по Дому матери и ребенка (ДМР, или Дом младенца) лишний раз свидетельствуют о том, что сожительство в Обском лагере также представляло собой весьма распространенное явление. Списочный состав ДМР по состоянию на 1 января 1952 г. выражался цифрой в 383 чел., в том числе 179 кормящих и 35 беременных женщин (остальные – работающие). Кроме того, в Доме находилось 258 детей, из них в возрасте до 6 мес. – 85 чел., от 6 до 12 мес. – 92 чел. и от 1 года и старше – 81 чел. [17]. После объединения строительств в ведении Санитарного отделения Обского ИТЛ находилось уже два ДМР: в Салехарде и Ермаково (первый ранее и так принадлежал 501 стройке, а второй входил в состав ликвидированного Северного Управления и строительства № 503) [18]. Емкость ДМР в Салехарде составляла 400 мест и на 1 января 1953 г. в нем находилось 37 беременных женщин и 301 ребенок, в том числе в возрасте до 6 мес. — 99 чел., от 6 мес. до 1 года — 53 чел., от 1 года до 2 лет — 135 чел., от 2 до 3 лет — 14 чел. Емкость ДМР в Ермаково составляла 250 мест и в нем на ту же дату находилось 40 беременных женщин и 202 ребенка, в т.ч. в возрасте до 6 мес. — 60 чел., от 6 мес. до 1 года — 65 чел., от 1 года до 2 лет — 77 чел. [19]. Таким образом, на 1 января 1953 г. в Обском ИТЛ находилось 503 ребенка (или 1,7% от общего числа заключенных), большинство из которых являлись, по всей видимости, прямым результатом неполной изоляции женских и мужских контингентов.

Ответить на вопрос о том, какова была роль женщин непосредственно на строительстве, весьма проблематично. В документах, отложившихся в фонде ГУЛЖДС МВД СССР (прежде всего, ежегодных отчетах Управлений строительства и актах проверки входивших в их состав лагерей) такого рода сведений не содержится. Имеющиеся данные носят отрывочный характер, но позволяют отметить следующее. Женщины-заключенные использовались, прежде всего, на подсобных работах и в качестве обслуживающего персонала (в лазаретах, Домах ребенка, непосредственно в женских колоннах и т.д.). В то же самое время, женщин активно привлекали и к тяжелым работам. Так, по свидетельству бывших работников ИТЛ 501 строительства, «женщины, как и мужчины, валили лес, разгружали вагоны, катали тачки с мерзлым грунтом», а также занимались расчисткой железнодорожного полотна от снега зимой [20]. Поэтому говорить о наличии каких-либо существенных различий между работой, выполнявшейся на строительстве женщинами и мужчинами заключенными, видимо, нельзя. Учитывая же, что доля женщин доходила до 20% всего лагерного населения, очевидно, что примерно до пятой части общего объема работ на строительстве железной дороги производились именно женщинами.

Таким образом, сооружение в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. железной дороги Чум-Салехард-Игарка привело к сосредоточению в малонаселенных и неосвоенных районах Крайнего Севера значительных людских контингентов, удельный вес женщин среди которых в разные годы колебался от 11-12% до 20%.

Источники и литература

- 1. Алексеев С.Е. Историография истории строительства железной дороги Салехард Игарка во второй половине 1940-х начале 1950-х гг. XX в. // Уральский исторический вестник. № 12. Ямальский выпуск. Екатеринбург, 2005.
- 2. Так, реализация проекта «Урал промышленный Урал полярный», предполагающего создание минерально-сырьевой базы промышленности на северном Урале, включает строительство железнодорожной линии Салехард-Надым и Коротчаево-Игарка с перспективой на Дудинку и Норильск. См.: Урал промышленный Урал полярный. Российская газета. Приложение «Регионы РГ» (Уральский федеральный округ). 2007. 23 октября (весь номер посвящен истории и перспективам реализации данного проекта).
- 3. Первоначально конечным пунктом трассы должен был быть морской порт в Обской губе, строительство какового наряду с прокладкой трассы к нему возлагалось на созданное в апреле 1947 г. Северное Управ-

ление строительства и лагерей (строительство № 501). В начале 1949 г. место строительства порта перенесено в Игарку и с 1 марта в составе Северного Управления созданы: Обский ИТЛ (строительство № 501) с задачей постройки линии от ст. Чум до р. Пур; Енисейский ИТЛ (строительство № 503) с участком работ Пур-Игарка; Игарский стройрайон для строительства порта в Игарке. С 1 декабря 1949 г. Обский ИТЛ (объект № 501) выделен в самостоятельную единицу, Енисейский ИТЛ ликвидирован, а на Северное Управление ИТЛ и строительства № 503 возложена задача по сооружению порта и дороги от Игарки по р. Пур. В июле 1952 г. все работы на линии поручены Обскому ИТЛ, а ИТЛ строительства № 503 ликвидирован. Обский ИТЛ был ликвидирован в начале 1954 г. См.: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 300-322.

- 4. См., напр.: Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. П-26. Оп. 24. Д. 1. Л. 305-307.
 - 5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 571. Л. 188.
 - 6. Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. В 2 т. Омск, 2004. Т. 2. С. 81.
 - 7. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1324. Л. 95.
 - 8. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1325. Л. 22, 26.
 - 9. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1358. Л. 1.
 - 10. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1492. Л. 158.
- 11. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1572. Оп. 9. Д. 2. Л. 73; ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1631. Л. 2.
 - 12. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1173. Л. 3.
 - 13. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1358. Л. 10-11.
 - 14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 481. Л. 130-131.
 - 15. Там же. Л. 131.
 - 16. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489. Л. 16.
 - 17. Там же. Л. 29.
 - 18. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1691. Л. 21.
 - 19. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1631. Л. 13.
- 20. Иванов Л. 501-я стройка Гулага // Труд, 2003. 30 октября. Режим доступа: http://www.trud.ru/trud. php?id=200310302030801; Гриценко В.Н. Указ. соч. С. 81-82.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Приветственное слово председателя Государственного Совета Республики Коми М.Д. Истиховской	4
Приветственное слово Питирима, епископа Сыктывкарского и Воркутинского	5
Жеребцов И.Л. ГУЛАГ: Развитие экономики Коми края или абсолютное зло?	6
Меньковский В.И. История ГУЛАГа в новейшей российской историографии	8
Федоров В.И. Диктатура и репрессии в Якутии в первые годы советской власти	10
Наймушин М.Е. Формирование кадрового состава и структуры судебных органов в Коми автономной области 1918–1923 гг.	13
Малкова Н.А., Малкова Т.А. Зырянская ссылка эсера С.Ф. Рыбина-Луговского	
Габрусевич С.А. Гражданская война на Русском Севере: проблема определения региона исследования	22
Ровчак Л.Б., Шуйский И.В. Судебные политические процессы в столице советской Украины в 1920–1934 гг.	26
Упадышев Н.В. К вопросу о факторах, обусловивших зарождение ГУЛАГа в СССР	30
Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан	33
Вашкау Н.Э. Пастор К. Руш из Сарепты. История политического процесса	37
Панова О.Н. Генезис и эволюция пенитернциарной системы на Соловках в 1920–1939 гг.	40
Садыков Т. Система ГУЛАГа и трагедия Казахстана (О последствиях советской тоталитарной политики в Казахстане в 20–50-е гг. XX в.)	42
Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Репрессии в Якутии: лагеря, история, память	46
Шульгина М.В. Принуждение и стимулирование труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 годы)	51
Байбородин Н.А. Северный железнодорожный лагерь в истории ГУЛАГа	55
Гагарин А.А. Трагедия одного завода: репрессии против трудящихся Верх-Исетского завода во второй половине 1920-х—1930-е гг.	58
Филимончик С.Н. ББК как символ сталинской модернизации 1930-х гг.	61
Славко А.А. Беспризорность и детская преступность в России 1930-х гг.: методы ликвидации	64
Смилингис А. Поселок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР	68
Белова Н.А. Трудовое соревнование среди заключенных в 1930–1950-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей)	72
Гагиева А.К. Передача системе НКВД архивной отрасли в 30-е гг. XX в.	74
Московкина Л.Н. Ухтинскому архивному отделу администрации и развитию архивного дела на территории МОГО «Ухта» 70 лет	76
Ластунов И.И. Современная «неочекистская» историография репрессивной политики коммунистическо власти в России в 1920–50-е гг. («ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ перешли в наступление на историческом фронте»)	
Едапина Е.П. Немцы в Республике Коми: обзор краеведческой литературы	
Тарасов Л.Л. «Значение дороги трудно переоценить» (Из истории железнодорожного транспорта Коми)	
Юрченко В.В. К вопросу экономической эффективности Ухто-Печорского лагеря ГУЛАГа НКВД СССР в 1929–1938 гг.	
Вшивцева Ю.В. Влияние политических репрессий и депортаций на изменение этносоциальной ситуации в регионе в предвоенный период (по данным Краснодарского края, 1930-е – начало 1940-х гг.)	И
Бубличенко В.Н. Численность несовершеннолетних в детских трудовых колониях НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России в 1940-е гг.	
Попова Р.Л. Одна из первых трактористок республики	
Бердинских В.А., Белых Н.Ю. Особенности и проблемы экономики Вятлага	.103
Кустышев А.Н. Организация принулительного труда в Ухтижемлаге (1938–1955 гг.) и ее эффективность	108

Трипутина Н.П. Репрессии в отношении педагогов высшей школы (1930–1940-е гг.): на примере	
Харьковского института коммунального хозяйства	111
Дьякова Е.В. Судьба Барвенковского подпольного райкома комсомола	116
Игнатова Н.М. Реализация политики спецпереселения в 1930–1950-е гг. (на материалах Республики Коми)	118
Белостоцкий Н.А. Политические репрессии послевоенного периода и украинская интеллигенция	124
Козлова Д.Т. Государственная политика по становлению и развитию ведомственных театров системы ГУЛАГа (на примере Коми АССР)	128
Малкова Т.А. Сыктывкарское «дело» академика Н.Я. Марра	134
Ермаков В.Г. Международные стандарты обращения с заключенными и их реализация в условиях реформы пенитенциарной системы РФ	139
Михалев Н.А. Объекты № 501 и № 503 Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР: состав заключенных-строителей	142

Научное издание

ГУЛАГ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 октября 2009 г., Ухта)

Часть 1

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60х84 $^{1}/_{8}$. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 150. Заказ № 33 (146).

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН. 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Типография «Полиграф-сервис» г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36